МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Части сорок седьмая.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-Хирургической Академіи.

1832.

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Октября 21 дня, 1832 года.

Цензоръ и Кавалеръ Николай Лазаревъ.

SLOVANSKÁ KNIHOVNA V PRAZE
1832, № 17-20
31175
Digitized by Google

№ 17. Сентябрь.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

БУДУЩАЯ УЧАСТЬ

Словесности и Изящныхъ Искусствъ въ Германіи.

Гёте умеръ — заключено послѣднее великое владычество въ Европейской Литтературѣ, о которомъ можно воскликнуть: Le roi est mort! Vive le roi *(Король умеръ! Да здравствуетъ Король)!* Вѣкъ кончился, вѣкъ начался. Искусство умерло, Искусство раждается. Погребальный звонъ похоронъ его есть въ то-же время звонъ его возрожденія. Владычество генія, которымъ вѣнчается родъ человѣческій не терпитъ междуцарствій. Едва только человѣкъ положилъ своего геніяльнаго мертвеца въ могилу, онъ уже идетъ, неизвѣстно куда, искать новаго избранника, и преклонится передъ колыбелью сына будущаго времени. Да внемлютъ-же всѣ юныя дѣти духа человѣческаго звонъ похороннаго колокола, раздающійся въ Германіи; да начинаютъ они свои прекрасныя видѣнія; да

Digitized by Google

обращаются они въ своихъ пеленкахъ къ матери Природѣ, и говорятъ: «Матерь моя! чего ты требуешь?» Ударилъ часъ, когда слава вызываетъ того изъ нихъ, кто долженъ заступить мѣсто внезапнаго ея спарща. Сколько цвѣтовъ въ лѣсахъ, сколько былій въ лугахъ, сколько источниковъ въ пескахъ было схвачено, собрано ими для наполненія ліала безграничнаго! Все вновь теперь разцвѣтетъ, прозябнетъ, зажурчитъ снова отъ вѣчной росы, падающей съ небесъ. И все ано готовится новому вѣку! Трауръ и праздникъ, смерть и рожденіе — ничто не измѣнилось. Безъ ужаса, безъ негодованія; безъ сожалѣній, Искуство минуетъ тѣни умершихъ, и съ яснымъ лицомъ идетъ на срѣтеніе своего жребія, принимаетъ новый образъ свой.

Но — какой будетъ сей образъ? Вопросъ, ведущій за собою необходимо другой: какія стихіи истощены Искуствомъ въ настоящемъ? Какія средства предвѣщаетъ ему настоящее? Что изъ настоящаго соотвѣтствуетъ его вѣчному началу? — Древніе вопрошали въ такомъ случаѣ вдохновеніе прорицалища; мы беремъ самое Искуство, и спрашиваемъ опустѣлыя его гробницы: бьются-ли еще сердца въ нихъ заключенныя? Вопрошаемъ у тысящелѣтнихъ его развалинъ: почему солнце Востока не заставляетъ нынѣ по утрамъ звучать камни пустыни?

Digitized by Google

Въ какомъ состояніи оставилъ Гёте царство Поэзіи и воображенія? Въ вѣкѣ своемъ, въ землѣ своей, онъ заключилъ эпоху согласія и спокойствія, какія бываютъ при началѣ всѣхъ литературъ. Погруженная въ фантастическіе сны, Германія, въ вѣкъ Гёте, была внѣ Европы, и Искусство, въ чемъ-бы оно ни состояло, каково-бы оно ни было, являлось всегда достопочтимъ. Германія плыла по рѣкѣ Исторіи настоящаго, какъ будто по рѣкѣ Исторіи прошедшаго, и отъ Искусства не требовала ничего болѣе, кромѣ его самого. Искусство почиталось какою-то Миѳологіею, у которой было свое безконечное начало и своя жизнь. Отъ него не спрашивали ничего болѣе, кромѣ звуковъ, которые могли-бы заглушать ревъ событій настоящаго. Разсмотрите всѣ созданія Искусства въ эпоху окончанія XVIII-го вѣка и начала XIX-го, эпоху, облитую кровью народовъ, найдете-ли вы въ нихъ символъ, или какую нибудь память современности? Нимало! Они всѣ облечены сіяніемъ міра, какъ дѣвы Греціи, веселыя, увѣнчанныя плющемъ, и пляшущія на ниспроверженныхъ алтаряхъ, на развалинахъ отчизны. Впрочемъ, здѣсь было противоположное Греціи: тамъ воздвигался новый народъ; здѣсь все падало и рушилось, гремѣло и кипѣло. И среди сего разрушенія Искусство создало себѣ свой міръ, внѣ дѣйствительнаго, населило этотъ міръ, обитало въ немъ. Но что

Digitized by Google

явилъ міръ сей? Кто населилъ его? Какіе-то фантастическіе образы, безъ тѣла и лица, безпрерывно возлетавшіе къ небесному своду, и вопрошавшіе у него: какими звуками должно имъ означить для людей *вѣчное* и *безконечное*? Французская Монархія пала, и пала такъ, что современники не знали даже, куда залетѣлъ обломокъ меча Генриха IV-го; гибельный 89-й годъ гремѣлъ въ голосѣ Мирабо; Конвентъ обтиралъ одною рукою кровь съ другой руки, какъ сумасшедшая жена Макбета — и Искуство ничего этого не знало! Спрашиваю у него: что это за поля Маренго, Ваграма, Лейпцига, Ватерлоо, и почему на сихъ поляхъ, какъ говорятъ пламенные жители, земля упучнилась чѣмъ-то, и опъ его жатвы и плоды ихъ сдѣлались сочнѣе и изобильнѣе въ послѣдніе годы? Искуство молчитъ. Радости и печали, волновавшія столько лѣтъ Европейскіе народы не сохранились въ его памяти. Оно не знаетъ, ни того, что дѣлала Франція, ни того, что дѣлала Европа! И это имя: *Наполеонъ*, имя, выбитое мечами на стѣнахъ всѣхъ городовъ, превожащее меня во мракѣ лѣса, въ шумѣ толпы, въ завываніи моря — Искуство не скажетъ мнѣ, ни что это за имя, ни кто носилъ его, ни даже былъ-ли *человѣкъ*, такъ называвшійся, или это поэтическая *идея*, выдуманная родомъ человѣческимъ, при гробѣ прежняго періода Исторіи, при колыбели новаго?

Digitized by Google

И я, не бывшій свидѣтелемъ минувшаго, человѣкъ только со вчерашняго дня, чувствую себя въ совершенномъ недоумѣніи, въ истинномъ ужасѣ, ничего не зная, что касается меня столь близко, не въ состояніи будучи даже взойдти къ источнику гнѣва, ненависти, скорби, движущихъ вокругъ меня сердца, безъ всякой видимой причины! Но — не будемъ требовать отъ Искусства разрѣшенія задачъ, сказанныхъ будущимъ вѣкамъ осмнадцатымъ столѣтіемъ. Требую другаго: Поэзіи Германскіе присутствовали при событіяхъ, коихъ я не знаю. Безъ сомнѣнія, они сберегли на струнахъ лиръ своихъ слезы народовъ; они отразили въ самихъ себѣ образъ времени, навсегда изглаженнаго, и, конечно, въ ихъ созданіяхъ я найду сіи дни торжествъ, или скорбей, сіи клики народовъ, поражавшіе слухъ, и безъ долговѣчнаго голоса Поэзіи навсегда для насъ потерянные.

Съ симъ намѣреніемъ, первый человѣкъ земли своей, и первый встрѣчающійся со мною, Гёте создалъ эпопею духа Германіи. Можетъ быть, безъ сознанія своего, онъ олицетворилъ сей духъ въ двухъ лицахъ, Фаустѣ и Маргаритѣ. Это два генія въ вѣчной борьбѣ другъ съ другомъ. Здѣсь полный объемъ духа Германіи: крайность мышленія, крайность добродушія, излишекъ опытности, излишекъ беззаботности, все наслѣдство

Digitized by Google

знаній человѣческаго рода, и вся неопытная робость созданія, чуждаго бурь настоящихъ, не знающаго переломовъ прошедшихъ. Странный характеръ Гёнева піворенія, положившаго основаніе новому Искуству въ Германіи, довольно показываетъ, что совершалось нѣчто въ мірѣ Германскаго духа, и что на общественномъ образованіи были неразрѣшенные признаки новаго, будущаго типа. Да, волшебная палочка поэзіи околдовала на минуту человѣка, и Гёте успѣлъ вылить съ него современную форму въ великой эпопеѣ. Но что-же изобразила, что значитъ эта форма? Поэтъ не спрашивалъ объ этомъ самого себя, не заботился объ этомъ. Онъ выстроилъ свою чудную, загадочную пирамиду въ пустынѣ, поставилъ внутри ея гробъ, и всѣмъ остальнымъ созданіямъ своимъ далъ совершенное спокойствіе, вѣчную неподвижность. Они, какъ сфинксы, окружаютъ великую загадку, исполинское созданіе, не изъясняя, не освѣщая его. Таковъ *Гёте*.

Послѣ него не спрашивайте ни Виланда, ни Гердера. Ихъ веселость еще болѣе беззаботна, еще менѣе размышляющ. На нихъ нѣтъ ни одного рубца, ни одного отблеска современнаго. Читая ихъ, повѣрите, если вамъ скажутъ, что они писали на Востокѣ, безпечные при шумѣ пальмъ, при однообразномъ журчаніи фонтана, погру-

Digitized by Google

женные въ дремоту пѣніемъ одалискъ воображенія, мечтаній и грезъ поэтическихъ.

Подлѣ нихъ является человѣкъ, какъ-бы сочувствовавшій въ душѣ своей безпокойство и лихорадочное состояніе своего времени. Смотрите на *Шиллера*: душу его тягощитъ какая-то страшная тайна; онъ стоитъ на краю бездны, и ужасается глубины ея. Въ каждомъ созданіи его видите, что буря колебала землю подъ его ногами, когда онъ творилъ и создавалъ. Но только въ немъ одномъ замѣтите вы это, и современники даже упрекали его въ этомъ, говорили ему, среди веселости и беззаботности своей: Ты страдаешь; но мы развѣ на розахъ лежимъ? Почему-же мы не жалуемся?

Взгляните послѣ сего на братьевъ *Шлегелей*, и на критику ихъ, безстрастную, хвалительную, церемоніяльную, болѣе обширную, нежели глубокую, умножающую собою великолѣпіе Искусства, но чуждую всего современнаго, всѣхъ его страстей и требованій. Въ одно время съ ними явилось нѣчто въ родѣ менестреля, какъ будто пробудившагося черезъ нѣсколько вѣковъ. Онъ говоритъ вамъ, съ добродушною увѣренностію, о чудесныхъ птицахъ, поетъ вамъ неслыханныя пѣсни фей, разсказываетъ о заколдованныхъ волосахъ, говорящихъ звѣрякъ — это поэзія, прозрачнѣе, беззаботнѣе волшебной дѣву-

Digitized by Google

шки, съ пурпуровыми крыльями, на берегу озера въ Черномъ лѣсу. Это Аріель поэтовъ, домовой, обдѣлывающій своимъ молоточкомъ камешки, строящій песочные домики, выковывающій солнечные лучи, гвозди, выпавшіе изъ подковъ волшебной лошади, и зеркальце, въ которомъ отсвѣчивается цѣлый міръ, земля, небо, звѣзды; но небо безъ ада, природа, не ужасающая, безконечная, недѣлимая, говорящая непонятнымъ голосомъ, но природа безконечная въ своей безмѣрной движимости, поющій золотой лучъ, цвѣтокъ, говорящій своимъ Майскимъ благоуханіемъ. Таковъ *Тикъ*, Совѣтникъ Тикъ, шаловливый Сильфъ, играющій самимъ собою и другими на сто разныхъ образовъ, всемірный шутъ, наслѣдникъ Ганса Сакса, единственный изъ оставшихся нынѣ поэтовъ прежняго вѣка. Пройдемъ мимо его. Посмотримъ на созданія другаго. Что это такое? Созданія всѣхъ временъ, у которыхъ нѣтъ ни пѣла вещественнаго, ни формъ современныхъ: это отпадшіе духи философскаго неба Германіи, это — *Жанъ-Поль Рихтеръ*.

И вотъ цѣлая, обширная, великая литтература, безъ отголосковъ отъ того, что вокругъ ея происходило. Съ древнѣйшихъ временъ Исторія Искуства состояла изъ усилія отторгнуться отъ всего, что его привязываетъ къ вещественному, къ временному; но никогда Ис-

Digitized by Google

кусство не достигало до такой опредѣленности, какой достигло оно въ XVIII-мъ вѣкѣ въ Германіи. Оно совершенно обѣединило и уединило умъ Германцевъ въ мірѣ идей. Но не такова-ли всегда была участь Германіи: Идолопоклонство безъ жертвъ, Эпопея безъ чудеснаго, Христіанство (Реформація) безъ алтаря, Право безъ уложенія, Искусство безъ отчизны?

Когда умственная дѣятельность Германцевъ достигла крайней точки во всемъ, то ничего не льзя было ожидать отъ нея, кромѣ противодѣйствія. *Гёте*, *Шеллингъ*, *Жанъ-Поль* — за ними не оставалось дороги, и эпоха, когда Германія ринулась на политическую силу, ее угнетавшую, была эпохою возстанія и на умственный деспотизмъ геніевъ Искусства. Мгновенно измѣнилось основаніе. Деспоты ума и мысли въ мірѣ Искусства совершили между тѣмъ полный кругъ свой. Чувствовали-ль сами великіе люди Германіи, что ихъ вѣкъ кончился? По крайней мѣрѣ, они остановились, и въ бездѣйствіи умственномъ смотрѣли на движеніе Германской народности до 1813-го года, и въ 1813, 1814-мъ году. Идя мѣрять силы свои съ великаномъ міра, Германія горько укоряла вещественное и умственное спокойствіе своихъ геніевъ, укоряла, что голосъ ихъ не пріобщался къ побѣдной пѣснѣ, такъ, какъ прежде не раздѣлялъ онъ сте-

Digitized by Google

наній Германіи. Здѣсь было начало битвы, ополченія прошивъ всего, чѣмъ славился геній Германіи въ XVIII-мъ вѣкѣ. Несираведливо думаютъ, что Гёте и его современники донынѣ сохранили непоколебимо свое умственное владычество. Прошивъ нихъ также возстаютъ теперь, какъ прежде ихъ обожали. И часто Критика не имѣетъ никакой другой причины, кромѣ словъ Аѳинянина, врага Аристидова: «Мнѣ скучно безпрестанно слышать, что онъ добродѣтеленъ.» Ихъ укоряютъ за разоблаченное ими познаніе добра и зла, упрекаютъ за перенесеніе въ міръ безъ границъ и предѣла. Новому поколѣнію также оскорбительны ихъ безформенные идеалы, какъ Французамъ Наполеонова времени были досадны мѣлкія насмѣшки Вольтера. Столько-же прежде увлекались Германцы отвлеченностью, сколько теперь, обманутые горестною истиною, не терпятъ ея. Будущее, на что устремлены взоры новаго поколѣнія, подкопало, подрыло владычество Гёте, и — лучше было ему умереть, нежели царствовать по преданію прошедшаго...

Прежде всего, Искуство Германцевъ захотѣло быть національнымъ. Безконечный объемъ, въ которомъ летало оно дотолѣ, захотѣли ограничить *одною Германіею*. Все обратилось на одну Германію. Гриммы раскрыли пыльные архивы забытыхъ Германскихъ пѣсенъ, и пышные воз-

Digitized by Google

гласы Клопштокова *Германа* сдѣлались смѣшны. Музыка перестала быть Моцартовскимъ, Гайденовскимъ голосомъ міра, всемірною гармоніею юга и сѣвера, Италіи и Германіи. Она отказалась отъ безсмѣртныхъ перелетовъ на волны Венеціянскаго Лидо, подъ тѣнь Неаполькаго померанца, на развалины Колизея, отреклась отъ Севильской гитары, и отъ пѣсни Андалузской. Музыка самородная, Веберъ, Бетховенъ, Шпоръ, звуки родные съ малолѣтства, мелодіи народныхъ пѣсенъ, возобновленный голосъ Среднихъ Временъ, пѣсни менестрелей Рейна, волыночниковъ Тирольскихъ, гребцовъ Эльбы, Цыганскаго набора — вотъ, что хотѣли только знать и слышать! Такъ и Живопись. Недовольствуясь изображеніемъ національнаго, она захотѣла сродниться съ особеннымъ геніемъ первобытной, безъискусственной Живописи предковъ, заимствовала всѣ ея пріемы, изучала, какъ памятникъ искусства, ветхія стѣны церквей, замковъ, и старинныя окна, покрытыя золотомъ и пестрыми, яркими красками. Новѣйшимъ произведеніямъ позволяли являться только подъ плащемъ Дюреровъ и Гольбеиновъ.

При вліяніи такого духа новой эпохи, Поэзія ринулась въ битвы за отчизну. Доколѣ жила она въ уединеніи, въ мірѣ мечтаній своихъ, и вдругъ, какъ Орлеанская Дѣва, сдѣлалась воп-

Digitized by Google

номъ, оставя величественный, таинственный дубъ свой. Прости родная хижина, простите сны дѣвическіе, простите отецъ и мать! Очарованныя пули готовы врагу — брачная пѣснь сливается съ пѣснью смерти! Тренеци, человѣкъ въ сѣромъ сюртукѣ и трехъ-угольной маленькой шляпѣ! Германецъ возсталъ противъ тебя, со всѣмъ волшебствомъ поэзіи, со всѣмъ очарованіемъ народности, одѣтый въ желѣзную броню предка!

И въ упоительныхъ, дикихъ пѣснях войны пролетѣли для Германіи 1813-й и 1814-й годы. Подобно Яну, возбуждали только духъ Германцевъ — все было забыто, идеалы и фантазіи, подъ громомъ Люцена и Бауцена. Пѣсни Арндта были засыпаемы порохомъ; веселыя баллады писали кровью, дикіе ямбы раздавались подъ свистомъ картечь и пуль. Геніемъ Германіи сдѣлались — заколдованныя пули, летящія на врага, какъ духи смерти, сабли, горящія на солнцѣ, какъ покрывала Гарцовскихъ вѣдьмъ, кони, черные, какъ волна Дуная, несущая на себѣ воина, съ похоронною пѣснію. Тутъ уже не недоставало современности — нѣтъ! она пересилила все — явился новый излишекъ. Искуство не было уже Искуствомъ: это была труба призывная, все огонь, все кровь, все шумъ, все дѣйствіе, и пуля, поразившая Кернера, когда онъ, кидаясь

Digitized by Google

на ряды воиновъ Наполеона, допѣвалъ свою *пѣснь кинжала*, запечатлѣла раздоръ прежней и новой Поэзіи. Возвратъ сдѣлался невозможенъ.

Уланда можно назвать Германскимъ Беранже. Хотя онъ началъ еще въ эпоху, о которой мы теперь говорили, но его вдохновеніе уже не Кернеровское, не Яново, не Арндтово. Онъ пришелъ уже къ сумеркамъ бишвы великановъ. Шумъ умолкъ, трава высохла, сабля обтерта, борьба кончена. Какъ запоздалый странникъ, присоединилъ онъ свой голосъ только къ прощальной пѣснѣ. Товарищи разошлись; онъ поетъ въ древней балладѣ событія настоящаго. Это тѣнь Рудольфова вассала, бродящая по развалинамъ, и дышащая новымъ воздухомъ. Уландъ въ Поэзіи тоже, что Корнеліусъ въ Живописи. Тотъ и другой всего лучше представляютъ нынѣшнее Искуство Германіи.

Замѣчательно, что новая эпоха Искуства въ Германіи такъ-же сильно обратилась къ Среднимъ Вѣкамъ, какъ во Франціи новая эпоха Искуства обратилась къ вѣку Наполеона. Хочетъ-ли Искуство Германіи для того начинать съ древней народности, чтобы опереться на гробницы Оттона и Барбероссы, какъ на доказательство вещественной самобытности Германской, отъ которой на столько времени улетало оно въ неопредѣленность и безконечность?

Digitized by Google

Хочетъ-ли Искуство во Франціи облокотиться на статую Наполеона, какъ на доказательство, что геній человѣка и въ наше время можетъ начать новый періодъ Исторіи?

Природа, отдѣлившая среди Европы обширное поприще для политической борьбы всѣхъ народовъ Юга и Сѣвера, на поляхъ Германскихъ, съ начала вѣковъ предположившая, чтобы поля сіи были мѣстомъ битвы между всѣми мнѣніями, какъ-бы того-же хотѣла и для борьбы духа въ области Германскаго ума. На землѣ Германіи сражались Римъ съ Варваромъ, Феодализмъ съ Имперіею, Католицизмъ съ Реформою, идея Наполеонова всемірнаго деспотизма съ идеею государственной независимости каждаго народа. А борьба духа? Пока ученія, нынѣ вступившія въ открытый бой, были еще въ младенчествѣ, то мирно и тихо занимали они по немногу мѣстечка, и даже услуживали другъ другу, безъ всякой ссоры. Радостно было видѣть, какъ приходило въ Германію каждое изъ нихъ, и существовало въ ней беззаботно. Долго сами они были увѣрены, что никогда не нарушится между ними тишина, подъ покровомъ общественной беззаботности и умственнаго пантеизма. Но, по мѣрѣ того, какъ мужали они, каждому изъ нихъ болѣе и болѣе надобно было простора и мѣста. Въ странѣ философской тишины, что

Digitized by Google

видимъ мы нынѣ? Страшную ошибку идей, понятій, мнѣній, философическихъ и поэтическихъ; устремленіе на литтературную славу и извѣстность, обезпеченныя многолѣтнимъ повѣрьемъ; раздробленные члены системъ, выбитыя изъ сѣдла теоріи. Католицизмъ падаетъ передъ Реформаціею; Реформація передъ Піетизмомъ, Піетизмъ передъ Раціонализмомъ. Это волшебный кругъ, начертанный на пескѣ, и кто вступаетъ въ него, кто выходитъ изъ него — гибнетъ навѣрное! Слава Шиллера обращена противъ славы Гёте. Философія Гегеля устремлена противъ Философіи Шеллинга, которая, въ свой чередъ, губитъ другихъ противниковъ. Всѣ возможныя мнѣнія человѣческія назначили себѣ въ Германіи мѣсто свиданія, какъ въ древней Александріи; здѣсь опредѣлили они себѣ мѣсто полнаго своего развитія, съ тѣмъ, чтобы достигнувъ послѣдней степени силы, сразиться, и на развалинахъ своихъ оставить роду человѣческому мѣсто суда и рѣшенія. Возведенное до самой величайшей высоты, умственное зданіе Германіи, какъ древней Александріи, падаетъ въ совершенныхъ развалинахъ. Съ высокихъ башенъ, съ величественныхъ строеній его, летятъ прахъ и тлѣніе на всѣ четыре стороны вѣтровъ — тлѣніе не смерти, но жизни, не вещества, но мысли, прахъ идей, который Провидѣніе соби-

Digitized by Google

раетъ въ вѣчную урну Судебъ, для удобренія имъ новыхъ полей, во время досуговъ Человѣчества и Природы...

Новая Нѣмецкая литтература, нынѣ образующаяся, такъ еще нова, что объ ней не льзя судить. Болѣе замѣчательная шѣмъ, чего не хочетъ терпѣть, она еще не отдала самой себѣ отчета въ томъ, что ей нравится, чего она требуетъ. Она начинаетъ разочарованіемъ и сатирою. Главная забота ея: показать, что она можетъ удалиться отъ всякаго обольщенія; что она можетъ хладнокровно играть всѣмъ, что ей попадется. Это восторгъ, обманутый въ своемъ вѣрованіи, обращающійся на самого себя, и жертвующій первымъ собою. Это эпоха гнѣва и холода, когда досадуютъ на самихъ себя, ни за что еще не принимаясь. Порывъ народности прощаетъ Берне его злыя выходки на чужеземцевъ; такъ и маленькому дарованію Менцеля льстятъ потому, что онъ нападаетъ на Гёте, и Жиду Гейне прощаютъ его насмѣшки надъ всѣмъ, о чемъ только онъ ни начинаетъ говорить. Жадность къ реформѣ въ Наукахъ, Искуствахъ, Литтературѣ — вотъ отличительный характеръ новой Германіи. Среди такого стремленія, нѣтъ, и не можетъ быть, появленія великаго, соединяющаго въ себѣ всю умственную

Digitized by Google

силу народа, могущества. Такъ нынѣшняя Германская Поэзія похожа на народную пѣсню, которую всѣ поютъ, и никто не знаетъ, и никто не хочетъ знать имени ея сочинителя. Не приступая еще къ началу новаго періода, Литтература Германская столько разрушаетъ, и чѣмъ болѣе слава прошедшаго, тѣмъ сильнѣе устремляется на нее настоящее... Будущее закрыто непроницаемою завѣсою; но человѣкъ, но геній его не умираетъ, и безпокойство мѣлкаго ведетъ къ новому возрожденію великаго. Это истина неоспоримая. Таковъ законъ вѣчныхъ Судебъ.

Digitized by Google

РАЗГОВОРЪ

НА СВЯТКАХЪ (*).

« Я разскажу вамъ происшествіе удивительное и непостижимое. Въ одномъ Сибирскомъ, отдаленномъ городѣ видѣлъ я страннаго человѣка. Онъ родился отъ бѣднаго слѣпца, и какой-то хромой, уродливой нищей. Эти бѣдняки на дѣлѣ доказывали истину извѣстной басни Дмитріева. Желаніе дополнить другъ другу не-

(*) Отрывокъ изъ 5-й части *Новаго Живописца*, издаваемаго Московскимъ книгопродавцемъ В. В. Логиновымъ. *Пятая* часть отпечатана, *шестая* оканчивается. — Для поясненія статьи, отрывокъ изъ которой предлагается здѣсь, скажу, что мнѣ хотѣлось соединить въ ней нѣсколько страшныхъ, *святочныхъ* разсказовъ и повѣрьевъ Русскихъ. Разговаривающіе и разсказывающіе другъ другу особы, суть: *хозяинъ дома*, гдѣ собрались разскащики, *старый Капитанъ*, сослуживецъ Суворовскій, *Шумиловъ*, бывалый человѣкъ, объѣхавшій Россію и Сибирь, и *Терновскій*, страшный охотникъ до мертвецовъ, мистицизма, магнетизма, квіетизма, и проч. и проч. — *Изд. Тел.*

Digitized by Google

досшанки бытія заставило ихъ обвѣнчаться, и хромая подруга нищаго слѣпца, точно взявшись за руку, шла съ нимъ по пути жизни, потому что, говоря безъ фигуръ, *водила* его. Мужъ ея промышлялъ цѣмъ, что пѣлъ псальмы, и игралъ на скрыпкѣ. Вы, конечно, знаете, что это весьма часто бываетъ у насъ на Руси, и въ Сибири также, средствомъ прокормленія слѣпцовъ. На Русскихъ ярмаркахъ почти всегда увидите вы ихъ цѣлые ряды. Они раздѣляются на нѣсколько хоровъ, подбираютъ голоса, одинъ наигрываетъ на скрыпкѣ, другіе поютъ попеременно, какъ Венеціянскіе гондольеры. Я, признаюсь, не рѣдко заслушивался ихъ стройнаго, протяжнаго, унылаго пѣнія. Удивляюсь, что до сихъ поръ никому не придетъ въ голову собрать пѣсни этихъ слѣпыхъ рапсодистовъ простонародныхъ.

— Да, вѣдь, большею частію, они поютъ духовные псальмы, сочиненные въ старые годы учителями и учениками Малороссійскихъ духовныхъ училищъ — сказалъ Терновскій — произведенія схоластическія, лишенныя всѣхъ красотъ.

« Но все таки любопытныя для наблюдателя нравовъ и обычаевъ народныхъ ! » возразилъ Шумиловъ. « Впрочемъ, я не знаю, что варварскаго находишь ты въ тихихъ, унылыхъ звукахъ

Digitized by Google

нѣсни нашихъ слѣпцовъ объ *Алексѣѣ Человѣкѣ Божіемъ*, или о *Лазарѣ бѣдномъ*. По крайней мѣрѣ для меня, когда я припоминаю себѣ этотъ хоръ пѣвцовъ, лишенныхъ зрѣнія, ощупью производящихъ звуки, безмолвіе зрителей, иногда умиленныхъ и плачущихъ отъ пѣнія — усладительное чувство раждается во мнѣ, что божественныя Поэзія и Музыка, даже и въ грубыхъ формахъ, всегда сохраняютъ признаки своего не-земнаго происхожденія, и находятъ сердца для сочувствія. И притомъ надобно вспомнить, что просподушные слушатели слѣпцовъ не поняли-бы стиховъ Жуковскаго. А по сравненію лучшихъ нашихъ поэтовъ съ другими, болѣе великими, ничто велико не покажется. Желалъ-бы я показать вамъ особенно Малороссійскихъ, слѣпыхъ бандуристовъ, когда они поютъ, при звукахъ бандуры или кобзы, свои историческія думы о Хмѣльницкихъ и Наливайкахъ, и слушатели, безмолвные, унылые, плачутъ отъ ихъ словъ и пѣнія...

— Но ты удаляешься отъ своего разсказа — возразилъ Суворовскій сослуживецъ.

« Да, я и забылъ было. Супружество бѣднаго слѣпца-скрыпача и хромой жены его Богъ благословилъ сыномъ. Родился у нихъ мальчикъ, красивый собою, но такой странный, что народъ ходилъ смотрѣть его за диво. Во-первыхъ, у него были красные глаза...

Digitized by Google

— Какъ : *красные?*

« Да, красные — физическая странность! Впрочемъ, это не неслыханная рѣдкость. Въ Тиролѣ есть даже цѣлыя селенія *красноглазыхъ людей.* Во-вторыхъ, волосы у него были рыжіе, почти красные, *какъ огонь*, по Русской поговоркѣ. Впрочемъ, онъ былъ удивительно ловокъ, строенъ — только родился нѣмой; по крайней мѣрѣ, съ самаго рожденія онъ ничего не говорилъ. Подаянія отцу и матери умножились съ рожденіемъ сына. Да и не льзя было отказать въ милостынѣ бѣдному слѣпцу, сѣдому старику, слыша его унылую игру, и видя подлѣ него изуродованную жену, которая на одной рукѣ носила страннаго сына своего, другою вела безпомощнаго мужа! Бѣдняки немного поправились, пообзавелись кое-какимъ хозяйствомъ. Но сколь ни жалко было на нихъ смотрѣть, а пристальный взглядъ на сына ихъ заставлялъ содрогаться. Безъ какого-то невольнаго трепета нельзя было видѣть этого ребенка, съ его не-естественными глазами, и волосами такого цвѣта, который вообще признается на Руси признакомъ злобы и злости. . .

— Да, правда. У насъ вообще думаютъ, что рыжеволосый долженъ быть человѣкъ злой.

« Казалось, смотря на него, что вы видите какое-то не-естественное созданіе Природы,

Digitized by Google

какое-то чудовище, отличенное знакомъ отверженія, особливо при неопрятности и рубищахъ отца, матери и его самого. Ребенокъ былъ и кромѣ того весьма странный. Сидя на рукахъ матери, или усаженный на землѣ, онъ всегда оставался неподвиженъ, глядѣлъ во всѣ глаза и молчалъ. Когда давали ему ѣсть, пить, или укладывали его спать, онъ ѣлъ, пилъ, засыпалъ. Но если забывали объ немъ, онъ ничего не просилъ, сидѣлъ, глядѣлъ, молчалъ и не спалъ. Товарищи не принимали его въ игру, и бѣгали завидя его. Онъ и самъ не шелъ къ нимъ. Подрастая, онъ оставался неподвижнымъ и молчаливымъ. Мать и отецъ водили его съ собою; онъ ходилъ, и по ихъ приказанію подставлялъ шапку проходящимъ, для сбора подаянія. Но когда не приказывали ему этого, онъ сидѣлъ неподвижно, и могъ просидѣть цѣлыя сутки, не вставая съ мѣста.

«Вѣдь онъ и глухъ былъ,» спросилъ Терновскій, «если былъ нѣмъ?»

— То-то что нѣтъ. Онъ понималъ все, что говорили ему, только самъ ничего не говорилъ. Лѣтъ десять было ему, когда вдругъ взялъ онъ отцовскую скрыпку, и— неожиданно, заигралъ на ней. Старикъ съ изумленіемъ узналъ, что сынъ его вглядѣлся во всѣ движенія рукъ и пальцевъ отцовскихъ, и умѣетъ самоучкою играть все,

Digitized by Google

что игралъ отецъ его. Вскорѣ сынъ замѣнилъ дряхлаго отца, и одинъ ходилъ съ мапперью своею по міру. Но его всегда надобно было заставлять идти и играть. Безъ того, онъ просиживалъ-бы цѣлые дни дома, неподвижный и задумчивый. Вотъ что еще было чудное дѣло: рано утромъ, поздно вечеромъ, иногда на цѣлую ночь, онъ уходилъ въ сарай, и тамъ, сидя одинъ, игралъ на скрыпкѣ безпрерывно. Изъ скрыпки своей дѣлалъ онъ въ такомъ случаѣ чудеса: подражалъ голосамъ всѣхъ звѣрей и птицъ, звуками выражалъ всѣ людскія страсти, всѣ разговоры. Вообще стоило только услышать ему что-либо, чтобы тотчасъ все это проиграть *на память*, и никогда уже не забывать. Но надобно было особливо слышать его собственныя фантазіи. Я слыхалъ Роде, Бальо, но ничего подобнаго не знаю. Мы бывало собираемся потихоньку къ сараю, гдѣ играетъ красноглазый, и по цѣлымъ часамъ слушаемъ его, лѣтнею ночью. Только надобно было дѣлать это, какъ можно скрытнѣе. Едва замѣчалъ онъ, что его кто нибудь нарочно слушаетъ, какъ тотчасъ переставалъ, и ничто уже не могло принудить его играть, ни деньги, ни просьбы. Когда приказывалъ ему отецъ, онъ игралъ, но что нибудь смѣшное, каррикатурное, или повторялъ отцовскіе псалмы и пѣсни. Въ это время странную противоположность предста-

Digitized by Google

ляло его неподвижное лицо, угрюмость, красные глаза и рыжіе волосы, съ цѣмъ, что онъ игралъ. Надобно сказать вамъ, что поведеніемъ своимъ онъ доказывалъ несправедливость мнѣнія о рыжеволосыхъ: дѣтей скромнѣе, послушнѣе, нѣжнѣе его къ отцу и матери, не бываетъ и въ званіяхъ болѣе образованныхъ и благовоспитанныхъ.

Наконецъ отецъ его сдѣлался смертельно нездоровъ. Мать должна была сидѣть подлѣ старика. Болѣзнь старика продолжалась болѣе года. Краснoглазый былъ тогда лѣтъ 14-ти, и не только не должно уже было ему въ это время приказывать идти съ своею скрыпкою, но онъ самъ, съ утра, ходилъ, бродилъ всюду по городу, игралъ безпрестанно, и приносилъ вечеромъ денегъ, хлѣба, кушанья, которое всѣ давали ему охотно. Этимъ временемъ воспользовались охотники, и начали заставлять его играть именно его фантазіи. Находились такіе, которые давали *по пяти рублей*, только-бы, хоть немного, послушать его. При подобномъ предложеніи красноглазый вздрагивалъ, слезы текли изъ его глазъ, онъ трепеталъ, но—схватывалъ деньги, и начиналъ играть, съ какимъ-то отчаяніемъ — звуки чудные лепѣли изъ подъ его смычка, и какъ будто сыпались искрами; но онъ вдругъ переставалъ, закрывалъ лицо ру-

Digitized by Google

ками, и спѣшилъ отнесши деньги къ своему отцу и матери.

Общая благотворительность, какъ я вамъ сказывалъ, распространялась на несчастное семейство за необыкновенныя дарованія сына. Старикъ умеръ. Мать, привыкнувшая къ бродяжничеству, продолжала ходить по міру; но сынъ рѣшительно отъ этого отказался, указывалъ матери на хлѣбъ и запасы, которые могъ покупать, и которые приносили къ ней, и оставался дома, въ своемъ сараѣ, или уходилъ куда нибудь за городъ, въ лѣсъ, игралъ шамъ на скрыпкѣ и проводилъ цѣлые дни. Онъ могъ проживать, то есть, имѣть хлѣбъ и бѣдное рубище, даже и пѣмъ однимъ, что получалъ, когда приглашали его играть на вечеринкахъ, свадьбахъ и сговорахъ. Тамъ плясали до упаду подъ его скрыпку, за то кормили его, и давали ему денегъ. Въ это время онъ былъ настоящею машиною: игралъ все, что приказывали (разумѣется, что фантазій отъ него не требовали) — плясовыя, унылыя, заливныя пѣсни, псальмы, стихиры. Обыкновенно сажали его въ другой комнатѣ, потому, что никто не спалъ-бы при немъ плясать: такъ пугали всѣхъ, особливо женщинъ, его красные глаза и рыжіе волосы.

Лѣтъ 16 или 17-ть было этому странному

Digitized by Google

созданію, когда вдругъ, совсѣмъ неожиданно, на разсвѣтѣ лѣтняго, прекраснаго дня, въ бѣдственномъ состояніи нашелъ его одинъ городской житель. Это былъ шутошній мѣщанинъ. Онъ поѣхалъ въ ближнее селеніе, не знаю зачѣмъ, и верстахъ въ двухъ отъ города увидѣлъ, что близъ большой дороги лежитъ кто-то на землѣ. Любопытство побудило его сойдти съ тѣлеги и посмотрѣть. Какъ удивился онъ, нашедши бѣднаго красноглазаго, лежащаго безъ чувствъ, въ изорванномъ, запачканномъ платьѣ. Разбитая его скрыпка валялась подлѣ него. Проѣзжій пошевелилъ бѣдняка — онъ не двигался; но слышно было, что онъ еще дышитъ. Добрый мѣщанинъ почувствовалъ жалость; съ усиліемъ положилъ его на свою тѣлегу, и, забывъ о своемъ дѣлѣ, повезъ его въ городъ, прямо къ матери. Всѣ знали, гдѣ живетъ *Красноглазиха* (такъ называли ее, по сыну). Старуха провела всю ночь безъ сна, потому, что не знала — куда со вчерашняго утра дѣвался ея сынъ. Увидя сына своего, и думая, что онъ уже умеръ, бѣдная завыла, упала на него, и начала *голосить*, то есть, причитать разныя похвалы, и высказывать ласки: «Голубчикъ ты мой сизенькій, лебедушко бѣленькій! на кого ты меня оставилъ, горегорькую,» и проч. — Добрый мѣщанинъ прослезился. Въ самомъ дѣлѣ: эти вопли, эта старуха, изуродованная, ни-

Digitized by Google

щая, дряхлая, и сынъ, какой страшный, чудный, но добрый, и единственный кормилецъ матери, какъ несчастно погибшій — зрѣлище было мучительное.... Чудо: вопли матери, казалось, призвали снова жизнь въ тѣло несчастнаго — онъ вздохнулъ, открылъ свои ужасные глаза, и — въ первый разъ съ роду, проговорилъ ясно и чисто: «Матушка родимая! что ты плачешь?» —

— Ну, братъ, ужъ это сказки, въ родѣ Нѣмецкихъ — воскликнулъ Суворовскій сослуживецъ.

«Напротивъ, сущая правда» — отвѣчалъ Шумиловъ — «но, послушайте далѣе. — Матушь закричала отъ радости, подняли бѣдняка, положили его въ бѣдномъ подклѣтѣ, на лавкѣ, въ углу. Мѣщанинъ разсказывалъ, гдѣ и какъ нашелъ его. Красноглазый, казалось, внимательно слушалъ. Когда мѣщанинъ говорилъ, что подлѣ него лежала и разбитая его скрыпка — красноглазый приподнялся, и быстро спросилъ: «Гдѣже она теперь?» — Вотъ она, — отвѣчалъ мѣщанинъ, развязывая пестрый свой платокъ, въ который собралъ онъ обломки. Красноглазый взглянулъ на эти обломки — глаза его засверкали, какъ горящіе угли—онъ снова упалъ безъ чувствъ. Между тѣмъ собрались любопытные. Пришелъ и уѣздный лекарь. Осмотрѣвъ больнаго, онъ объ-

Digitized by Google

явилъ, что у него жестокая горячка, и что онъ не будетъ живъ. Въ самомъ дѣлѣ, больной лежалъ безъ чувствъ, почти мертвый, и такъ прошло нѣсколько дней. Вдругъ очнулся онъ, заговорилъ, и просилъ мать послать за Священникомъ. Добрый Священникъ явился тотчасъ, долго оставался съ нимъ наединѣ, исповѣдалъ его, и пріобщилъ Святыхъ Таинъ. Больной казался послѣ того въ забытьи. Священникъ вышелъ отъ него со слезами: такъ онъ былъ распроганъ всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ. Въ это время я случился тутъ-же; при мнѣ Священникъ отвелъ старуху, мать красноглазаго, въ сторону, и спрашивалъ ее: «Не случилось-ли съ нею чего нибудь необыкновеннаго, передъ рожденіемъ сына, или во время ея беременности?» Старуха клялась, что ничего не помнитъ. Наконецъ, когда Священникъ напомнилъ ей о *красномъ плащѣ*, старуха испугалась, начала креститься, и вотъ, что намъ она разсказала.

Именно въ то время, когда была беременна, въ одинъ день пошла она, по обыкновенію, съ мужемъ, собирать милостыню. Отъ своихъ товарищей, нищихъ и бродягъ, узнали они, что въ эту ночь привезли въ городъ, изъ Россіи, какого-то страннаго преступника. Должно думать, что это былъ какой нибудь знатный че-

Digitized by Google

лоцѣкъ. Къ нему пріѣзжалъ самъ Губернаторъ. Пришомъ, вѣроятно, что это былъ иностранецъ, потому, что не говорилъ онъ по-Русски ни одного слова. Его везли далѣе — куда, неизвѣстно; но позволили ему однакожъ остановиться и отдохнуть. Домъ, отведенный ему, былъ окнами на большую площадь. Незнакомецъ увидѣлъ нищихъ, и кинулъ имъ денегъ. Это заставило придти другихъ, и быть такъ безстыдными, что они вошли даже въ самыя его комнаты. Солдаты, поставленные у воротъ, пропустили ихъ; но незнакомецъ взбѣсился, и прогналъ незванныхъ посѣтителей. Кто знаетъ дерзость нашей нищей братіи, тотъ не удивится, что слѣпой скрыпачъ, съ женою, не побоялись однакожъ испытать своего счастія. Они взошли на крыльцо, и прямо въ переднюю комнатку. Дверь въ другую комнату, гдѣ находился незнакомецъ, была заперта. Но смѣлые посѣтители наши остановились съ изумленіемъ, услышавъ, что въ комнатѣ незнакомца *кто-то* на *чемъ-то* играетъ. Старуха сказывала, что до того времени слыхала она довольно много музыкантовъ, но такой музыки никогда не вѣдала, и не могла думать, чтобы подобная музыка существовала въ мірѣ. Какъ будто заколдованные, стояли мужъ ея и она, и слушали долго. Наконецъ, музыка умолкла. Тутъ мужъ ея, Богъ знаетъ съ чего, вздумалъ самъ за-

Digitized by Google

играешь на скрыпкѣ и запѣшь псальму. Какъ будто вихремъ отворились двери въ комнату незнакомца. Человѣкъ, накинутый длиннымъ, словно огонь краснымъ плащемъ, высокій, блѣдный, худой, съ небритою бородою, въ бѣшенствѣ выскочилъ изъ дверей. Въ рукахъ его были скрыпка и смычокъ. Громко крича что-то на неизвѣстномъ языкѣ, какъ сумасшедшій, ударилъ онъ со всего размаха скрыпкою своею по головѣ слѣпаго виртуоза, и скрыпка разлетѣлась въ мѣлкія дребезги. Продолжая кричать, незнакомецъ толкалъ своихъ посѣтителей и билъ смычкомъ. Старуха признавалась, что сильное впечатлѣніе при видѣ незнакомца, его красный плащъ, страшный видъ, высокій ростъ, бѣшенство — были для нея неизъяснимо ужасны. Она помертвѣла и стояла неподвижно. Мужъ ея шарилъ руками, хотѣлъ уйдти, но, въ испугѣ, не могъ сыскать дверей. Офицеръ, провожавшій незнакомца, и неотлучно бывшій при немъ, выбѣжалъ наконецъ, остановилъ безпорядокъ, началъ что-то говорить незнакомцу, и тотъ успокоился. Посѣтителей, безъ дальнихъ чиновъ, выполкали и прогнали. Старуха говорила, что никогда потомъ безъ ужаса не могла она вспомнить о *красномъ плащѣ*. Въ тотъ же день незнакомца увезли, Богъ знаетъ куда, и объ этомъ происшествіи почти никто не узналъ. Старуха спрашивала Священника: почему онъ

Digitized by Google

знаешъ все это, и для чего вздумалось ему спрашивать ее? Священникъ не отвѣчалъ ей ничего. Мы отошли съ нимъ въ сторону, и мнѣ разсказалъ онъ все, что несчастный красноглазый говорилъ ему наединѣ.

«Вообразите — сказалъ мнѣ Священникъ — что это происшествіе рѣшило судьбу злополучнаго сына старухи. Онъ родился съ *красными глазами*, и почти *красными волосами*, странный, задумчивый. Я не могу описать вамъ, башюшка, говорилъ онъ мнѣ, что такое чувствовалъ я, съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Мнѣ казалось, что я не такой человѣкъ, какъ другіе, что я какой-то музыкальный инструментъ, подобный тому, который видѣлъ я съ дѣтства въ рукахъ отца моего, что я *живая скрыпка*, собраніе какихъ-то звуковъ, по которымъ надобно водить смычкомъ, которые солются послѣ того въ ясныя, стройныя созвучія. Я понималъ все, что *говорятъ* другіе, но мнѣ не хотѣлось самому говорить человѣческимъ языкомъ, и *чего* мнѣ хотѣлось, куда стремилась душа моя, этого я самъ не понималъ. Всегда думалъ я объ этомъ, всегда искалъ: чего требовала моя душа?... Когда слышалъ я игру отца моего, мнѣ казалось, будто прилетало что-то знакомое, говорило со мною на испонятномъ языкѣ;

Digitized by Google

но все это было неясно, и я годовъ былъ просиживать цѣлые дни, безпрестанно думая о томъ, чего мнѣ хочется. Лѣтъ десять было мнѣ, когда въ одинъ вечеръ, полагая, что я сплю, мои отецъ и мать разговорились между собою о томъ, какъ видѣли они *когда-то, какого-то барина, неумѣвшаго говорить, въ красномъ плащѣ*, и такъ игравшаго на скрыпкѣ, что они ни прежде, ни послѣ никогда не слыхивали. Разговоръ ихъ заставилъ меня затрепетать. Мнѣ казалось, что новый свѣтъ озарилъ мою душу. Отецъ и мать моя спокойно послѣ того уснули. Думаю, что я не спалъ; по крайней мѣрѣ, мнѣ, какъ на яву казалось, что я вижу передъ собою незнакомаго барина, худаго, блѣднаго, черноволосаго, въ красномъ плащѣ. Онъ игралъ на скрыпкѣ, такъ игралъ, что я не понималъ самого себя. Мнѣ казалось, что въ звукахъ его скрыпки со мною говорятъ все — звѣри, птицы, нёбо, земля, деревья, и все, что казалось мнѣ до того времени безсмысленно и неясно, въ шумѣ листочковъ, въ журчаньи воды, въ трескѣ грома, въ свистѣ вѣтра, въ отзывахъ голоса между горами, въ ревѣ звѣрей, пѣніи птицъ — сдѣлалось понятно, перешло въ слова, слова въ особые звуки, звуки загорѣлись огнемъ, и влились въ мою душу, и я, казалось мнѣ, могъ понимать, пересказывать все,

Digitized by Google

что скрывалось въ звукахъ скрыпки Краснаго Плаща, и въ голосѣ всего, что только звучитъ въ мірѣ. Поутру я проснулся, или, можетъ быть, не спалъ вовсе — не знаю; но я чувствовалъ себя, какъ будто съ неба упавшимъ, какъ будто умѣвшимъ говорить, и вдругъ потерявшимъ эту способность. Невольно схватилъ я скрыпку отца моего, и сталъ играть, удивляясь самъ: отъ чего я тотчасъ началъ производить стройные звуки на скрыпкѣ, какъ будто вѣкъ игралъ на ней! Можетъ быть, произошло это отъ того, что съ самаго рожденія я видѣлъ и слышалъ игру отца моего, и зналъ всѣ пріемы скрыпичные. Только мнѣ думалось, что *начавъ играть*, я началъ *говорить* настоящимъ моимъ языкомъ. Душа само не вѣдаетъ, какъ оно *говорить выучивается*; я также не зналъ, какъ *выучился играть*. Но здѣсь начались мои страшныя мученія. Мнѣ безпрестанно казалось, что я слышу звуки скрыпки Краснаго Плаща. Я запыкалъ уши, бѣгалъ отъ нихъ; они меня преслѣдовали. Только тогда былъ я спокоенъ, когда могъ играть, и старался выразить то, что терзало меня, жгло, какъ будто огнемъ. Не знаю: хорошо или худо игралъ я; но душа моя успокоивалась, отдыхала, звуки раждались сами — какъ, откуда — я не вѣдалъ! Но въ тоже время мнѣ гадки, отвратительны были цѣ-

Digitized by Google

сни, плясовыя штуки, какія игралъ отецъ мой, и какія заставляли его и меня играть люди. Получая деньги за игру мою, я трепеталъ, какъ человѣкъ, который укралъ святую вещь, передѣлалъ ее въ игрушки, и продаетъ на рынкѣ въ нечистыя руки. Всѣ эти *людскія пѣсни* казались мнѣ униженіемъ тѣхъ звуковъ, какіе были скрыты въ душѣ моей, и всегда слышались мнѣ изъ-подъ смычка Краснаго Плаща. Съ тѣмъ вмѣстѣ, я не могъ передавать этихъ звуковъ людямъ, потому что, мнѣ казалось, они не понимаютъ, не стоятъ этихъ звуковъ, и что самъ я не могъ передать и двадцатой ихъ части. Къ несчастію, люди иногда именно ихъ отъ меня требовали, и давали мнѣ за то много денегъ; или заставляли меня повторять свои гадкіе, грубые звуки, и — что-же еще дѣлали? Мнѣ приказывали играть сто разъ одно и тоже, а сами начинали кричать, коверкаться, плясать. Въ томъ и другомъ случаѣ, я плакалъ, готовъ былъ наложить на себя руки; но — мать, отецъ требовали хлѣба; я самъ хотѣлъ ѣсть, пить, и долженъ былъ мучиться и играть.... Описать моихъ страданій — я не въ силахъ! Когда умеръ отецъ мой, я сталъ дышать свободнѣе, ибо могъ уходить, убѣгать отъ людей, цѣлый день играть одинъ, вслушиваться въ самого себя, за-

Digitized by Google

бывать, что я живу, и часто, ушедши съ восходомъ яснаго солнца въ лѣсъ, едва опомнивался я, когда ночью восходилъ на небо блѣдный мѣсяцъ. Но чѣмъ довольнѣе становился я своею игрою, тѣмъ болѣе требовали ее отъ меня люди, и тѣмъ сильнѣе и страшнѣе являлся мнѣ Красный Плащъ, когда я переставалъ играть, и тѣмъ лучше и чуднѣе казались мнѣ звуки, имъ наигрываемые. Наканунѣ того дня, въ которой меня нашли безъ чувствъ, близъ большой дороги, Красный Плащъ такъ явственно видѣлся мнѣ, что я спѣшилъ убѣжать отъ него въ лѣсъ, шелъ, игралъ, забылъ самого себя. Не помню, какъ прошелъ этотъ день, какъ настала ночь, мрачная и темная. Не помню, что со мной тогда было. Мнѣ казалось, что Красный Плащъ живой явился ко мнѣ; что онъ заигралъ, велѣлъ и мнѣ играть, и хохоталъ адскимъ смѣхомъ, слыша мою жалкую, бѣдную игру. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ самому казались мои звуки какимъ-то безобразнымъ пискомъ, визгомъ, ревомъ. Наконецъ Красный Плащъ вырвалъ у меня скрыпку мою, руки его протянулись, обхватили все — и лѣсъ, и поле, и рѣку, и море, и небо, и все слилось во что-то непонятное: я *увидѣлъ* звуки — они вытянулись безконечными струнами по небесамъ — они уже не звучали — они ожили, заговорили.... Я пропаги-

Digitized by Google

валъ къ нимъ руки мои, доставалъ, трогалъ ихъ; но они жгли мнѣ пальцы, были красны и горячи, какъ раскаленное желѣзо. Красный Плащъ хохоталъ, ругался надо мною, взялъ мою скрыпку, сталъ на ней играть, и въ небесныхъ струнахъ я услышалъ отзывы, вырвалъ у него мою скрыпку, и — не умѣлъ произвести ни одного звука — руки мои не двигались. «Не умѣешь?» вскричалъ онъ. «Поди-же, сыграй пѣсню — люди попляшутъ, попоютъ, дадутъ тебѣ денегъ!» Не могу изобразить моего бѣшенства въ эту минуту — оно перешло въ совершенное безуміе — я ударилъ о камень скрыпку свою, изорвалъ на ней струны.... Помню, что когда я изорвалъ ихъ — мнѣ хотѣлось опять ихъ связать и — удавиться на нихъ.... Можетъ быть, Господь сохранилъ душу мою отъ погибели и козней Лукаваго.... Остальнаго я ничего не помню. Кажется мнѣ только, что голосъ матери заставилъ меня опомниться: все прошедшее, вся жизнь моя казались мнѣ непонятнымъ сномъ — я потерялъ память и чувство звука, но *сталъ говорить*. Обломки моей скрыпки снова напомнили мнѣ происшествіе ночью, и я снова упалъ безъ памяти. Когда опять очнулся я — мысль о смерти была первою моею мыслью. Я чувствовалъ, что холодная какая-то рука лежитъ на моемъ сердцѣ, что крѣпкая струна зву-

Digitized by Google

чинъ, обвитая около головы моей, и давитъ ее, заставляя трещать, ломаться, и теперь, вижу, что я не жилецъ — да и для чего жить мнѣ? — Добрый Священникъ заплакалъ, когда началъ мнѣ разсказывать потомъ, какъ несчастный красноглазый умолялъ помолиться за его душу, исповѣдать, причастить его, какъ трепеталъ онъ о томъ, что вся жизнь его была наваждение дьявольское, что его ослѣпилъ Нечистый, и мучилъ, терзалъ, наконецъ завелъ его въ лѣсъ, и тамъ хотѣлъ совершенно погубить его душу. Въ это время насъ позвали къ одру умирающаго. Мы поспѣшили. Поддерживаемый манерью, несчастный сидѣлъ, руки его были сложены, глаза обращены къ небу. «Батюшка!» сказалъ онъ Священнику — «спасите меня, ради Господа, спасите — *онъ* ушелъ было отъ меня, я давно уже не видалъ его.... а теперь опять вошъ *онъ*—онъ подходитъ ко мнѣ—помолитесь за меня, ради Бога, помолитесь!» Священникъ успокоивалъ, обнадеживалъ его. Больной слабѣлъ, опускался, руки и ноги его холодѣли, глаза закрывались. Священникъ началъ читать отходную молитву. Вдругъ умирающій остановилъ Священника. — «Постойте, батюшка, постойте» — сказалъ онъ — «Господь прощаетъ меня, чувствую, что прощаетъ: *его* нѣтъ уже, и я слышу что-то не человѣческое —

Digitized by Google

оно похоже на то, какъ въ церкви поютъ: *Пріидите поклонимся....* но нѣтъ, лучше, лучше....» Онъ покашлялся на рукахъ машери, и — умеръ.—

— И будто все это правда? спросилъ хозяинъ.

«Я желалъ-бы, чтобы это была неправда»— отвѣчалъ Шумиловъ, тяжело вздохнувъ — «желалъ-бы, потому, что мнѣ и теперь тягостно вспоминать объ этомъ несчастливцѣ, непостижимомъ и чудномъ! Можетъ быть, Священникъ не такъ говорилъ, какъ я пересказывалъ, но основаніе словъ моимъ все истинное.

— А я такъ ничего тутъ и удивительнаго не вижу — сказалъ Суворовскій сослуживецъ.— Просто: человѣкъ въ красномъ плащѣ, и превосходная игра его на скрыпкѣ, сдѣлали сильное впечатлѣніе на мать, и это отразилось на ребенкѣ. Вы помните исторію убійцы Кардильяка?

«Ну, а видѣнія его?

— Это, просто, былъ онъ въ бѣлой горячкѣ, а наконецъ совершенно помѣшался.

«Надобно знать притомъ,» сказалъ Терновскій, «что воображеніе сѣверныхъ обитателей

Digitized by Google

Россіи, а Сибири особливо, расположено къ дикимъ фантазіямъ. Тамъ донынѣ есть *кликуши*, *омиряки*, *юродивые*, лѣшій безпрестанно обходитъ людей, и вообще сохраняется тамъ болѣе колдовства, ворожбы, заговоровъ, обморочиваній, нежели въ другихъ мѣстахъ. Мрачные лѣса, сосѣдство народовъ, вѣрующихъ въ Шаманство — все этому содѣйствуетъ.

— Но что-же, въ самомъ дѣлѣ, въ твоемъ разсказѣ чуднаго и непостижимаго? — спросилъ хозяинъ у Шумилова. Нашъ товарищъ изъяснилъ все весьма естественно, такъ, что и Терновскому нечего прибавить.

«Вотъ что я прибавлю» — сказалъ Терновскій — «Шумиловъ былъ свидѣтелемъ погибели, можетъ быть, единственнаго въ мірѣ музыкальнаго генія. Несчастное стеченіе случайностей произвело его, а несчастныя условія того состоянія, въ которомъ родился онъ, погубили его. — Любопытно-бы мнѣ было знать: что говорилъ объ немъ *народъ*?

— Народъ? Жалѣли, что не осталось подобнаго ему человѣка, который могъ-бы играть на свадьбахъ и вечеринкахъ; говорили, что онъ *славно игралъ*; въ заключеніе — всѣ забыли, и его, и мать его, которая вскорѣ потомъ умер-

Digitized by Google

ла въ богадѣльнѣ, всѣми оставленная. Потомъ Священникъ разсказалъ кое-кому то, что говорилъ ему при смерти несчастный красноглазый. Это разнеслось по городу между всѣми. Сообразили его необыкновенную игру, красные глаза, рыжіе волосы, и вообще повѣрье сославилось такое, что онъ съ самаго рожденія былъ отданъ Нечистому духу, и погибъ отъ этого. Другіе говорили, что его погубилъ, обольстилъ Нечистый по собственной его волѣ, и что если-бы во время искушенія онъ творилъ молитвы, а не тѣшилъ Лукаваго, окаяннаго, игрою на скрыпкѣ, то спасся-бы. Вообще стали бояться Красноглазаго. Разсказывали, что на кладбищѣ, гдѣ его похоронили, каждую полночь онъ бродитъ и воетъ; что въ подклѣтѣ того дома, гдѣ жилъ онъ, слышна по ночамъ его дьявольская скрыпка; никто не хотѣлъ жить въ этомъ домѣ, и хозяинъ продалъ его за безцѣнокъ. Въ это время я уѣхалъ, и не знаю уже, что еще было слышно впослѣдствіи. Вѣроятно, что наконецъ всѣ забыли Красноглазаго, а преданіе о немъ присоединено къ общимъ разсказамъ о духахъ, лѣшихъ, и о томъ, что они *обходятъ* и *заводятъ* человѣка.

— Такихъ исторій разсказываютъ множество у насъ въ народѣ. Я самъ припомнилъ теперь

нѣчто, въ этомъ родѣ именно — сказалъ хозяинъ.

« Разскажи » — вскричали всѣ собесѣдники.

— Охотно. Это было въ В. — Содержалъ намъ откупъ мой старый знакомый. Разумѣется, что у него въ услугахъ была толпа всякаго народа. Вамъ нечего сказывать: какой народецъ вообще собирается у откупщика. Но у моего знакомаго особливо народъ былъ самый отчаянный. Этотъ пріятель мой всегда говаривалъ, что онъ терпѣть не можетъ *добрыхъ дураковъ*, и гораздо охотнѣе согласится имѣть дѣло съ *умнымъ плутомъ*. « Не льзя предупредить, » говаривалъ онъ, « всѣхъ добрыхъ глупостей, не льзя даже предвидѣть ихъ, а тѣмъ еще менѣе поправить. Напротивъ, я могу быть увѣренъ, что плутъ не упуститъ ни своего, ни моего. Надобно только остерегаться, чтобы онъ чего нибудь не скрылъ отъ меня, а для того лучшій способъ, кончивши дѣло съ плутомъ, обобрать его кругомъ. Совѣсть тебя не будетъ мучить, потому, что плутъ, не умѣвшій не дать себя обобрать, не стоитъ добраго слова, а умѣвшій есть геній, достойный всякаго уваженія. Свяжись-же ты съ добрымъ человѣкомъ, да обери его — и не развяжешься съ дурою, своею совѣстью. . .

Digitized by Google

« Хороши правила, » примолвилъ Терновскій— « настоящія откупщичьи !

— Я ихъ не защищаю и не одобряю, а только высказываю слышанное — отвѣчалъ хозяинъ, улыбнувшись. — Замѣчу однакожъ, что мой пріятель подъ конецъ жизни, обобранный геніями-плутами, жилъ въ крайней бѣдности, и едва не умеръ съ голоду, потерявъ милльоны, прежде нажитые имъ. — Вотъ у него, когда онъ былъ откупщикомъ въ В., изъ всѣхъ по откупу отличался особенно одинъ. Онъ былъ сынъ богатаго человѣка, хорошаго купца, но по смерти отцовской промоталъ все, пошелъ въ *повѣренные*, потомъ въ *объѣздные*, потомъ сдѣлался простымъ *цѣловальникомъ*. Наконецъ — и шутъ онъ не годился, и былъ ужь употребляемъ только *на разъ*, какъ говорится. Вы знаете, что *быть молодцомъ на разъ* въ природѣ Русской, такъ какъ, по молодости нашего народа, или по Азіятской, врожденной ему лѣности, *всегда быть молодцомъ* почти ни одинъ Рускій не сумѣетъ. Нашего молодца употребляли, когда надобно было сдѣлать что нибудь самое лихое и отчаянное: это былъ при откупѣ тоже, что бѣшеный, безголовый наѣздникъ при арміи. Одѣтый щегольски, въ китайчатомъ голубомъ кафтанѣ, съ краснымъ кушакомъ, пуховою шляпою,

Digitized by Google

въ козловыхъ сапогахъ, всегда безъ копѣйки въ карманѣ, всегда веселый, не споимый ничѣмъ и никогда, онъ вѣчно считался въ *гулевыхъ*, и между тѣмъ всегда надобно ему было готовиться на дѣло. Отъ того безпрестанно находился онъ при питейной конторѣ, участвовалъ во всѣхъ магарычахъ, дракахъ, ссорахъ, мирахъ. Разумѣется, что онъ былъ силачъ безпримѣрный, отвага неслыханный, и — не зналъ, что называется, *ни Бога, ни грѣха.* Я нарочно подробно описываю вамъ этого молодца. Послѣ сего вы, безъ сомнѣнія, согласитесь, что отъ страха, или остатка прежняго благочестія, не могло ему пригрезиться и во снѣ, что на яву съ нимъ случилось. А что это точно случилось съ нимъ, то, кромѣ того, что очевидцы были достовѣрные свидѣтели, еще большее свидѣтельство въ послѣдствіяхъ: удалецъ послѣ этого совсѣмъ измѣнился, сдѣлался смиренъ, трусливъ, набоженъ, трезвъ, добръ, отслужилъ отъ откупа, пошелъ въ работники къ самому строгому хозяину, заслужилъ его довѣренность, былъ хорошимъ прикащикомъ, скопилъ денегъ, и умеръ, черезъ долгое послѣ того время, честнымъ, богатымъ купцомъ и добрымъ семьяниномъ.

«У тебя есть всѣ замашки хорошаго разскащика — сказалъ Суворовскій сослуживецъ. —«Ты

Digitized by Google

умѣешь подробностями заинтересовать вниманіе. Ну, пожалуста, говори, что такое съ удальцомъ твоимъ сдѣлалось!

— А вотъ что. Однажды, когда *гулевые*, то есть, кандидаты на разныя мѣста по откупу, собрались вмѣстѣ, въ томъ домѣ, гдѣ была питейная контора, и, отъ нечего дѣлать, начали распивать штофъ ерофеича, вдругъ позвали ихъ къ управляющему. Тутъ сказано имъ было, что надобно отправиться въ ближнее, подгородное селеніе, на *выемку*. Вы, вѣроятно, знаете, что такъ называется открытіе какого нибудь корчемства. *Сдѣлать выемку*, значитъ: схватить корчемный напитокъ, уличить виновнаго и предать его, съ *поличнымъ*, въ руки правосудія. Разумѣется, что для этого надобно большое искусство и немалая отвага. Корчемники принимаютъ всѣ возможныя мѣры осторожности, и часто, видя бѣду неминуемую, отчаянно защищаются. Иногда даже цѣлое селеніе береться оборонять ихъ. Нашего удальца — назовемъ его хотъ *Симономъ* — назначили на сей разъ перваго, какъ самаго ловкаго и самаго смѣлливаго. « Ты, Симонъ, распорядишься всѣмъ этимъ дѣломъ » — сказалъ управляющій. — Извольте положиться, не выдамъ! — отвѣчалъ онъ. Пока писали бу-

Digitized by Google

маги, и приглашали Полицію Земскую, Симонъ выбралъ изъ своихъ товарищей самый лучшій народъ, выпили еще, назначили мѣсто, гдѣ сойдтись къ ночи, и разстались.

Товарищи Симона, Полиція и Повѣренный, пріѣхали въ назначенное мѣсто — Симона нѣтъ. Ждутъ часъ, два — нѣтъ! Повѣренный хотѣлъ было ѣхать безъ него, но подчиненные не соглашались. Наконецъ, 12-й часъ ночи — надобно ѣхать! Послали справиться на квартиру Симона, и узнали, что онъ не приходилъ домой съ самаго утра, когда отправился въ питейную контору. Поѣхали безъ Симона. Корчемство было замѣчено въ большой слободѣ. На городскихъ часахъ, вдалекѣ, ударило *полночь*, когда вымещики подъѣхали къ этой слободѣ, и вотъ — видятъ: Симонъ идетъ передъ ними. «Откуда ты? Гдѣ пропадалъ?» говорятъ ему. — Былъ у пріятеля въ гостяхъ — отвѣчалъ Симонъ, и захохоталъ не-человѣчьимъ голосомъ, такъ, что въ ближнемъ лѣсу запрещало, какъ будто Лѣшій переломилъ дерево. — «Наше мѣсто свято!» заговорили товарищи его, начали молиться и креститься. Симонъ пуще прежняго захохоталъ, повелъ дружину съ заднихъ дворовъ, завелъ ихъ прямо къ той избѣ, гдѣ стояло корчемное вино. Все было захвачено, пере-

Digitized by Google

вязано, засвидѣтельствовано полицейскими чиновниками, при партіи бывшими. Вдругъ — ошкуда ни взялась — толпа мужиковъ бросается на нихъ, съ дрекольями. «Везите вино и держите корчемника» — кричитъ Симонъ — «а я одинъ управлюсь!» Въ самомъ дѣлѣ — на двадцатерыхъ пошелъ онъ одинъ. Пока товарищи его спѣшили выбраться изъ слободы, онъ отчаянно дрался съ мужиками, разогналъ ихъ, и, насвистывая лихую пѣсню, догналъ товарищей, пошелъ впередъ, впередъ, и — пропалъ изъ вида во мракѣ ночи. Такой отваги, такой силы, никто и никогда еще не видывалъ въ немъ. Многіе сомнѣвались даже: Симонъ-ли это былъ, или самъ Нечистый перекинулся въ его образъ? На другой день все было донесено, разсказано, расхвалено, но — Симона нѣтъ! Питейная контора находилась въ домѣ, стоявшемъ на берегу рѣки. Гулевые сидѣли у воротъ, на завалинѣ, пили отъ скуки ерофеичъ, говорили о ночномъ подвигѣ и необыкновенной храбрости Симона. Вдругъ онъ идетъ — волосы растрепаны, блѣдный! Радостный крикъ привѣтствовалъ его. Но Симонъ молча сѣлъ съ товарищами, и потомъ угрюмо спросилъ: «Что: были вы на выемкѣ?» — Товарищи изумились. «Ошибчайте!» вскричалъ Симонъ. Всѣ захохотали. Симонъ разсердился, и началъ ругать всѣхъ, и самого себя,

Digitized by Google

проклинать день своего рожденія, безпрестанно повторяя: «*Чортъ меня возьми!*» — Дѣло состояло въ томъ, что онъ утверждалъ, будто вовсе на выемкѣ не былъ. «Въ первый еще разъ такое славное дѣло прошло безъ меня — не роди меня мать на свѣтѣ — чортъ меня возьми!» Онъ продолжалъ ругаться, клясть, проклинать. Товарищи стали спорить, смѣяться; увѣряли, что онъ хвастаетъ, шутитъ, что онъ былъ на выемкѣ, и уличился. Симонъ утверждалъ, что онъ вовсе тамъ не былъ, всю ночь гулялъ, и самъ чортъ замѣнилъ его, явясь лично своею особою на выемкѣ. Всѣ закричали, что онъ пьянъ. Симонъ утверждалъ напротивъ, что онъ не пьянъ ни сколько, а въ доказательство готовъ сей часъ выпить цѣлый штофъ пѣннаго вина. Безумное предложеніе это подхватили, ударились съ нимъ объ закладъ, онъ началъ пить, и черезъ часъ штофъ былъ опорожненъ. Всѣ изумлялись тому, что Симонъ, въ самомъ дѣлѣ, и послѣ этого не сдѣлался пьянѣе, и разговорчивѣе, не мѣшался въ рѣчахъ, спорилъ, что на выемкѣ его не было, и вдругъ началъ говорить съ кѣмъ-то невидимымъ. «Опять? Пожалуй! Снять крестъ? Изволь! Отдашь-ли? Идти? Да куда хочешь!» — Вотъ, что можно было понять изъ отрывистыхъ рѣчей Симона. Изумленные товарищи видѣли, что онъ снялъ

Digitized by Google

съ шеи мѣдный кресшъ, всплалъ, пошелъ къ берегу, въ воду, далѣе, далѣе, и — наконецъ совсѣмъ скрылся въ водѣ. Думали, что онъ шутишъ. Но прошелъ часъ — Симонъ не является. Испуганные поварищи зашумѣли, сошелся народъ, стали толковать, кричашь. Долго никто не осмѣливался броситься въ воду и искашь Симона, узнавши, что говорилъ онъ. Надобно вамъ знашь еще, что объ этомъ мѣстѣ рѣки разсказывали чудеса, шакъ, что тутъ никто не смѣлъ купаться. Говорили, что тутъ есть шакой омушъ, въ которомъ дна нѣшъ; что въ этомъ омутѣ лежитъ камень, съ которымъ, когда-то, въ старое время, сынъ-разбойникъ брошенъ былъ въ воду руками своего отца, и что проклятый утопленникъ этотъ выходишъ иногда изъ рѣки, ночью, и ищешъ, кшобы замѣнилъ его, жалуясь, что ему шамъ душно и холодно.

Наконецъ, сто рублей, обѣщанныхъ повѣреннымъ (тѣ, которые назначались въ награду Симону, за выемку), побудили многихъ преодолѣшь робосшь. Поплыли на лодкахъ, съ неводами, шестами, ныряли, плавали — Симона нѣшъ! Одинъ смѣльчакъ рѣшился наконецъ нырнуть въ самый омушъ. «Господи благослови! Дай-ка поищу его здѣсь — Да воскреснешъ Богъ, и ра-

Digitized by Google

спочатся враги его!» закричалъ онъ, и кинулся въ омутъ. Что-же? Симонъ сидитъ въ омутѣ, на какомъ-то огромномъ, черномъ камнѣ! Вытащили его; онъ былъ безъ чувствъ, но еще живъ. Тотчасъ раздѣли его, начали откачивать; онъ очнулся, но не могъ пошевелиться ни рукой, ни ногой; впрочемъ, былъ онъ въ полномъ разсудкѣ, и вотъ что разсказывалъ:

«Вчера, когда я получилъ приказаніе отправиться на выемку, то рѣшился пойдти домой, пообѣдать, и лечь спать, чтобы къ ночи быть свѣжимъ, готовымъ. Въ головѣ у меня сильно шумѣло. Казалось мнѣ, что я шелъ домой; только дивился я, что долго иду. Тутъ присталъ ко мнѣ товарищъ, по виду такой-же цѣловальникъ, какъ я. Мы разговорились съ нимъ. Этакого весельчака и разскащика я не видывалъ, и всего чуднѣе, что онъ зналъ всю подногтную, и все сказывалъ мнѣ: сколько кто воруетъ, кто кого любитъ, и наконецъ мнѣ самому, обо мнѣ самомъ разсказалъ то, чего, казалось мнѣ, никто знать не можетъ, кромѣ только самого меня. Вдругъ увидѣлъ я въ сторонѣ часовню, съ Образомъ Пресвятой Богоматери, и, по христіанскому обычаю, снялъ шля-

Digitized by Google

ну и перекрестился — глядь: моего товарища слѣдъ простылъ!

Это меня немного удивило. Я продолжалъ идти. И опять товарищъ мой, на первомъ перекресткѣ, присталъ ко мнѣ. «У тебя, пріятель, плохой обычай» — сказалъ онъ мнѣ — «я этого не люблю.» — Чего? спросилъ я. — «Да, такъ, ничего.» — Опять разговорились мы; опять заговорилъ меня товарищъ; время было жаркое, солнце пекло, мнѣ страшно захотѣлось пить и ѣсть. Товарищъ какъ будто угадалъ это, и сказалъ, что по дорогѣ можемъ мы зайдти въ трактиръ къ его пріятелю. «Только, пожалуста, братъ, не крестись ты — народъ тутъ вольный, и этого страхъ какъ не любитъ.» — Чортъ меня возьми — вскричалъ я — если поднесешь чего нибудь добраго, такъ я, пожалуй, на цѣлый годъ отъ креста откажусь! — «Вотъ что сказано по молодецки!» вскричалъ мой товарищъ, и захохоталъ, такъ, что разнеслось далеко. «Ты что-то жутко и нехорошо хохочешь» — сказалъ я — «мнѣ не нравится твой смѣхъ!» — Что дѣлать — привыкъ — отвѣчалъ онъ. Тутъ мы подошли, какъ будто, мнѣ казалось, къ дому, у котораго на вывѣскѣ написана была черная кошка. Внутри слышно было страшное мяуканье. — Что это?

Digitized by Google

спросилъ я. — «Ничего, такъ: ученыя кошки разыгрались!» Мы вошли — тьма тьмущая кошекъ сидитъ на столахъ, на скамьяхъ, на печи! За стойкою стоитъ большой копъ, и наливаетъ пиво. Такъ хорошо пѣнилось оно, такъ хорошо пахло, что мнѣ захотѣлось отвѣдать. «Нѣтъ!» сказалъ товарищъ — «погоди, не пей; оно тебѣ еще горько покажется — пойдемъ дальше!» Мы перешли въ другую горницу, откуда слышанъ былъ страшный лай и вой собачій. Тутъ нашли мы пропасть собакъ всякаго рода: толстыя моськи, крошечныя болонки, курчавыя шавки, красноглазыя лягавыя, безшерстныя Англійскія собачки, и длиннохвостыя дворовыя, ходили, сидѣли, пили золотистый, прекрасный, искрившійся медъ. Нѣсколько брылластыхъ, меделянскихъ собакъ, съ старыми моськами, раздѣлясь по четверо, играли въ карты; молоденькія собачки плясали. Тутъ меня обольщалъ пахучій, янтарный медъ. — «Погоди пить его» — сказалъ опять товарищъ — «онъ тебѣ покажется киселъ.» Мы перешли въ третью комнату, и когда я осмотрѣлся на собраніе въ этой комнатѣ, то — признаюсь — меня морозомъ подрало по кожѣ. Тутъ была также толпа народу — сидѣли, стояли, лежали, пили, ѣли, спали, плясали. Но всѣ гости были довольно странные: въ одномъ углу сидѣла мох-

Digitized by Google

нашая *Кикимора*; въ другомъ щелкалъ зубами *Домовой*; въ третьемъ кувыркался, крошечный, бородастый *Сосѣдко*; въ четвертомъ *Русалка* расчесывала свои длинные, зеленые волосы. Цѣлые ряды скелетовъ, въ богатыхъ плашьяхъ, прохаживались, взявшись попарно за руки — мужчины улыбались во весь широкій, костяной ротъ свой, а женщины дѣлали имъ глазки, забывши, что вмѣсто голубыхъ и черныхъ глазъ, у нихъ въ черепахъ остались только глазныя впадины. За столами сидѣли старики, въ парикахъ, надѣтыхъ на черепа . . . . . Наконецъ я видѣлъ тутъ все, что только можно вообразить себѣ невообразимаго: лягушечьи лапы у медвѣдя, человѣчью голову на бычьемъ шѣлѣ, ослиныя уши у Индѣйскаго пѣтуха, мышій хвостъ у ящерицы, свинью съ дѣвичьимъ лицомъ, и курицу съ рогами. Голова пошла у меня кругомъ. « Что: любо-ли тебѣ это собраніе?» спросилъ товарищъ. — Я молчалъ — « А вотъ хмѣлина развяжетъ тебѣ языкъ » — сказалъ онъ, и услужливая стрекоза подошла ко мнѣ на заднихъ лапкахъ, и поднесла огромную чарку. Я выпилъ, и жажда пуще начала меня мучить. Я попросилъ другую чарку; какъ будто туманъ разстилался передо мною, по мѣрѣ того, какъ пилъ я. То-

Digitized by Google

варищъ усердно помогалъ мнѣ, пилъ самъ, чокался, обнимался со мною. Къ удивленію: все, что казалось мнѣ нагимъ, безобразнымъ, страннымъ, становилось одѣто, красиво, прекрасно. Стѣны оболоклись золотомъ и серебромъ, освѣтились свѣчами, на полу разостлались дорогіе ковры. Вмѣсто чудовищъ, я увидѣлъ огромное собраніе людей всякаго званія, веселыхъ, ловкихъ, щеголеватыхъ. Какія женщины, какое богатство! Я самъ себя не вспомнилъ. Кровь во мнѣ, то кипѣла, то застывала. Я не понималъ только одного: какъ меня, мужика, пустили въ это собраніе? Мнѣ стыдно стало, что я одинъ мужикъ въ барскомъ собраньи. За барство, за великолѣпіе — я готовъ былъ отдать все. Двери въ другія комнаты растворились настежъ. Вмѣсто собакъ и кошекъ, я также видѣлъ тамъ веселую и богатую толпу людей; слуги бѣгали, угощали; музыка гремѣла. — «Ну видишь-ли, скажешь-ли, что у насъ хорошо?» говорилъ мнѣ товарищъ. Не помня самъ себя, я только могъ выговорить: «Чортъ возьми! Такъ хорошо, что я всегда-бы остался здѣсь!» — Люблю молодца за удаль! вскричалъ мой товарищъ. — Зачѣмъ-же стало? Оставайся — скучно тебѣ не будетъ. Не хочешь-ли въ карты перекинуть, или, вотъ лучше — въ кости? — «Давай!» отвѣчалъ я. Товарищъ под-

Digitized by Google

велъ меня къ столу, за которымъ сидѣло *семеро игроковъ*, и какая-то *старушка*. Груда золотыхъ денегъ лежала на столѣ. «Ну! станови *одинъ годъ*!» сказалъ мнѣ товарищъ. — Какъ: годъ? спросилъ я. — «Да, годъ; вѣдь денегъ у тебя нѣтъ?» — Нѣтъ, но... — «Что за *но*!» — Тутъ невѣдомо какъ, я вспомнилъ, что мнѣ еще надобно идти на выемку. — Пробило 12 часовъ. «Не безпокойся» — сказалъ мнѣ товарищъ — ужъ я, вмѣсто тебя, отправилъ молодца — играй! — Пятьдесятъ имперіяловъ держу за годъ!» сказала старуха. — Пятьдесятъ? — вскричалъ я — изволь, держу! — Разъ — 12, старуха кинула — 3! Я поволокъ къ себѣ золото. «Еще годъ и — сто имперіяловъ! сказала старуха. — «Сто мазу,» проворчалъ одинъ изъ игроковъ. — Держу! — Разъ — 10 и 2 — опять мое! Еще — 100, 200 — годъ, два! Я не могъ опомниться, не замѣшилъ, какъ засѣлъ за столъ; золото такъ и передвигалось ко мнѣ. Но не все я выигрывалъ; старуха записала уже *семь* лѣтъ. Не смотря на то, что игроки и старуха горячились, ставили тысячами имперіялы, и едва доставало на столѣ мѣста для выигранаго мною — какъ нарочно, я сталъ *проигрывать*! Это меня бѣсило — я самъ разгорячился. «Да, отыгрывайте у меня деньги? Что вы играете все на годы? вскричалъ я. «Мы *пла-*

Digitized by Google

тѣмъ деньгами, честью, почестью» — отвѣчала старуха — а *беремъ* только годы. — «Да, если вы всѣ ихъ у меня выиграете, на что-же мнѣ ваши деньги и почести? — сказалъ я. — «Оставишь наслѣдникамъ»— отвѣчала она, улыбаясь. — Если такъ — на *всѣ годы вдругъ*! вскричалъ я. Игроки вскочили отъ изумленія; товарищъ мой, сидѣвшій подлѣ меня, усмѣхнулся. «Рискуешь!» сказалъ онъ. — Да, отвага медъ пьетъ, отвага и кандалы трещъ: семь смертей не будетъ, одной не миновать! — вскричалъ я. — «Да, *меня* не миновать» — сказала старуха, угрюмо — «держу вдвое противъ того, что ты выигралъ!» — По рукамъ! — кинули — я *проигралъ*...

Въ одно мгновеніе, одежда и тѣло свалились съ старухи: я увидѣлъ отвратительный остовъ. «Ты *мой*!» сказалъ мнѣ этотъ ужасный игрокъ. — Неправда! вскричалъ я. — *Мой*! повторилъ отвратительный остовъ, и голоса его не могли заглушить ни шумъ гостей, ни музыка. «Постойте» — сказалъ мой товарищъ, злобно улыбаясь. «Ты отважно игралъ» — продолжалъ онъ обращясь ко мнѣ — «дѣлать, братъ, нечего — *жизнь* проиграна — играй *на душу*!» Волосы стали дыбомъ на головѣ моей. «Согласны-ли вы, сударыня?» продолжалъ онъ,

Digitized by Google

обращаясь къ скелету. — Для васъ, извольте! — «Ты выиграешь,» шепнулъ мнѣ товарищъ. Руки у меня затряслись. . . . «Нѣтъ!» вскричалъ я — «жизнь была моя, а душа *не моя, но Божья*!»

Бухъ! Трръ! Страшный громъ загремѣлъ вокругъ меня — домъ обрушился съ ужаснымъ трескомъ — все провалилось и исчезло: и товарищъ мой, и собраніе, и старуха. . . . Я очутился на кладбищѣ, и лежалъ на краю свѣжей, только что вырытой могилы. Мнѣ показалось, что я слышу улетавшій отъ меня громкій свистъ, шумъ и хохотъ. Изумленный, почти безчувственный лежалъ я; мрачная ночь была на небѣ; ночная роса смочила всю мою одежду; я не могъ опомниться, не могъ пошевелить ни рукой, ни ногой — не имѣлъ силы произнесть молитвы, и не двигалась рука моя сотворить крестное знаменіе. Лихорадка жестоко била меня. Вспоминая все, что я видѣлъ, во снѣ, или на яву — въ этомъ я самъ себѣ не могъ дать отчета — чувствовалъ я, что холодный потъ выступилъ на лбу моемъ, и смертный холодъ проникалъ въ мои кости.

Такъ лежалъ я долго. Заалѣла заря на востокѣ, взошло солнце, пригрѣло меня, все ожи-

Digitized by Google

ло, и я поднялся, пошелъ, почти не понимая куда иду. Не знаю какъ, очутился я подлѣ пишейной конторы. Тутъ, словно въ туманѣ, я видѣлъ своихъ товарищей, пилъ, говорилъ съ ними, наконецъ не взвидѣлъ ихъ, и не понималъ, что они мнѣ говорили. Вдругъ подлѣ меня явился вчерашній товарищъ моихъ ночныхъ похожденій. «Какъ? Ты опять здѣсь? Зачѣмъ?»— Какъ: *зачѣмъ*? Вѣдь ты сей часъ повторилъ разъ двадцать, чтобы я *взялъ тебя*. Въ каждомъ днѣ есть *одинъ часъ*, въ который, если только человѣкъ пожелаетъ, чтобы *я* его взялъ, то я немедленно являюсь исполнить его просьбу. — «Не хочу!» — Не льзя: ты въ завѣтный часъ добровольно вызвался, чтобы я взялъ тебя. — «Но кто ты?» — На что тебѣ — пойдемъ! — «Не хочу!» — Все равно: скоро будешь у меня и безъ того — вѣдь ты проигралъ моей знакомкѣ всю жизнь свою? — «Вы меня обманули: гдѣ золото, которое я выигралъ?» — Вольно было тебѣ не взять его. Пойдемъ — я тебѣ его отдамъ. «Отдашь?» — Честно отдамъ: я унесъ его съ собою, для того, чтобы передать тебѣ. Оно здѣсь близко — пойдемъ! — Мнѣ было въ это время душно, жарко. Какой-то холодокъ повѣялъ на меня, и подкрѣплялъ меня. «Отдашь золото?» вскричалъ я — «отдай-же!» — Здѣсь со мною

его нѣтъ — пойдемъ ко мнѣ — говорю тебѣ, вотъ шутъ, близехонько. Видишь, какой здѣсь жаръ, а тамъ у меня такъ прохладно и весело! — Я вспалъ, и пошелъ за товарищемъ. «Ты малой славный, послушливый» — сказалъ онъ. «Мнѣ жаль тебя, и я хочу тебѣ пособить. Послушай: если ты возьмешь свое золото, такъ вѣдь и поминай, какъ звали!» — Какъ, чортъ меня возьми! вскричалъ я. — «*Онъ* и безъ того уже взялъ тебя» — сказалъ мой товарищъ, смѣясь — «а не лучше-ли тебѣ отыграться: сыграй, дружище, на душу — увѣряю тебя, что ты отыграешься. Вѣдь душу ошъ тебя не скоро потребуютъ. Не смотря на упадокъ кредита и довѣренности, я очень довѣрчивъ, и въ свѣтѣ много у меня такихъ должниковъ, которымъ повѣрилъ я на прокатъ души ихъ, впредь до уплаты долга.» — Я молчалъ. — «Послушай» — сказалъ мнѣ тогда товарищъ — «у тебя есть ненужная вещь — пожалуста, сними ее!» — Какая вещь? — спросилъ я. — «Крестъ на груди твоей. Посмотри: вонъ лежитъ и золото твое!» Я взглянулъ, увидѣлъ груды вчерашняго золота, и, какъ безумный, сорвалъ съ себя крестъ. Товарищъ мой чуть не захохоталъ опъ радости. Мы шли, и я чувствовалъ, что свѣжая прохлада обнимала меня, какъ будто бы я, въ лѣт-

Digitized by Google

вій жаръ, купаюсь въ холодной водѣ. Мы пришли наконецъ въ какое-то странное мѣсто. Я не видалъ тутъ ни людей, ни неба; надъ головою моею журчала и текла свѣтлая вода; вокругъ насъ мелькали рыбки; черный камень лежалъ на землѣ. — «Садись на этотъ камешекъ» — сказалъ товарищъ — «это подарокъ мнѣ отъ одного добраго моего пріятеля. Вотъ къ нему привязана и веревка, по которой этотъ пріятель спустился ко мнѣ. На! считай свое золото!» — Я сѣлъ, началъ считать, и счетъ потерялъ — такъ много его было! Блескъ его совсѣмъ ослѣпилъ меня; звонъ его заглушилъ во мнѣ всѣ чувства, кромѣ желанія владѣть этимъ сокровищемъ. «Мое!» вскричалъ я, кинувъ въ кучу послѣдній имперіалъ. — А ты *моя*! раздался подлѣ меня голосъ, и я увидѣлъ вчерашній отвратительный скелетъ. Онъ ухватилъ меня за сердце костлявою своею рукою — духъ во мнѣ занялся, сердце холодѣло. «Скорѣе» — вскричалъ мой товарищъ — «играй *на душу*: вотъ кости, вотъ карты!» Задушаемый, холодѣющій, я кивнулъ головою въ знакъ согласія. «Онъ согласенъ!» вскричалъ товарищъ мой радостно. «Держи, старуха! Ты отпустишь его на 50 лѣтъ, отдашь ему золото его, а онъ за то отдастъ тебѣ свою душу. Что ставишь?» — Пиковый тузъ — проворчала старуха. Не-

рекинули карты — товарищъ выигралъ — старуха исчезла. Я все началъ тогда понимать и чувствовать. «Ну, теперь ты *мой*» — вскричалъ товарищъ. «Довольно, братъ, я съ тобой повозился. Шутки-ли стоило мнѣ, изъ честнаго, хорошаго человѣка, сына добраго отца, сдѣлать тебя пьяницею, моимъ, развратнымъ, кабацкимъ шутомъ! И теперь, вотъ ужъ другія сутки вожусь я съ тобою — надоѣлъ ты мнѣ! Знай, что ты сидишь теперь на днѣ рѣки, на камнѣ утопленника. Ты сгнишь его — бѣдный пріятель совсѣмъ измучился. Надѣвай-ка петлю его!» Тутъ только замѣтилъ я, что конецъ веревки, которою обвязанъ былъ камень, обхватывалъ шею распухшаго, посинѣлаго трупа. Товарищъ мой началъ снимать веревку съ этого трупа. «Стой» — закричалъ я — «ты обѣщалъ мнѣ 50 лѣтъ жизни, и золота, золота!» — Я и не отнимаю ни того, ни другаго, но вѣдь условія у насъ не было отпустишь тебя гулять по бѣлу свѣту, съ милымъ твоимъ золотомъ? Ты просидишь здѣсь 50 лѣтъ, а золото будетъ лежать вокругъ тебя грудами — никто его не украдетъ у тебя, и ты успѣешь насмотрѣться на него, такъ что оно тебѣ опротивѣетъ. — «Ты обманулъ меня, проклятый!» — Обманулъ? А ты мнѣ вѣрилъ, когда теперь люди другъ

Digitized by Google

другу не вѣрятъ? Ты договаривался со мною на слово, когда и люди безъ договора письменнаго не сходятся другъ съ другомъ!... — Онъ отвязалъ веревку отъ штруна, и толкнулъ штунъ ногою, такъ, что его далеко унесло по теченію. Руки товарища, съ веревкою, протянулись ко мнѣ. — «А послѣ 50-ти лѣтъ, что будешъ со мною?» вскричалъ я, въ отчаяніи. — Ничего — тебя погрѣютъ, потому, что здѣсь ты порядочно прозябнешь; будутъ грѣть тебя, столь долго, что если-бы муравей въ сто лѣтъ разъ подходилъ къ морю Океану, и пилъ изъ него, то скорѣе онъ выпьетъ Океанъ, нежели тебя отпущу я! — Тутъ раздался надо мною голосъ: *Господи благослови! Дай-ка поищу его здѣсь — Да воскреснетъ Богъ, и разточатся врази его!*» И мнѣ чудилось, что какъ будто человѣческая рука ловитъ меня за волосы, но скользитъ мимо. «А!» воскликнулъ мой товарищъ — «они тебя ловятъ, ищутъ — скорѣе!...» Онъ накинулъ петлю на шею мою. Тутъ почувствовалъ я неизъяснимую сладость новаго, неизвѣстнаго дотолѣ для меня чувства — раскаянія.... Дѣтскія лѣта пришли мнѣ на память — тѣнь добраго моего отца мелькнула передо мною, и слезы потекли изъ глазъ моихъ — въ *первый разъ въ жизни*! «Да воскреснетъ

Digitized by Google

Богъ, и расточатся врази его!» слабымъ голосомъ прошепталъ я.... Какъ будто рѣка вдругъ оборвалась надо мною съ сими словами! Вода полилась мнѣ въ ротъ, спала душишь меня — поварищъ мой, золото, веревка, каменъ — все исчезло въ глазахъ моихъ. Въ тоже время чувствовалъ я, что сильная рука человѣческая ухватила меня за волосы, и поволокла къ верху.... Когда я опомнился, то увидѣлъ, что меня ошкачиваютъ и приводятъ въ чувство....»

(До слѣдующей книжки).

О УМСТВЕННОМЪ ВОСПИТАНІИ

ДѢТСКАГО ВОЗРАСТА.

Соч. Доктора Ястребцева. М. 1831 г. въ ш. А. Семена.

(Первое письмо къ Автору).

Съ особеннымъ удовольствіемъ помѣстилъ я въ Телеграфѣ сочиненіе ваше, любезный Докторъ, и сердечно порадовался, когда оно, нашедъ много читателей въ Журналѣ (можетъ быть, нѣсколько и потому), нашло послѣ сего еще болѣе мыслящихъ читателей, когда вы издали его отдѣльною брошюркою. Такъ и слѣдовало: брошюрка ваша, по предмету и по исполненію, должна была перетянуть на вѣсахъ вниманія публики многіе огромные томы, безпрестанно всходящіе на нивѣ Русской Литтературы, не смотря на бездождіе и безплодіе. Такъ и сдѣлалось. Брошюрку вашу читали, судили, отдали справедливость прекрасному труду вашему. Вы готовите *второе* изданіе. Не знаю: дошли-ли до васъ разныя замѣчанія и сужденія читателей, и воспользуетесь-ли вы ими, для улучшенія и дополненія вашихъ мыслей? Печатая сочиненіе ваше въ Телеграфѣ, и оцѣняя его высокою цѣною, въ тоже время во многомъ не соглашался

Digitized by Google

я съ вами, и говорилъ вамъ объ этомъ. Вы не сердились за то на меня, и, напрошивъ, уговаривали даже написать мои замѣчанія и напечатать, обѣщая безпристрастно прислушаться потомъ къ суду публики. Исполняю желаніе ваше, и печатаю мои замѣчанія. Прошу наперед — извинить недостатки системы, и нѣкоторыя необработанныя части того, что мнѣ хочется изложить вамъ.

Послѣднее происходитъ отъ обширности предмета, запутанности, разнообразія мнѣній объ оном. *Воспитаніе*! Въ самомъ дѣлѣ, предметъ чрезвычайно обширный, и сколько было объ немъ писано! Чего не придумывали по этому отдѣленію знаній человѣческихъ! Споры донынѣ идутъ повсюду, и каждый думаетъ по своему, смотря потому, на какой точкѣ образованія находится, какое участіе привлекаетъ его къ спорному предмету.

На стр. 30 и 55-й, вы говорите о томъ, *чему у насъ стараются учить дѣтей*. Здѣсь первая статья, съ которою не льзя безусловно согласиться.

Мнѣ кажется: вамъ надобно было говорить опредѣленнѣе, что вы разумѣете, подъ словомъ: *у насъ*?

Изъ вашего исчисленія предметовъ выходитъ, что вы разумѣли собственно *домашнее ученье*, какое въ обычаѣ у насъ въ Россіи для *нѣкоторыхъ* дворянскихъ дѣтей, чтобы послѣ того можно было называть ихъ *благовоспитанными* дѣтьми: чтеніе, письмо, Катихизисъ (мимоходомъ), счисланье, Исторія, Гео-

Digitized by Google

графія, основанія Словесности, по выборкамъ изъ Лагарпа, Миѳологія, по выборкамъ Ліонне, или Шомпре, рисованье немножко, танцованье въ обширномъ смыслѣ, музыка немножко, иностранные языки, то есть Французскій языкъ, до составленія записочки на этомъ языкѣ, Нѣмецкій, до выученья напзусть нѣсколькихъ стиховъ, и до фразъ изъ діалоговъ, Латинскій, до Христомаѳіи, для вступленія, если понадобится, на Университетскія лекціи. Живо представляю себѣ этотъ курсъ ученія дворянскаго юноши, который помомъ получитъ званіе студента...

Но вы не обхватили въ исчисленіи вашемъ другаго первоначальнаго ученія, которымъ мучатъ у насъ бѣдныхъ дѣтей. Въ этомъ другомъ курсѣ заключается слѣдующее: Катихизисъ, Логика, Русская Словесность, Нѣмецкій, Французскій, Латинскій, Греческій языки, считанье, Геометрія, Географія, Исторія, Физика, письмо, чтеніе, рисованье. При такомъ ученіи — *шестую* часть времени отдаютъ Латыни, *восьмую* Греческому языку, *сороковую* Физикѣ, и т. д.

Вы не сообразили еще пансіоннаго ученія, гдѣ, по пословицѣ, что *городъ*, *то норовъ* — совершенная смѣсь всякой всячины. Тутъ, послѣ языковъ (основанія всему), Граммашики, танцованья, рисованья — учатъ, чему кто вздумаетъ: Физикѣ, Земледѣлію, Военнымъ наукамъ, иногда Энциклопедіи, а иногда просто *всему*, какъ Адамъ Адамовичъ

Digitized by Google

Вральманъ училъ Недоросля, безъ всякой системы и толку (разумѣется, что исключенія въ сторону).

Наконецъ, надобно было вамъ поговорить о многочисленномъ народѣ ученіковъ, которые учатся только Французскому языку у гувернантки, Катихизису у приходскаго Священника, да Русской грамотѣ (стыдно сказать: *Словесности*) у какого нибудь бѣдняка, студента приходящаго.

Общимъ выводомъ могло-бъ быть то, что у насъ учатся всему и ничему, и въ ученьи вообще *не вѣдятъ, что творятъ*, ибо ученье не бываетъ у насъ слѣдствіемъ убѣжденія въ необходимости ученія. Оно, или оффиціяльная обязанность родителей, или принятая форма. Такъ родители обязаны кормить дѣтей, и одѣвать ихъ въ драдедамовыя курточки, съ ворошничками, а не въ овчинные тулупы, съ руковицами!

Все это не вполнѣ вы обозначили. Но, оставимъ предметъ столь неопредѣленный, каково настоящее состояніе воспитанія дѣтей въ Россіи. Обращу вниманіе ваше на сіе дѣло въ обширнѣйшемъ объемѣ.

Мнѣ кажется, что и вездѣ этотъ предметъ весьма неопредѣленъ. Такъ я заключаю изъ учебныхъ книжекъ иностранныхъ, и изъ свѣдѣній объ училищахъ во Франціи, Англіи и Германіи. Прочтите извѣстіе о Французскихъ училищахъ, въ Телеграфѣ (1831 г. N° 18-й и слѣд.) — какая безсистемность, какая смѣсь новаго съ старымъ, излишества съ

Digitized by Google

недостаткомъ! Французы сильно чувствуютъ это, и сильно берутся теперь за реформу Педагогіи. Прочтите еще извлеченіе изъ книги Тирша, сдѣланное П. И. Кеппеномъ, и сообразите состояніе ученія у Нѣмцевъ (Телеграфъ, 1830 г. N° 24, стр. 511-я) — какая варварская схоластика! Помните-ли еще проэктъ училища, написанный Кузенемъ, философомъ, (что нынѣ *Перъ Франціи*) для новаго училища во Франціи? Я читалъ его, и дивился!

Вообще можно сказать, что Педагогіи всего менѣе коснулась донынѣ реформа новаго образованія. Только съ послѣдней половины XVIII-го вѣка начали объ этомъ думать. И тутъ, до Педагогіи-ли было? А прежде, съ столь многимъ надобно было управиться, столь многимъ должно было заняться, что о Педагогіи вовсе не думали. Скоро-ли убѣдились въ томъ только, что внѣ Латыни есть спасеніе, и что есть Философія и кромѣ Аристотелевой? Такимъ образомъ, вообще донынѣ Педагогія носитъ на себѣ тяжкіе слѣды Среднихъ временъ и Схоластики. Поблагодаримъ за всѣ труды Песталоццiя, Базедова, Зальцмана, и извинимъ ихъ недостатки и излишества; поблагодаримъ и частныхъ реформаторовъ, каковы были Ланкастеръ и Бель. При быстромъ ходѣ ума и знаній можно вскорѣ многаго надѣяться. Но, мнѣ кажется, до тѣхъ поръ ничего полнаго не льзя будетъ сдѣлать, пока не рѣшатъ положительно и подробно трехъ слѣдующихъ *положеній*:

1, Должно опредѣлить *цѣль* Педагогіи, и, вслѣдствіе сего, *сущность* оной;

Digitized by Google

2, Вывести всѣ науки и знанія изъ схоластическихъ формъ, въ какія онѣ заключены;

3, Установить, вслѣдствіе двухъ первыхъ рѣшеній, образъ преподаванія наукъ и знаній.

Труды тяжкіе, едва измѣримые! Сколько надобно для сего дать открытыхъ битвъ страстямъ и самолюбію человѣческому! Легко-ли, напримѣръ, говорить человѣку, который посвятилъ сорокъ лѣтъ Латини, что безъ нея можно обойдиться, и быть ученымъ и просвѣщеннымъ, не умѣя писать по Латински? Скоро-ли убѣдите Педагоговъ, что совѣстно отдавать изъ учебныхъ курсовъ *восьмую* часть времени Греческому языку, и только *сороковую* Физикѣ? Но, говоритъ Мишеле — ce qui doit nous encourager dans cette lutte sans fin, c'est qu'au total la partie nous est favorable.

Вы, любезный Докторъ, отчасти только коснулись *трехъ* означенныхъ мною, необходимыхъ для совершенства Педагогіи *положеній*. Желалъ-бы я, чтобъ вниманіе ваше устремлено было на нихъ болѣе.

Не опредѣляя еще *системы умственнаго воспитанія*, и не предписывая для нея *условій*, какъ дѣлаете вы это на стр. 29-й и 55-й, рѣшите мнѣ сперва *цѣль* Педагогіи.

Вопросъ странный, какъ кажется съ перваго взгляда! Но, я поясню его слѣдующимъ: прошу мнѣ рѣшить — *человѣкъ-ли для наукъ*, или *науки для человѣка*? — Вы скажете мнѣ, что это похо-

Digitized by Google

дить на извѣстную шутку: для табаку-ли носъ, или табакъ для носа? — Правда; но если разсмотрѣть *нынѣшнее* состояніе Педагогіи, то я готовъ сказать, какъ торговецъ табакомъ: разумѣется — носъ для того, чтобы табакъ нюхать. Конечно, человѣкъ для науки, а не наука для человѣка. — Такъ дѣйствительно подумаете, разсмотрѣвъ, что при современной Педагогіи Науки считаются, или скучною обязанностью, которой надобно посвятить нѣсколько времени, или приличіемъ, которое надобно знать, такъ, какъ надобно ходить во фракѣ, а не въ зипунѣ, или, наконецъ, чѣмъ-то такимъ, чему надобно посвятить всю свою жизнь. Замѣтьте, что *воспитаніе* и *ученіе* у насъ совершенно различны. Мы воспитываемся и не учимся, учимся и не воспитываемся. Нѣтъ никакой основной идеи знаній, нѣтъ соединенія духа съ веществомъ въ Педагогіи, нѣтъ связи между ученіемъ и жизнію. Еще менѣе оной въ ограниченіи ученія и воспитанія по званіямъ. Съ одной стороны тяжелый педантизмъ, съ другой поверхностныя свѣдѣнія, и то и другое вдавлено во тму совершеннаго невѣжества толпы. Дѣлаютъ какой-то выборъ знаній и наукъ, безъ всякой цѣли. Учатъ этому выбору, какъ будто пѣшки точатъ, и выточивши бросаютъ въ сторону.

Нѣтъ! увѣрьтесь въ главномъ, и опредѣлите, что каждый человѣкъ необходимо обязанъ *знать*, и вслѣдствіе того долженъ *учиться*, такъ, какъ онъ долженъ *дышать*, и вслѣдствіе того *жить*. Примѣните сіе правило къ обществу, разберите

Digitized by Google

средства, способы, потребности каждаго званія, и вы увидите необходимость: опредѣлить — *кто* и *чему* долженъ учиться. Не будемъ различать ученія *домашняго* отъ *публичнаго*, (для меня это все равно), и скажемъ вообще:

I. Знанія и науки необходимы всякому. Ученіе должно раскрыть духъ человѣка, показать ему отношенія его къ Богу, ближнему и самому себѣ, дать ему средства для полноты физическаго бытія и умственной жизни, и послужить къ пользѣ и наслажденію его.

II. Знанія и Науки должно соразмѣрять съ званіемъ и назначеніемъ каждаго. Вслѣдствіе сего должно быть различію въ общности, степени и подробностяхъ ученія, и воспитаніе должно быть: *первоначальное*, всѣмъ общее, *частное*, или отдѣльное, для разныхъ званій, и *нормальное*, или высшее, для учащихъ и собственно-*ученыхъ людей*.

Не такъ думали въ Средніе времена, когда не всѣмъ давали право даже на названіе человѣка; ученіе ограничивалось тогда *схолою*, и *схоластика*, т. е. извѣстный выборъ предметовъ для схолы, составлялъ всѣ знанія; теорія съ презрѣніемъ смотрѣла тогда на практику; жизнь и наука были раздѣльны. Люди, отчужденные отъ схолъ, въ теченіе вѣковъ, посшепенно разбивали все это, и отбивали себѣ куски отъ привиллегированной схоластики.

Digitized by Google

Теперь, цѣлыя громады кусковъ этихъ обработаны раздѣльно и отдѣльно; многіе изъ нихъ, съ прибавкою новыхъ, неизвѣстныхъ *старой схолѣ* матеріяловъ, послужили къ сооруженію прекрасныхъ особыхъ зданій. Схола и схоластика стояшъ теперь полуразрушенныя, обломанныя, обитыя. Отсюда происходитъ вражда и ссора *ученыхъ* и *не*-ученыхъ, бой Классицизма и Романтизма, *ученыхъ обществъ* (исключенія, разумѣется, въ сторону) съ *обществомъ просто*. Мнѣ кажется однакожь, донынѣ сдѣлано уже такъ много, что вскорѣ примутся за рѣшительное дѣло: *постараются вывести рѣшительно всѣ науки, знанія, и преподаванія оныхъ, изъ схоластическихъ формъ, въ какія онѣ заключены*. Эти формы суть пеленки, покромки, помочи давно обветшавшія. Дитя давно уже ходитъ и говоритъ свободно; но нянюшка-схоластика все еще кушаетъ его въ свои пеленки. Но, объ этомъ поговоримъ впослѣдствіи.

Я сказалъ о необходимости раздѣлить воспитаніе на три степени. Года три, или четыре назадъ, писалъ уже я объ этомъ, по поводу предполагавшагося тогда учебнаго заведенія для купцовъ, но теперь нѣтъ у меня подъ рукою моей тогдашней статьи. Впрочемъ, не въ томъ дѣло.

Первоначальнымъ, всѣмъ *общимъ* воспитаніемъ починаю я познанія, равно необходимыя для крестьянина и графа, мѣщанина и солдата. Дѣти и народъ, всѣ должны умѣть *читать*, *писать* и *счи-*

Digitized by Google

тать (т. е. знать первыя четыре правила Ариѳметики).

Слѣдуетъ воспитаніе *частное*, или отдѣльное. Здѣсь являются различія званій. *Дворянинъ* и *гражданинъ* — различіе первое. Сіе различіе необходимо дѣлится еще на два: человѣка *статскаго* и человѣка *военнаго*, *торговца* и *фабриканта*. Отдѣльно являются потомъ воспитаніе нормальное (училищное) и ученое-частное; каково: воспитаніе Духовнаго, Медика, Художника, и проч. Во всѣхъ сихъ отдѣленіяхъ должно имѣть въ виду низшую степень и высшую степень (напримѣръ, для *статскаго* званія: ученіе простаго чиновника, и государственнаго человѣка; для *военнаго*, ученіе офицера простаго и ученаго офицера; для коммерческаго, ученіе негоціанта и простаго купца; для мануфактурнаго, ученіе ремесленника и фабриканта; для нормальнаго воспитанія, ученіе учителя приходской школы и профессора университетскаго; для частнаго-ученаго, ученіе причетника и высшей духовной особы, медика, артиста, и проч.).

Только опредѣливъ всѣ сіи *дѣленія* и *подраздѣленія*, согласенъ я принять *условія*, которыя вы, любезный Докторъ, почитаете небходимыми для *хорошей системы умственнаго воспитанія* (стр. 29):

1-е, «Чтобы преподаваемыя свѣдѣнія не переходили за предѣлы дѣтскаго понятія.» Прибавлю: «*и опредѣленной цѣли ученія.*

Digitized by Google

2-е, Безспорно: «Чтобы можно было начинать съ самаго ранняго дѣтскаго возраста.»

3-е, Безспорно: «Чтобы не препятствовать физическому, и способствовать, какъ можно болѣе, умственному развитію дѣтей.»

Останавливаюсь на 4-мъ условіи: «Чтобы приготовлять, наивозможно скорѣе и легче, къ тѣмъ Наукамъ, которыя нужны по нынѣшнему духу времени.» Останавливаюсь, *первое* потому, что почитаю во всякомъ времени необходимымъ различіе образованія по званіямъ и состояніямъ; *второе* потому, что не могу согласиться на опредѣленіе, какое даете вы нашему вѣку.

Не будемъ говорить о политическомъ, или государственномъ состояніи современности. У всякаго вѣка свои задачи, и иныя задачи продолжались даже весьма долго, по нѣскольку вѣковъ. Вопросъ о Всемірной Монархіи, напримѣръ, стоилъ философскаго камня для Человѣчества. Послѣ разныхъ опытовъ, дѣланныхъ Римлянами, Чингисъ-Ханомъ, Наполеономъ, кажется, по всѣмъ вычетамъ вѣроятностей, вопросъ этотъ оказывается рѣшеннымъ. Но люди всегда выдумаютъ другой. Намъ дѣла нѣтъ до вопроса нашего времени, въ политическомъ отношеніи. Мы говоримъ объ общей задачѣ Человѣчества. Вы рѣшаете ее для современности такъ: «*физическое благосостояніе*,» и доказываете свое рѣшеніе *усиленіемъ промышленности посредствомъ*

Digitized by Google

машинъ; усиленіемъ сообщеній между народами; отсутствіемъ Поэзіи и умозрительныхъ Наукъ, и усиленіемъ Наукъ и Знаній положительныхъ.

Воля ваша, а это невѣрно. Вы забыли, любезный Докторъ, что въ каждомъ вѣкѣ и всегда разные народы находились въ разныхъ возрастахъ и отношеніяхъ, не говоря объ общемъ возрастѣ Человѣчества и отношеніяхъ каждаго вѣка къ прошедшему и будущему. Спросите у разныхъ народовъ, въ одномъ вѣкѣ жившихъ, о духѣ ихъ времени — получите отвѣты различные. Объ XVIII-мъ вѣкѣ, напримѣръ, Германцы скажутъ вамъ, что онъ былъ *философскій*, и укажутъ на Канта, Фихте, Шеллинга. «Да, въ вашемъ углу» — отвѣчаютъ имъ Французы, «а когда, напротивъ, болѣе было *политическихъ* переворотовъ, сильнѣйшаго дѣйствія политическихъ обществъ?» — Но, приличнѣе однакожъ назвать этотъ вѣкъ *промышленнымъ* — возразятъ Англичане — и должно, послѣ Аркрайта, Уатта, континентальной системы, усиленія нашихъ фабрикъ и торговли. — Они точно такъ и говорятъ. Вы, можетъ быть, не зная этого сошлись въ вашемъ мнѣніи съ Англичанами. Прочитайте въ Edinburgh Review, 1826 года, статью, гдѣ нашъ вѣкъ называютъ *механическимъ*, и въ доказательство говорятъ также объ отсутствіи Философіи и Поэзіи. Понятно, почему такъ кажется Англичанамъ, когда Французы въ тоже время считаютъ нашъ вѣкъ политическимъ, а Нѣмцы умозрительнымъ.

Digitized by Google

Ни съ чѣмъ этимъ, ни съ вами, любезный Докторъ, я не соглашусь! По моему мнѣнію, надобно глядѣть подалѣе и повыше. Извѣстіе, что новая комета прошла спокойно, и не толкнула нашей земли — новое доказательство, что исторія земли еще не дописана. Я думаю, что всѣ прежнія и нынѣшнія названія вѣковъ и временъ: *золотой*, *желѣзный*, *средній*, *литтературный*, недостаточны и ошибочны. Исторія Человѣчества идетъ всегда одинаково, кругами (или ricorsi, какъ говорилъ Вико). Ни одинъ кругъ не смыкается самъ по себѣ, а служатъ они для того, чтобы возводить Человѣчество отъ одного круга къ другому, до неизвѣстной для насъ цѣли. Разница въ эпохахъ та, что онѣ, то идутъ впередъ, то, для совершенія круга, оборачиваются назадъ. Но видимое понятное движеніе есть собственно движеніе впередъ, въ отношеніи прежняго круга. Въ каждомъ кругѣ были и суть народы разныхъ возрастовъ, и полная идея *Человѣчества* представляется только всѣми народами міра, въ одно время существующими, такъ, какъ идея Природы выражается только всѣми ея царствами, всѣми стихіями земнаго шара, вмѣстѣ взятыми. И такъ каждая эпоха выражаетъ намъ всѣ дѣленія духа человѣческаго: религіозное, философское, политическое и поэтическое (идею безконечнаго, идею истины, блага, изящества). Неужели вы думаете, что Философіи нѣтъ, если Шеллингизмъ теряетъ теперь власть свою, и самъ отказывается отъ владычества? Что Поэзія въ самомъ дѣлѣ не суще-

Digitized by Google

ствуетъ въ нашъ вѣкъ? Что двадцать именъ (на стр. 54), представленныхъ вами для доказательства положительности нашего вѣка, есть сильное доказательство? Но никогда и никакой вѣкъ не былъ *поэтическимъ* и *философскимъ* отдѣльно. Поэзія и Философія всегда были частны, всегда были удѣломъ немногихъ, всегда дѣйствовали непрямо; но за то онѣ всегда были, суть и будутъ въ Человѣчествѣ. Берусь доказать вамъ, что Философія въ Шеллингизмѣ совершала только свой великій періодъ, и теперь она, не только не погибла, но дѣйствуетъ еще сильнѣе, ибо дѣйствуетъ обширнѣе. Такъ и Поэзія. Давно-ли умерли въ Англіи, въ землѣ, которая отрекается отъ нея, великіе представители современной Поэзіи, Байронъ и В. Скоттъ? А новая Французская Словесность и Поэзія, живая, сильная? Какой вѣкъ Августа и Людовика XIV-го сравнится съ нынѣшнимъ вѣкомъ Франціи въ этомъ отношеніи? Вы слишкомъ жестоко нападаете на Поэзію, любезный Докторъ; за то я сильно нападу на ваши доказательства положительности нашего времени. Вы говорите объ *усиленіи машинъ* — но это частность, объясняемая исторіею Англіи. Вы приводите имена, но — неужели: *Эрштедтъ*, *Арago*, *Гe-Люссакъ*, *Тидеманнъ*, *Гееренъ*, *Милль*, могутъ назваться представителями вѣка? О Лапласѣ, Кювье, Гумбольдтѣ и другихъ не спорю; но они столько-же люди нашего вѣка, какъ Гёте, Шиллеръ, Байронъ, В. Гюго, и во всякомъ вѣкѣ берусь я вамъ отыскать имена, подобныя выставленнымъ вами. Неужели

Digitized by Google

Бюффонъ, Кукъ, Лагранжъ, Лавуазье, Эйлеръ, и проч. и проч., были менѣе?

И такъ, не будемъ называть нашего вѣка исключительно *механическимъ*, *промышленнымъ*. Онъ такожъ, какъ всѣ другіе, и разнится только формою, при одинаковости духа. Условясь въ этомъ, станемъ говорить такъ, что « *воспитаніе* и *ученіе*, съ извѣстными дѣленіями по званіямъ и отношеніямъ каждаго члена общества, во всякомъ вѣкѣ одинаково должны служить къ наивозможному духовному и физическому образованію, съ четырьмя предписанными отъ васъ условіями (*четвертое* условіе принимаю я слѣдующимъ образомъ: « чтобы приготовляли, какъ возможно скорѣе и легче, къ *современному состоянію наукъ*, *и тѣмъ давали средства человѣку быть въ духѣ его времени*, т. е. дѣлали его достойнымъ представителемъ своего званія и состоянія, въ той странѣ, гдѣ судьба опредѣлила ему родиться, и въ томъ направленіи, какое даетъ ему ходъ общихъ обстоятельствъ общества).

Опредѣливъ такимъ образомъ цѣль и сущность Педагогіи, я совершенно согласусь съ вами, любезный Докторъ, что нынѣшнее воспитаніе и ученіе вовсе не соотвѣтствуютъ *цѣли и сущности Педагогіи*. Вы говорите это, разсматривая только одинъ образъ ученія (стр. 30 и 55), а я подтверждаю послѣ тщательнаго перебора многихъ родовъ Педагогіи, у насъ и въ чужихъ краяхъ. Прибавлю только, что въ Европѣ и у насъ есть уже пре-

Digitized by Google

красныя начала совершенствованія, прекрасныя исключенія, но что все это еще слишкомъ частно.

Вы прямо переходите къ тому, *что* надобно измѣнить, исключить, дополнить. Но не приступая еще къ этому, позвольте мнѣ заняться другимъ моимъ положеніемъ, а именно, что «надобно вывести всѣ Науки и Знанія изъ схоластическихъ формъ, въ какія онѣ заключены.» Это весьма важно. Надобно предварительно разсмотрѣть сущность и формы человѣческихъ вѣдѣній. Тогда откроется, что многія затрудненія въ преподаваніи происходятъ единственно отъ *формъ*, въ какія заключаютъ ту, или другую Науку, то или другое Знаніе.

Посмотрите на классификаціи, на системы человѣческихъ знаній. Какія противорѣчія, какая страшная путаница! По моему мнѣнію, причина этого въ смѣшеніи стараго съ новымъ, въ смѣси схоластики съ новыми, истинными идеями вѣдѣнія.

И вы, любезный Докторъ! также повторяете правило: ars longa, vita brevis (*наука долга, а жизнь коротка*)! Зная васъ лично, не льзя согласиться съ этимъ. Но, комплименты не доказательство, и я не шутя говорю на оборотъ: Vita longa, ars brevis (*жизнь долга, а наука коротка*). На этомъ правилѣ готовъ я излагать полную систему *Анти-схоластики*.

Что такое *вѣдѣнія человѣческія*? Средства познавать самого себя, и отношенія свои къ Богу,

Digitized by Google

Природѣ и себѣ подобнымъ. — Я *человѣкъ*; состою изъ духа и тѣла. Хочу знать прошедшее, чтобы извлечь изъ него всѣ средства для блага моего въ настоящемъ; хочу знать природу, чтобы властвовать надъ нею для пользы и наслажденія; хочу опредѣлить духовность мою, чтобы не ужасало меня безвѣстное будущее, чтобы духъ мой такъ-же былъ самодоволенъ, какъ и тѣло.

Вотъ *основаніе* всѣхъ наукъ, знаній, свѣдѣній. Духъ мыслитъ; практическая жизнь учитъ повѣрять мысль духа. Что такое *невѣжда*? Взрослое дитя, съ способностями, равно принадлежащими человѣку и животному. Что такое *просвѣщенный*? Человѣкъ, проживший тысячи лѣтъ, и развившій духовное свое начало въ тѣлесныхъ способностяхъ.

Но *Природа* и *Человѣкъ* суть такія загадки, рѣшеніе коихъ нескончаемо. Отсюда многоразличіе знаній. Далѣе, *конечность* и *безконечность* такъ слиты въ природѣ и человѣкѣ, что гдѣ мы ни коснемся, вездѣ видна ужасающая даль безконечности, и все сливается въ безграничное. Отсюда необходимость *дѣленія* знаній.

Наконецъ, такъ повсюду сливается духъ съ вещественностью въ природѣ и человѣкѣ, что ихъ не льзя раздѣлить, а раздѣливъ впадете, либо въ совершенную отвлеченность, либо въ совершенную вещественность.

Вслѣдствіе сего, рѣшая задачу о природѣ и человѣкѣ, человѣкъ до безконечности расширяетъ

Digitized by Google

раздробилъ, изразнообразилъ науку, и со вздохомъ говоришь: *Ars longa*, а иногда съ отчаяніемъ восклицаешь: «Я только то знаю, что ничего не знаю.»

Но не все-ли это равно, если мы будемъ восклицать: «Я такъ безконеченъ, что не стоишь жить; у меня такъ мало, что не стоишь беречь это?» Зачѣмъ угодно тебѣ строишь корабль на срединѣ Океана?» говорю я человѣку. «Зачѣмъ ты не подумаешь о конечности въ безконечномъ? — Построй ладью свою въ гавани, близъ родной хижины, объѣзди сколько можешь болѣе, если есть время, но возвратись, и не жалѣй, что не тебѣ принадлежитъ все то, что ты видѣлъ въ своемъ путешествіи!»

Боюсь совсѣмъ другаго: не слишкомъ-ли оробѣвши говоришь человѣкъ, что онъ *ничего не знаетъ*? Еще страшнѣе: не прикрываетъ-ли онъ свою лѣнь, свою гордость, свои страсти мнимымъ своимъ невѣжествомъ!

Изъ вышесказаннаго выводится:

1-е, что въ каждомъ вѣдѣніи явны конечность и безконечность. Первая видна въ ограниченномъ объемѣ каждой науки; вторая въ неполнотѣ каждой науки, дополняемой только сближеніемъ одной науки съ другою, при чемъ открывается безконечная перспектива (*Паѳологія* наука; но что она безъ *Физіологіи*? А Физіологія, что безъ *Философіи*?).

Digitized by Google

2-е, въ каждомъ вѣдѣніи явны духъ и вещество. Можете возвесши науку до такой степени духовности, что она будетъ говорить только идеями и выводами. Обратно, можете низвести ее до самыхъ грубыхъ мастеріловъ, до знанія плотника и каменьщика въ Зодчествѣ. Такъ, напримѣръ, отдѣлите *Философію* отъ *Исторіи*. Что останется? Вещественная осадка: Генеалогія, Хронологія, Нумизматика, Геральдика, Синхронистика, и ш. п.— Исторія дѣлается цифирною выкладкою, или пустою сказкою.

3-е, человѣкъ всегда будетъ дѣлить вещество и духъ. Посмотрите на жизнь общества: всегда будутъ люди, живущіе *только въ духѣ*, и люди, живущіе *только въ веществѣ*. Не будемъ противиться сему закону непреоборимому, но сознаемъ, что истинное назначеніе человѣка заключается только въ *соединеніи* того и другаго, и что міръ вѣдѣній, какъ общество, вполнѣ взятый, выражаетъ все Человѣчество; отдѣльно разбираемый, являетъ намъ частныхъ представителей каждой мысли, каждаго дѣла, каждаго движенія человѣческаго. И каждый такой представитель необходимъ въ дѣломъ; и каждый такой представитель можетъ свою безконечность развить въ полномъ самодовольствіи конечнаго (такъ, напримѣръ, производитель шелковыхъ издѣлій можетъ посвятить своему занятію всю жизнь, весь умъ свой, и всю вещественность свою, и тысячи своихъ собратій; такъ Археографъ въ вѣкъ не кончитъ полнаго курса своихъ занятій,

и Монфоконъ всегда останется намятенъ по трудамъ своимъ).

4-е, допустивъ природную необходимость дѣленія на духъ и вещественность, сдѣлаемъ *искуственное* соединеніе того и другаго. Такъ хирургъ не можетъ ничего производить, пока художникъ не дастъ ему стальнаго ланцета, ножа, пилы; тайны неба и величіе природы въ маломъ оставались безвѣстны, пока художникъ не обточилъ астроному и физику стеколъ для телескопа и микроскопа. Въ вѣдѣніи человѣческомъ сіи стекла составляютъ *систему* и *методу*.

Приведемъ въ систематическій порядокъ, съ одной стороны *вѣдѣнія*, съ другой *общество*. Опредѣлимъ систематически, что вообще вѣдаетъ *человѣкъ*, и *какъ*, и *что* можетъ и — слѣдственно — *долженъ вѣдать каждый*. Повѣрьте, что этимъ все распредѣляется и приводится въ удивительный порядокъ и точность.

Кромѣ того, что въ каждомъ вѣдѣніи находится своя *умственная* (или духовная) и своя *вещественная* сторона, всѣ вѣдѣнія можно раздѣлить на умственныя и вещественныя. Одни назовемъ *Науками*, другія *Знаніями*. Въ каждой Наукѣ есть свое знаніе; въ каждомъ Знаніи своя Наука. Кромѣ того, всякая наука, всякое знаніе имѣютъ свои особенныя *приложенія*. Сіи приложенія тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе проникнуты Наукою, или духомъ; тѣмъ ничтожнѣе, чѣмъ болѣе заключаются въ одномъ Знаніи, и, слѣдственно, чѣмъ болѣе подвергнуты вещественности.

Digitized by Google

Науки-собственно состоятъ изъ общихъ, чистыхъ идей, отъ коихъ отдѣлена вся вещественность. Это великій синтезъ ума человѣческаго.

Знанія состоятъ изъ частныхъ, положительныхъ фактовъ. Это анализъ вещественности, производимый умомъ.

Приложенія суть косвенныя употребленія наукъ и знаній, для борьбы съ природою, для вещественной пользы и вещественнаго наслажденія.

Наукъ-собственно немного: познаніе Бога, Природы, Человѣка, т. е. *Богословіе* (*), *Математика*, *Философія*, въ высшихъ значеніяхъ.

Но въ достоинство Наукъ вступаютъ, при высшихъ своихъ степеняхъ, *знанія*, необходимыя для поясненія основныхъ идей Наукъ. Познаніе Природы и Человѣка ведетъ въ рядъ ихъ: *Географію*, какъ науку о земномъ шарѣ; *Физику*, какъ науку о силахъ Природы; *Химію*, какъ науку о веществахъ Природы; *Естествознаніе*, какъ науку о явленіяхъ, силами и веществами производимыхъ; *Космографію*, какъ науку о видимой вселенной; *Психологію*, какъ науку о духѣ человѣка; *Физіологію*, какъ науку о веществѣ человѣка; *Всеобщую Грамматику*, какъ науку слова человѣческаго; *Эстетику*, какъ

(*) Разумѣю познаніе Бога посредствомъ Откровенія, ибо слабый нашъ умъ для сего недостаточенъ. Сіе познаніе, какъ систему, *Боговословіе*, называю наукою.

Digitized by Google

науку Изящнаго въ мірѣ; *Юриспруденцію*, какъ науку правъ одного человѣка къ другому; *Политическую Экономію*, какъ науку права вещей; *Исторію*, какъ познаніе прошедшаго, для рѣшенія идей умственныхъ, и для положительныхъ истинъ современнаго блага.

Не возводимыя въ достоинство Наукъ, всѣ сіи вѣдѣнія будутъ просто *Знанія*; части ихъ, отдѣльно взятыя, суть тоже знанія. Таковы, напримѣръ: *Этнографія*, *Оптика*, *Кристаллографія*, *Зоологія*, *Ботаника*, *Геологія*, *Астрономія*, *Грамматика*, *Лексикографія*, *Піитика*, *Риторика*, *Архитектура*, *Изографія* (какъ теорія Живописи), *Дипломатика*, *Хронологія*, и проч. и проч.

Выходя изъ міра Наукъ и Знаній, мы впадаемъ въ міръ вещественный. *Науки* міръ чистаго ума; *Знанія* міръ ума въ вещественности; *Ремесла* и *Художества* міръ простой вещественности, преобораемой человѣкомъ. Тамъ умъ — здѣсь сила; тамъ воля — здѣсь необходимость; тамъ человѣкъ — здѣсь членъ общества: дворянинъ, купецъ, чиновникъ, воинъ, земледѣлецъ, фабрикантъ, торговецъ. Здѣсь косвенныя приложенія наукъ: *Металлургія*, *Артиллерія*, *Пиѳологія*, *Земледѣльческая Физика*, *Ремесленная Химія*. *Живопись* разводитъ узоры на ситцахъ; *Механика* дѣлаетъ Жаккардовъ станокъ, *Архитектура* строитъ овинъ.

Весь міръ вѣдѣній можетъ быть обхваченъ въ *Энциклопедіи*; частные отдѣлы его могутъ составлять отдѣльныя *Циклопедіи*. Отъ каждой, самой

Digitized by Google

мѣлкой отрасли, даже ремеслъ, можете обвести кругъ *циклопедическій*. Все можете вы свести въ нѣсколько идей; обратно, каждую идею можете облечь въ разнообразіе множества формъ. Дюпенъ составилъ особое знаніе подъ именемъ *Динамія*; изъ ремеслъ и художествъ составляется циклопедія *Технологіи*. Такъ и самую *Схоластику* можно назвать особою наукою: думая только о мірѣ Древнихъ, она хочетъ познаніемъ Латини и Древностей Классическихъ ограничить умъ человѣческій, а на все другое смотритъ, какъ на обстоятельство частное.

Мнѣ кажется, что рѣшась основательно вывести Науки и Знанія изъ схоластическихъ формъ, надобно опредѣлить: до какой степени должно допускать ученіе идей къ ученію фактовъ въ каждой наукѣ; далѣе, упростить высшія идеи Наукъ; привести въ систему фактическое ученіе, и потомъ придумать методы къ изученію того и другаго. Тогда убѣдимся мы, что не *не Наука долга*, а затруднительная форма, въ какую облекали ту, или другую Науку, дѣлали изученіе оной долгимъ, и что не міръ наукъ безконеченъ, но близорукость наша причиною медленности. Не Наука причиною и скуки ученія, но дурныя методы. Мы, или хвалимся невѣжествомъ, или хотимъ быть учеными, но не просвѣщенными, или до такой степени стараемся раздвинуть маленькіе предѣлы какого нибудь частнаго вѣдѣнія, которое успѣли узнать, что оно поглощаетъ всю нашу жизнь, и дѣлаетъ насъ чуждыми всему остальному міру вѣдѣній.

Digitized by Google

Отсюда происходитъ презрѣніе математика къ поэту, поэта къ математику. Какой копунъ надъ палеографическими мѣлочами не скажетъ намъ, что труды Нибура и Гердера суть пустыя мечты? Отсюда вѣчная вражда идеалиста съ реалистомъ, синтеза съ анализомъ. Участки знанія, тщательно сберегаемыя каждымъ въ своемъ углу, почитаются собственностью обладающихъ ими, за которую стоятъ они, какъ будто за свое имѣніе. Всякій живетъ у себя, и не знаетъ, что дѣлается у сосѣда. Зоологъ не стыдится не знать Шекспира; поэтъ не совѣстится не знать, что такое изотермическая линія. Схоластическое ученіе, состоя изъ безобразной кучи клочковъ и условныхъ формъ, дѣлается искусомъ, который всякій долженъ вышерпѣть, и спѣшитъ потомъ забыть, оставляя школу. Дивиться-ли, что Граммашикѣ, или Риторикѣ, трудно выучиться, когда эти простыя, необходимыя всякому знанія, облекаются ужасными словами и формулами? Удивительно-ли, что рѣдкій не охаетъ при напоминаніи о Латини, когда его мучили, заставляя *писать* на этомъ мертвомъ языкѣ? Писать! Смѣхъ и горе! И тысячи людей *пишутъ по-Латински*, и Цицероновъ прахъ содрогается отъ нашего Латинскаго писанья...

Смѣло, но — дѣлать нечего: отдѣлимъ, на время, *просвѣщеніе* отъ *учености*. Кто *просвѣщенный* человѣкъ? Тотъ, кто, сообразно своему званію и назначенію, получилъ понятіе о Богѣ, Природѣ и Человѣкѣ; кто пріобрѣлъ притомъ въ ученіи средства для своего умственнаго и вещественнаго блага и наслажденія — лекарь-ли онъ, купецъ-ли, ре-

Digitized by Google

мещанинъ-ли, чиновникъ-ли — все равно. Смотря по своему мѣсту въ обществѣ, онъ нечуждъ приличныхъ ему умственныхъ наслажденій; онъ не машина, но умное, образованное твореніе въ своихъ вещественныхъ занятіяхъ.

И все это должно отнести въ область *Педагогіи*. Перейдемъ теперь къ ней собственно. Слѣдуетъ: «*опредѣлить образъ преподаванія Наукъ и Знаній.*» — Мнѣ кажется, что послѣ предварительныхъ, изложенныхъ нами положеній, это является дѣломъ очень возможнымъ.

Но я пишу, и не замѣчаю, что письмо мое къ вамъ, любезный Докторъ, перешло всѣ предѣлы письма. По неволѣ становишься словоохотенъ, когда рѣчь идетъ о дѣлѣ, долго насъ занимавшемъ. Признаться-ли и въ нѣкоторомъ своекорыстіи? Я отецъ нѣсколькихъ сыновей, милыхъ мнѣ, какъ отцу. Это заставляло, и всегда заставляетъ меня размышлять о *воспитаніи* и *ученіи*, что для меня одно и тоже. Самъ я не получилъ никакого образованія въ дѣтствѣ моемъ, и потомъ, будучи уже лѣтъ двадцати, началъ свое воспитаніе. Это имѣло большія неудобства и невыгоды, но и особенныя удобства и выгоды. Тяжкимъ трудомъ, при недостаткѣ средствъ, покупалъ я каждое зерно науки, и безсонными ночами, въ лучшія лѣта юности, платилъ за то, что легко и шутя досталось-бы мнѣ въ дѣтскихъ лѣтахъ! Страсть къ ученью, при недостаткѣ способовъ, заставляла меня забывать для него все, изобрѣтать собственныя системы и

Digitized by Google

методы, составлять самому себѣ руководства. Трудно, тяжко было мнѣ все это, но за то схоластика не успѣла положить на меня своего свинцоваго клейма, не могла оглушить и ослѣпить меня своимъ плетворнымъ вліяніемъ. Слишкомъ поздно уже встрѣтилъ я это неповоротливое чудовище, и смѣло могъ смотрѣть въ его неподвижные глаза, не боясь быть ими околдованъ. Чада его могли потомъ увѣриться, что ихъ усилій недостанетъ задушить меня бреніемъ, летящимъ изъ ихъ темныхъ угловъ, а кислая личина, закрывающая ихъ ученую пустошу, не однажды слетала отъ моего удара...

Простите, любезный Докторъ, до втораго письма.

Н. П.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская литература.

— *Записка*, читанная Г. Президентомъ Императорской Академіи Наукъ, въ общемъ ея собраніи, 21 Марта 1832 г. СПб. 1832 г. въ т. Академіи Наукъ, in-8, 8 стр.

Доказательство, съ какою ревностію почтенный Президентъ Академіи готовъ споспѣшествовать всякому дѣлу на пользу наукъ и просвѣщенія; доказательство и того, что предпринятое Г-мъ Строевымъ по Россіи путешествіе, на иждивеніе Академіи, обѣщаетъ плоды желанные. Сердечно радуемся тому и другому: Русское сердце всегда готово сочувствовать всему хорошему и полезному. Брошюрка, о которой мы хотимъ теперь извѣстить, содержитъ въ себѣ *Рѣчь, произнесенную при коронованіи Царя Василія Шуйскаго*, въ Москвѣ, 1606 года, Іюня 1-го дня, Новогородскимъ Митрополитомъ. При ней приложены предварительныя замѣчанія Г-на Президента Академіи. Рѣчь сія найдена въ *Чинѣ коронованія Василія Шуйскаго*, Г-мъ Строевымъ, донынѣ бывшемъ неизвѣстнымъ, «Если-бы открытія Г-на Строева »

Digitized by Google

(говоришь Г-нъ Президентъ) « ограничивались однимъ симъ *безцѣннымъ остаткомъ древности*, то и тогда, конечно, труды его, и пожертвованія Академіи, были-бы уже достаточно вознаграждены, въ глазахъ каждаго знатока Отечественной Исторіи и Словесности. » Оцѣняя потомъ достоинство сего любопытнаго памятника Словесности XVII-го вѣка, Г-нъ Президентъ продолжаетъ: « Насъ должны изумить, не только сила и пристойность мыслей, благородный духъ, оную рѣчь отличающій, но и самая чистота, правильность и красота языка нашего, въ то время, когда (здѣсь упоминаетъ Г-нъ Президентъ о несчастномъ тогдашнемъ состояніи Россіи, и продолжаетъ) во Франціи Духовное Краснорѣчіе облекалось въ форму отвратительную, совершенно варварскую; въ тотъ самый годъ, въ которомъ родился Корнель; когда въ Германіи не было, кромѣ Лютера, ни Краснорѣчія, ни Словесности, а въ Англіи Шекспиръ, какъ ранняя звѣзда, одинъ сіялъ на горизонтѣ. Предоставляемъ любителямъ всего отечественнаго обратить вниманіе на сей феноменъ Исторіи и Словесности нашей, и изслѣдовать: какимъ образомъ могъ нашъ языкъ перейдти отъ гибкихъ, правильныхъ, ясныхъ, истинно-Русскихъ формъ Духовнаго нашего Краснорѣчія въ началѣ XVII-го вѣка, до однообразной надутости Ѳеофана и его современниковъ? И какъ, наконецъ, Ломоносовъ вторично открылъ источникъ жизни въ мертвой пустынѣ Русскаго слова?»

Послѣ сего, конечно, любопытно будетъ всякому ознакомиться съ памятникомъ Словесности, о ко-

Digitized by Google

шором говоришъ просвѣщенный Президентъ знаменитаго ученаго сословія. Памятникъ сей не блещетъ высокимъ краснорѣчіемъ, но не свѣтится и школьною мишурою: вотъ его отличіе и достоинство. Это простое, ясное привѣтствіе Царю Россіи. Намъ кажется, что для подобныхъ привѣтствій была даже установлена извѣстная формула (*). Такъ они начинались всегда сими словами: «Всесильнаго и вся содержащаго Бога и Отца изволеніемъ, и благоволеніемъ Единороднаго Сына Его, Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и поспѣшеніемъ Святаго и Животворящаго Духа, Всемогущія, Святыя и Единосущныя Троицы волею и хотѣніемъ,» и т. д. — Позднѣйшіе образцы подобныхъ привѣтствій, говоренныхъ при коронованіи Царей Алексія и Ѳеодора, были уже намъ давно извѣстны. Ихъ можно видѣть *въ Виблiовикѣ* Новикова, т. VII, стр. 260 и 331.

Приведенною нами формулою начинается привѣтствіе и Василію Шуйскому. Далѣе оно почти совершенно сходно съ позднѣйшими привѣтствіями; только въ новѣйшихъ болѣе школьнаго риторства, перешедшаго къ намъ изъ Кіева, гдѣ все было проникнуто схоластикою въ XVII-мъ столѣтіи. Царя Алексія, напримѣръ, называли потомкомъ Августа

(*) Въ Син. Библіотекѣ, № 355, хранится *Чинъ Царскаго коронованія*, составленный въ 1642 г., но, вѣроятно, по соображенію прежняго чина.

Digitized by Google

Кесарн, и проч. — Шуйскому ничего этого не говорили. Выписываемъ здѣсь заключеніе привѣтствія Шуйскому, для соображенія любителей древности: «И отнынѣ, о Святѣмъ Дусѣ Государь, и возлюбленный сынъ Святыя Великія Апостольскія Церкви, и нашего смиренія, Богомъ возлюбленный, и Богомъ избранный, и Богомъ почтенный и нарѣченный, поставляемый отъ вышняго, неизрѣченнаго промысла Божія, по данней мнѣ благодати отъ Святаго и Животворящаго Духа, се нынѣ отъ Бога поставляешися, и помазуешися, и нарицаешися Богомъ-вѣнчанный Царь, и Великій Князь Василій Ивановичъ, всея Руссіи Самодержецъ. Да умножитъ Господь Богъ лѣта царству твоему, и положитъ на главѣ твоей Царскій вѣнецъ отъ камени честнаго, и даруетъ тебѣ долготу дни, и въ вѣкъ вѣка, и въ десницѣ твоей дастъ скипетръ царствія, и посаждаетъ тебѣ на престолѣ правды, и ограждаетъ тя нынѣ, и въ предыдущая лѣта живота твоего всеоружествомъ Святаго Духа, и укрѣпитъ мышцу твою на вся видимые и невидимые враги, и покоритъ тебѣ вся варварскіе языки, иже бранемъ хотящая, и да вселитъ Господь въ сердцы твоемъ божественный страхъ Свой; и еже къ послушнымъ милостивное, и къ повинующимся милосердое. И соблюдетъ-же тя Господь въ непорочней, истинней Христіанстей вѣрѣ, и покажетъ тя опасна хранителя своея Соборныя Апостольскія Церкви въ повелѣніяхъ, да судиши люди твоя правдою, и нищихъ твоихъ судомъ Божіимъ. Да возсіяетъ во днехъ твоихъ правда и множество мира; да въ тихости твоей тихо и безмолвно житіе поживемъ, во всякомъ благо-

Digitized by Google

честіи и чистотѣ; да здѣ добрѣ и благоугодиѣ поживеши, и наслѣдникъ будеши небеснаго царствія, со всѣми святыми, православными Цари, нынѣ и въ безконечные вѣки.»

— *Описаніе Костромскаго Ипатіевскаго монастыря*, въ коемъ юный Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ умоленъ знаменитымъ Посольствомъ Московскимъ на царство Русское. Составлено изъ подлинныхъ монастырскихъ бумагъ, 1832 года. М. 1832 г. въ т. Синодальной, in-8, 127 стр.

Въ *Исторіи Россійской Іерархіи* (сочиненіи драгоцѣнномъ, не смотря на всѣ его недостатки и погрѣшности (*), помѣщено было описаніе сей знаменитой обители (т. II, стр. 632, и слѣд.). Нынѣ изданное описаніе оной, попеченіемъ и трудами мѣстнаго Архипастыря, Преосвященнаго Павла, гораздо полнѣе, объемлетъ всѣ достопамятности монастыря, заключаетъ въ себѣ списки многихъ надписей, грамотъ и актовъ историческихъ. Оно украшено изображеніемъ Ипатьевской обители и огромнаго корпуса келлій монастырскихъ. Въ семъ корпусѣ, застроенномъ въ 1588 году, Годуновыми, жилъ юный Михаилъ, съ ма-

(*) Мы слышали, что готовилось, и даже *начато было печатаніемъ* 2-е изданіе сей книги, подъ руководствомъ Архипастыря, извѣстнаго трудами по части Россійской Исторіи и Археографіи. Сердечно желаемъ, чтобы это исполнилось.

Digitized by Google

шерью своею, и изъ сихъ келлій перешелъ онъ на престолъ Московскій. Изъ рисунка видно, что зданіе это совершенно передѣлано и измѣнено перестройками. Но — да будетъ благодарность за сіе отъ лица всѣхъ, кому дороги памятники отечественныхъ великихъ воспоминаній — келліи Михаила остаются донынѣ въ прежнемъ видѣ, безъ всякаго измѣненія. Сюда приходите, Рускіе! преклоняйте колѣно, и благоговѣйте предъ непостижимыми судьбами Бога! Въ Ипатьевскій монастырь пришекли въ 1613-мъ году, Сигклитъ и Іерархи Россіи, и повергли предъ Михаиломъ вѣнецъ Царскій. Здѣсь сказалъ онъ: *Если есть на то воля Бога, да будетъ тако*, » и мать его, предъ образомъ Богоматери восклицала: « *Владычица! тебѣ предаю сына моего! Устрой ему и всему Христіанству полезное!* » — Въ память сего великаго событія присланно было потомъ изъ Москвы въ Ипатьевскую обитель Царское мѣсто, донынѣ тамъ хранимое. На немъ впослѣдствіи изобразили имя Екатерины: она посѣтила обитель въ 1767 г., и слушала обѣдню, стоя на семъ мѣстѣ. « Вотъ какіе были Царскіе чертоги! » сказалъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ, посѣтивъ въ 1817 году келліи, гдѣ жилъ соименитый предокъ его. Марта 14-е, день избранія Михаила на царство, всегда торжественно празднуется въ Костромѣ. Для чего не во всей Россіи?

И сего великаго событія было-бы достаточно, чтобъ благоговѣніе Рускихъ всегда сохранилось къ Ипатьевской обители; но она замѣчательна и по

Digitized by Google

другимъ отношеніямъ. Ее основалъ *Мурза Четъ*, родоначальникъ Годуновыхъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ видѣлъ онъ небесное явленіе. Здѣсь положенъ онъ былъ послѣ смерши, и родъ Годуновыхъ хороненъ былъ потóмъ подлѣ вешхаго гроба прародительскаго. Три монастырскія *усыпальницы* наполнены останками Годуновыхъ. Здѣсь всѣ они, кромѣ шѣхъ, могилы которыхъ разбросаны бурею жизни, и — кромѣ Бориса и его семейства! Благоговѣя къ праху предковъ, Годуновы обогащали обитель Ипатьевскую дарами и вкладами, особенно-же отличались Борисъ Ѳеодоровичъ и Димитрій Ивановичъ Годуновъ. Драгоцѣнныя Евангелія, сосуды, судари, воздухи, ими принесенные, донынѣ удивляютъ богатствомъ. Михаилъ такжe дѣлалъ богатые взносы и дары. Болѣе 11,000 душъ крестьянъ, и множество другихъ имѣній, принадлежало прежде монастырю Ипатьевскому. Онъ равнялся богатствами съ знаменитѣйшими обителями: *Пафнутьевскою* Боровскою, *Іосифовскою* Волоколамскою, и уступалъ, кромѣ Царскихъ великихъ обителей, только монастырямъ *Спасскому* Ярославскому, *Кирилловскому* Бѣлозерскому *Воскресенскому* Новому Іерусалиму, *Новоспасскому*, *Симонову*, и *Саввинскому* Звенигородскому: за 1-мъ изъ сихъ монастырей было крестьянъ 13,981, за 2-мъ 21,590, за 3-мъ 13,660, за 4-мъ 14,145, за 5-мъ 12,146, за 6-мъ 16,047. Къ *Чудову* монастырю было приписано 18,681, *Вознесенскому* 15,582. Всѣ превосходила богатствами *Троицко-Сергіева Лавра:* она имѣла 106,068 душъ крестьянъ во владѣніи своемъ.

Digitized by Google

— *Исторія общественнаго образованія Тульской Губерніи.* (Соч. И. П. Сахарова). Ч. I. М. 1832 г. въ т. С. Селивановскаго, in-8, 238 стр. съ планами Тулы, 1731, 1831 годовъ.

По плану Автора, сочиненіе это должно было заключаться въ *двухъ* частяхъ. Но послѣдовавшій поспѣшный сборъ матеріяловъ распространилъ планъ, и книга будетъ гораздо обширнѣе. Выданные теперь листки можно назвать *пробными*. Въ нихъ помѣщено *восемь* статей: Географическое обозрѣніе Тульской Губерніи (пространство, положеніе, почва, рѣки, озера); Писцовыя книги Тульскаго посада 1624-го и 1685 гг. (часть оныхъ была помѣщена въ Телеграфѣ); Граматы (и разные историческіе акты, числомъ 53. Еще 42 будетъ напечатано впослѣдствіи. Многіе весьма любопытны и замѣчательны); Отрывокъ Тульской разрядной книги 1680 года; Легенды монастырскія (Кормовая книга Анастасовскаго Одоевскаго монастыря, 1558 г. и проч.); Записки (купчія, и особенно любопытное слѣдственное дѣло о землѣ, 1689 г.); Челобитныя (здѣсь замѣчательна добродушіемъ жалоба Тулянъ, 1688 года, на отнятіе земли дѣтьми боярскими села Малинова, въ Донковскомъ уѣздѣ. «Та, Государи», пишутъ Туляне, «земля за межами и за гранью, и ее въ сыску сыскиваютъ неправдою, и урочища отводятъ не тѣ, не села Малинова, и тѣ дѣти боярскіе тѣхъ челобитчиковъ села Малинова многіе свойственники и хлѣбожцы, а подьячіе Донковскіе, стакався съ челобитчиками за одно, пишутъ обыски неправдою, и чертежъ чинятъ ложно, для того, что у тѣхъ подьячихъ въ томъ селѣ Малиновѣ

Digitized by Google

построенъ дворъ, для того на крестьянъ посягаютъ, и съ земли гонятъ напрасно. Пожалуйте насъ, холопей своихъ, за службу, и за кровь, и за смерть родителей нашихъ, и за нашу, холопей вашихъ, службишку, и за кровь, и за раны, не велите ложному иску повѣришь«, и проч.). Въ заключеніе приложена хронологическая роспись важнѣйшихъ событій въ Тулѣ, съ древнѣйшихъ временъ (*).

Г-нъ Сахаровъ предпринялъ написать подробно историческую и статистическую картину Тулы и ея губерніи. Неутомимо нѣсколько лѣтъ посвящалъ онъ сему предпріятію, котораго не льзя похвалить довольно, какъ за безкорыстное усердіе, такъ и за труды, какихъ оно стоитъ. Надобно испытать самому, чтобы оцѣнить подобные, не блестящіе, но полезные подвиги. Сочиненіе Г-на Сахарова не будетъ притомъ просто холодною компиляціею. Видѣвъ его статистическія таблицы, можно увѣриться, что онъ смотритъ не на одне только цифры, но цифрами хочетъ приготовить выводы, безъ коихъ Статистика дѣлается упражненіемъ, достойнымъ Цыфиркина, такъ, какъ палеографическіе сборники, безъ взгляда Исторіи, сухой матеріялъ.—Желаемъ, чтобы ничто не помѣшало окончанію трудовъ Г-на Сахарова.

— *Scelta de prose Italiane*, coll' aggiunta d'alcune brevi notizie dei loro autori, и проч. (*Выборъ Италь-*

(*) Имя *Тулы* встрѣчается первый разъ въ лѣтописяхъ въ 1147 году.

Digitized by Google

янскихъ прозаическихъ отрывковъ.) Изданный I. Рубини, Лекторомъ Итальянскаго языка при Московскомъ Университетѣ. М. 1832 г. въ т. Унив., in-8, XII, и 348 стр.

Имя Г-на Рубини извѣстно уже по изданію весьма хорошей Итальянской Грамматики, принятой для преподаванія въ Московскомъ Университетѣ, и удостоенной лестнаго отзыва знатоковъ. Его Святѣйшество, Папа, препроводилъ къ Г-ну Рубини драгоцѣнный подарокъ, при благосклонномъ отношеніи, получивъ экземпляръ Грамматики Г-на Рубини. Изданная имъ теперь *Хрестоматія Итальянская* заслуживаетъ также вниманіе, выборомъ статей и исправностью Словаря, въ концѣ оной приложеннаго. Къ каждому слову прибавлено Французское однозначащее, и Русскій переводъ, и надъ каждымъ словомъ поставлены знаки ударенія, какъ извѣстно, довольно затруднительнаго для учащихся Итальянскому языку. Г-нъ Рубини выбиралъ изъ старыхъ и новыхъ писателей, желая дать болѣе полное понятіе объ Итальянской прозѣ разныхъ временъ. Такъ онъ помѣстилъ отрывки изъ Макіавеля, Цанотти, Саннацара, Альфіэри, Пиндемонте, Альгаротти, Тирабоски, Гиччіардини, и проч.—Вся книга раздѣляется на *девять* отдѣловъ. Въ заключеніе приложенъ реэстръ именъ собственныхъ и названій географическихъ.

— *Рыцарская клятва на гробѣ*, или два портрета. Русскій романъ изъ временъ Меченосцевъ. (Соч. Я. И. де-Санглена). Двѣ части. М. 1832 г. въ т. А. Семена, in-12, 141 и 144 стр. съ двумя лит.

Digitized by Google

изображеніями развалинъ монастыря Св. Бригиттины и замка Маріенбурга.

При нынѣшнемъ обиліи книгъ, когда по каждой тропинкѣ Литтературы идетъ народъ большими толпами, всего труднѣе пробить новую тропу. Причиной этого тѣснота. И что-же другое, если не *тѣснота*? Вы попали въ толпу: васъ жмутъ, давятъ со всѣхъ сторонъ. Когда шутъ думать о новой дорогѣ: дай Богъ, чтобы только не задавили, когда вы, хоть въ слѣдъ за другими, подвигаетесь впередъ; дай Богъ только не отстать отъ другихъ. Не всякій такъ силенъ, что можетъ раздвинуть толпу, и дать себѣ свободную дорогу; не всякій такъ высокъ, что, подобно Саулу, стоя среди народа, будетъ цѣлою головою выше другихъ. Впрочемъ, надобно-ли и изобрѣтать что нибудь новое? Все такъ скоро старѣется нынѣ, какъ мѣсяцъ въ поднебесьѣ: не успѣлъ онъ умыться свѣжимъ дождикомъ въ новолуніе, какъ и глядишь уже старымъ лицомъ Хрона! Толпа бываетъ всему причиною: она старитъ все и всѣхъ. Давно-ли В. Гюго создалъ своего Казимодо? Но теперь это явленіе уже совсѣмъ не новое: тысячи Казимодовъ явились послѣ перваго, оригинальнаго, и перья романистовъ такъ истрепали идею Гюго, что если вздумается ему выдать намъ еще нѣчто въ родѣ Notre-Dame de Paris, то всѣ закричатъ: «О, какъ старо!»

Что прикажете послѣ сего дѣлать? Остается, не забошясь о новизнахъ, хорошо и ловко идти съ другими по старымъ дорогамъ. Такъ и дѣлается въ

Digitized by Google

мірѣ романистовъ, и другихъ мірахъ литературныхъ. И читатели уже привыкли къ этому. Выходитъ книга. Прежде всего спрашиваютъ: въ какомъ *родѣ* пишетъ Авторъ? Въ родѣ Ричардсона, В. Скотта, Купера, В. Гюго, Гёте, Радклифъ, А. Лафонтена, Лесажа, Пикара, Сю, Бальзака, Якоба Библіофила? Этимъ вопросомъ опредѣляются условія, въ силу которыхъ судятъ новое твореніе. За тѣмъ уже слѣдуетъ вопросъ о собственномъ достоинствѣ романа.

Если читатели спросятъ насъ о родѣ *Рыцарской клятвы*, то, не смотря на слова: *Русскій романъ, изъ временъ Меченосцевъ*, мы скажемъ имъ, что этотъ романъ принадлежитъ къ *новой Нѣмецкой школѣ Историческихъ романовъ*, къ которой принадлежатъ сочиненія Тромлица, Фанъ-деръ-Фельда, Блуменгагена, Шопенгауеръ, отчасти Цшокке. Такого рода романы совсѣмъ не В. Скоттовскіе, и почти не могутъ называться Историческими. Взявъ какое нибудь историческое лицо, или событіе, романистъ рисуетъ по произволу своей фантазіи. Другое отличіе сего рода: обыкновенно пишутъ ихъ въ небольшомъ объемѣ; романистъ не заботится о живописи нравовъ и обычаевъ, очеркахъ характеровъ, подробностей, о глубинѣ сердца человѣческаго. Нѣтъ! онъ довольствуется запутанностью завязки, множествомъ частныхъ происшествій, толпою дѣйствующихъ лицъ. Такъ быстро смѣняются одни другими дѣйствующіе и дѣйствія ихъ, что читателю нѣкогда думать. Свиданіе, битва, любовь, тюрьма, побѣгъ, убійство, монастырь, дворецъ, рыцарь, разбойникъ, заговоръ — все это является

Digitized by Google

безпрестанно, и находится иногда въ повѣсти Блуменгагена, Шопенгауеръ, Тромлица, которая вся не болѣе 200 страницъ.

Вотъ родъ, къ которому принадлежитъ романъ Я. И. де-Санглена. Русскіе совсѣмъ не выходятъ тутъ на сцену. Дѣйствуютъ Ливонскіе Рыцари. Впрочемъ, и не въ нихъ завязка и развязка. Безразсудный обѣтъ, данный однимъ изъ Рыцарей, послѣ смерти своей подруги, никогда не женишься; несчастная любовь, овладѣвшая имъ послѣ сего обѣта; шерзанія сердца, убившія двухъ любовниковъ, но не заставившія ихъ измѣнить клятвѣ — таково содержаніе новаго романа. Множество событій посторонних разнообразятъ основное содержаніе, которое было уже обрабатываемо неоднократно. Мы помнимъ развитіе сей идеи въ сочиненіяхъ Миссъ Бюрней, Г-жи Жанлисъ, Г-жи Коттенъ. Впрочемъ, не бѣда, если мысль, богатая развитіемъ, будетъ основаніемъ, хотя она не новая, и занимала уже прежнихъ романистовъ. Г-нъ де-Санглевъ умѣлъ обрисовать не-новую идею романа своего новыми красками, придать ей занимательность, и возбудить участіе къ гербямъ своего романа. Чувство роднаго отзывается у него во многихъ мѣстахъ, соединенное съ познаніемъ мѣстности и сердца человѣческаго. Авторъ посвятилъ свое сочиненіе Эстляндскому Рыцарству и городу Ревелю, гдѣ протекли лучшіе годы его жизни.

— *Тексты изъ Библіи, примѣненные къ отечественной войнѣ 1812 года.* (Переложилъ въ стихи Ав. Шишгоцкій). М. 1832 г. въ т. Унив., in-12. 22 стр.

Digitized by Google

А. С. Шишковъ, занимая должность Государственнаго Секретаря, и находясь въ походѣ 1813 года, имѣлъ довольно свободнаго времени, читалъ Библію, и выписывалъ мѣста, коими можно было изобразить священную, кипѣвшую тогда брань Европы съ Наполеономъ. Онъ читалъ сіи выписки Императору Александру, и былъ удостоенъ Высочайшаго благоволенія. Почтенный старецъ описываетъ это въ своихъ *Запискахъ*, и прилагаетъ самыя, сдѣланныя имъ тогда выписки свои изъ Библіи. Г-нъ Шпигоцкій переложилъ сіи выписки въ стихи, и былъ награжденъ лестно: «Его Высокопревосходительство» — говоритъ Г-нъ Шпигоцкій, въ Предисловіи — «осчастливилъ меня дозволеніемъ украсить мое слабое преложеніе посвященіемъ Его высокой особѣ.» Такое награжденіе юнаго дарованія, достойнымъ образомъ, заставитъ всякаго порадоваться успѣху предпріятія Г-на Шпигоцкаго.

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

— Œuvres complètes de Ludwig Tieck. *(Полное собраніе сочиненій Людвига Тика. Отдѣленіе I. Шекспиръ и его современники).* Переводъ съ Нѣмецкаго. Парижъ, 1832 г. 4 т., in-12.

Въ статьѣ, помѣщенной въ началѣ сей книжки, и писанной умнымъ современнымъ писателемъ, имя *Тика* поставлено наряду съ великими именами Германской Литературы: Гёте, Шиллеромъ, Жанъ-Полемъ, Гердеромъ. Такъ думаютъ о Тикѣ Нѣмцы. Такими-же находимъ мы и отзывы Французскихъ Журналистовъ, по поводу начатаго нынѣ Французскаго перевода всѣхъ сочиненій Тика.

Отважно будетъ послѣ сего сказать собственное наше мнѣніе, если мнѣніе это совершенно несогласно съ авторитетомъ Французскихъ и Нѣмецкихъ критиковъ. Намъ кажется, что Тикъ не только не стоитъ рядомъ съ другими великими именами Германіи XVIII-го вѣка, но мы не поставимъ его даже и близко подлѣ Гёте, Жанъ-Поля, Гоффмана, Гердера. Мы думаемъ, что Тикъ писатель умный, ловкій, *національный* (важное обстоятельство для похвалы соотечественниковъ). Онъ сильно участвовалъ въ переворотѣ Германской Словесности съ половины XVIII-го вѣка; душѣ его не было чуждо ни что великое и изящное, и она отзывалась во многомъ

Digitized by Google

сильно и глубоко. Но здѣсь кончится слава Тика. У него не найдете ни всемірности Гёте, ни неземнаго возвышенія Шиллера, ни глубокаго соединенія Поэзіи и Философіи Гердера, ни горящаго хаоса души Жанъ-Поля. Онъ всегда летитъ въ виду земли, кокетствуетъ съ фантазіею, разсказываетъ сказки, и не забываетъ, что онъ Нѣмецъ и *Совѣтникъ Тикъ*. Его вдохновеніе, его знанія носятъ на себѣ отпечатокъ какого-то труда, усилія — еще болѣе: чего-то натянутаго, упорнаго. Не въ томъ-ли разгадка славы Тика, что онъ участвовалъ въ самыхъ первыхъ битвахъ Германскаго литтературнаго генія, что когда умѣлъ онъ понять истину общаго дѣла, и записанъ былъ въ число воиновъ, наряду съ другими великими людьми? Не по сей-ли самой причинѣ упали въ Германіи, и въ Европѣ, имена Виланда, Клопштока: не потому-ли, что они не умѣли поступать подобно Тику, и оставались при старинѣ? Горе писателю и художнику, который явится во время сильнаго переворота народнаго генія, и не раздѣлитъ сочувствіемъ сего переворота! Какъ ни сильно будетъ его дарованіе, въ голосѣ общемъ не выслушаютъ его голоса. Онъ долженъ будетъ перенести свое дѣло въ судилище потомства, но и тутъ дѣло рѣшатъ едва-ли въ его пользу. По крайней мѣрѣ, долго будетъ оно оставаться въ числѣ нерѣшенныхъ за справками, и легко случится, что его передадутъ въ архивъ неконченнымъ!

Явленіе полнаго перевода всѣхъ сочиненій Тика на Французскомъ языкѣ весьма замѣчательно и любопытно. Это доказываетъ, какое дѣятельное дви-

Digitized by Google

женіе существуетъ теперь во Французской Литературѣ, и какъ быстро спѣшатъ Французы овладѣть всѣми сокровищами чужеземными. Переводъ безъ разбора всякихъ иностранныхъ писателей, и обиліе туземныхъ произведеній, показываютъ, что на любопытствѣ и жадности публики основываютъ теперь во Франціи даже множество торговыхъ спекуляцій. Цѣлыя отдѣленія романовъ Американскихъ, Кастильскихъ, морскихъ, Ирландскихъ, Русскихъ, Марсельскихъ, являются во множествѣ томовъ. Пусть работаютъ! Все это въ порядкѣ вещей: ничтожное исчезнетъ, истинно-хорошее останется, а умъ человѣческій, какъ добрый банкиръ, всегда будетъ въ выигрышѣ противъ понтёровъ.

Въ четырехъ вышедшихъ книжкахъ сочиненій Тика помѣщенъ романъ, или, лучше сказать, разсказъ его: *Жизнь поэтовъ* Переводчикъ назвалъ этотъ разсказъ: *Шекспиръ и его современники.* Названіе звучное, только несправедливое. Правда, что Шекспиръ является тутъ на сцену; но главныя роли не его: Гринъ, Марловъ дѣйствуютъ болѣе; по крайней мѣрѣ, они схвачены сильнѣе. Шекспиръ блѣденъ, худо обрисованъ, и, какъ ни увѣряй насъ дюжина Тиковъ — онъ не былъ таковъ, онъ непохожъ! Такія-ли черты надобно было схватить въ жизни его, какія схватилъ Тикъ, когда желалъ онъ изобразить Шекспира, какъ поэта! Молодой Нѣмецкій студентъ, съ пламенною головою, будетъ доволенъ Тиковымъ Шекспиромъ; но не тотъ, кто самъ видѣлъ и испыталъ свѣтъ и людей, знаетъ противоположность міра идеальнаго съ міромъ дѣй-

Digitized by Google

ствительнымъ, и кто проникалъ въ бездну души Шекспира, иногда ужасаясь ея глубины, иногда торжествуя, при созерцаніи оной, величіе человѣка! Шекспиръ не говорилъ и не дѣйствовалъ такъ, какъ заставляютъ его передъ нами говорить и дѣйствовать. Такъ смотритъ на него съ ложной точки зрѣнія.

— Philosophie transcendantale, ou système d'Emmanuel Kant (*Трансцендентальная Философія*, или система Эммануила Канта). Соч. Л. Ф. Шёна (Schön). Парижъ, 1831 г. 1 т., in-8.

И къ намъ доходятъ уже слухи о переворотахъ, какіе въ послѣдніе годы произошли въ современной Европейской Философіи. Мы осмѣливаемся посовѣтовать читателямъ—не вѣрить въ такомъ случаѣ на слово никому. Духъ партій, самохвальство, заблужденіе готовы представить имъ то, чего вовсе нѣтъ.

Говорятъ, что Шеллингъ самъ отказывается отъ своего владычества, какое имѣлъ онъ надъ умами современниковъ; что его Философія падаетъ разрушенная; что Кузенъ уличается въ самозванствѣ и неосновательности; что новая, истинная Философія теперь только начинается.

Не усомнится-ли всякій во всемъ этомъ, сообразивъ только кратковременность и быстроту подобныхъ переворотовъ? Такое сомнѣніе будетъ признакомъ истинной мудрости. Въ самомъ дѣлѣ: не нелѣпость-ли кричать о паденіи Шеллинга, когда запятъ лѣтъ всѣ кричали о его величіи и безсмертіи? Гдѣ, какая это Философія, изъ какого угла души человѣческой, который былъ до сихъ поръ незамѣченъ,

Digitized by Google

выползла она? Шеллингова Философія прошла — говорятъ намъ, какъ будто эта Философія была шутка, выдуманная Шеллингомъ.

Шеллингъ не выдумывалъ своей Философіи: она существовала съ того времени, какъ существуетъ человѣкъ; она была Философіею Восточною, Греческою, Александрійскою. Шеллингъ заключилъ новый періодъ ея, начатой Кантомъ и Фихте. После изумленія, какое слѣдовало за великимъ подвигомъ Шеллинга, естественно было встрѣтить ей противоборство, ибо Человѣчество не кончилось съ Шеллингомъ, а если не кончилось, то и надобно было ему идти впередъ, а Шеллингу остановиться. Во время самаго великаго могущества Шеллингова можно было предвидѣть, чѣмъ кончитъ онъ самъ: онъ впалъ въ Мистицизмъ, сколько можемъ мы понять изъ всего, что объ немъ слышимъ. Кажется, что именно это направленіе называютъ намъ нынѣ многіе говоруны истинною Философіею нашего времени. Но должно-ли вѣрить: мрачный *Мистицизмъ* есть частное уклоненіе ума человѣческаго, такъ-же, какъ чистый *Матеріялизмъ*. Это двѣ крайности человѣческаго мысленія; синтезъ бываетъ началомъ одной, анализъ началомъ другой.

Каждый мыслящій человѣкъ, конечно, не по слѣпому порыву слѣдовалъ Философіи той, или другой, но по собственному, вѣрному изслѣдованію и глубокому самопознанію. Онъ искалъ *не Шеллинга, не Гегеля*, но *истины*; испытывалъ, думалъ, и убѣдился. Кто стоитъ на такомъ твердомъ основаніи, того не тронутъ клики страстей, голосъ пристра-

Digitized by Google

сшія, шумъ предубѣжденія, духъ партій. Спокойно будетъ онъ смотрѣть на безпокойное волненіе духа человѣческаго, вокругъ себя, и настоящее разгадаетъ опытомъ Исторіи человѣческаго мысленія.

Недавно Парижская толпа бѣгала за Кузеномъ, и у насъ безусловно раздавались похвалы ему. Теперь Парижская чернь освистываетъ Кузена, и у насъ появляются отзывы насмѣшекъ надъ нимъ. Загадка вся въ томъ, что по политическимъ своимъ мнѣніямъ, Кузенъ принадлежитъ къ одной партіи, а противники его къ другой. Жаль также, что Кузенъ увлекся порывомъ честолюбія, и самъ переломилъ жезлъ умственнаго своего владычества. Кузенъ-философъ былъ великъ; Кузенъ-вельможа забавенъ. . . . Но, что намъ за дѣло до Кузена, какъ человѣка? Философъ-Кузенъ никогда не перестанетъ быть великимъ въ Исторіи своей страны и своего вѣка. Люди, уличающіе Кузена въ присвоиваніи Нѣмецкихъ идей, и опровергающіе его *Эклектизмъ*— кажется, не понимаютъ того, что онъ писалъ, и въ чемъ заключается его Философія, великая, мудрая, приноровленная къ вѣку, въ которомъ жилъ, и къ народу, съ которымъ говорилъ Кузенъ. Онъ долженъ былъ прейдти, но идеи его никогда не прейдутъ.

Отверженію Шеллинга въ Германіи и Кузена во Франціи должно было наслѣдовать явленіе множества разнородныхъ системъ и мнѣній съ одной стороны, а съ другой желаніе взойдти къ самому источнику идей Философіи Шеллинга и Кузена. Все

Digitized by Google

это и сдѣлалось. Эклектизмъ, Раціонализмъ, Реализмъ, Мистицизмъ даютъ теперь открытый бой въ Германіи и во Франціи. Множество отдѣльныхъ уклоненій, политическихъ, моральныхъ, даже религіозныхъ, является въ тоже время.

Оглушенные шумомъ, отъ сего происходящимъ, между тѣмъ, какъ толпа сего дня хвалитъ, завтра бранитъ, сегодня ставитъ своего идола на позорище, завтра ломаетъ его, люди, искренно ищущіе истины, рѣшаются приняться за основательную повѣрку всего ими слышаннаго и виднннаго. Готовые искренно сознаться, если ихъ убѣдятъ въ ошибкѣ, они хотятъ еще болѣе укрѣпиться повѣркою, если то, въ чемъ они убѣждены, окажется прочно по сей повѣркѣ.

Къ числу такихъ людей принадлежитъ Шёнъ, Авторъ изданной въ прошломъ году книги о системѣ Канта. Книгу эту можно рекомендовать ищущимъ истины, какъ основательное, полное изложеніе Философіи Кантовой. Кантъ писалъ много, языкомъ темнымъ и труднымъ. Излагавшіе систему Канта, или брали частныя отдѣленія творепій его, или писали увлеченные его Философіею, или разбирали ее съ предубѣжденіемъ критики. Шёнъ удалился отъ всѣхъ сихъ путей, немогущихъ довести къ истинному и полезному объему Кантовой Философіи. Онъ разсматриваетъ ее всю вполнѣ; не разбираетъ, но *излагаетъ* ее, съ примѣрнымъ безпристрастіемъ. Вотъ порядокъ его изложенія: жизнь Канта (краткій очеркъ его системы, и исторія его мысленія); пролегомены Транс-

Digitized by Google

ценденталной Философіи; изложеніе оной; эстетика, Логика, Діалектика, паралогизмы, антиномія, Теологія; Методологія; Критика Разума практическаго; категоріи независимости; Критика сужденія; аналитика Прекраснаго и Высокаго; критика сужденія телеологическаго.

— Tableaux chronologiques de l'Histoire moderne, etc. (*Хронологическія таблицы Исторіи новыхъ временъ*, отъ взятія Турками Царяграда до Французской революціи (1453–1789 гг.) Соч. Мишеле. Парижъ, 1826 г. *Изданіе второе*, 1 т. in-8.

— Précis de l'Histoire moderne, etc. (*Основанія Исторіи новыхъ временъ.*) Соч. Мишеле. Парижъ, 1832 г. *Изданіе третіе*, 1 т. in-8.

— Introduction à l'Histoire universelle. (*Введеніе во всеобщую Исторію*). Соч. Мишеле. Парижъ, 1831 г.

— Histoire Romaine (*Римская Исторія* Отдѣленіе I. *Республика*). Соч. Мишеле. Парижъ, 1831 г. 2 т. in-8.

Мишеле изъ числа тѣхъ литераторовъ, которые, будучи гражданами Франціи, по родинѣ своей принадлежатъ равно Франціи и Германіи, и равно обладаютъ языкомъ той и другой земли. Большею частію, такіе люди двухъ отечествъ бываютъ безхарактерны и ничтожны, какъ переходы изъ царства въ царство въ области Природы. Но каждый недостатокъ вознаграждается въ свою очередь, въ области Природы и Человѣка. Выродки изъ народныхъ переходовъ одного царства въ другое бываютъ тѣмъ блестящѣе, тѣмъ замѣчатель-

Digitized by Google

ніе. Таковы новые Французскіе литтераторы: Кине, Гиньо, Мишеле. Они соединяютъ въ себѣ глубину и важность Германца со всеобъемлемостью и общительностью Француза. Они мирятъ темноту Германіи съ блескомъ Франціи. Гиньо превосходно дополнилъ и передалъ на Французскомъ языкѣ Крейцерову Миѳологію; Кине сдѣлалъ тоже съ твореніемъ Гердера о Всеобщей Исторіи; Мишеле перевелъ и издалъ твореніе Вико. Опыты послѣдующихъ трудовъ Кине можно видѣть изъ отрывка, напечатаннаго нами въ N° 1 и 2-мъ Телеграфа на сей годъ. Мишеле занялся въ свой чередъ великимъ твореніемъ: онъ рѣшился составить стройную, прагматическую Римскую Исторію изъ драгоцѣнныхъ матеріяловъ, какіе трудами Нибура, предшественниковъ и противниковъ Нибуровыхъ, были приготовлены. Всѣ сіи матеріялы привелъ Мишеле въ систему, и въ прошломъ году выданы были имъ два тома Римской Исторіи, въ коихъ событія доведены до воцаренія Августа. Это твореніе первой степени по важности предмета, и изложенію его, краснорѣчивому, увлекательному. Здѣсь является все достоинство заслугъ Нибура, и совершенно новый взглядъ на Исторію Рима. Книга Мишеле переводится на Русскій языкъ, и опытъ сего перевода былъ помѣщенъ въ Телеграфѣ (N° 8). Надѣемся поговорить подробнѣе, когда книга явится на Русскомъ языкѣ вполнѣ. Мишеле продолжаетъ трудъ свой, и слышно, что вскорѣ издастъ онъ еще два тома.

Не льзя не указать читателямъ на два прежнія сочиненія Мишеле, касательно Новѣйшей Исторіи:

Digitized by Google

Таблицы и *Очерки*, служащіе для лекцій Историческихъ, которыя читаетъ Мишеле въ Парижскомъ Коллегіумѣ Св. Варвары. И здѣсь, не смотря на то, что это произведенія прежнихъ лѣтъ Мишеле, видѣнъ умъ систематическій, человѣкъ мыслящій, ученый. Преподавателю Исторіи необходимы сіи книги Мишеле, для изображенія трехъ столѣтій, съ половины XV-го до половины XVIII-го вѣка. Онѣ могутъ быть справочною книгою для учащаго и руководствомъ для учащагося.

Введеніе во Всеобщую Исторію, изданное Мишеле въ прошломъ году, содержитъ въ себѣ краткое изложеніе основной идеи, по которой преподаетъ онъ нынѣ ученіе Всеобщей Исторіи. Идея его богата развитіемъ; но можно сомнѣваться въ полнотѣ ея, такъ, какъ неполны были великія, но слишкомъ частныя идеи *Боссюэта* и *Вико*. Впрочемъ, софизмъ человѣка необыкновеннаго перевѣсилъ истину, сказанную человѣкомъ ничтожнымъ. Умъ и ученость Мишеле дѣлаютъ брошюрку его замѣчательнымъ явленіемъ. Подобныя творенія надобно изучать даже и для того, что они заставляютъ мыслить, расшевеливаютъ умъ, дремлющій надъ ветхими истинами и уровнемъ посредственности, какой Природа безжалостно проводитъ по головамъ людей, оставляя немногія исключенія.

— Histoire de France, etc. (*Исторія Франціи*, съ 18-го Брюмера (Ноября 1799 г.) до Тильзитскаго мира (Іюля, 1807 г.). Соч. Биньона. т. I—VI. Парижъ, 1829—1831 гг.

— Je l'engage à écrire l'histoire de la diplomatie française de 1792 à 1815 (*я обязываю его написать*

Digitized by Google

Исторію Французской Дипломаціи съ 1792 *по* 1815 *годъ*) — сказалъ Наполеонъ въ духовномъ завѣщаніи своемъ, оставляя Биньону небольшой подарокъ на память. Такія слова могли-ль не заставить Биньона заняться трудомъ, который воля Наполеона завѣщала ему изъ-за гроба! Но послѣ сего трудъ Биньона долженъ былъ казаться важнымъ и затруднительнымъ, для него самого, и его современниковъ. Какія силы и средства надобно было имѣть, чтобы достойно выполнить волю великаго человѣка, и изобразить душу событій, *Дипломацію*, за *двадцати-трехъ-лѣтній* періодъ, кипѣвшій необыкновенными событіями! Во все это время, когда изъ пушекъ стрѣляли новыми идеями, и на патроны употребляли трактаты, Политика принимала тысячи измѣненій, и сраженія мнѣній и отношенія всякаго рода были не малочисленнѣе битвъ пушками и штыками, не легче сраженій подъ Ваграмомъ и Лейпцигомъ.

Намъ кажется, что Биньонъ съ честію выходитъ однакожь изъ своего труднаго положенія. Рѣшась сначала изобразить Исторію Дипломаціи съ переворота 18-го Брюмера до Тильзитскаго мира, онъ соединилъ въ *шести томахъ*, быстрое, основательное, и превосходно изложенное обозрѣніе внѣшнихъ сношеній и внутренняго управленія Франціею. Кратко описываетъ онъ войны сихъ лѣтъ, но обстоятельно изображаетъ сущность политики Наполеона, и политики другихъ Державъ. Духъ Наполеонова законодательства представленъ имъ отчетисто и вѣрно. Исподинскіе замыслы Наполеоновы, во всѣхъ отношеніяхъ, дѣлаются намъ поняти-

Digitized by Google

ны и явны; видимъ его, какъ хозяина, распорядителя правосудіемъ и финансами государственными, полиціею и просвѣщеніемъ. Никто еще не изображалъ Наполеона съ сихъ сторонъ, и Наполеонъ хорошо зналъ, кому должно поручить отчетъ за себя, передавая сей отчетъ Биньону.

Важное достоинство книги Биньона состоитъ въ томъ, что онъ не льститъ Наполеону, не пишетъ ему панегирика. Слова не говоритъ онъ безъ подтвержденія историческими документами. Духъ Автора благороденъ, и равно безпристрастенъ во всѣхъ случаяхъ. Онъ смотритъ на дѣла и событія, какъ опытный, хладнокровный государственный человѣкъ. Книга Биньона одинъ изъ важнѣйшихъ матеріяловъ для будущаго Историка Наполеонова.

Изданныя донынѣ шесть томовъ заставляютъ съ нетерпѣніемъ ожидать, когда издастъ Биньонъ описаніе двухъ другихъ періодовъ: до 1799-го года, и съ 1807 по 1820-й годъ. Биньонъ хочетъ кончить симъ временемъ, начавъ съ 1785 года.

— Histoire des progrès des sciences naturelles, depuis 1789 jusqu'à ce jour *(Исторія успѣховъ Естествопознанія* съ 1789-го года до нынѣ). Соч. Барона Кювье. Парижъ, 1829 г. 4 т. in-8.

Книга полезная; но великолѣпное названіе оной похоже на хвастовство, непростительное въ ученомъ дѣлѣ, и недостойное имени Кювье.

Не подумаете-ли, что эта книга объемлетъ собою Исторію Естествознанія за *сорокъ лѣтъ*, съ 1789-го года; что Кювье, имѣя всѣ средства наблюдать ходъ Естествознанія въ Европѣ, и другихъ частяхъ Свѣта, представилъ въ ней полную карти-

Digitized by Google

ну успѣховъ ума человѣческаго въ сихъ важныхъ отношеніяхъ? Все это можете подумать, и во всемъ этомъ ошибетесь.

Вся книга состоитъ изъ краткихъ замѣтокъ, которыми Кювье, бывши Непремѣннымъ Секретаремъ въ Парижской Академіи Наукъ, означалъ труды Членовъ сего отдѣленія Института. Только отчасти труды иностранцевъ и посторонникъ особъ входятъ въ замѣтки Кювье.

Въ *первомъ томѣ*, послѣ краткаго вступленія, слѣдуетъ общій взглядъ на Исторію Естествознанія, съ 1789 по 1808-й годъ. Потомъ Кювье обозрѣваетъ открытія и изслѣдованія по части Химіи общей (теорія кристаллизаціи, теорія сродствъ, неѣсомые химическіе дѣйствователи—свѣтъ, теплота, давленіе, теорія паровъ, электричество — теорія горѣнія); по части Химіи частной (новые неметаллическіе и земляные элементы, новыя кислоты, новыя произведенія — *urée*, *picromel*, *osmazome*, *adipocire*, *tannin*, и проч.—теорія броженія); по части Естествознанія (Метеорологія, Гидрологія, Минералогія, Геологія, познаніе животныхъ тѣлъ: отправленія и устроеніе, отдѣльныя изслѣдованія; Ботаника, Зоологія; усовершенствованіе методъ, естественная метода растеній и животныхъ, сравнительная Анатомія); по части приложенія знаній (Медицина, Паѳологія, Терапевтика, ученіе Медицины, Скотолеченіе, Медицина прозябеній, Земледѣліе, Технологія).

Второй томъ, послѣ краткаго взгляда на успѣхи знаній, съ 1809 по 1827-й годъ, заключаетъ въ се-

Digitized by Google

бѣ подобныя замѣтки, по части Физики, Химіи, Метеорологіи, Минералогіи и Геологіи; въ 3-мъ и 4-мъ томѣ такимъ-же образомъ обозрѣваются: Ботаника и Физіологія растеній, Анатомія и Физіологія животныхъ и Зоологія, Медицина и Хирургія. Книга оканчивается рѣчью Кювье о состояніи Естествознанія и приращеніяхъ онаго до 1828 года.

Надобно согласиться, что тутъ весьма много любопытнаго. Это не только реэстръ для справокъ ученаго Естествоиспытателя, но книга, полезная для чтенія всякаго просвѣщеннаго человѣка. Скажемъ однакожь, кромѣ замѣчанія о *слишкомъ* великолѣпномъ заглавіи, что не вездѣ соблюдена Авторомъ соразмѣрность въ извѣстіяхъ, и много неважнаго (по отношеніямъ, Богъ знаетъ какимъ) введено въ книгу, съ упущеніемъ болѣе важнѣйшихъ предметовъ. Притомъ, вообще замѣтки Кювье слишкомъ кратки, а общіе взгляды слишкомъ ограничены.

Не въ достоинство книги можно поставить на видъ и несносный эмпиризмъ, выказывающійся безпрестанно. Кювье рѣшительно отрекается отъ всякихъ теорій, отвлеченій, и—даже смѣшно и жалко читать вступленіе въ книгу! По словамъ Кювье можно и даже *должно* выводить разныя предположенія, для объясненія явленій природы. Но условіе то, что ученый долженъ тотчасъ отъ всего отказываться, если малѣйшая вновь открытая мушка, или новый камешекъ, будутъ ему показаны, и не подойдутъ подъ его теорію. Такой дѣтскій страхъ, такое опасеніе теорій, такое строеніе

Digitized by Google

каршочныхъ домиковъ изъ опытовъ и голаго анализа и эмпиризма—непоняты! Неужели никогда *умозрѣніе* и *опытъ* не будутъ примирены человѣкомъ? Неужели эмпирики никогда не поймутъ, что они сами безпрестанно переходятъ за предѣлы, какіе предписываютъ человѣческому вѣдѣнію? Чѣмъ далѣе и выше кто изъ нихъ идетъ, тѣмъ болѣе входитъ въ область идей, и приближается къ синтезу. Гумбольдтъ первый примѣръ; самъ Кювье другой, еще болѣе сильнѣйшій. Возсоздавая намъ допотопный бытъ земнаго шара, что сдѣлалъ-бы онъ съ своею опытностію, безъ идеальнаго взгляда на остатки допотопныхъ животныхъ и растеній, безъ синтетическаго соображенія слоевъ земли, и переворотовъ испытанныхъ земною поверхностью? Впрочемъ, все это можетъ быть предметомъ разсужденій обширныхъ.

Мы получили Французскій переводъ новаго романа Купера: *L'Heidenmauer, ou le camp des païens* (*Языческія развалины.* Легенда Рейнскихъ береговъ), изд. въ Парижѣ нынѣшнимъ лѣтомъ, въ 4-хъ книжкахъ. Содержаніе взято изъ событія, о которомъ слышалъ Куперъ, во время путешествія своего по Рейну; оно относится къ Среднимъ Временамъ. — В. Гюго печатаетъ два новые романа: *Quiquengrogne* (названіе старинной башни въ Бурбонъ-Аршамбо) и *Le fils de la Bossue* (*Сынъ горбуньи*); Жаненъ также два: *Deburau* и *Vingt-cinq ans, Ou la vie poétique* (*Дебюро*, и *Двадцать пять лѣтъ, или поэтическая жизнь*). Обо всемъ этомъ мы поговоримъ читателямъ нашимъ.

Digitized by Google

ЖИЗНЬ и ПОДВИГИ МОНТІОНА.

(Окончаніе).

Примѣры сіи, не выбранные, а взятые на удачу изъ многихъ другихъ, могутъ дать понятіе, какъ исполняетъ Академія завѣщаніе Монтіона. Она почитаетъ обязанностію награждать постоянно-добродѣтельное поведеніе, скорѣе нежели одинъ добродѣтельный поступокъ, особенно если его сдѣлалъ человѣкъ, не отличающійся хорошею нравственностью и чистымъ поведеніемъ.

Послѣ Трехъ дней Іюля 1830 года, Академія обратилась къ Министру, и получила отъ него позволеніе употребить 15,000 франковъ, остававшихся у нея вналичности, на вспомоществованіе вдовамъ, сиротамъ и раненымъ.

Г. Александръ де Лабордъ, бывшій тогда Парижскимъ Префектомъ. благодарилъ Академію письмомъ, столь-же умнымъ, сколь обязательнымъ. «Пріятно»—говорилъ онъ —«видѣть въ этомъ свободномъ рѣшеніи Членовъ Французской Академіи патріотическія чувства, всегда нераздѣльныя въ душахъ благородныхъ съ любовью къ Словесности и свѣту Философіи.»

Почтенный завѣщатель возложилъ на Академію другую обязанность, затруднительную можетъ

Digitized by Google

быть еще болѣе, нежели вознагражденіе добродѣтельныхъ подвиговъ. Онъ хотѣлъ, чтобы каждый годъ Академія выдавала награду Французу, который напишетъ и издастъ *сочиненіе, самое полезное для нравовъ.*

Эти слова имѣютъ значеніе обширное; довольно трудно опредѣлить точный смыслъ оныхъ. Всякому извѣстно, что значитъ книга *полезная.* Нѣтъ сомнѣнія, что всякая книга, изъ которой можно чему нибудь научиться, почерпнуть урокъ полезный, представленный такъ, что онъ можетъ остаться въ памяти и сдѣлать впечатлѣніе сильное и прочное, всякая такая книга полезна. Даже и писать книгу должно было-бы лишь тогда, когда можно обнародовать въ ней что либо новое, полезное. Но что значитъ: сочиненіе, *полезное. . . . для нравовъ?* Конечно то, которое улучшитъ цѣлое поколѣніе или по крайней мѣрѣ большое число людей частныхъ; котораго непремѣннымъ слѣдствіемъ будетъ распространеніе любви къ изящному, доброму, честному, водвореніе откровенности, прямодушія, добра, всѣхъ добродѣтелей! Но кто можетъ удостовѣрить, что какая нибудь книга произведетъ столь великія послѣдствія? И какъ произведетъ ихъ она въ нашей Франціи, гдѣ по крайней мѣрѣ двѣ трети народонаселенія не умѣютъ читать?

Затрудните льность присужденія увеличивается еще отъ того, что награда должна быть *ежегодною.* Какъ надѣяться, что каждый годъ будетъ издано сочиненіе, достойное награды за *пользу*

Digitized by Google

для нравовъ? Не основательнѣе-ли можно полагать, что много лѣтъ пройдетъ, и не будетъ ни одной книги, достойной сего наименованія и награды, сопряженной съ онымъ?

Горацій сказалъ, что поэты хотятъ или услужить или понравиться, или соединивъ оба сіи достоинства, сказать что нибудь пріятное, представляющее въ тоже время правила нравственности и хорошаго поведенія.

Большая часть новыхъ поэтовъ нашихъ хотѣла только нравиться читателямъ, забавлять ихъ, трогать, и тѣмъ заслужить ихъ вниманіе, возбудить удивленіе.

Не знаю обманываюсь-ли я, но мнѣ кажется, что вообще Нравственная Философія была въ большей почести у писателей древнихъ, а не у современныхъ намъ. *Нравственныя Сочиненія* Плутарха, *Киропедія*, *Экономическія Сочиненія* Ксенофонта, Разсужденіе *О должностяхъ*, Цицерона, различныя Разсужденія Сенеки, письма его, и проч., суть, безспорно, сочиненія, *полезныя для нравовъ*; но это сочиненія рѣдкія, являющіяся черезъ долгое время. Изъ временъ, больше близкихъ къ намъ, можно было-бы наименовать: *Нравственные опыты* Бакона, *Опыты* Монтаня, гдѣ къ несчастію встрѣчаются главы, не слишкомъ уважающія благопріличіе и стыдливость; *Разсужденіе о воспитаніи*, Локка; *Эмиль* Жанъ-Жака Руссо, послѣднія отдѣленія *Новой Элоизы*, нѣкоторыя изъ мелкихъ сочиненій Франклина, и проч. Но опять надобно замѣтить, что сочиненій такого высокаго достоинства не льзя ожидать каждый годъ.

Digitized by Google

Какое-же намѣреніе имѣлъ Монтіонъ? Объ этомъ можно судить, сообразивъ всѣ распоряженія его духовной, и всѣ учрежденія, основанныя имъ. Прежде всего онъ думалъ о людяхъ бѣдныхъ, трудящихся; онъ хотѣлъ, чтобы книги были писаны для ихъ понятій, чтобы ихъ онѣ просвѣщали, удаляли отъ дурныхъ привычекъ, и убѣждали въ томъ, какъ выгодно соблюдать порядокъ, бережливость, предусмотрительность. Въ тоже время, завѣщатель не думалъ, чтобы полезность сочиненій, которыя хотѣлъ онъ награждать, ограничивалась однимъ только разрядомъ людей: это ясно. Не льзя сомнѣваться, что по его мнѣнію награда можетъ и должна быть выдаваема за *сочиненіе, самое полезное для нравовъ*, то есть за самое способное производить *на общественную и частную нравственность* полезное и благотворное дѣйствіе; а подъ словомъ *нравы* или *нравственность*, кажется, должно разумѣть мнѣнія, дѣянія и привычки.

При такой неопредѣленности, при такихъ затрудненіяхъ, Академія не могла предписать себѣ правила единаго, тѣснаго, которое не допускало-бы исключеній; она должна была отыскать нѣкоторыя основныя точки, и ими руководствоваться въ своихъ сужденіяхъ.

Такимъ образомъ она полагала, что награды могутъ быть выдаваемы за два рода сочиненій, полезныхъ для нравовъ: за сочиненія возвышеннаго рода, способныя распространять просвѣщеніе и нисходить съ высоты своей до всѣхъ разрядовъ жителей. Они производятъ улучшенія, полезныя

Digitized by Google

для цѣлаго общества; они истребляютъ или измѣняютъ понятія ложныя, вредныя, утвержденныя временемъ, или даютъ государственнымъ людямъ свѣдѣнія теоретическія и практическія. Къ сему роду сочиненій принадлежатъ: *Практическая Политическая Экономія*, Ж. Б. Сея, сочиненіе, переведенное на многіе языки и можетъ быть болѣе славное у иностранцевъ, нежели во Франціи; *Начертаніе Законодательства, или изложеніе всеобщихъ законовъ, по коимъ народы процвѣтаютъ, падаютъ или остаются неподвижными*, Карла Комша; *О системѣ наказаній въ Европѣ и Соединенныхъ Штатахъ*, Карла Люкаса, и проч.

Другой родъ сочиненій назначается для изслѣдованія предмешовъ часшныхъ. Тамъ должны заключашься новые и полезные взгляды на какой нибудь важный предмешъ. Къ сему разряду принадлежашъ: *Семейственныя письма, О воспитаніи*, Г-жи Гизо; *О воспитаніи, Совѣты юнымъ дѣвицамъ*, Г-жи Кампанъ; *Опытъ о воспитаніи женщинъ*, Г-жи Ремюза.

Академія не можетъ почишашь себя непогрѣшишельною въ сужденіяхъ. Все, чего въ правѣ шребоваш отъ нея, и что почишаешъ она священною своею обязанностью, есть безпристрасшіе и по возможности вѣрное исполненіе намѣреній знаменишаго завѣщашеля.

Въ 1827 году случилось, что капиталъ, назначаемый въ награду за сочиненія, полезныя для нравовъ, не былъ употребленъ. Королевское постановленіе предписываешъ, чтобы въ подобномъ случаѣ Академія предлагала Министру, какимъ образомъ употребить сей капиталъ, сообразно послѣдней волѣ Монтіона.

Digitized by Google

Вслѣдствіе сего, съ разрѣшенія Министра, Академія объявила, что она выдастъ: 1-е, въ 1828 году, награду въ 6,000 франковъ за *Нравственное сочиненіе*, предоставляя сочинителямъ полную свободу въ выборѣ предмета и образѣ изложенія;

2-е, Въ 1829 году, награду въ 8,000 франковъ, за лучшее сочиненіе: *О благотворительности, разсматриваемой въ ея основаніи, примѣненіяхъ и въ дѣйствіи на нравы и общественную экономію.*

3-е, Въ 1830 году, награду въ 10,000 франковъ, на состязаніе, котораго предметъ: *Вліяніе законовъ на нравы и нравовъ на законы.*

Первая изъ сихъ наградъ не была получена въ 1828-мъ году, и потому состязаніе продолжено на слѣдующій годъ.

Въ 1829 году она была присуждена сочиненію, которое служило продолженіемъ книги, изданной лѣтъ за десять или за двѣнадцать, подъ заглавіемъ: *Симонъ Нантуанскій, или пріѣзжій купецъ.*

Этотъ Симонъ Нантуанскій былъ честный разнощикъ товаровъ. Мало ученый, но чрезвычайно умный, онъ говорилъ народнымъ, перемѣшаннымъ съ пословицами языкомъ, какъ Санхо-Панса, простодушной памяти. Проходя черезъ города и деревни и продавая свои товары, онъ даромъ давалъ превосходные совѣты.

Эта книга заслужила успѣхъ, который поддерживается и донынѣ.

Рѣшившись сообщить печальное извѣстіе многочисленнымъ друзьямъ добраго Симона, Авторъ увѣдомляетъ, что этотъ отличный человѣкъ умеръ, оставивъ нѣсколько рукописей.

Digitized by Google

Историкъ его собралъ и издалъ: *Сочиненія, найденныя послѣ смерти Симона Нантуанскаго.* Они образуютъ небольшое разсужденіе о практической нравственности и раздѣляются на различныя главы, подъ названіями: *Мудрость, Юриспруденція, Медицина, Политика, Религія Симона Нантуанскаго.* Въ этомъ сочиненіи много мыслей справедливыхъ, чувствованій прямодушныхъ, почтенныхъ, возвышенныхъ, выраженныхъ слогомъ простымъ, естественнымъ, приноровленнымъ къ самому простому понятію.

Малый объемъ сего сочиненія есть новое достоинство его, ибо толстыя книги не годятся людямъ, у которыхъ немного времени остается для чтенія.

Но есть великое препятствіе, при которомъ подобныя сочиненія не могутъ приносить настоящей пользы: они пишутся для назиданія народа, а во Франціи болѣе двухъ третей народонаселенія не умѣютъ читать.

Одинъ древній Римлянинъ повторялъ всегда: Надобно истребить Карѳагенъ. Нашъ обѣтъ гораздо человѣколюбивѣе, ибо мы должны безпрестанно повторять: Надобно истребить непріязненное невѣжество; надобно дать всѣмъ Французамъ первоначальное образованіе: это общественный долгъ.

Таковъ былъ обѣтъ Монтіона; таковъ обѣтъ и всѣхъ образованныхъ друзей отечества; великодушныя усилія стремятся со всѣхъ сторонъ осу-

Digitized by Google

ществить его. Будемъ надѣяться, что обѣтъ сей исполнится нѣкогда.

Награда за сочиненіе: *О благотворительности*, долженствовала быть присуждена въ 1829 году.

Изъ двадцати семи сочиненій, присланныхъ на состязаніе, ни одно, по мнѣнію Академіи, не достигало своей цѣли и не могло быть награждено.

Она отличила три сочиненія, и упомянула о нихъ съ похвалою.

Одно изъ сихъ трехъ, означенное въ реэстрѣ подъ N° 17-мъ, было напечатано и издано самимъ Авторомъ, Г-мъ Дюшателемъ, и Академія, сожалѣя что не могла увѣнчать его, могла по крайней мѣрѣ радоваться, что дала поводъ написать хорошую книгу (*).

Состязаніе было продолжено до 1831 года.

Въ уваженіе трудовъ, времени и даже путешествій, коихъ могли потребовать изысканія, необходимыя для сего сочиненія, Академія возвысила награду за оное до 10,000 франковъ.

Во время составленія сей статьи, Академія занималась разсмотрѣніемъ сочиненій, присланныхъ на новое состязаніе. Слѣдствія суда ея были еще неизвѣстны.

Другой предметъ состязанія: *О взаимномъ вліяніи законовъ на нравы и нравовъ на законы*, тре-

(*) Подробный разборъ сочиненія Дюшателя напечатанъ въ Телеграфѣ 1831 года, въ N° 15 и 16, на стран. 358—378 и 486—505-й.

Digitized by Google

бовалъ такого сочинителя какъ Платонъ, Тацитъ или Монтескьё.

Сюлли сказалъ въ своихъ Запискахъ: *Если-бы долженъ былъ я утвердить какое нибудь правило, то это было-бы слѣдующее: пусть добрые нравы и хорошіе законы образуются взаимно.*

Извѣстно, что народы бываютъ таковы, какими дѣлаютъ ихъ учрежденія, законы, дѣйствія ихъ Правительствъ, и воспитаніе. Но самое воспитаніе подчинено законодательной власти.

Извѣстно также, что совершаются медленныя и постепенныя измѣненія въ нравахъ народовъ, то есть въ ихъ мнѣніяхъ, наклонностяхъ, привычкахъ, страстяхъ, и что сіи измѣненія, черезъ долгое время, приводятъ въ упадокъ старые законы и порождаютъ новые.

Великое знаніе законодателя, великое искуство правителей народовъ состоитъ въ томъ, чтобы умѣть соображаться съ временемъ, не упорствовать въ привязанности къ прошедшему, постигать и дѣлать то, что прилично настоящему, и наконецъ, пріуготовлять будущее.

Разногласіе между законами и нравами есть всегдашняя причина недовольства, раздора, непрочности въ дѣлахъ общественныхъ. Безпрестанно чувствуя несообразность порядка дѣлъ, страшатся чтобы они не уклонились отъ своего пути и не разрушились.

Награда въ 10,000 франковъ, предоставленная на состязаніе по сему великому и прекрасному предмету, долженствовала быть выдана въ 1830 году.

Digitized by Google

Изъ двѣнадцати присланныхъ сочиненій, только одно было признано достойнымъ упоминанія съ похвалою. Состязаніе продолжено и оставлено открытымъ до 1 Марта 1832 года: это послѣдній срокъ для присылки сочиненій на состязаніе.

Могу повторить здѣсь то, что сказала Академія въ своей программѣ, предлагая сей предметъ: что если желаемое сочиненіе окажется хорошо обдуманнымъ и хорошо написаннымъ, оно принесетъ честь и сочинителю и народу; оно будетъ изучаемо повсюду; оно произведетъ, въ продолженіе времени и незамѣтно, однакожь непремѣнно, великія улучшенія въ законахъ и въ нравахъ образованнаго міра.

Наконецъ, Академія Французская, имѣя постоянною цѣлію употреблять съ пользою для общества и сообразно съ намѣреніями щедраго завѣщателя капиталы, оставленные имъ на дѣла общественныя, испросила въ нынѣшнемъ году разрѣшеніе отъ Министра, распорядиться суммою въ 10,000 Франковъ, оставшеюся отъ капиталовъ, опредѣленныхъ въ награду за сочиненія, полезныя для нравовъ. Сумму сію назначаетъ она въ награду за лучшую комедію или трагедію, въ пяти дѣйствіяхъ и въ стихахъ, сочиненную Французомъ, представленную, напечатанную и изданную во Франціи, въ продолженіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ, и соединяющую въ себѣ, вмѣстѣ съ литературнымъ достоинствомъ, не менѣе великое достоинство быть *полезною для нравовъ и для успѣховъ ума.*

Digitized by Google

Состязаніе открыто съ 9 Августа 1831 года и окончится въ тотъ-же день 1834 года.

Академія займется сужденіемъ, по которому будетъ выдана награда, не прежде какъ черезъ годъ послѣ закрытія состязанія. Состязаться не могутъ *одни* только Члены Французской Академіи.

Обратимся опять къ Монтіону. Въ чемъ состояли его наслѣдія, его сладчайшая мысль, которая руководила имъ въ продолженіе всей жизни? *Дѣлать людямъ добро.*

Его щедрость служитъ превосходнымъ урокомъ для бѣдныхъ, для богатыхъ, и для народоправителей всѣхъ временъ и всѣхъ странъ.

Кромѣ сдѣланнаго имъ въ пользу бѣдныхъ, которые выходя изъ больницъ неспособны работать и потому нуждаются въ пособіи, по крайней мѣрѣ временномъ, не показалъ-ли онъ, основавши ежегодную награду за добродѣтель въ разрядѣ бѣдныхъ людей общества, что эти люди должны уважать сами себя, чувствовать, что добрыми нравами пріобрѣтаютъ они справедливыя права на уваженіе и вниманіе общественное, и что нѣтъ ничего почтеннѣе, какъ добрый земледѣлецъ, честный работникъ, живущій своимъ трудомъ, поддерживающій и воспитывающій свое семейство и отдающій обществу по крайней мѣрѣ столько-же, сколько онъ получаетъ отъ него?

Сколь важно для общественнаго порядка и для счастія отдѣльныхъ лицъ, чтобы разрядъ людей бѣдныхъ и трудолюбивыхъ не впалъ въ совершен-

Digitized by Google

ную нищету, а отъ нищеты въ отчаяніе, или иногда и въ преступленіе!

Монтіонъ съ горестію видѣлъ, что недостатокъ воспитанія и образованности предаетъ людей, слабыхъ и невѣжественныхъ, обольщеніямъ порока, увлеченію страстей, грубыхъ склонностей и скотскихъ удовольствій, и подчиняетъ дурнымъ внушеніямъ голода и нужды; что бѣдный и рабочій народъ дѣлается непредусмотрителенъ, робокъ; что онъ живетъ со дня на день, и слишкомъ часто полагается на то, что когда старость и немощь придутъ къ нему, онъ найдетъ пособіе въ общественной благотворительности. Монтіонъ хотѣлъ, чтобы этотъ народъ узналъ самъ себя, и отъ того сдѣлался лучше. Увы! этотъ разрядъ людей, столь многочисленный, не можетъ удерживать себя, при нападеніи горестей и обольщеній, ни пособіями просвѣщенной мыслящей силы, ни желаніемъ заслужить общественное уваженіе, ни надеждою на лучшій жребій и довольство, пріобрѣтаемые въ другихъ состояніяхъ трудомъ и хорошимъ поведеніемъ.

Награда за добродѣтель, назначенная этимъ людямъ, указываетъ имъ, что счастіе возможно и для нихъ; что отъ нихъ самихъ зависитъ достигнуть его и наслаждаться имъ. Это учрежденіе должно дѣйствовать на нихъ самымъ убѣдительнымъ изъ уроковъ: примѣромъ.

Съ другой стороны, Монтіонъ научаетъ богатыхъ не презирать бѣднаго; онъ показываетъ имъ добродѣтели и подъ грубою одеждою, благотворительность и въ тѣхъ людяхъ, которые сами нуж-

Digitized by Google

даются въ ней. Что̀ можетъ сильнѣе возбудить соревнованіе наслаждающихся счастливымъ довольствомъ, внушить имъ желаніе сблизиться съ бѣднымъ, узнать его, пособить ему, помочь! Но не одними подарками, милостынею, деньгами, розданными въ простомъ, смиренномъ разрядѣ общества, должно быть полезнымъ оному. Всякій пойметъ, что величайшую услугу окажутъ ему, приведши его въ такое состояніе, когда онъ не будетъ имѣть нужды въ милостынѣ. А для этого, надобно дать ему приличное образованіе и воспитаніе нравственное, которое освободитъ его отъ стѣсненнаго состоянія и разовьетъ въ немъ сѣмена всѣхъ добрыхъ чувствованій человѣческихъ.

Уроки Монтіона относятся всего болѣе къ тѣмъ людямъ, которые по своему положенію, по мѣстамъ, занимаемымъ ими, могутъ способствовать къ необходимому улучшенію. Онъ, какъ говорится, проповѣдовалъ примѣрами. Въ качествѣ Правителя области, онъ старался истребить въ подвѣдомыхъ ему странахъ нищету, обезпечить существованіе бѣдныхъ, трудящихся людей, и дать имъ работу; въ качествѣ гражданина, онъ сдѣлалъ для тѣхъ-же самыхъ людей все добро, которое могъ сдѣлать, и упрекая себя, въ завѣщаніи своемъ, что не сдѣлалъ болѣе, просилъ въ томъ прощенія.

Настало время, когда этотъ многочисленный и достойный вниманія разрядъ людей, долженъ быть предметомъ особенныхъ попеченій правителей и

Digitized by Google

распорядителей. Благодареніе Небу, въ этомъ отношеніи совершился переворотъ неизмѣримый: общественное мнѣніе перемѣнилось. Прежде, чѣмъ полезнѣе было заняшіе, шѣмъ болѣе презирали его; краснѣли отъ труда, промышленности, торговли. Жить не дѣлая ничего, значило жить почетно, благородно. Едва удостоивали почитать чѣмъ нибудь людей, невысокихъ родомъ, и называли ихъ людьми мѣлкими, ничтожными (gens de peu, gens de rien). Теперь понимаютъ, что истинное достоинство каждаго заключается въ немъ самомъ, а не въ платьѣ, которое покрываетъ его, не въ преимуществахъ, коими онъ обязанъ случаю.

Правительства убѣждаются съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, что самая прочная подпора ихъ заключается не въ силѣ, а въ уваженіи, въ привязанности народовъ, и что они могутъ возбудить къ себѣ чувства сіи, безпрерывно и откровенно принимая самыя вѣрныя мѣры къ распространенію благосостоянія, просвѣщенія, доброй нравственности. Это лучшій, это единственный способъ обезпечить навсегда общественное спокойствіе.

Если станемъ изыскивать: какія блага должна стараться мудрость Правительствъ произвести и сохранить, и какія бѣдствія должна удалять она съ возможнымъ тщаніемъ, то мнѣ кажется, что слѣдующая табличка можетъ служить общимъ и непогрѣшительнымъ правиломъ:

Digitized by Google

Причины благодѣйствія народовъ.	Причины бѣдствія народовъ.
Довольство.	Нищета.
Миръ.	Война.
Просвѣщеніе.	Невѣжество.
Терпимость.	Фанатизмъ.
Религія.	Суевѣріе.
Добродѣтели.	Пороки.

Здѣсь, блага, такъ-же какъ и бѣдствія, имѣютъ взаимную связь, и порождаютъ одни другія, будучи въ одно и тоже время причинами и дѣйствіями. Посему, не должно пренебрегать сохраненіемъ ни одного изъ благъ, чтобы не потерять ихъ всѣхъ; должно всячески остерегаться каждаго изъ бѣдствій, чтобы за однимъ изъ нихъ не явились и всѣ другія.

Большая часть Европейскихъ Правительствъ признаютъ сіи истины, и всѣми силами стремятся къ лучшей будущности. Вольтеръ сказалъ: «Счастливы молодые люди: они увидятъ *много хорошаго!*» Осмѣлимся предсказать нашимъ молодымъ людямъ, что они увидятъ *много хорошаго*, и сами сдѣлаютъ его много. Люблю эту утѣшительную мысль: она услаждаетъ мою непривѣтливую старость. О милое отечество! Да сохраню я, до послѣднихъ минутъ моихъ, эту драгоцѣнную надежду! Да возьму ее съ собой и въ могилу!

Андрьё, Членъ и Секретарь Французской Академіи.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

— *Объ изданіи ученаго Журнала въ Дерптѣ.*—Съ 1833 года будетъ издаваемъ при Дерптскомъ Университетѣ ученый Журналъ на Нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands (*Дерптскія Лѣтописи Литтературы, Статистики и Искусства, особенно Россіи*). Сотрудниками въ изданіи сего Журнала будутъ слѣдующіе Гг. Профессоры Дерптскаго Университета: Докт. Блумъ, Докт. Бунге, Докт. Гебель, Докт. Нёйе, Докт. Штруве, Докт. Фридлендеръ, Докт. Крузе, Докт. Рашке, Докт. Вальтеръ, и Синдикъ Унив. Фонъ-деръ-Боргъ. Главною цѣлію Журнала предположено: литературное сближеніе Россіи съ иностранными государствами. Для сего редакторы постараются знакомить Россійскую публику съ важнѣйшими явленіями въ Литературѣ и Наукахъ чужихъ земель, а иностранцевъ съ успѣхами просвѣщенія въ Россіи. Такимъ образомъ будутъ помѣщаемы: 1-е, Общія обозрѣнія успѣховъ какъ въ отдѣльныхъ наукахъ, такъ и въ частяхъ оныхъ; 2-е, Подробные разборы важнѣйшихъ явленій въ Наукахъ и Литературѣ нашего отечества, и разборы только тѣхъ иностранныхъ сочиненій, которыя касаются Россіи; притомъ будетъ полное критическое обозрѣ-

Digitized by Google

ніе отечественной Литтературы, гдѣ постараются упомянуть обо всѣхъ книгахъ, явившихся въ свѣтъ съ 1831 года; 3-е, Статистическія извѣстія о Россіи, особенно въ отношеніи къ Литтературѣ. Журналъ сей будетъ выходить ежемѣсячно, книжками въ 6 листовъ. Редакція проситъ всѣхъ издателей книгъ, присылать въ нее по одному экземпляру оныхъ. Она желаетъ также пріобрѣсти сотрудниковъ изъ Русскихъ ученыхъ и Литтераторовъ, и для сего проситъ присылать сообразныя съ цѣлью изданія статьи, даже на Русскомъ или Французскомъ языкѣ, ибо въ такомъ случаѣ Редакція беретъ на себя переводъ оныхъ, разумѣется если онѣ окажутся достойны печатанія. «Присылаемыя въ Редакцію *Дерптскихъ Лѣтописей* «статьи должны быть переписаны какъ возможно «чище, на бумагѣ въ четвертку, съ оставленіемъ «достаточныхъ полей. Собственныя имена почто«ряются на поляхъ Латинскими буквами. Каждая «отдѣльная статья начинается на новомъ листоч«кѣ. Статистическія краткія замѣтки можно пи«сать многія на одномъ листкѣ, но въ такомъ слу«чаѣ оный долженъ быть исписанъ только съ од«ной стороны (§ 10-й).» Каждая статья должна быть за собственноручною подписью Сочинителя.

Извѣстіе сіе заимствовали мы изъ присланнаго къ намъ отъ Редакціи подробнаго объявленія, которое помѣщаемъ въ подлинникѣ, на обверткѣ сей книжки Телеграфа. Нѣтъ надобности прибавлять, какъ искренно желаемъ мы успѣха прекрасному и хорошо обдуманному предпріятію Гг. Издателей. Надѣемся, что Журналъ ихъ будетъ благороднымъ

Digitized by Google

органомъ Европейскаго просвѣщенія, ибо уже пора не отдѣлять Россіи отъ того, что разумѣютъ подъ именемъ Европы. Все зависитъ отъ направленія, какое даемъ мы трудамъ своимъ; въ добромъ дѣлѣ помощникъ самъ Богъ, и для предпріятій полезныхъ, даже огромныхъ, не всегда необходимы исполинскія силы. Впрочемъ, имена Гг. сотрудниковъ ручаются и за силы Редакціи. Мы постараемся, въ свое время, извѣстить о появленіи въ свѣтъ *Дерптскихъ Лѣтописей*, и надѣемся читать Журналъ сей не безъ пользы какъ для самихъ себя, такъ и для читателей нашихъ.

— *Письмо къ Издателю Московскаго Телеграфа.* — Давно уже извѣстно, что «чѣмъ больше сообщенія имѣютъ между собою народы, тѣмъ удобнѣе перемѣняютъ свои обычаи (*)» и, по необходимости, перенимаютъ чужеязычныя слова, означающія вещи, предметы или понятія, до того времени неизвѣстныя. Пусть въ наукахъ, въ описаніяхъ художествъ, открытій и даже самыхъ модъ, употребляются иностранныя слова или техническіе термины, необходимо нужные; но для чего употреблять въ языкѣ нашемъ такія чужеземныя слова, которыя можно замѣнить Русскими, и употреблять не только въ книгахъ, письмахъ, но даже и въ простомъ разговорѣ! Таковое употребленіе не обогащаетъ, но искажаетъ Русскій языкъ, не уступающій въ благозвучности и богатствѣ никакому языку въ свѣтѣ.

(*) Наказъ Великія Екатерины.

Digitized by Google

Сверхъ того, смѣшно, иногда слышать, какъ нѣкоторые люди немилосердымъ образомъ коверкаютъ иностранныя слова и употребляютъ ихъ совершенно не кстати.

Разсказываютъ, что молодая, довольно хорошая, но малообразованная дѣвушка, когда ее пригласили танцовать, вмѣсто того чтобы сказать просто по-Русски, что она уже приглашена, отвѣчала: «Извините: я уже *англизирована!*»

Вотъ еще довольно забавный анекдотъ, который если не подобенъ вышеозначенному, то, по крайней мѣрѣ, показываетъ прекрасное знаніе Миѳологіи. Въ одномъ небольшомъ обществѣ, состоявшемъ изъ мужчинъ и женщинъ, зашла рѣчь о Поэзіи. Во время разговора многократно было упоминаемо слово: *Муза.* Одна изъ дамъ, съ самаго начала сего разговора молчала и слушала со вниманіемъ, что говорили другіе; потомъ воскликнула: «Да, я знаю этого *Мусу*; онъ хорошій человѣкъ: я у него недавно купила шаль—и очень дешево!» О комъ-же говорила она? о К.... мъ Татаринѣ, который называется Мусою и торгуетъ шалями.

Довольно! Вы, М. Г., любитель всего Русскаго, а потому вмѣстѣ со мною, конечно, пожелаете, чтобы въ языкѣ нашемъ встрѣчалось какъ можно менѣе иностранныхъ словъ, и чтобы сіи послѣднія были произносимы правильно и употребляемы въ разговорѣ по необходимости. Я хотя ненодобенъ тому чудодѣю, который до такой степени былъ пристрастенъ къ Русскому языку, что никогда не хотѣлъ называть халата халатомъ, ибо это

Digitized by Google

слово Татарское, а именовалъ оный *домоодеждою*, но не менѣе того желаю, чтобы, слушая людей, говорящихъ по-Русски, уши мои не страдали отъ *множества* словъ Французскихъ, Нѣмецкихъ, Латинскихъ, и проч.

Покорнѣйше прошу васъ, Милостивый Государь, письму сему дать мѣстечко въ Журналѣ вашемъ.

П—лъ Р—нъ.

Пермь.

О необыкновенномъ явленіи на небѣ, видѣнномъ Курской губерніи въ городѣ Суджѣ, Ноября 1-го дня, со 2-го до 8-го часа по полуночи. — Въ пять часовъ по полуночи разбужденъ былъ я домашними посмотрѣть необыкновенное въ здѣшнихъ мѣстахъ явленіе. Небо было чисто, звѣздно и лунно; въ воздухѣ совершенно тихо и никакого особеннаго запаху не было; термометръ Реомюровъ показывалъ —7°; нижняя часть горизонта вокругъ какъ-бы подпоясана была блѣднымъ бѣловатымъ облакомъ, съ болѣе или менѣе яркими, багряными, подобно погорѣвшей зарѣ, или зареву отъ пожара, мѣстами, и какъ будто со всѣхъ сторонъ начинало разсвѣтать. На остальной части небосклона, по синему небу появлялись въ разныхъ направленіяхъ, подобно падающимъ звѣздамъ, или пущеннымъ сверху внизъ ракетамъ, метеоры, яснаго, звѣздамъ подобнаго цвѣта, описывая при паденіи шаковыя-же полосы. Сверканіе ихъ не было мгновенно, какъ молнія, но съ замедленіемъ до 2, 3 и болѣе секундъ и даже до нѣсколькихъ минутъ; иногда кажущаяся толщина сего метеора и полосы была въ руку и болѣе, а

Digitized by Google

длина полосы, у перпендикулярно падающихъ, почти во всю четверть дуги небосклона. Но вообще не было постояннаго направленія: они шянулись съ востока на югъ или на сѣверъ, съ юга на востокъ или западъ, съ сѣвера на востокъ или западъ, и проч.; нѣкоторые начинали паденіе отъ зенита въ разныя стороны, другіе ниже, не весьма многіе перпендикулярно, а большею частію съ горизонтомъ составляли болѣе или менѣе острый уголъ, параллельнаго-же съ горизонтомъ паденія я не замѣтилъ; иногда вдругъ появлялось нѣсколько метеоровъ съ разныхъ сторонъ, но изъ одной точки выходящихъ не было; иногда нѣсколько минутъ не было ни одного. Большіе изъ нихъ освѣщали значительную часть горизонта на нѣсколько минутъ. При окончаніи каждаго явленія, изъ нижней его оконечности выскакивало блѣдно-фіолетовое пламя, а самая полоса изъ ясной и сверкающей звѣзднымъ блескомъ, иногда показывалась синеватою, или зеленоватою, и исчезала, а иногда искривлялась, перемѣнившись въ огненный цвѣтъ, и исподоволь дѣлалась невидимою, подобно истлѣвающей лентѣ. Нѣкоторые изъ жителей замѣтили сіе явленіе раньше моего, то есть около трехъ часа по полуночи, въ которое время свѣтъ отъ сихъ метеоровъ былъ такъ великъ и продолжителенъ, что освѣщалъ въ горницахъ, подобно какъ-бы отъ вспыхнувшаго вблизи пожара, что и заставило многихъ выходить изъ горницъ. Все явленіе продолжалось, пока совершенный разсвѣтъ сдѣлалъ его невидимымъ. Количество падающихъ метеоровъ было весьма велико; многія сошли упали въ моихъ глазахъ съ 5-го по 7-й часъ, и

Digitized by Google

шакъ часто, что едва обернувшись въ одну сторону увидишь одинъ, или два, какъ сзади и съ боковъ уже пролетитъ нѣсколько.

Предшествующіе дни и ночи 1-му числу Ноября были обыкновенны: 30 числа Октября было ясно, дулъ восточный вѣтръ 3-й степени (сильный); Реомюровъ термометръ показывалъ по утру $-7\frac{1}{2}°$; ночь тихая, звѣздная и лунная. 31 числа по утру на термометрѣ было $-9°$, ясно, вѣтръ юговосточный 1-й степени (слабый); ночь тихая, звѣздная и лунная, небо чисто; въ 10 и 11 часовъ вечера ничего особеннаго на небѣ и въ воздухѣ замѣчено не было. Послѣдующая ночь была пасмурная, при сильномъ восточномъ вѣтрѣ.

Свѣдѣнія, собранныя мною впослѣдствіи отъ разныхъ очевидцевъ, подтвердили мое наблюденіе, съ тѣмъ различіемъ, что иные видѣли оное явленіе въ два часа по полуночи, иные и того раньше; полосы, описываемыя симъ метеоромъ, были въ то время толщиною въ бревна, а свѣтъ былъ отъ четверти до трехъ четвертей часа; нѣкоторые-же говорятъ, что падалъ сей метеоръ въ ихъ глазахъ на землю и замерзшія рѣки, разсыпавшись на многіе огненные шары, и слышанъ былъ вдали глухой звукъ, похожій на отдаленный звукъ грома, при чемъ свѣтъ отъ падающаго метеора былъ весьма продолжителенъ. Сіе явленіе въ тоже время видимо было въ гг. Курскѣ и Рыльскѣ, но неизвѣстно мнѣ, было-ли кѣмъ наблюдаемо и описано.

Уч. Дмитрюковъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. (*)

Les couleurs brunes sont arrêtées pour les robes simples; écureuil et dahlia sont celles qui seront le mieux portées. Les chalys fond blanc ne sont plus de cette saison; ils doivent être fond noir ou brun, à dessins turcs.

Le cachemire est, pour négligé de visites ou de promenades, une des étoffes préférées. Le satin de couleur unie se porte également sans toilette. Ces deux étoffes ont seules le privilége d'être en même temps aussi convenables à un élégant négligé qu'à une toilette habillée.

Les satins rayés à mille raies, qui s'emploient beaucoup pour chapeaux, se porte aussi pour robes de soirée

Le gros-de-Naples, la cachemirienne, le mérinos Thibet doivent se choisir de couleur foncées.

De belles robes pour le soir sont en cachemire jaune turc. La jupe est unie dans toute la longueur, jusqu'au-dessous des genoux, où se trouve une bordure de hautes palmes; le corsage à la tyrolienne, doit être attaché devant et sur les épaules par d'étroites bordures. On peut y mettre des manches longues ou des espèces de jockeys très-grands qui, fendus au milieu, rappellent la manche antique.

Les satins chinés, rayés et brochés, à corsages tyroiens ou à draperies croisées; derrière, une colerette de blonde; des manches courtes. On ne fait plus de berrets.

(*) Въ Парижѣ до 25 Ноября (н. ст.)

Digitized by Google

Dans les manches longues on ne place plus de gigots roides empesés; d'abord, parce que leur bruit est désagréable et leur forme sans grâce, et puis parce que les manches doivent s'étendre fort peu autour du bras; elles se font toujours extrêmement larges, mais simplement soutenues par une manche de percale apprêtée: c'est un peu au-dessus du coude que le bouffant doit être plus senti. Pour cela, il est nécessaire que la manche longue soit légèrement froncée à la couture, vers la saignée et un peu plus haut; toujours étroites du bas, point de poignets, fermée par trois boutons d'étoffe pareille à la robe.

Les mouchoirs de poche du matin sont en grand nombre rayés de plusieurs lignes de grosseurs inégales, roses, violettes ou bleues; ceux en batiste brodée se font avec mille variétés de gout.

Нынѣшнею зимою, коричневые цвѣта: бѣличій и далія, въ большомъ употребленіи запросто. Шали съ бѣлымъ полемъ для зимы неприлично; поле должно быть черное, или коричневое, съ Турецкими узорами.

Для визитовъ ненарядныхъ, или для прогулокъ, кашемиръ предпочитается всѣмъ прочимъ шканямъ. Одноцвѣтный атласъ также хорошъ запросто. Только двѣ эти шкани имѣютъ преимущество быть приличными и запросто и въ нарядъ.

Изъ полосатыхъ атласовъ, съ мѣлкими полосками, дѣлаютъ много шляпъ; теперь употребляютъ ихъ также на платья для вечеровъ.

Digitized by Google

Гроденапли, кашемиріены и Тибетскую мерпносовую шкань, должно выбирать темныхъ цвѣтовъ.

Прекрасны плашья для вечеровъ изъ кашемира желтаго Турецкаго цвѣта. Юпка гладкая до колѣнъ; шутъ начинается койма изъ широкихъ пальмъ; лифъ à la tyrolienne долженъ быть обшитъ напереди и на плечахъ узенькой коймой. Къ этому плашью можно надѣвать длинные рукава, или родъ очень большихъ жокей, которые разрѣзомъ посрединѣ напоминаютъ древніе рукава.

Плашье изъ ашласа шравчашаго, полосашаго или съ вышканными цвѣшочками, съ лифомъ à la tyrolienne или драпировкой на крестъ; назади блондовая колеретка; корошкіе рукава. Рукавовъ берешомъ больше не носятъ.

Въ длинные рукава уже не вкладываютъ крахмаленныхъ gigots; во-первыхъ пошому, что шумъ ихъ непріятенъ и форма некрасива; во-вторыхъ, что рукава очень мало должны расширяться вокругъ руки. Они дѣлаются чрезвычайно широкіе, но поддерживаются просто каленкоровыми, нарочно для того сдѣланными рукавами: немного выше локтя, буфъ начинаетъ расширяться; пошому необходимо у длинныхъ рукавовъ, по шву между локтемъ и плечомъ, дѣлать нѣсколько маленькихъ складокъ. Рукава, по прежнему узкіе снизу, безъ обшивокъ, застегиваются шремя сдѣланными изъ машеріи плашья пуговицами.

Утренніе носовые плашки большею частію быва-

Digitized by Google

ютъ полосатые, съ нѣсколькими разной ширины полосками, розовыми, фіолетовыми или голубыми; башмачковые шитые чрезвычайно разнообразны.

На приложенной картинкѣ:

Дама. Капотъ-шляпка атласная. Салопъ безъ изнанки.

Digitized by Google

№ 18. Сентябрь.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ОБЪ АРЗЕРУМѢ,

ВЪ ТОРГОВОМЪ ОТНОШЕНІИ.

(Окончаніе.)

Отъ Алепа до Арзерума, черезъ Малатію, 150 часовъ. Цѣна за наемъ вьюка отъ 60 до 80 курушъ.

Изъ Алепа привозятъ въ Арзерумъ весьма много товаровъ; главнѣйшіе суть:

Парчи, краснаго и пунцоваго цвѣта, простыя и съ золотомъ. Одна штука длиною въ 7, 8, и 9 аршинъ, шириною въ $\frac{3}{4}$ аршина, безъ золота, продается за 30, 40 до 50 курушъ, а съ золотомъ такого-же размѣра штука стоитъ отъ 100 до 450 курушъ. Парчи сіи употребляются для торжественныхъ одѣяній знатныхъ чиновниковъ и духовныхъ; отчасти и для женъ ихъ.

Digitized by Google

Шелковыя матеріи для парадныхъ платьевъ, мужескихъ и женскихъ; онѣ бываютъ шириною нѣсколько болѣе $\frac{3}{4}$ аршина, длиною-же въ 6, 7, 8 и 9 аршинъ. Въ разсужденіи сихъ матерій есть, какъ увѣряли, обыкновеніе давать каждой штукѣ пѣмъ большую длину (между 6 и 9 аршинъ), чѣмъ лучше матерія: это видно по цѣнѣ.

Длиною въ	6	аршинъ	стоитъ	100	курушъ.
—	—	7	—	—	—	—	200	—	—
—	—	8	—	—	—	—	300	—	—
—	—	9	—	—	—	—	400	—	—

Аладжа, смотря по достоинству, равняется съ Константинопольскою и Персидскою въ цѣнѣ.

Шелковая матерія кутни. Штука, длиною въ 10 аршинъ, шириною въ $\frac{3}{4}$ аршина, стоитъ отъ 45 до 50 курушъ.

Выбойка по бумажному холсту. Штука длиною въ 10 до 12 аршинъ, шириною въ $\frac{3}{4}$ аршина, стоитъ отъ 40 до 50 курушъ.

Шелковая, пополамъ съ бумагою, гладкая матерія гіермесудъ. Штука ея длиною въ 8 аршинъ, шириною около $\frac{3}{4}$ аршина, стоитъ отъ 22 до 25 курушъ.

Шелковыя банныя покрывала, отъ 12 до 14 курушъ; лучшей отдѣлки и съ мишурою, отъ

Digitized by Google

40 до 50 курушъ. Длиною покрывало бываетъ аршина 3, шириною въ $\frac{1}{2}$ человѣка; въ Азіятскихъ баняхъ, при переходѣ изъ отдѣленія, въ которомъ раздѣваются, въ самую баню и обратно, всегда надѣваютъ два такихъ покрывала.

Простыя покрывала бываютъ бумажныя.

Пояса, шелковые, пополамъ съ бумагою, 40 курушъ; чисто шелковые 80 курушъ.

Отъ Шама, т. е. Дамаска, до Арзерума, черезъ Алепъ считаютъ 200 часовъ. За наемъ вьюковъ платятъ отъ 150 до 200 курушъ.

Изъ Шама везутъ въ Арзерумъ еще болѣе товаровъ, нежели изъ Алепа. Есть народная поговорка, что Шамъ Рай земной. Кромѣ всѣхъ товаровъ, подобныхъ Алепскимъ, и большею частію высшаго передъ оными достоинства, Шамъ доставляетъ еще слѣдующее:

Лучшихъ жеребцовъ для верховой ѣзды. Ихъ находится 4 отличительныя между собою породы, весьма извѣстныя Арзерумскимъ знатокамъ:

Порода Кегланъ. Цѣна отъ 1000 до 5000 курушъ каждая лошадь.

Порода Маняки. Цѣна отъ 1000 до 3000 курушъ.

Порода Саклаови. Цѣна отъ 1000 до 2000.

Digitized by Google

Породы Нэорди. Цѣна отъ 1000 до 2000.

Аладжа, по уваженію ея достоинства обыкновенно здѣсь называемая Шамъ-аладжа. Штука ея, длиною въ 10 аршинъ, шириною въ $\frac{3}{4}$ аршина, стоитъ отъ 50 до 55 курушъ.

Кутни, также называемая Шамъ-кутни. Штука, длиною въ 10 аршинъ, шириною въ $\frac{3}{4}$ аршина, стоитъ отъ 65 до 75 курушъ.

Шамскія золотыя парчи предпочитаются Алепкимъ; цѣною сходны съ ними. Но иногда привозятся достоинства несравненно превосходнаго и продаются очень дорого.

Сабля отъ 100 до 2000 курушъ.

Ятаганъ, родъ прямой полусабли, самое обыкновенное рукопашное Турецкое оружіе, бываетъ въ 50, 80 и до 100 курушъ. Цѣна заключается собственно въ клинкѣ, безъ обдѣлки. Наилучшіе клинки суть Хорасанскіе; они нарочно выписываются изъ Персіи, но по дороговизнѣ не составляютъ предмета торговли.

Лучшія абы, каждая отъ 50 до 100 курушъ. Аба, національное Турецкое одѣяніе простаго народа, состоящее въ куртикѣ съ широкими вверху шароварами. Для нихъ употребляется сукно, дѣлаемое изъ овечьей или верблюжьей шерсти, наиболѣе темнокоричневаго цвѣта, и аба опорачивается по краямъ шелковыми или

Digitized by Google

шерстяными ленцами, такими-же темнокоричневыми или черными.

Конскій желѣзный приборъ къ сѣдлу, отъ 100 до 200 курушъ.

Отъ Багдата до Арзерума, черезъ Ванъ, Ардишъ и Хнисъ 226 часовъ (отъ Арзерума до Вана 76 часовъ). Цѣна вьюка отъ 150 до 200 курушъ.

Главные товары привозимые изъ Багдата въ Арзерумъ суть:

Кофе, башманъ стоитъ отъ 45 до 50 курушъ. Нашъ пудъ будетъ стоить отъ 92 до 104 курушъ.

Чернильные орѣшки. Башманъ ихъ 18, 20 и до 22 курушъ,

Финики, отъ 20 до 24 курушъ башманъ.

Аба. Одно платье 50, 80 и до 100 курушъ.

Шали, употребляемыя для обвязки головъ не богатыми людьми, каждая отъ 5 до 40 курушъ.

Барсовыя кожи, по 80 и до 100 курушъ за штуку.

Мускусъ. Золотникъ его примѣрно 10 курушъ.

Отъ Трапезунта до Арзерума черезъ Гюмишъ-Хане и Байбуртъ 56 часовъ. Цѣна вьюку 60 курушъ.

Digitized by Google

Собственно изъ Трапезунта, небогатаго природою, включая и окрестныя мѣста, доставляютъ въ Арзерумъ, только:

Конопляный холстъ, шириною въ 5 четвертей, называемый Иризскимъ. Аршинъ его стоитъ отъ 22 до 30 паръ.

Простое сукно, шириною въ 5 четвертей аршина; штука длиною въ 10 аршинъ стоитъ отъ 20 до 40 курушъ.

Лимоны: одинъ стоитъ 5 курушъ.

Желѣзо, называемое здѣсь Греческимъ, батманъ 12 курушъ.

Отъ Діарбекира до Арзерума, черезъ Харпутъ и Чаги 56 часовъ. Цѣна вьюку отъ 60 до 80 курушъ.

Изъ Діарбекира, славящагося необыкновеннымъ плодородіемъ, привозятъ въ Арзерумъ:

Шелковую матерію гези; штука ея въ 8 и 10 аршинъ продается за 35 и до 40 курушъ.

Аладжа. Цѣнится наравнѣ съ прочими по достоинству.

Шелковая матерія язлыхъ. Штука, длиною въ 15 аршинъ, стоитъ отъ 22 до 25 курушъ.

Шелковая пополамъ съ бумагой матерія гіермесудъ. Штука ея, длиною въ 8 аршинъ, стоитъ отъ 22 до 25 курушъ.

Digitized by Google

Абы. Цѣнятся наравнѣ съ привозимыми изъ другихъ мѣстъ, по достоинству.

Шелковая матерія кіазъ, употребляемая цѣлою штукою на обвязку головъ, собственно Армянами. Штука простой работы стоитъ 30 курушъ, лучшей работы и съ прибавкою мишуры 80 и до 100 курушъ.

Сабля 50 курушъ.

Кинжалъ отъ 30 до 100 курушъ.

Всѣ желѣзныя вещи, особенно потребныя для прибора къ сѣдламъ и на узды, получаются и не дорого и хорошей доброты.

Изъ Мумъ привозятъ въ Арзерумъ куритель-ный табакъ, употребляемый безъ кальяна; баш-манъ его стоитъ отъ 10 до 12 курушъ.

Изъ Битлиса, близъ Мумскаго Санджака, вез-утъ въ Арзерумъ:

Куритель-ный табакъ, лучшій изъ употребля-емыхъ безъ кальяна. Башманъ стоитъ отъ 14 до 16 курушъ.

Крашеное въ красную краску бумажное по-лотно. Штука длиною въ 8 аршинъ, шириною до $\frac{3}{4}$ аршина, стоитъ отъ 8 до 10 курушъ.

Много, и за дешевую цѣну, привозятъ въ Ар-зерумъ коровьяго масла, сыру и меду, и при-гоняютъ рогатаго скота и барановъ изъ Киги, принадлежащаго Арзерумскому Санджаку. Кромѣ

Digitized by Google

Киги, или Кигидань, привозятъ медъ изъ Тарджанскаго Санджака, принадлежащаго Арзерумскому Пашалыку, и изъ Сарчанскаго ущелія, находящагося недалеко отъ онаго. Медъ весьма дешевъ и его много расходится.

Изъ Пали, городка, принадлежащаго Кабанъ-Маданскому Санджаку (гдѣ находится главный мѣдный заводъ), привозятся бумажныя нишки; башманъ ихъ продается по 100 курушъ. Иногда привозятъ и полотно.

Изъ Харпуша, городка, принадлежащаго къ тому-же Кабанъ-Маданскому Санджаку и славящагося изобиліемъ, везутъ въ Арзерумъ:

Бумажныя нишки. Башманъ ихъ стоитъ отъ 55 до 60 курушъ.

Бумажное полотно и простую хлопчатую бумагу; привозится весьма много, по цѣнѣ равной съ привозимымъ изъ Эривани.

Много Сарачинскаго пшена. Башманъ стоитъ 4, 5 и 6 курушъ.

Харпутскаго-же Санджака изъ деревни Буджахъ, привозятъ много простаго табаку, и изъ деревни Черлискъ много сырыхъ и сушеныхъ фрукшовъ, гранадъ, миндалю, и, между прочимъ, конопли. Башманъ здѣшняго изюма стоитъ отъ 10 до 12 курушъ.

Digitized by Google

Сообщавшій сіи свѣдѣнія о ввозѣ и вывозѣ чиновникъ утверждалъ, что онъ не могъ болѣе вспомнить товаровъ. Здѣсь невольно поражаетъ вниманіе несоразмѣрность вывоза съ привозомъ — новое доказательство, что въ Арзерумѣ многое продается на деньги и промѣнивается. Невысокія цѣны многихъ вещей доказываютъ ихъ изобиліе. Малое разнообразіе въ товарахъ, требуемыхъ ровною и одинаковою жизнію Азіятскихъ Турковъ, способствуетъ къ дешевизнѣ.

Цѣны вьюковъ не совершенно между собою соразмѣрны, сходно разстояніямъ, потому, что разныя обстоятельства, какъ обыкновенно бываетъ и въ другихъ мѣстахъ, имѣютъ на то вліяніе.

Образчики матерій, изъ приходившихъ въ Арзерумъ различныхъ каравановъ, и проходившихъ черезъ оный Персидскихъ съ Константинопольскими товарами, не могли быть въ то время взяты въ таможнѣ.

Начиная разсматривать Арзерумъ, какъ пунктъ транзитный, дабы сравнить между собою пути Константинопольскихъ товаровъ, привозимыхъ черезъ него въ Тавризъ, съ путемъ товаровъ, покупаемыхъ на Лейпцигской ярмаркѣ и провозимыхъ черезъ Россію и Тифлисъ, также въ Тавризъ, должно повторить, что краткость времени въ Арзерумѣ не дозволила собрать объ

Digitized by Google

этомъ Персидскомъ транзитѣ столь полныхъ свѣдѣній, какія, можетъ быть, можно было-бы намъ заимствовать.

Важность Тавриза, передъ всѣми прочими городами прилежащихъ къ Русскимъ Закавказскимъ областямъ Турецкихъ и Персидскихъ владѣній, всего убѣдительнѣе доказывается симъ безпрерывнымъ ввозомъ въ оный, какъ въ торговый центръ, Европейскихъ товаровъ съ двухъ сторонъ. Съ третьей стороны, черезъ Индію, какъ выше было сказано, хотя и мало, однако также доходятъ туда товары.

Второе доказательство великаго превосходства Тавриза передъ Арзерумомъ, столь-же убѣдительно, ибо Англичане, сіи опытные производители торговли, соединяющіе у себя капиталы и умѣнье, пріобрѣтаемое ими въ безпрерывно повторяемыхъ путешествіяхъ, умѣнье приноравливаться къ туземнымъ обычаямъ и обстоятельствамъ, и тѣмъ привлекать любовь и довѣренность, не считаютъ нужнымъ заводить постоянной Миссіи въ Арзерумѣ. Они всѣхъ вѣрнѣе оцѣняютъ выгоды мѣстныя, и могутъ служить надежнѣйшими образцами для подражанія. Такъ въ Рештѣ, на берегахъ Каспійскаго моря, Англичане, какъ слышно, имѣютъ Консула для наблюденія за Персидско-Россійскою торговлею, и вѣроятно почувствуютъ надоб-

Digitized by Google

ность наблюдашь постоянно и за Арзерумомъ, лишь только Россія обнаружитъ желаніе утверждашь торговлю съ Азіятскою Турціею.

Торговля Тавриза съ Константинополемъ есть торговля старая, давно укоренившаяся. Продажа Тифлисскими купцами Лейпцигскихъ товаровъ въ Тифлисѣ, началась съ обнародованія Высочайшаго Указа 8-го Октября 1821 года, и не взирая на такую новость ея, безпрерывно болѣе и болѣе усиливается.

Постараемся сличить обстоятельства, сдѣлавшіяся извѣстными.

Персидскіе караваны ходятъ изъ Тавриза въ Константинополь и обратно круглый годъ. Арзерумъ, на перепутьѣ, много этому способствуетъ: тамъ они отдыхаютъ, исправляются ощъ дороги, и нанимаютъ новые вьюки, изъ множества стекающихся туда извощичьихъ каравановъ. Дешевизна и обиліе съѣстныхъ припасовъ и фуража позволяютъ имъ оставаться тамъ, сколько ихъ дѣла требуютъ. Многое они тамъ-же и продаютъ, другое оставляютъ въ караванъ-сараяхъ, и вновь покупаютъ Турецкія издѣлія. — Тифлисскіе купцы ѣздятъ на Лейпцигскую ярмарку одинъ разъ въ годъ, и слѣдовательно не имѣютъ выгоды безпрерывнаго коммерческаго оборота. Тифлисъ, служащій имъ также какъбы перепутьемъ, въ отношеніи къ пути ощъ

Digitized by Google

Лейпцига до Тавриза несравненно выгоднѣе, нежели Арзерумъ для Персіянъ Онъ имъ свой, родимый городъ; торговля Тифлиса сама собою весьма велика; они оставляютъ лучшихъ Лейпцигскихъ товаровъ въ Тифлисѣ и для нашихъ Закавказскихъ провинцій, болѣе нежели сколько отправляютъ въ Тавризъ. Тифлисскіе купцы, большею частію Армяне, хотя и безъ теоріи и безъ бухгалтеріи, но не имѣя Европейскихъ соперниковъ въ семъ дѣлѣ, искусно соплетаютъ свои выгоды и по внѣшней торговлѣ и по внутреннимъ дѣйствіямъ. Казенные откупы, подряды, доставки разнаго рода, коммисіи, кредитъ Россійскихъ купцовъ, даютъ обширное поприще ихъ врожденной, непомѣрной склонности къ прибытку.

Лейпцигская ярмарка представляетъ гораздо большее скопленіе товаровъ вдругъ, нежели сколько ихъ обыкновенно бываетъ во всегдашнемъ наличномъ привозѣ въ Константинополѣ. Нѣмецкіе товары посредственнаго достоинства, приходя въ Лейпцигъ почти изъ первыхъ рукъ, весьма дешевы, а это именно и требуется въ Азіи, гдѣ произвольность правителей искони породила наклонность скрывать деньги и достатокъ, и гдѣ низкая степень гражданственности, жизнь домашняя, простая, неизмѣняю-

щаяся и грубо-чувственная, менѣе подстрекающихъ къ высшей чужеземной роскоши.

Тифлисскіе купцы сами ѣздятъ въ Лейпцигъ, сами покупаютъ тамъ товары, и сами изъ Тифлиса отправляютъ ихъ въ Тавризъ. Персіяне наиболѣе бывающіе изъ поселившихся въ Арзерумѣ, или собственно занимающіеся транзитомъ и находящіеся безпрестанно въ разъѣздахъ, покупаютъ въ Константинополѣ Европейскіе товары, разъ уже купленные тамъ, или по крайней мѣрѣ присланные туда на коммисію. И такъ сіи товары доходятъ въ Тавризъ почти всегда прошедши черезъ однѣ лишнія руки вправленіи съ Лейпцигскими.

Персіяне отвозятъ въ Константинополь свои товары и получаютъ выгоды въ обоихъ концахъ; Тифлисскіе купцы отвозятъ въ Лейпцигъ чистыя деньги, и весь барышъ могутъ извлекать только одинъ разъ въ годъ. Но и это не всегда бываетъ, ибо иногда они принуждены вѣрить въ Тавризѣ на долгіе сроки, часто на 18 мѣсяцовъ; изъ сего можно, кажется, заключать, что они, привыкнувъ ѣздить ежегодно въ Лейпцигъ, наиболѣе собираютъ чистыя деньги въ Тифлисѣ и съ торговли Россійскими товарами. Неизвѣстенъ кредитъ Персіянъ въ Константинополѣ; но давность ихъ торговли за-

Digitized by Google

ставляетъ предполагать его значительнымъ, тѣмъ скорѣе, что оная по своему свойству есть болѣе промѣнная мануфактурныхъ Европейскихъ издѣлій, на Азіятскія сырыя произведенія. Взаимный кредитъ между Персіянами въ Тавризѣ долженъ быть еще сильнѣе.

Тифлисскіе купцы почти не имѣютъ кредита въ Лейпцигѣ. Они и сами мало вѣрятъ Европейцамъ; только въ послѣднее время нѣкоторые изъ нихъ могли успѣть, при содѣйствіи жителей мѣстечка Броды, взять себѣ товаровъ въ Лейпцигѣ на кредитъ.

Безопасность отъ нападеній на путяхъ, какъ на совершаемомъ Персидскими караванами черезъ Арзерумъ, такъ и Лейпцигскими товарами черезъ Тифлисъ въ Тавризъ, почти одинакова: по крайней мѣрѣ таковыя опасенія не входятъ въ разсчетъ купцовъ, ни Персидскихъ, ни Тифлисскихъ. Въ этомъ отношеніи, морская доставка изъ Одессы до Редутъ-Кале, и особенно опасность стоянія въ дурное время года передъ Редутъ-Кале въ открытомъ морѣ, при перегрузкѣ, есть лишняя невыгода Тифлисскихъ купцовъ передъ Персидскими, коихъ дорога вся сухопутная.

Весьма удобенъ для Персіянъ наемъ извощиковъ, по причинѣ множества сихъ послѣднихъ и

Digitized by Google

единообразія ѣзды, всегда вьючной; ихъ только можетъ останавливать недостатокъ подножнаго корма. Тифлисскіе купцы вывозятъ изъ Лейпцига товары въ огромныхъ бричкахъ; перегружаютъ ихъ въ Одессѣ на морскія суда; въ Редутъ-Кале малыми судами выгружаютъ на берегъ, часто не безъ опасности и всегда дорого (см. отвѣты на Инструкцію по части торговли, гдѣ подробно изложены обстоятельства доставки Лейпцигскихъ товаровъ). Въ Редутъ-Кале и Имеретіи извощиковъ бываетъ менѣе, хотя впрочемъ можно и тамъ находить вьючныхъ Ахалцихскихъ, приходящихъ туда нарочно для заработокъ, или высылать Грузинскія арбы и Русскихъ воловыхъ извощиковъ изъ Тифлиса, если время года для переѣзда черезъ Карталинскій хребетъ, и для продовольствія, не препятствуютъ тому. Изъ Тифлиса отправляются они въ Тавризъ также на вьюкахъ, болѣе потому, что Русскій народъ подвергается въ Персіи болѣзнямъ.

Въ Азіи собираютъ пошлины съ приходящихъ купеческихъ каравановъ вовсе не по какой либо запретительной системѣ, ибо оная не существуетъ, но единственно для дохода, и потому тамъ нѣтъ особенной нужды рачительно пересматривать товары. Это ввело въ наибольшее употребленіе способъ взиманія самый лег

Digitized by Google

кій: опредѣленную плату съ каждаго вьюка, безъ различія товаровъ. Въ Арзерумѣ, впрочемъ, берутъ съ цѣны, и также, въ нѣкоторыхъ другихъ Азіятскихъ городахъ, излишне затрудняютъ торговлю сборами съ вѣсовъ на базарѣ, за мѣсто продажи, и проч. Сія неправильность таможенныхъ сборовъ и произвольность много обременяютъ мелкихъ продавцовъ; но главные купцы, каковы Персіяне, производящіе транзитъ черезъ Арзерумъ, тѣмъ менѣе терпятъ: неопредѣлительность сборовъ и не строгая форменность избавляютъ таможенныхъ чиновниковъ отъ отвѣтственности, и потому всякія сдѣлки между ими и купцами весьма удобны и скоры; безпрерывное сношеніе сближаетъ ихъ взаимныя связи, и купцы избавляются перебивки товаровъ и проволочекъ, сихъ двухъ главнѣйшихъ непріятностей и причинъ потери. Увѣряютъ, что въ случаѣ содержанія таможенныхъ сборовъ самою казною, купецъ могъ-бы не рѣдко избавляться платежа, если-бы не опасался потерять доброе имя для переду. Онъ могъ-бы съ своими вьюками удобно обходить мимо городовъ, ибо правильной таможенной стражи и и разъѣздовъ почти не бываетъ: пошлины взимаются тамъ въ собственномъ смыслѣ за право пройдти черезъ городъ и воспользоваться его удобствами. Если-же таможенный сборъ отданъ

Digitized by Google

на откупъ, что не вездѣ однако бываетъ, но купецъ еще скорѣе отдѣлывается: откупщикъ заранѣе старается узнать, что̀ везетъ онъ, и дожидается. По приходѣ каравана, вѣрность его счета съ хозяйскимъ, заставляетъ хозяина избавиться отъ промедленія безоплагательною пошлиною. При ввозѣ товаровъ въ Арзерумъ берутъ пошлины, различая купцовъ: по 4 процента съ Турка, и по 5 съ Армянина, хотя-бы и Турецкаго подданнаго, съ Персіянина и Европейца. Въ Баязидѣ берутъ по $1\frac{1}{2}$ абаза съ каждаго вьюка. Не было узнано, берутъ-ли что въ прочихъ Турецкихъ городахъ на пути изъ Константинополя, и сколько платятъ въ Персіи; но извѣстно вообще, что въ Азіи сборы хотя невелики въ каждомъ мѣстѣ, но за то часты, и взимаются всегда, какъ только представляется случай, напримѣръ въ городахъ, при переправахъ, въ ущеліяхъ, на границѣ смежныхъ Ханствъ одного и того-же Государства, и тому подобное.

Тифлисскихъ купцовъ, съ ихъ Лейпцигскими товарами, всего болѣе затрудняетъ обязанность представлять, при въѣздѣ въ Россійскую границу, залоги, въ обезпеченіе отъ контрабанды во время ихъ транзита до Одессы, и строгость соблюденія правилъ и формъ, при досмотрѣ для взиманія $5\frac{1}{2}$ пошлины, самой по себѣ чрезвычай-

Digitized by Google

но легкой. Неравнообразные рахшары въ Закавказскихъ провинціяхъ, и несоблюденіе Персіею договора о взиманіи только единовременно 5% пошлины, отъ чего происходитъ безпрерывное и несоразмѣрное съ разстояніями возвышеніе цѣнъ товаровъ, суть также великія затрудненія.

Никакимъ образомъ невозможно было и думать, узнать отъ хитрыхъ Персидскихъ купцовъ, каковы частые проценты, получаемые, за исключеніемъ всѣхъ издержекъ, въ Константинополѣ за Персидскіе товары, за транзитъ и за продажу въ Тавризѣ Константинопольскихъ товаровъ. Наши Тифлисскіе Армяне на болѣе откровенны, какъ скоро рѣчь зайдетъ объ ихъ выгодахъ. Они очень правдоподобно оговариваются случайностію обстоятельствъ, благопріятствующихъ и вредящихъ оборотамъ. Но быстрота ихъ успѣховъ, очевиднѣе всего доказываетъ выгодность для нихъ Лейпцигской торговли, при дѣйствіи Указа 8-го Октября 1821 года, и особенно при выгодномъ для торговли положеніи Тифлиса.

Обращаясь опять къ Арзеруму собственно, но уже какъ къ мѣсту, въ которомъ должно желать сбыта Русскихъ товаровъ, не льзя не видѣть, что со временемъ онъ можетъ быть для насъ очень выгоднымъ, какъ центръ такой

Digitized by Google

земли, гдѣ употребляются товары еще ниже достоинствомъ, нежели тѣ, какихъ много идетъ въ Персію, и какихъ у насъ въ Россіи весьма много. Военное занятіе сего важнаго города уничтожило въ воображеніи купцовъ прежнее, излишне преувеличенное отдаленіе его въ глубь Азіи. Переселеніе Турецкихъ Армянъ въ Россійскія Закавказскія владѣнія, можетъ послужить впослѣдствіи однимъ изъ надежнѣйшихъ основаній и побужденій къ началу нашей непосредственной торговли съ Арзерумомъ, а черезъ него и далѣе, со всею Азіятскою Турціею. Донынѣ, если и случалось, что Туркамъ бывали потребны именно наши Русскіе товары, какъ напримѣръ лучшіе мѣха, що ихъ доставляли всегда Персіяне, изъ Решта или Тавриза.

Digitized by Google

РАЗГОВОРЪ

НА СВЯТКАХЪ.

(Окончаніе).

Хозяинъ нашъ замолчалъ. Разсказъ его такъ увлекъ всѣхъ насъ, что мы все еще слушали. «Что-жь далѣе?» спросилъ наконецъ Суворовскій сослуживецъ. — Далѣе ничего — отвѣчалъ хозяинъ. — Разумѣется, что смѣльчакъ и удалецъ нашъ былъ долго боленъ, выздоровѣлъ, и сдѣлался честнымъ и хорошимъ человѣкомъ, какъ уже я вамъ сказывалъ. Происшествіе свое, конечно, не такъ, какъ я, то есть, не такими словами, какими разсказалъ я его вамъ, разсказывалъ онъ, и не забывалъ до конца жизни; молился, трепеталъ, дрожалъ въ первые послѣ того годы. Потомъ страхъ его ослабѣлъ; но до конца жизни утверждалъ онъ дѣйствительность событія, каялся въ грѣхѣ, и говорилъ, что Богъ, внявъ его чистосердечному покаянію, избавилъ его отъ вѣчной погибели. Народъ толковалъ, что его *лѣшій обходилъ*, и чуть было не погубилъ совершенно. . . .

Digitized by Google

— И онъ всегда разсказывалъ все это одинаково? спросилъ Шумиловъ.

«Да. Вотъ то-то и непонятно: какъ могло все это представиться ему такъ стройно, складно, и какъ онъ могъ все это припомнить?

— Мнѣ кажется, все объясняется тѣмъ — сказалъ Терновскій — что онъ слишкомъ *перепилъ;* у него сдѣлался родъ бреда, хмѣльникъ, продолжавшійся болѣе сутокъ. Онъ самъ забылъ, какъ отличался на выемкѣ, шедши оттуда забрелъ на кладбище, тамъ спалъ, грезилъ, пошомъ, по инстинкту, не помня себя, говорилъ, ходилъ, ушелъ въ воду, гдѣ хмѣль его прошелъ совершенно. Жаръ отъ ужаснаго количества вина поддержалъ его въ водѣ, и не далъ околѣть, пока выпащили его. Въ бреду слилось для него все, что онъ видалъ, слыхалъ, чувствовалъ, а можетъ быть, и читалъ.

«Браво! Прекрасное изъясненіе!» сказалъ Шумиловъ. «Но, если вы такой мастеръ изъяснять, такъ изъясни-же вы мнѣ, что я разскажу теперь. У меня не будетъ ни красныхъ плащей, ни перепоя; но мое происшествіе чуднѣе всего этого, потому, что рѣшительно непонятно! Я скажу тебѣ и то, гдѣ и когда оно происходило. . . .

— Къ дѣлу! вскричалъ Суворовскій сослуживецъ.

Digitized by Google

«Лѣтъ двадцать шому» началъ Шумиловъ, «въ Старомъ Осколѣ, у одного шамошняго мѣщанина, былъ сынъ, замѣчательный чудакъ. Молодой, высокій, стройный собою, былъ онъ притомъ задумчивъ, молчаливъ, набоженъ, страшно любилъ читать духовныя книги, особливо Четію-Минею, ходилъ всегда въ церковь, не терпѣлъ женщинъ, никогда не смѣялся, и любимое упражненіе его было, когда онъ не былъ занятъ дѣломъ, и не читалъ — сидѣть неподвижно, сложа руки, закрывъ глаза, закинувъ голову на плеча, какъ будто въ дремотѣ, хотя спалъ онъ вообще весьма мало. Отецъ его былъ *прасолъ*. Такъ называютъ въ Южныхъ губерніяхъ нашихъ мѣлочныхъ торговцевъ, которые *кулачатъ* разнымъ товаромъ. Но *кулакъ*-собственно тотъ, кто, съ безмѣномъ въ рукѣ и нѣсколькими рублями за пазухою, выходитъ къ заставѣ, или на рынокъ въ своемъ городѣ, торгуетъ, покупаетъ — хлѣбъ, масло, яйцы, сѣно, рыбу—все, что ни попало, даетъ задатокъ, и везетъ купленное къ какому нибудь торговцу, или хозяину дома. Тамъ обыкновенно даютъ кулаку за труды, или нарочно условленный барышъ. Соединяя это съ тѣмъ, что кулакъ прилжетъ, выторгуетъ, выгадаетъ въ сдачахъ, въ промѣнахъ — онъ можетъ быть сытъ, и содержитъ свое семейство. Вы спросите: зачѣмъ сами хозяева, или торговцы, не замѣняютъ кулаковъ?

Digitized by Google

За пѣмъ, что никогда и никому не удастся противъ нихъ купить. Объ ихъ мастерствѣ можно-бы вамъ разсказать много смѣшнаго — но послѣ когда нибудь. Они, напримѣръ, иногда прибьютъ мужика, заговорятъ его, собьютъ съ толку, напоятъ, и умѣютъ выгадать; иногда составятъ они заговоръ общій, и сбиваютъ цѣну; иногда заведутъ страшный споръ между собою, подерутся нарочно, и проч. и проч.»

— Видно вездѣ тоже дѣлается, что бываетъ въ большомъ свѣтѣ, и при большихъ дѣлахъ — сказалъ Терновскій.

«Разумѣется, что страсти вездѣ страсти, и люди вездѣ люди. Разница только въ нуляхъ, которые прибавляютъ къ единицамъ» — отвѣчалъ Шумиловъ. «Но такіе-же точно кулаки, какъ я вамъ описалъ, только немного выше, называются *прасолами*. Они имѣютъ уже свой маленькій капиталъ, рублей до тысячи иногда, и не ходятъ торговать у заставы, или на рынкѣ, но ѣздятъ въ своей повозкѣ, на своихъ лошадяхъ, съ работникомъ, изъ деревни въ деревню, изъ селенія въ селеніе, изъ города въ городъ, скупаютъ, что ни попало, составляютъ *партіи товаровъ*, продаютъ ихъ, и промѣниваютъ. Огромныя количества мерлужки, пеньки, холста, щетины, и пр. п., собираются такимъ образомъ прасолами для большихъ торгов-

Digitized by Google

цевъ. Множество ярмарокъ даетъ средства изворачиваться. Ловкій прасолъ, самъ хозяинъ, самъ прикащикъ и работникъ, настоящій der Alte überall und nirgends (*старикъ вездѣ и нигдѣ*), всюду поспѣваетъ, торгуетъ, мѣняетъ, покупаетъ, берешъ заказы, задашки, и самъ должишъ.

— Всѣ эти статистическія подробности, право, не худо-бы собирать — сказалъ Терновскій — онѣ не всѣмъ извѣстны, и въ Статистикахъ нашихъ нѣтъ объ нихъ ни слова. —

«Спрашивай бывалаго» — отвѣчалъ Шумиловъ. Не удивительно, что Статистики наши бѣдны подробностями, и лгутъ въ общности, потому, что подробностей сочинители ихъ не знаютъ, сидя въ своихъ кабинетахъ, а безъ подробностей не льзя имъ хорошо узнать общности.

«Но я обращаюсь къ моему разсказу. Отецъ чудака, о комъ я началъ говорить, былъ *прасолъ*. Сынъ замѣнилъ его, когда подросъ. Онъ съ малолѣтства былъ пріученъ къ ремеслу отца. Не смотря на свой странный характеръ, онъ дѣйствовалъ умно, ловко. Товарищи, хотя не любили его, но уважали, а продавцы вѣрили его слову. Отецъ, видя, что сынъ *дѣла не оставляетъ*, допускалъ его читать, молчать, закрывать глаза. Народъ, видя чуда-

Digitized by Google

на всегда задумчивымъ, говорилъ, что онъ *зачитался*. Наши простолюдины увѣрены, что кто много читаетъ, тотъ наконецъ зачитается, то есть, что умъ зайдетъ у него за разумъ. Это общее повѣрье на Руси.

Такъ все шло своимъ чередомъ. Обыкновенно прасолы уѣзжаютъ въ дорогу послѣ Святой недѣли, и часто цѣлый годъ не пріѣзжаютъ домой, переѣзжая повсюду съ своимъ подвижнымъ торгомъ. Такимъ образомъ, въ одно лѣто, чудакъ нашъ отправился, вмѣстѣ съ другими, ѣздилъ, ѣздилъ, наконецъ пріѣхалъ въ Острогожскъ. Тамъ бываетъ ярмарка, если не ошибаюсь, на десятой недѣлѣ послѣ Пасхи. Очень удачно торговали на этой ярмаркѣ всѣ, а между прочими и нашъ чудакъ. Нѣсколько повозокъ прасольскихъ отправилось послѣ того, вмѣстѣ, на другую изъ тысячи одной ярмарки, которыми испещренъ цѣлый годъ въ Малороссіи, землѣ Донскихъ Казаковъ, и вообще въ Южной Россіи. Народъ собрался тутъ все веселый, разгульный. Въ ясный, жаркій день поѣхалъ этотъ народъ; пѣли, шутили, смѣялись, разсчитывали барыши, разсказывали проказы. Надобно было переѣзжать Сосну, которая, верстахъ въ 18-ти отъ Острогожска, впадаетъ въ Донъ, близъ Дивногорскаго монастыря. Жаркій день возбудилъ во всѣхъ желаніе

Digitized by Google

купаться. Остановили повозки, распрягли лошадей, всѣ бросились въ воду. Чудакъ, какъ нарочно, въ этотъ день былъ особенно задумчивъ и мраченъ. Онъ сѣлъ на берегу, смотрѣлъ на веселье и рѣзвости товарищей, и наконецъ запѣлъ, тихимъ голосомъ, одну изъ погребальныхъ пѣсенъ. «Что тебѣ вздумалось?» спросилъ одинъ изъ товарищей. «Кого ты отпѣваешь? — Себя — отвѣчалъ чудакъ, и съ симъ словомъ началъ раздѣваться. «Умный ты малый — сказалъ ему товарищъ — «а какъ ты глупо говоришь иногда, что не приведи Господи!»— «Не поминай лихомъ!» отвѣчалъ чудакъ, и бросился въ воду. Онъ былъ отличный пловецъ, и особенно мастеръ нырять. Товарищи не безпокоились, когда не увидѣли его тотчасъ вынырнувшаго изъ воды. Только тогда, какъ всѣ вышли на берегъ, замѣтили они, что *чудака нѣтъ*. «Да гдѣ-же онъ?» воскликнули всѣ въ одинъ голосъ. Начались разспросы: какъ, гдѣ, кто его видѣлъ? Платье его лежало на берегу, сложенное порядкомъ; когда бросился онъ въ воду, многіе его замѣтили; куда онъ дѣвался — никто не зналъ! Товарищъ, говорившій съ нимъ передъ купаньемъ, разсказалъ свой разговоръ. Это заставило всѣхъ ужаснуться. «Неужели онъ утопился?» закричали всѣ. «Съ чего? Какъ: наложить на себя руки? Нѣтъ, онъ былъ малый добрый, и не погубилъ-бы души своей за-

Digitized by Google

даромъ!» Безпокойство умножалось еще, при мысли, что нелегко раздѣлаться за это съ Судомъ... Но *утонулъ-ли* онъ? Въ которомъ мѣстѣ онъ бросился?— Всѣ кинулись въ воду, ловили, искали его. Мѣсто, какъ нарочно, было глубокое, но совершенно безъ ямъ и омутовъ: утонуть нѣгдѣ было, если-бы кто и захотѣлъ. Наконецъ, всѣ утомились, и послали въ ближнее селеніе....

Словомъ: сбился народъ, пріѣхалъ Судъ, искали, судили, рядили, взяли показанія — дѣло было кончено. Къ бѣдному старику, отцу, привезли шѣлегу, товаръ, платье, въ которомъ былъ сынъ его, и объявили, что онъ *купался и въ виду всѣхъ утонулъ*. Слыша подробности, многіе утверждали, что онъ *утопился* нарочно. Причины никто не понималъ. Все найдено было у него въ цѣлости, не только непромотанное, но и съ барышомъ необыкновеннымъ. Отецъ сильно погрустилъ. Время взялось его утѣшить. Всего легче утѣшать ему простолюдиновъ, которые въ первомъ порывѣ горести приходятъ въ совершенное изступленіе, ревутъ, горюютъ подобно животнымъ, но вскорѣ, и гораздо легче нашего, все забываютъ. Отправили *сорочины*, служили паннихиды, отпраздновали *полугодовщины*, наконецъ *годовщины*. Сдѣлалось самое обыкно-

Digitized by Google

венное дѣло: умеръ человѣкъ — умеръ-ли онъ на постелѣ, или въ рѣкѣ — но умеръ, и, по обыкновенному порядку вещей, всѣ его забыли — вотъ въ чемъ дѣло.

Вообразите-же себѣ изумленіе отца, когда, по прошествіи года, онъ получаетъ вдругъ письмо, писанное рукою его сына, въ которомъ сынъ его увѣдомляетъ, что онъ сидитъ въ острогѣ, въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Харьковской губерніи, въ совершенной нищетѣ, и что его считаютъ за бродягу. Бѣднякъ проситъ извѣстить мѣстное Начальство, о томъ, кто онъ, и прислать ему денегъ. Какъ онъ попалъ въ этотъ городъ, и какъ зашелъ въ острогъ — въ письмѣ не было объ этомъ ни одного слова.

Сначала отецъ не повѣрилъ глазамъ своимъ, читалъ, перечитывалъ, потомъ показалъ письмо товарищамъ, бывшимъ съ его сыномъ. Тѣ клялись ему въ справедливости ихъ разсказа, крестились, изумлялись, увѣряли. Старикъ пошелъ посовѣтоваться съ Градскимъ Головою. Изумленіе было всеобщее, и никто ничего не понималъ въ этомъ дѣлѣ. Одни полагали, что это обманъ; другіе думали, что это дьявольское наважденіе.

Пока все это думали и полагали, получено было оффиціальное отношеніе въ Старый Оскол.

Digitized by Google

Судебное мѣсто шого городка, гдѣ сидѣлъ въ острогѣ мнимый утопленникъ, извѣщало, что недалеко отъ города, близъ *такого-то селенія*, найденъ былъ крестьяниномъ *такимъ-то*, въ полѣ, днемъ, спящій человѣкъ, нагой, и по пробужденіи своемъ показалъ, что онъ *такой-то* Старо-Оскольскій мѣщанинъ, а какъ сюда попалъ, не знаетъ, а также и паспорта при себѣ не имѣетъ; вслѣдствіе сего *подозрѣвается онъ въ бродяжничествѣ*. Посему *благоволено-бъ было извѣстить:* точно-ли *таковый мѣщанинъ имѣлся* въ Старомъ Осколѣ, и точно-ли *часто-поминаемый, нагой*, найденный въ полѣ человѣкъ есть *рѣченный* мѣщанинъ, и проч. и проч.

Дѣло запутывалось болѣе и болѣе. Отнеслись изъ Стараго Оскола, что *таковый* мѣщанинъ *имѣлся* въ тамошнемъ мѣщанствѣ; но уже болѣе года, онъ, купаясь въ рѣкѣ Соснѣ, близъ Острогожска, волею Божіею *причинилъ себѣ утопленіе*, а посему, *гдѣ нынѣ находится неизвѣстно*.

Пока все это происходило, старикъ отецъ думалъ и передумывалъ, что ему дѣлать? Согласитесь, что положеніе его было самое затруднительное. Какъ: сынъ, утонувшій въ виду двадцати человѣкъ, которые не имѣли никакой надобности лгать, является живой, сидитъ въ острогѣ? Развѣ съ того свѣта при-

Digitized by Google

шелъ онъ, или это обманъ? Но обманъ тотчасъ откроется. Онъ подумалъ, подумалъ, перекрестился, взялъ паспортъ, и отправился, въ тотъ городъ, гдѣ явился мнимый утопленникъ.

Пріѣхавъ туда, онъ бросился прямо въ острогъ — смотритъ: точно это сынъ его, только еще угрюмѣе, молчаливѣе, задумчивѣе, нежели прежде! Старикъ обрадовался, закричалъ; сынъ обнялъ его, заплакалъ, но молчалъ. Отецъ началъ спрашивать: какъ онъ сюда попался? — «Не знаю» отвѣчалъ сынъ. — Но про тебя разсказывали, что ты утонулъ тогда-то, тамъто? — «Не знаю,» отвѣчалъ опять сынъ. — Да, какъ-же тебя нашли въ полѣ, нагаго, въ такомъ отдаленномъ разстояніи? — «Не знаю» — повторилъ опять сынъ, заплакалъ снова, и не отвѣчалъ болѣе ни на какіе вопросы. Отецъ сердился, бранился, умолялъ, заклиналъ; сынъ отвѣчалъ ему наконецъ, что готовъ поклясться въ совершенномъ незнаніи всего, что происходило съ того времени, когда онъ, близъ Острогожска, бросился въ воду, до того, какъ нашли его, спящаго, въ полѣ, нагаго, за нѣсколько сотъ верстъ отъ Острогожска. Не смотря на то, что ростъ, видъ, голосъ, все увѣряло старика, что это точно сынъ его, онъ еще не довѣрялъ; но совершенно убѣдился онъ, когда,

Digitized by Google

разспрашивая обо всѣхъ подробностяхъ прежней жизни, родствa, даже о товарѣ, какой остался въ повозкѣ при мнимомъ утопленіи сына, о платьѣ, въ которое былъ одѣтъ тогда этотъ мнимый утопленникъ, онъ получалъ отвѣты самые подробные и удовлетворительные. Дѣлать было нечего. Старикъ выручилъ сына, и повезъ его въ Старый Осколъ. Всю дорогу сынъ молчалъ, правилъ лошадью, или спалъ, но ѣлъ и пилъ онъ весьма мало. Не боленъ-ли ты? спрашивалъ старикъ, и всегда получалъ отвѣтъ отрицательный. Наконецъ пріѣхали въ Старый Осколъ. Всѣ сбѣжались смотрѣть утопленника. Онъ узнавалъ всѣхъ, и всѣ его узнавали. Но на вопросы и разспросы онъ отвѣчалъ только: *да*, *нѣтъ*, *не знаю*, и примѣтно сердился, когда говорилъ съ человѣкомъ, которому надобно было оказывать болѣе вѣжливости. Нравъ его, и прежде мрачный, угрюмый, еще болѣе сдѣлался угрюмъ и мраченъ. Онъ занялся дѣломъ своимъ по прежнему, но почти ничего не говорилъ, безпрерывно задумывался, закрывалъ глаза. Черезъ полгода впалъ онъ въ совершенное усыпленіе, не говорилъ ни слова, пролежалъ нѣсколько дней такимъ образомъ; впрочемъ, никакой сильной болѣзни у него не было замѣтно, но въ одно утро нашли его мертваго, въ его постелѣ. — Ну, что вы обо всемъ этомъ скажете?

Digitized by Google

« Что до меня, » сказалъ Суворовскій сослуживецъ, « то я началъ-бы изслѣдованіемъ всѣхъ подробностей. Ты, вѣрно, не самъ все это видѣлъ ?

— Нѣтъ, но я слышалъ отъ самовидца.

« Этого мало. Люди такъ умѣютъ всегда прибавлять, что разсказъ *десятаго* вовсе непохожъ на разсказъ *перваго*. Далѣе, надобно не только знать всѣ подробности, но и сообразить ихъ. Десятеро смотрятъ на одно и тоже, и всѣ десятеро говорятъ разно. Надобно *сличить* ихъ разсказы, и хладнокровно самому все *изслѣдовать*.

— Что до подробностей моего разсказа, я сказалъ вамъ *гдѣ* именно было. Не помню только того : въ какомъ точно городѣ оказался въ острогѣ ушкуленникъ, въ Валкахъ, или Изюмѣ? Совсѣмъ забылъ !

« А все это надобно знать непремѣнно, и непремѣнно знать кромѣ того: что̀ именно *правда* въ твоемъ разсказѣ, и что̀ ты *прибавилъ* ?

— Я, право, ничего не прибавилъ, а пересказалъ, какъ мнѣ сказывали.

« Все это легко можетъ объясниться животнымъ магнетизмомъ,» сказалъ важно Терновскій. « Люди, подобные Старо-Оскольскому прасолу,

Digitized by Google

сущь истинные *сомнамбулы*, и въ состоянiи сомнамбулизма могутъ. . . .

— Вотъ это мнѣ нравится — сказалъ Суворовскiй сослуживецъ, усмѣхаясь.

«Развѣ ты не вѣришь Животному Магнетизму?

— Готовъ вѣрить; но прежде нежели разсказъ Шумилова стану я изъяснять такимъ образомъ, мнѣ надобно видѣть всѣхъ *свидѣтелей* событiя, сообразить ихъ *разсказы*, повѣрить все на мѣстахъ, знать время, обстоятельства, *когда*, *гдѣ*, *какъ* было — и, можетъ быть, все окажется вранье, или обманъ. . . .

«Что за недовѣрчивость! вскричали другiе.

— Да, неужели по вашему лучше: вѣрить, безъ толку, безъ изслѣдованiй, и громоздить пустыя системы и теорiи? Пожалуй, иной готовъ будетъ и разсказъ Шумилова вписать въ собранiе *чудныхъ и необыкновенныхъ событiй*. Умъ безъ разума бѣда. Иногда ваши ученыя изъясненiя походятъ, мнѣ кажется, на ларчикъ, который *просто открывался*, или на сказку о какомъ-то Индiйскомъ Царѣ, у котораго былъ ученый сынъ. Вотъ этотъ Царь собралъ всѣхъ своихъ вельможъ, и объявилъ, что любя отечество свое, желаетъ избрать при себѣ до-

Digitized by Google

стойнаго наслѣдника. Всѣ изумились. «Помилуйте, братецъ солнца и дядюшка луны!» заговорили вельможи. — «Да, чего-же намъ лучше вашего премудраго и преученаго сына? Это перло Наукъ, это основаніе всякой Философіи!» — Вы ошибаетесь, друзья мои — отвѣчалъ Царь. — Сынъ мой точно уменъ, и очень ученъ, да у него нѣтъ *разума* и *здраваго смысла*, а безъ этого онъ въ Цари не годится. — Вельможи осмѣлились спорить. «Ну, вотъ всего лучше,» сказалъ Царь, «мы это сей часъ испытаемъ.» Позвали Царевича, и Царь, показывая ему сжатый кулакъ, спросилъ его: «Можешь-ли ты сказать намъ: просто-ли сжалъ я руку въ кулакъ, или что нибудь въ ней есть?» — Могу — отвѣчалъ Царевичъ, осмотрѣлъ кулакъ, смѣрялъ, вычислилъ, и отвѣчалъ, что въ кулакѣ должно быть что нибудь заключено постороннее, какой-то предметъ, ему неизвѣстный. — Всѣ изумились познаніямъ Царевича.

«Хорошо,» продолжалъ Царь, смѣясь — «но что-же такое именно? Подумай и скажи намъ.» — Царевичъ опять смѣрялъ, вычислилъ, и сказалъ, что въ кулакѣ находится какой-то *кругообразный предметъ, по срединѣ котораго есть круглое отверстіе.* — «Все это сказала тебѣ твоя *наука*» — отвѣчалъ Царь — «но теперь

Digitized by Google

пусть разумъ твой покажетъ намъ свою силу. Какъ ты думаешь: что-же такое именно держу я въ моемъ кулакѣ? — « *Жерновъ* » отвѣчалъ Царевичъ, « потому, что *жерновъ есть нѣчто кругообразное, съ круглымъ отверстіемъ по срединѣ.* А *поелику* наука говоритъ мнѣ, что у васъ въ рукѣ заключается именно такой формы предметъ, то и слѣдуетъ, что у васъ въ рукѣ жерновъ. Извольте разжать вашу руку, и покажешь.»— Царь разжалъ руку — въ ней было *кольцо*! Что-же Царевичъ? Онъ началъ доказывать, что кольцо и жерновъ есть одно и тоже. Царь покачалъ головою, и сказалъ: «Мы видимъ только одно, что *умъ безъ разума бѣда.*» Говорятъ, что съ тѣхъ поръ пошла въ міръ эта пословица.

Всѣ заомѣялись. « Ну, братъ, старый пріятель » — сказалъ Шумиловъ —

Эта сказка,

Племянникъ, на тебя прямая вѣдь указка!

« Какъ хочешь, а нашъ Суворовскій едва-ли неправъ! »

— Разумѣется, отчасти правъ — отвѣчалъ Терновскій — правъ, если нападаешь на легковѣріе, неразуміе, безразсудность повѣрьевъ и слуховъ. Но онъ ошибается, если хочетъ рѣшительно *все отвергать*, и ничему рѣшительно не

Digitized by Google

вѣришъ. Возьмемъ, какую вамъ угодно сторону знаній, какой вамъ угодно предметъ — вездѣ дойдемъ мы до той степени, гдѣ прямое, положительное изъясненіе невозможно, но теоретическое предположеніе того или другаго необходимо. Магнетизмъ Животный есть — этого опровергнуть не льзя. Готовъ сказать, что легковѣріе, излишнее умничанье, даже шарлатанство, много прибавили къ нему нелѣпаго, страннаго, вздорнаго, но — основаніе справедливо. Вотъ, не хочешь-ли — продолжалъ Терновскій, обращаясь къ Суворовскому сослуживцу — я разскажу тебѣ *самое вѣрное событіе*, и попрошу тебя изъяснить это событіе, если ты и послѣ сего станешь отвергать, что въ природѣ человѣческой есть много для насъ совершенно неизъяснимаго.

Всѣ расположились слушать. «Будутъ-ли въ твоемъ разсказѣ духи?» спросилъ хозяинъ. «Страхъ люблю духовъ!»

— Такъ, какъ въ молодости любилъ ты *духи* — сказалъ, смѣясь, Шумиловъ — я помню, что ты платилъ бывало золотомъ за пахучія произведенія Корбей Перрольша!

«Въ Москвѣ — такъ началъ Терновскій — жилъ одинъ знакомый мнѣ человѣкъ, чиновникъ, весьма хорошій и умный; но все, что вамъ разскажу —

вали когда нибудь о скупцахъ, все это онъ превзошелъ въ высочайшей степени. Родясь бѣднякомъ, онъ еще ребенкомъ пряталъ лоскутья, пуговки, гвоздики, тряпочки, и потомъ продавалъ ихъ. Также дѣлалъ онъ ящички, игрушки, выпрашивалъ закуски, все продавалъ, и дрожалъ надъ каждою копѣйкою. Вступя въ службу, проходя потомъ ее весьма честно, опрятно, онъ получалъ чины, мѣста, но жилъ совершенно нищимъ, и разсказывать вамъ о всѣхъ его проказахъ было-бы весьма долго. Напримѣръ: онъ всегда носилъ съ собою пустую табакерку, бралъ у каждаго табакъ, но не нюхалъ его никогда, а искусно пряталъ въ табакерку свою, и потомъ продавалъ въ табачную лавочку. Обѣдалъ онъ дома, покупая большую Шведскую сельдь, хлѣбъ черствый, и приказывая приносить себѣ изъ ближней харчевни солянку; пилъ всегда воду, ходилъ всегда пѣшкомъ, и изобрѣлъ какое-то особенное искусство не тереть сапоговъ, не марать ихъ въ грязи, и не изнашивать платья. Да, именно искусство: безъ калошъ, переступая сорокою съ камня на камень, умѣлъ онъ проходить по улицамъ чистыми ногами; безъ щетки и голичка, сбиралъ онъ съ платья и обдувалъ всѣ пушинки и пыль; никто уже не помнилъ, когда были сшиты его мундиръ и шинель, но они были новехоньки, хотя покроемъ напоминали времена Царя Горо-

Digitized by Google

ха. Говорятъ, будто мѣлочами скопить богатства не льзя, но, полно правда-ли это? Повѣрить трудно, сколько скопить можно самыми бездѣлицами. Мой знакомецъ, по крайней мѣрѣ, скопилъ себѣ весьма большое состояніе, безъ всякаго лихоимства и безъ взятокъ. Правда, что за то онъ, не считая за грѣхъ торговать своими деньгами, умѣлъ отдавать ихъ въ проценты, умѣлъ принимать залоги и заклады, перекупать, скупать вещи, перепродавать ихъ, подновлять, брать за нихъ дорого. Скажу вамъ однимъ словомъ, что нажилъ онъ себѣ денегъ много, и наконецъ купилъ себѣ домъ каменный, хотя и весьма дешево. Домъ этотъ стоило посмотрѣть: вообразите маленькое, низенькое строеніе въ два этажа, съ желѣзными ставнями, сводами, толстыми стѣнами въ два аршина поперечника; ворота вѣчно были у него на запорѣ; всѣ комнаты были заставлены сундуками, мебелью, платьемъ, ящиками. Только одинъ хозяинъ, и съ нимъ еще старый слуга — подивившись — такой-же скупецъ — были обитателями этого страннаго жилища. Говорятъ, что слуга, въ досужные часы, ходилъ даже просто сбирать милостыню, особливо, если узнавалъ, что гдѣ нибудь есть богатыя похороны. Для этого надѣвалъ онъ особенныя лохмотья, и все сбиралъ и копилъ. На ловца звѣрь бѣжитъ — по Русской пословицѣ. Скупецъ мой

Digitized by Google

вдругъ узналъ, что есть твореніе женскаго рода, ему подобное, познакомился, и пришелъ въ такой восторгъ отъ качествъ невѣсты, что не смотря на лѣта (ему было лѣтъ пятьдесятъ, ей около сорока), не смотря на непригожество невѣсты (она была хрома, крива, рябa, кривоноса, и сильно заикалась), предложилъ ей руку, и женился на ней. Качества супруги совершенно равнялись его похвальнымъ качествамъ. Не смотря на большое сословіе, это былъ неслыханный Гарпагонъ женскаго рода. Жаль, что мнѣ нѣкогда разсказывать вамъ о подробностяхъ хозяйства сихъ почтенныхъ супруговъ. Вы, конечно, слыхали, что одинъ скупецъ, боясь воровъ, но въ тоже время жалѣя расходовъ, не хотѣлъ купить собаки, а купилъ только цѣпь, и, выходя по ночамъ изъ дома, гремѣлъ цѣпью, и самъ лаялъ собакою; что другой скупецъ крадъ у самого себя хлѣбъ, и проч. — Повѣрьте, что все это дѣлала возлюбленная чета, о которой я вамъ разсказываю. Совсѣмъ не къ радости, Богъ благословилъ ихъ дѣтьми: родилось у нихъ два сына. Мужъ и жена плакали, когда надобно было имъ тратиться на крещенье, надобно было нанять няньку, хотя старушенку какую нибудь, старую и дряхлую. Лѣтъ трехъ былъ старшій сынъ, когда нечаянно разбилъ стаканъ — мать увидѣла, ахнула, и умерла! Можетъ быть, можно-бы еще было пособить ей; но неужели

звашь лекаря? Мужъ послалъ за цирюльникомъ; и пока договаривался, что возметъ онъ за кровопусканіе, душа супруги его улетѣла изъ некрасиваго тѣла ея, и комедія кончилась. Супругъ спалъ еще крѣпче прижимашь все къ рукамъ своимъ. Замѣтьше, что скупость его была страстью, жизнью его, такъ, какъ честолюбіе, любовь, карты, вино дѣлаются всепоглощающею страстью. Любишь потому, что *не любить* значило-бы *не жить*. Картежникъ дрожитъ, видя карты, пьяница трепещетъ, глядя на вино: и тутъ совсѣмъ уже не наслажденіе привлекаетъ любовника, картежника, пьяницу— нѣтъ! вся жизнь, все въ мірѣ заключено для нихъ въ предметѣ ихъ сумасшествія — или страсти, если угодно. Такъ скупецъ любитъ деньги. И этому доказательствомъ можетъ послужишь мой скупецъ. Въ дѣтяхъ своихъ совсѣмъ не замѣчалъ онъ склонности къ деньгамъ, а, напротивъ, одинъ изъ нихъ оказывалъ еще склонность къ мотовству. Что-же сдѣлалъ отецъ? Съ малыхъ лѣтъ началъ увѣрять дѣтей, что онъ бѣднѣйшій человѣкъ, и почти нищій. Деньги и все, что только было получше, онъ спряталъ; никогда не приходили къ нему занимать, отдавать, никогда не приносили и закладовъ при дѣтяхъ. Онъ ходилъ самъ къ желающимъ, заклады приносилъ домой потихоньку, писалъ векселя на чужія имена, съ переводомъ

Digitized by Google

на свое. Дѣти, привыкшія съ самой колыбели къ нищетѣ, лохмотьямъ, выросли рѣшительно въ томъ мнѣніи, что отецъ ихъ большой бѣднякъ. Когда вышли они изъ училища, отецъ опредѣлилъ ихъ въ шпатскую службу на другіе города, передавъ ихъ на руки своимъ знакомымъ, и умоляя униженно не оставлять его нищихъ ребятишекъ. Самую трудную жизнь вели бѣдные сыновья, и должны были кое-какъ питаться и жить изъ своего жалованья, а отецъ умиралъ между тѣмъ съ голоду въ Москвѣ.

Лѣтъ двадцать было старшему, когда вдругъ, неожиданно, послѣ нѣскольколѣтняго отсутствія, является онъ къ отцу. Старикъ изумился и осердился. Увидя его, сынъ проситъ позволенія поговорить съ нимъ о важномъ дѣлѣ. Старикъ привелъ его въ свою спальную комнату, гдѣ, на большомъ сундукѣ, лежала у него вешхая перина, а на столѣ о трехъ ножкахъ стояла чернильница. Сынъ зналъ, что въ сундукѣ лежитъ у старика дрянное бѣлье его и старое платье. Упавши на колѣна, онъ объявилъ отцу, что проситъ благословенія женишься.

— Какъ женишься? А чѣмъ тебѣ жить? Доспѣешъ-ли жалованья? — вскричалъ изумленный старикъ. — «И подумать не льзя. Пріученный вами къ умѣренности, я живу до сихъ поръ кое-какъ, но почти нищимъ.» — Нищимъ? Хо-

Digitized by Google

рошо, вотъ это хорошо — по твоему состоянію — сказалъ старикъ, улыбаясь — но, можетъ быть, ты берешь за невѣстою большое приданое? — «Величайшее, батюшка: добродѣтель, красоту.» — Я спрашиваю тебя о приданомъ. — «Я и говорю вамъ о приданомъ.» — Такъ, стало быть, ты женишься на бѣдной? — «Пособите, батюшка!» — А мнѣ гдѣ-же взять? Мнѣ самому ѣсть нечего! — «Признаюсь.... я ужъ женился, батюшка!» — Какъ: *женился?* — «Я не смѣлъ писать къ вамъ объ этомъ. Для свадьбы принужденъ я былъ занять....» — Занять!... — «Да, и обѣщалъ въ срокъ заплатить... А теперь.... срокъ пришелъ — меня мучатъ, требуютъ!...» — Старика начала бить лихорадка. «А много-ли занялъ ты?» спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ. — Тысячу рублей. Помогите, я вскорѣ надѣюсь получить вѣсто выгоднѣе, помогите мнѣ только теперь, ради Бога! — Старикъ не слыхалъ уже этихъ словъ: онъ повалился на постелю, безъ чувствъ. Испуганный сынъ не зналъ что дѣлать, бросился къ лекарю; пока собирался лекарь, бѣднякъ успѣлъ возвратиться домой. Отецъ его въ это время опамятовался, но глядѣлъ дикими глазами, сидя на своей перинѣ. «Что это такъ скоро возвратился ты?» спросилъ старикъ хрипящимъ голосомъ. — Я нанялъ извощика — отвѣчалъ сынъ. — «Извощика!» воскликнулъ отецъ,

Digitized by Google

упалъ снова на перину, и бормоча: «*извощика, тысячу....*» умеръ.

Явился лекарь, осмотрѣлъ скелетъ старика, едва одѣтый морщинистою кожею— такъ худъ и сухъ былъ онъ — и объявилъ, что старикъ скоропостижно скончался. Сынъ былъ пораженъ жестокою горестью. Онъ думалъ, что хотя и безъ намѣренія, былъ онъ причиною внезапной смерти отцовской. Въ первый разъ собрались въ домъ скупца родственники покойнаго. Всѣ съ любопытствомъ осматривали домъ его, и удивлялись, что въ самомъ дѣлѣ совершенная бѣдность была видна повсюду. Покойника положили, какъ водится, на столъ. Дьячекъ началъ читать Псалтирь. Бѣдный сынъ не думалъ искать богатствъ въ домѣ отцовскомъ, не искалъ и связки ключей, которая обыкновенно бываетъ у скупцовъ. Ночью, весьма часто, дьячки спятъ за чтеніемъ Псалтири; но крайней мѣрѣ, дьячекъ, бывшій при покойникѣ, спокойно заснулъ. Пробудившись весьма рано, онъ удивился, что покойника на столѣ не было. Въ испугѣ разбудилъ онъ сына. Этотъ не вѣрилъ, но также изумился, когда пришелъ и увидѣлъ своими глазами, что покойникъ пропалъ со стола. Бросились въ его спальню — что-же? Онъ шутъ, ничкомъ, прикорнувшись къ своей перинѣ, обхвативши руками ветхій сундукъ свой! Сынъ просилъ дьячка молчать, перенесли покойника

Digitized by Google

на столъ; немедленно снова призвалъ сынъ лекарей, прося освидѣтельствовать тѣло. Всѣ согласно говорили, что старикъ точно умеръ. При наступленіи другой ночи, дьячку и сыну стало страшно оставаться однимъ. Не говоря о томъ, что было въ первую ночь, сынъ пригласилъ къ себѣ ночевать знакомыхъ. Двое изъ нихъ легли въ бывшей спальнѣ старика. Сынъ расположился въ другой, ближней комнатѣ. Вдругъ ночью прибѣгаютъ къ нему оба знакомые, бывшіе въ спальнѣ, и говорятъ, что *покойникъ тамъ*. Бросились въ комнату, гдѣ лежалъ онъ: трупъ на столѣ; дьячекъ, и двое другихъ людей, спятъ спокойно; кинулись въ спальню — тамъ никого нѣтъ! Все почли мечтою воображенія, и на другой день старика похоронили, безъ дальнихъ хлопотъ. Сынъ опять попросилъ однакожь ночевать у него многихъ. Онъ писалъ уже къ брату, и вскорѣ ждалъ его. Долго вечеромъ сидѣли и говорили; ударило полночь, когда стали расходиться; двери въ спальню были отворены; глядятъ — старикъ сидитъ на сундукѣ своемъ! Это уже не мечта, онъ самый, онъ, какъ живой! Маленькая лампадка горѣла передъ образомъ, и освѣщала блѣдное лицо покойника. —

— И вѣрно запѣлъ пѣтухъ, и онъ пропалъ? сказалъ Шумиловъ, усмѣхаясь.

Digitized by Google

« Вѣрьте, или нѣтъ, только я слышалъ это отъ самого сына этого скупца, о которомъ вамъ говорю. Не онъ одинъ, но еще пятеро, или шестеро съ нимъ были тутъ, и сами видѣли!

« Почему-же они не подошли, не пощупали руками, не принесли свѣчь?

— « Послушай-ка, дружище: хорошо тебѣ храбриться теперь — сказалъ Терновскій — но между мертвыми и живыми такое безмѣрное разстояніе — жизнь и смерть, человѣкъ и трупъ — такъ непріязненны одно другому, что если-бы теперь, въ эту минуту, въ эти двери, вдругъ показалось привидѣніе, въ саванѣ, съ лицомъ гробовымъ и блѣднымъ — повѣрь, что въ первую минуту — ты не вздумалъ-бы ощупывать его....

« Да, полно-же пугать насъ» — сказалъ хозяинъ — « разскажи лучше, что далѣе было — а славная повѣсть! какая страшная!...» прибавилъ онъ, пожимаясь съ видомъ удовольствія.

— Вотъ, это, господа, странное вѣдь дѣло — продолжалъ Терновскій — что человѣку именно нравится тѣмъ болѣе разсказъ, чѣмъ онъ страшнѣе, то есть, чѣмъ болѣе можетъ испугать его существенность дѣла. Чѣмъ опаснѣе было наше похожденіе, тѣмъ пріятнѣе разсказывать

Digitized by Google

объ немъ послѣ, когда опасность уже миновалась. — Но сынъ скупца, о которомъ я разсказываю, и товарищи его, не думали въ то время о будущей прелести разсказа. Они окаменѣли на мѣстѣ, и черезъ минуту бросились всѣ бѣжать! Имъ казалось, что старикъ гонится за ними — они толкали другъ друга, падали, и опомнились тогда только, когда выбѣжали на дворъ; свѣжій, ночной воздухъ обвѣялъ ихъ, и очи небесныя, звѣзды, на голубомъ, чистомъ небѣ разсѣянныя, освѣтили ихъ своими блѣдными, мерцающими лучами.

— Вы его видѣли? спросилъ сынъ. — Ты сказалъ намъ, что видишь его, а я, признаюсь, не видалъ — отвѣчалъ одинъ изъ товарищей. — Но мы видѣли, видѣли сами! воскликнули другіе. — Чувствую, что я виновенъ передъ нимъ! вскричалъ тогда сынъ — мое непослушаніе, мое оскорбленіе, причинили ему смерть, и въ гробѣ не даютъ ему покоя! — Онъ заплакалъ, зарыдалъ; товарищи замѣтили, что онъ въ бреду, въ горячкѣ. Его перенесли въ домъ, почти безъ чувствъ, но никто не смѣлъ идти въ комнату старика. Бѣдный сынъ былъ очень долго боленъ, и нѣсколько дней лежалъ безъ памяти. Комнату старика затворили и замкнули. Страшные разсказы пошли по сосѣдству. Говорили, что многіе видятъ скупца, какъ онъ ходитъ

Digitized by Google

по ночамъ вокругъ дома, плачетъ, воетъ, кричитъ. Исторію о появленіи его разсказывали такъ разно, что на третій день никто изъ сосѣдей не могъ спокойно заснуть; каждый шумъ, шорохъ мыши, свистъ вѣтра, вой собаки, казались сосѣдамъ голосомъ мертвеца. Въ самомъ же, домѣ его при наступленіи ночи, холодъ обдавалъ каждаго. Внизу, вокругъ постели больнаго, молодаго хозяина, тѣснились устрашенные обитатели, и гости, остававшіеся съ нимъ, и едва тѣ и другіе осмѣливались дышать.

Наконецъ пріѣхалъ въ Москву и второй сынъ скупца. Братъ его былъ еще безъ памяти. Пріѣзжему разсказали обо всемъ. Онъ удивлялся, но въ тоже время спрашивалъ: осматривали-ль пожитки покойнаго, и осталось-ли ему съ братомъ что нибудь въ наслѣдство? Никто ничего не могъ сказать. Не мучимый совѣстью, подобно старшему брату, нашъ молодецъ тотчасъ пошелъ осматривать всѣ комнаты и всѣ уголки. Но тщетно расшворялъ онъ шкафы, заглядывалъ въ кладовыя, выдвигалъ ящики — кромѣ дряннаго старья, нигдѣ и ничего не было! «Не можетъ-же быть, чтобы у батюшки въ самомъ дѣлѣ ничего не осталось!» говорилъ онъ, и рѣшился тщательнѣе осмотрѣть спальню. Въ ветхомъ бюро, стоявшемъ въ спальнѣ, не ока-

Digitized by Google

задось ни гроша; валялись только разныя старыя бумаги. Сынъ рѣшился осмотрѣть сундукъ, на которомъ спалъ и являлся послѣ смерти отецъ. Это было яснымъ утромъ, но — такова была сила впечатлѣнія разсказовъ, что руки нашего разыскателя дрожали, сбрасывая верхнюю перину и подушки съ сундука. Открыли сундукъ: тутъ лежали мундиръ, плащъ старика, нѣсколько бѣлья — и только! Все это выбросилъ нашъ разыскатель, и съ досадою сказалъ, что надобно убрать этотъ сундукъ. «Стоило батюшкѣ приходить съ того свѣта» — говорилъ онъ — «стеречь свой старый мундиръ!» Но тутъ замѣтилъ онъ, толкнувши сундукъ, что сундукъ не двигается съ мѣста. Что за странность! Выкидали всѣ остальныя вещи изъ сундука, и замѣтили, что у него двойное дно. Поднявъ нервое, фальшивое, увидѣли, что другое, крѣпко запертое, было врѣзано въ полъ. Принуждены были разломать это дно, и тутъ, съ изумленіемъ, узнали, куда скрывалъ свое богатство старый скупецъ. Подъ поломъ, и въ стѣнѣ, открылось мѣсто, гдѣ лежали мѣшки съ золотомъ и серебромъ, пучки ассигнацій, драгоцѣнныя вещи, шкатулка съ векселями и документами. Особый пакетъ былъ положенъ въ шкатулку. Сынъ сорвалъ печать съ этого пакета, прочиталъ бумагу, въ немъ находившуюся — поблѣднѣлъ и затрепеталъ. Все велѣлъ онъ оста-

Digitized by Google

вить, какъ что было найдено, заперъ дверь комнаты, и пошелъ къ постели брата. Изумлялись, что этотъ шаловливый, вѣтреный юноша сдѣлался вдругъ такимъ мрачнымъ, смущеннымъ, и не говорилъ ни слова. Прошло нѣсколько дней; больной выздоровѣлъ, узналъ отъ брата своего тайну о скрытомъ сокровищѣ, изумился, почти обрадовался...

« Что-жъ, являлся-ли старикъ во все это время? » — спросилъ Шумиловъ.

— Не знаю, да и никто этого не зналъ, потому, что дверь въ бывшую его спальню была крѣпко заперта. Говорили, что въ ночь, слѣдовавшую послѣ дня открытія сокровища, слышанъ былъ въ этой комнатѣ горестный вой и стонъ. Только дѣти, какъ видно, перестали думать о привидѣніяхъ, рѣшились раздѣлить все ими найденное, раздѣлили честно, и тотчасъ изъ отцовскаго дома выѣхали: одинъ уѣхалъ къ молодой женѣ своей; другой остался въ Москвѣ. Домъ отца ихъ наняли какіе-то люди.

« И исторіи конецъ? » сказалъ хозяинъ.

— Нѣтъ, не конецъ — отвѣчалъ Терновскій. Во-первыхъ, наемщики дома вскорѣ отступились отъ денегъ, заплаченныхъ ими впередъ за полгода: имъ жить не было! Только полночь — въ бывшей спальнѣ старика начинался вой, плачъ,

Digitized by Google

стонъ, крикъ, странный стукъ, какъ будто по полу катаетъ кто нибудь тяжелые чугунные шары. Съ годъ оставался послѣ того домъ старика пустой. Никто не нанималъ его. Наконецъ сыскался было смѣльчакъ, но и недѣли не прожилъ отъ стука, крика и воя. Домъ скупца рѣшительно и навсегда опустѣлъ. Боялись ночью даже ходить мимо его. Между тѣмъ младшій сынъ скупца жилъ въ Москвѣ, и казался совершенно сумасшедшимъ. То запирался онъ въ своей комнатѣ, плакалъ, ходилъ сложа руки; то пускался въ свѣтъ, моталъ, игралъ, пилъ, и, казалось, забывалъ самого себя. Въ два года не осталось у него ни копѣйки, и онъ, обремененный долгами — застрѣлился! На столѣ нашли у него пакетъ, адресованный на имя брата. Надобно вамъ сказать, что этотъ старшій братъ жилъ между тѣмъ чрезвычайно тихо, скромно; но жестокая болѣзнь, послѣ смерти отцовской бывшая у него, оставила глубокіе слѣды. Мысль, что онъ, хотя невольно, былъ нечаянною причиною смерти отцовской, терзала и мучила его. Къ несчастію, двое прелестныхъ малюпокъ умерли у него одинъ за другимъ; добрая, милая жена его сильно горевала, и впала наконецъ въ злую чахотку. Бѣдный страдалецъ вдругъ получаетъ въ это время извѣстіе о несчастной смерти брата, и пакетъ, оставленный на его имя. Онъ разорвалъ пакетъ —

Digitized by Google

вообразите, что-же нашъ находитъ? Братъ пишетъ, что совѣсть мучитъ его, и доводитъ до гроба; что въ шкатулкѣ отцовской нашелъ онъ бумагу, и скрылъ ее, думая, что эта бумага вздоръ. Въ бумагѣ этой отецъ налагалъ вѣчное, страшное проклятіе на всякаго, кто осмѣлится коснуться къ его сокровищамъ! «Душа моя потревожится на томъ свѣтѣ» — писалъ скупецъ — «я приду возмущать сонъ и покой дерзновеннаго, кто возметъ изъ моего имѣнія хоть одну копѣйку.» Безразсудный юноша не показалъ этой бумаги старшему брату, но самъ безпрерывно мучился совѣстью, и мыслію о проклятіи родительскомъ. Тѣнь отца преслѣдовала его всюду; напрасно хотѣлъ онъ въ роскоши и развратѣ забыть самого себя; и — «теперь, когда заряженный пистолетъ навожу я на свою голову» — писалъ несчастный — «мнѣ кажется, что неумолимая тѣнь передо мною, что она гнѣвно смотритъ на меня...» Ужасъ объялъ старшаго брата, при чтеніи этого письма, и при чтеніи страшнаго проклятія отцовскаго, которое братъ его сохранилъ, и приложилъ при своемъ прощальномъ письмѣ. «Я чувствую, что проклятіе отца лежитъ на мнѣ, и на моемъ несчастномъ семействѣ!» вскричалъ онъ, упалъ безъ чувствъ, и — отъ жестокой горячки вскорѣ отправился въ нескончаемый, таинственный путь. Жена пережила его только

Digitized by Google

немногими днями. Узнавъ всѣ подробности, она завѣщала раздать все имѣніе мужа въ монастыри и церкви. Домъ скупца нѣсколько лѣтъ стоялъ опустѣлый, и въ пожарѣ 1812-го года сгорѣлъ. Мѣсто было продано, и потомъ застроено новыми домами...

«Твой разсказъ ужасенъ» — сказалъ Шумиловъ — «но что-же онъ доказываетъ?

— Я прошу васъ изъяснить мнѣ всю эту таинственную исторію. Скажите мнѣ: какъ мертвецъ могъ сойдти со стола, и придти къ своему сокровищу? Что значили всѣ явленія, подтвержденныя множествомъ достовѣрныхъ людей? Что значила несчастная участь дѣтей скупца? Ну, ты, изъяснитель, что скажешь?

«Что я скажу?» отвѣчалъ Суворовскій сослуживецъ. «То, что я слыхалъ тысячи исторій, какъ мертвецы приходили съ того свѣта, какъ они стучали, кричали, шумѣли, но — рѣшительно ничему этому не вѣрю.

— Слѣдовательно, ты полагаешь, что все это людской обманъ?

«Иногда, а иногда обманъ разстроеннаго воображенія, иногда-же наконецъ, то и другое вмѣстѣ. Но никогда не допущу я мысли, чтобы приходъ и явленіе мертвецовъ происходили на самомъ дѣлѣ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, я, напротивъ — сказалъ Терновскій — полагаю, что можетъ существовать таинственная, непостижимая связь между умершимъ и переживающимъ его, или оставляемымъ отъ него здѣсь. Если остающійся здѣсь сохраняетъ память перешедшаго за предѣлы гроба, почему не полагать, что перешедшій за могилу не привязанъ также какими нибудь таинственными связями къ остающемуся въ здѣшнемъ мірѣ? Это мысль Виланда, который описалъ извѣстное — думаю — всѣмъ вамъ происшествіе, какъ одна умирающая хотѣла проститься съ добрымъ своимъ другомъ. Сказавъ объ этомъ окружавшимъ смертный одръ ея, она закрыла глаза, и казалась въ безчувствіи. Другъ ея, бывшій весьма далеко, и совершенно ничего не знавшій, сидѣлъ въ это время спокойно въ своемъ кабинетѣ. Вдругъ струна на гитарѣ, висѣвшей у него на стѣнѣ, лопнула, съ такимъ трескомъ, какъ будто вся гитара изломалась. Онъ вздрогнулъ, взглянулъ, и увидѣлъ призракъ своей подруги: онъ стоялъ передъ нимъ, легкій, воздушный, и ласково улыбался. Испуганный другъ ужасно обезпокоился, не спалъ всю ночь, сокрушался, и на другой день отправилъ нарочнаго, спрашивая: не случилось-ли, въ такой-то день, часъ и минуту, чего нибудь необыкновеннаго? Ему пишутъ, что въ этотъ день, часъ и минуту подруга его была при по-

Digitized by Google

слѣднемъ издыханіи, хотѣла проститься съ нимъ, и черезъ мгновеніе потомъ снова открыла глаза, сильно вздохнула еще разъ, и умерла.

« Хорошо, дружище » — сказалъ Шумиловъ — « положимъ, что все это точно такъ было, но и не отвергая рѣшительно твоихъ предположеній, какъ дѣлаетъ это нашъ Суворовскій богатырь, признаюсь, не понимаю: *первое*, того, какъ можно для такихъ мѣлочей, каковы всѣ наши земныя отношенія, приходить съ другаго свѣта? *Второе*, того, почему подобныя явленія бываютъ всегда вечеромъ, ночью, или, по крайней мѣрѣ, когда дѣлается темно? Я до сихъ поръ не слыхивалъ, чтобы мертвецы и чудесныя привидѣнія являлись середи бѣла дня. *Третье*, наконецъ, странно, почему всегда сопровождались они разными пустяками, какъ-то: плачемъ, стономъ, стукомъ, или, какъ въ разсказѣ Виланда, лопаньемъ гитарной струны? Не вѣрю я, чтобы торжественное явленіе жителя того свѣта сопровождалось подобными вздорами!

— Знаете-ли вы еще старинную исторію — сказалъ хозяинъ — какъ одинъ молодой человѣкъ былъ влюбленъ въ славную нѣкогда Французскую актрису, Клеронъ, и умеръ отъ любви къ ней? Послѣ смерти его, каждый день, въ часъ его кончины, были въ домѣ Клерона странныя явле-

Digitized by Google

нія: то выстрѣлитъ, какъ будто изъ пушки, то захлопаетъ, какъ будто рукоплещетъ кто нибудь, то завоетъ, застонетъ. Наконецъ стала слышна музыка. Все это продолжалось цѣлый годъ, и всякій день было постоянно въ извѣстный часъ.

« Ну, вотъ вамъ доказательство сбивчивости всѣхъ этихъ разсказовъ, » сказалъ Шумиловъ. « Извольте знать, что точно такое-же происшествіе разсказываетъ Гёте объ одной Неаполитанской пѣвицѣ.

— Пѣтъ, что оно случилось именно въ Парижѣ — возразилъ хозяинъ — я докажу вамъ Записками Герцогини Аншпахской, которая разсказываетъ его за достовѣрное.

« Да, помилуйте, вотъ съ моимъ знакомымъ въ Петербургѣ, было подобное происшествіе. Онъ купилъ домъ, весьма старинный. Едва только переѣхалъ онъ, какъ въ первую ночь слышитъ въ залѣ страшный стукъ. Точно, какъ будто кто нибудь все тамъ ломаетъ. Бросились въ залу со свѣчами — ничего и никого! Вышли изъ залы — опять стукъ, трескъ, ломанье. Это продолжалось болѣе часа. Никто не могъ уснуть въ домѣ во всю ночь. На другой день рѣшились все осмотрѣть, смотрѣли, искали, и ничего не нашли. На другую ночь —

Digitized by Google

прежняя исторія! Бѣдный мой пріятель не зналъ что дѣлать, и какъ въ подобныхъ случаяхъ невольно дѣлаешься суевѣрнымъ, и радъ бываешь совѣтоваться со всякою старухою, то и мой знакомый послалъ за какимъ-то колдуномъ, старикомъ. Тотъ явился, и объявилъ, что въ домѣ должны быть непогребенныя кости, насильственно умерщвленнаго человѣка. Подняли полъ въ залѣ, и нашли подъ поломъ скелетъ, у котораго пробитъ былъ черепъ. Скелетъ этотъ перенесли на кладбище, похоронили его честно, и стукъ кончился. Земля земли требовала. У нашихъ предковъ предписывалось, какъ христіанскій долгъ, прикрыть землею, если кто нибудь видитъ валяющіяся безъ погребенія кости человѣческія.

— Вотъ похожее на это было въ К***— сказалъ хозяинъ. — У одного тамошняго купца жила служанка, сварливая и злая женщина. Однажды пропали въ домѣ какія-то вещи. Подозрѣніе пало на нее. Она взбѣсилась, разругала всѣхъ, клялась самыми ужасными клятвами, что невиновата, и когда ей грозили, что передадутъ подозрѣніе Полиціи, то сказала, что наложитъ на себя руки, да и послѣ смерти никому покоя не дастъ. Рано поутру хозяинъ всталъ, и пошелъ со двора. Служанка, вслѣдъ за нимъ, вышла за ворота. Часовый домъ былъ

Digitized by Google

недалеко. Увидя, что хозяинъ вошелъ въ Частный домъ, она въ бѣшенствѣ хлопнула воротами, побѣжала въ сарай, и — удавилась! Представьте-же себѣ несчастное обстоятельство: въ Частномъ домѣ допрашивали вора, пойманнаго ночью, и онъ признался, что между прочимъ укралъ и тѣ вещи, въ которыхъ подозрѣвали несчастную служанку! Въ тоже время бѣгутъ изъ дома, и извѣщаютъ хозяина о смерти ея. Напрасно старались оказать ей пособія. Совѣсть терзала бѣднаго купца, а ночью началась у него въ домѣ такая потѣха, что на другой день никто не хотѣлъ остаться въ домѣ. Казалось, что на вышкѣ дома поютъ, пляшутъ, стучатъ, воютъ. Говорить вамъ, что днемъ ничего не было, что все это подстерегали, осматривали — было-бы излишнее. Хозяинъ *лишился хлѣба*, какъ говаривали у насъ въ старину, не зная выраженія: *потерять аппетитъ*. Вдругъ приходитъ къ нему какой-то нищій, старикъ, узнаетъ обо всемъ, и говоритъ, что можетъ пособить дѣлу. Прежде всего велѣлъ онъ молиться о душѣ самоубійцы, а потомъ на ночь остался въ домѣ, и когда начался стукъ, то отправился на вышку. Что онъ тамъ дѣлалъ? Никто этого не зналъ; но только стукъ прекратился, и съ той поры ничего не было слышно.

Digitized by Google

«Я вамъ разскажу также нѣчто похожее на это,» сказалъ Шумиловъ. «Въ Ригѣ зналъ я одного Лифляндскаго помѣщика, Барона, кажется, потому, что тамъ рѣдко кто не Баронъ. Это былъ странный, задумчивый, мрачный старикъ, хотя оплично умный и образованный. А всего страннѣе было въ немъ то, что одна щека была у него, какъ будто свернута какимъ-то уродливымъ образомъ, такъ, что ротъ у него покривился, и кромѣ того, щека эта находилась въ безпрерывномъ, какомъ-то судорожномъ движеніи. Множество удивительныхъ вещей слышалъ я объ этой щекѣ Барона. Случайно познакомились мы, и, не знаю какъ, только Баронъ очень полюбилъ меня. Узнавъ его лично, я удивлялся обширнымъ познаніямъ этого старика, любилъ его бесѣду и разсказы его. Старикъ бывалъ въ службѣ при посольствахъ, многое видалъ на своемъ вѣку, много путешествовалъ. Однажды, долго сидѣвши съ нимъ вечеромъ, и говоря откровенно, я осмѣлился спросить у Барона: отъ чего была такъ изуродована щека его? — и прибавилъ, что я слыхалъ объ этомъ много страннаго, но не вѣрилъ ничему, и дабы убѣдиться рѣшительно, что всѣ эти разсказы вздорные, желалъ-бы слышать разсказъ его самого.

— А что слыхали вы? — спросилъ меня Баронъ, принимая свой обыкновенный, задумчи-

Digitized by Google

вый видъ. « Говорятъ, » отвѣчалъ я, « будто... но, мнѣ совѣстно сказать вамъ... » — Говорите, говорите — продолжалъ Баронъ, принужденно улыбаясь. — « Истинно, я стыжусь, и для того только и осмѣлился спросить васъ, что мнѣ досадно было слышать нелѣпости, разносимыя на счетъ такого почтеннаго человѣка, какимъ почитаю я васъ » . . . — Вамъ, вѣрно, сказывали, что щеку мою изуродовалъ мерзавецъ? Не правда-ли? — « Признаюсь » . . . — Знайте-же — сказалъ Баронъ — что вамъ не солгали. — Онъ глубоко вздохнулъ. — « Да, къ несчастію, не только это совершенная правда, но это заставило меня оставить службу, и навсегда разстроило мое здоровье. Я не люблю разсказывать моей исторіи, но васъ такъ люблю, что преодолѣю тягостное чувство, и все разскажу подробно.

« Не думайте, чтобы я всегда былъ такой мрачный, задумчивый, угрюмый старикъ; напротивъ, смолода былъ я характера самаго веселаго и беззаботнаго. Всю почти жизнь свою провелъ я внѣ родины — сперва воспитывался въ Геттингенѣ; потомъ опредѣлился въ службу по дипломатической части, и жилъ, то въ Парижѣ, то въ Лондонѣ, безпечно и беззаботно. Родители мои умерли безъ меня, оставивъ мнѣ большое состояніе. Въ мое время, на об-

Digitized by Google

шествіе Европейскомъ были два главныя отличія: мы наслаждались настоящимъ, какъ будто спѣша насладиться, и предвидя сбирающіяся вдалекѣ грозныя тучи. Такъ поселяне и поселянки спѣшатъ доплясать круговой панецъ, видя, что издали несется на нихъ черная, громовая туча. Кромѣ того, мы любили щеголять безвѣріемъ и вольнодумствомъ, именно: *щеголять*, потому, что это было тогда въ модѣ. Мы совсѣмъ не были вольнодумцами въ душѣ, или безбожниками по сердечному убѣжденію, но вольнодумствовали потому-же, почему пудрились — такая была мода. Мнѣ кажется, теперь тоже самое, только идетъ на оборотъ, то есть: такъ-же не вольнодумствуютъ, какъ не употребляютъ пудры, и не носятъ Французскихъ кафтановъ — изъ моды все это вышло, хотя душевной вѣры и сердечнаго убѣжденія нѣтъ, какъ прежде не было ихъ у насъ! Но, я говорю все это мимоходомъ.

«Мнѣ было сорокъ лѣтъ. Въ душѣ у меня было пусто; жизнь не представляла мнѣ впереди ничего, кромѣ пестрой перспективы того, что было уже со мною до тѣхъ поръ. Я рѣшился возвратиться на родину, взглянуть на отеческія поля, можетъ быть, оспаться, сдѣлаться отцомъ семейства. Въ сорокъ лѣтъ пора основательнѣе глядѣть на будущее, а не слѣпо пре-

Digitized by Google

давашься золотому правилу: *будь, что будетъ*! Отчизна, послѣ тридцатилѣтней отлучки, мнѣ показалась и скучна, и дика; домъ отцовскій нашелъ я въ запустѣніи; роднымъ казался я чужимъ человѣкомъ; знакомыхъ, друзей у меня не было. Отъ всего этого, мнѣ на родинѣ моей стало душно, грустно. Небывалая дотолѣ, мрачная, тяжелая тоска, и задумчивость, отравляли всѣ часы. Уединенно бродилъ я по своему дѣдовскому замку, и не зналъ, на что рѣшиться: опять-ли пуститься въ службу, и домыкать остальную жизнь на чужой сторонѣ, или остаться на родинѣ, жениться, сдѣлаться помѣщикомъ, семьяниномъ? Предоставляя окончательное рѣшеніе грядущему времени, рѣшился я прежде всего поправить и передѣлать свой старинный замокъ. Это завлекло меня однакожъ весьма далеко. Разломавъ пушъ, передѣлавъ тамъ, безпрестанно болѣе и болѣе распространялъ я планъ свой, ломалъ, строилъ, садилъ, рубилъ. Однажды, рѣшась сломать часть ветхаго строенія, для распространенія сада, я самъ находился на работѣ. Разбирая основаніе, вдругъ дорылись мы до какой-то ямы, и въ ней нашли множество человѣческихъ костей. «Можно-ли оставлять ихъ въ саду?» думалъ я, смотря на пожелтѣлые черепа, велѣлъ вырыть яму въ лѣсу, перевезть кости туда, и закопать. Распѣвая пѣсни, работники выкиды-

Digitized by Google

вали кости, и шутя бросали ихъ въ тѣлегу. Зрѣлище это сдѣлало на меня сильное впечатлѣніе. Я вспомнилъ Гаррика, котораго видалъ въ Лондонѣ, въ ролѣ Гамлета. Домой возвратился я задумчивый, чувствовалъ себя не очень здоровымъ, и легъ спать раньше обыкновеннаго.

Не знаю — сонъ-ли это былъ, или наяву, только мнѣ казалось, что я проснулся. На башнѣ ударило двѣнадцать, и съ послѣднимъ, замирающимъ звономъ колокола, двери въ комнату мою растворились: рядъ скелетовъ, одинъ за другимъ, шли по моей комнатѣ; каждый останавливался противъ меня, грозилъ мнѣ пальцемъ, и всѣ потомъ скрылись. . . Когда я опомнился, уже было свѣтло. Холодный потъ былъ на лбу моемъ. Я поспѣшно вскочилъ, растворилъ окно; свѣжій, утренній вѣтерокъ обвѣялъ меня, и я отдохнулъ. Все это почелъ я сномъ, но посовѣтовался однакожъ съ Докторомъ моимъ; пощупавъ пульсъ, онъ сказалъ мнѣ, что я совершенно здоровъ, и страшный сонъ мой приписывалъ перемѣнѣ образа моей жизни, совѣтуя имѣть болѣе разсѣянія. День прошелъ въ прежнихъ заботахъ; занятой перестройками и постройками, я забылъ отправишься куда нибудь въ гости. Признаюсь, что и общество степенныхъ моихъ сосѣдей, послѣ Парижскаго и Фло-

Digitized by Google

рентійскаго, казалось мнѣ скучно. Ложась спать, невольно подумалъ я о прошедшей ночи; но — это было мгновеніе, и я спокойно уснулъ.

« Какъ будто кто нибудь сильно схватилъ, и тряхнулъ меня, въ самую полночь, когда загудѣлъ колоколъ на башнѣ. Я затрепеталъ, и съ невольнымъ ужасомъ пересчитывалъ удары колокола. Я предчувствовалъ, что наступила полночь, и Богъ знаетъ что отдалъ-бы я тогда, если-бы кто нибудь остановилъ въ эту минуту колоколъ, и не далъ ему прозвучать — *двѣнадцатаго* удара!

« Вихрь пролетѣлъ по всѣмъ комнатамъ; двери, ставни задрожали, застучали. Прежній рядъ полу-согнившихъ скелетовъ, размахивая костяными руками, стуча зубами, пошелъ мимо меня, и каждый скелетъ грозно прошипѣвъ, меня останавливался. Послѣдній изъ нихъ вдругъ началъ мнѣ говорить: « Развѣ ты не понялъ нашего требованія, безбожникъ, вольнодумецъ? Ты насмѣшливо смотрѣлъ, какъ выкинули насъ изъ послѣдняго нашего убѣжища, для того, чтобы развести для твоей прихоти сады. Насъ бросили въ лѣсу рабы твои, и теперь дикіе звѣри и собаки играютъ остатками подобныхъ тебѣ людей, и молитва не благословила новаго домовища нашего. Знай, что предокъ твой измѣнически зазвалъ насъ къ себѣ, и погубилъ

Digitized by Google

насъ. Онъ разсчитался уже за свое злодѣйство, но, берегись ты, потомокъ его! » Все исчезло. Къ утру опять опомнился я, чувствовалъ лихорадочный ознобъ, едва могъ встать съ постели, и тотчасъ послалъ за Докторомъ.

« Докторъ мой явился, осмотрѣлъ меня, сказалъ, что у меня маленькая лихорадка, далъ мнѣ лекарства, и старался обратить въ шутку мои видѣнія. Я самъ припоминалъ себѣ все, что бывало писано и говорено о нелѣпости явленія мертвецовъ, и мнѣ совѣстно даже было спросить о костяхъ, выкинутыхъ, по приказанію моему, въ лѣсъ: какой-то ложный стыдъ удерживалъ меня, ибо вопросъ мой значилъ-бы, что я подтверждаю ночное явленіе ихъ ко мнѣ. Но я просилъ однакожь Доктора остаться со мною, принуждалъ себя быть веселымъ, и, вмѣстѣ съ нимъ, поѣхали мы въ гости къ сосѣду. Задумчивость моя разсѣялась по немногу; но когда, вечеромъ, возвращались мы въ замокъ, я чувствовалъ, что лихорадочная дрожь пробѣгала у меня по всему тѣлу. Я велѣлъ зажечь множество свѣчь, и мы расположились съ Докторомъ посидѣть за бутылкою рейнвейну. Весельчакъ Докторъ шутилъ, смѣялся, но мнѣ не хотѣлось смѣяться; невольная дремота клонила меня; я не хотѣлъ ложиться спать — впрочемъ, и самъ не чувствовалъ, какъ уснулъ, сидя въ большихъ креслахъ. . .

Digitized by Google

« Долго-ли спалъ я — не знаю. Только страшный ударъ разбудилъ меня, за нимъ послѣдовалъ другой, третій; мнѣ казалось, что какъ будто кто нибудь бросаетъ огромныя горы на желѣзную крышку замка. Нервы мои такъ были разстроены и натянуты, что я долго не могъ понять: что это за ужасные были громы, потрясавшіе весь составъ мой? Чувство мое было подобно тому, какъ если-бы кто нибудь крѣпко сжалъ рукою сердце человѣка, и заставилъ всю кровь изъ него броситься въ голову и въ ноги; сердце у меня холодѣло, а голова и ноги были, точно, какъ въ огнѣ. Потерявъ чувство, я не потерялъ памяти, и считалъ удары — ихъ было *двѣнадцать*. Тутъ мнѣ показалось, что все вокругъ меня развалилось, и меня окружило нѣсколько человѣкъ, одѣтыхъ въ старинные Шведскіе мундиры; лица ихъ были блѣдны; мученія смерти ужасной изображались въ ихъ помутившихся глазахъ, и одинъ изъ нихъ, съ широкою раною въ сердцѣ, весь окровавленный, началъ говорить мнѣ: « Ты еще сомнѣваешься, безбожникъ? Ты еще не хочешь благословить честнымъ гробомъ и молитвою Церкви остатки несчастныхъ жертвъ твоего злодѣя-прадѣда? Горе тебѣ, если завтра ты не покаешься, горделивый безумецъ! Вотъ тебѣ напоминаніе — увѣрься, что не пустой сонъ тревожитъ твое разстроенное воображеніе!» Онъ

Digitized by Google

протянулъ руку, ухватилъ меня за щеку, и я почувствовалъ ледъ и огонь отъ прикосновенія руки его... Все исчезло — я опамятовался, могъ различать предметы: видѣлъ моего Доктора; онъ спалъ, наклонясь головою на столъ; свѣчи нагорѣли, и тускло свѣтили; пустая бутылка и два стакана стояли на столикѣ, между мною и Докторомъ. Я хотѣлъ закричать, хотѣлъ пошевелиться — но не могъ. И въ этомъ положеніи долженъ я былъ, при полномъ чувствѣ ужаснаго моего состоянія, сидѣть нѣсколько часовъ. Всѣ въ замкѣ спали, нигдѣ не шелохнулось. Только бой часовъ напоминалъ мнѣ, что впереди ожидаетъ меня вѣкъ страданія, пока проснутся люди. Вся жизнь моя, безцвѣтная и пустая, пролетала въ моемъ воображеніи. Я страшился, каялся, плакалъ, трепеталъ. Наконецъ, уже передъ разсвѣтомъ, проснулся Докторъ мой, протеръ глаза, взглянулъ на меня, и испугался: лицо мое было ужасно искривлено и обезображено. « Ударъ, ударъ! » закричалъ онъ, зазвонилъ, созвалъ людей, пустилъ мнѣ кровь, и я отдохнулъ, могъ говорить, немедленно велѣлъ позвать къ себѣ стараго управителя. Отецъ его былъ также цѣлый вѣкъ управителемъ замка, еще при дѣдѣ моемъ, и передалъ это мѣсто сыну. Выславъ всѣхъ изъ комнаты, я сталъ спрашивать у старика: не слыхалъ-ли онъ чего нибудь о тайномъ убійствѣ,

Digitized by Google

совершенномъ въ этомъ замкѣ, при моемъ прадѣдѣ, или предкѣ? Старикъ смутился, отвѣчалъ, что онъ не смѣетъ разсказывать старой сказки, которая наноситъ безчестіе моему Высокобаронскому роду. Я приказалъ ему говорить откровенно.

— *Сказываютъ*, что когда-то въ старину, во время войны Россіи съ Швеціею за Лифляндію — началъ говорить мнѣ старикъ — предокъ вашъ, Его Высокобаронская честь, благопріятствовалъ Россіи, и имѣлъ тайныя сношенія съ Москвою. Ихъ узналъ молодой Шведскій Офицеръ, явился къ Барону, и смѣло объявилъ ему, что переписка Баронская находится у него въ рукахъ, и онъ немедленно можетъ открыть все Правительству Шведскому. Первымъ движеніемъ Барона былъ гнѣвъ — человѣкъ онъ былъ весьма гордый, знатный и богатый. «Если вы умертвите меня» — сказалъ Офицеръ, «то навѣрное погибнете: письма ваши передалъ я въ руки одного изъ друзей моихъ, имени котораго я вамъ не открою. Если хотите, чтобы и онъ, и я молчали, то откажитесь отъ вашихъ сношеній и умысловъ, и отдайте за меня прекрасную дочь вашу: я страстно люблю ее!» Призвали молодую Баронессу. Она упала на колѣна, и призналась отцу, что давно любитъ молодаго этого Офицера. Баронъ, молча, со-

Digitized by Google

единилъ ихъ руки. Любовники были въ восторгѣ. Офицеръ обѣщалъ Барону привезши письма его; но черезъ три дня возвратился безъ писемъ, и сказалъ, что тогда только отдастъ ихъ, когда получитъ руку Баронессы передъ алтаремъ. Баронъ нахмурился, молчалъ нѣсколько минутъ, и потомъ холодно отвѣчалъ Офицеру, что онъ согласенъ и на это. Черезъ два дня, Офицеръ, съ нѣсколькими товарищами, отправился въ замокъ Барона. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ замка, напали на нихъ разбойники, убили, ограбили ихъ, и побросали тѣла въ воду. Сильное подозрѣніе пало на Барона; но онъ не жалѣлъ денегъ, и подозрѣніе оказалось несправедливо. Поиски, для открытія убійцъ, были тщетны. Баронесса умерла въ монастырѣ, но никогда и ничего не говорила она объ участи своего несчастнаго жениха. Баронъ жилъ долго, скончался спокойно, и былъ похороненъ съ приличною почестью. Тайная молва носилась въ народѣ, и дошла, изъ рода въ родъ, до нашего времени, что повѣренный жениха не сохранилъ писемъ его, и открылъ ихъ нѣсколькимъ своимъ товарищамъ. Впрочемъ, всѣ они, увѣренные, что Баронъ рѣшительно броситъ свои тайные умыслы, и желая притомъ счастія товарищу, поклялись молчать. Но Баронъ узналъ это, и ужаснулся. Проѣзжая черезъ лѣсъ, женихъ и гости заплутались въ лѣсу, и пріѣхали въ за-

Digitized by Google

мокъ уже глубокою ночью. Баронъ принялъ ихъ чрезвычайно ласково, хотя и былъ мраченъ, какъ темная ночь. Сѣли ужинать. Безпечно пили, ѣли, смѣялись, и въ концѣ ужина всѣ гости вдругъ упали мертвые, кромѣ жениха. Невѣста, замѣтивъ умыселъ Барона, тихонько выплеснула отравленное вино, и подмѣнила стаканъ. Испуганный женихъ бросился помогать своимъ товарищамъ, и въ это время Баронъ поразилъ его ножемъ, догадавшись, что онъ не выпилъ стакана съ ядомъ. Подкупленные слуги зарыли тѣла погибшихъ, и, для собственной безопасности, молчали. Время скрыло наконецъ всѣ слѣды преступленія, подробности котораго вообще никому не были достовѣрно извѣстны....

Разсказъ старика пояснилъ мнѣ тайну моихъ видѣній. Тогда-же узналъ я, что работники полѣнились копать новую могилу для костей, при мнѣ вырытыхъ, и просто бросили ихъ въ кучу, въ лѣсу. Приказавъ хранить глубокую тайну, я велѣлъ старику, управителю, сложить кости въ гробъ, перевезти ихъ на кладбище, отпѣть, и когда онъ возвратился съ извѣстіемъ, что приказъ мой исполненъ, у меня словно гора свалилась съ груди. Я почувствовалъ, что дышу свободнѣе, ночь спалъ я хорошо, и въ нѣсколько дней поправилось мое здоровье. Но щека

Digitized by Google

осталась у меня навсегда изуродованною. Я не могъ жить въ моемъ замкѣ, сдѣлался таковъ, какъ вы видите, и только вѣра, бесѣда добрыхъ людей, и книги могутъ еще услаждать мое жалкое, печальное существованіе...

— Ну, мы договорились до романовъ въ Испанскомъ родѣ — сказалъ хозяинъ. —

«И такъ извѣрились въ нашихъ страшныхъ разсказахъ, что готовы вѣрить, даже и этому, сказочному разсказу Шумилова» — сказалъ Суворовскій сослуживецъ, улыбаясь. «Вотъ, господа, что значитъ дурной примѣръ: заслушавшись васъ, и я уже не спорю пропивъ мертвецовъ — ха, ха, ха!.....

Н. П.

Digitized by Google

СОЧИНЕНІЯ ДЕРЖАВИНА,

4 ш. СПб. 1831 г.

(Окончаніе).

Внимательно разсматривая Державина, какъ Поэта, и судя его потому, что онъ *успѣлъ сдѣлать*, мы убѣждаемся, что Державинъ былъ совершенно самобытенъ и неподражаемъ; что не получивъ почти никакихъ пособій образованія, онъ получилъ отъ Природы всѣ средства генія, разсыпалъ самородныя, вѣковыя сокровища въ нашей Поэзіи и нашемъ изыкѣ, и, наконецъ, что по самой безпристрастной, строгой оцѣнкѣ, должно поставить его въ число первостепенныхъ, великихъ Поэтовъ міра — не одной Россіи.

Не разбирая когда что писано, въ послѣднемъ изданіи Сочиненій Державина мы находимъ 332 пьесы лирическія, 4 сценическіе Пролога, 3 драматическія сочиненія, и Описаніе праздника Потемкина. Присовокупивъ къ этому Трагедію, отдѣльно изданную, мы исчислимъ все, что извѣстно намъ изъ Сочиненій Державина.

По самому содержанію пьесъ выходитъ, что Державинъ былъ *лирическій Поэтъ*. Но это названіе можетъ быть чрезвычайно много объемлюще.

Digitized by Google

Лирическая Поэзія такъ-же разнообразна, какъ и другіе роды Поэзіи. Послѣ того, когда мы узнали многое неизвѣстное Древнимъ, самыя названія Лирическихъ стихотвореній сдѣлались недостаточны. Что выражаетъ Греческое слово: *Ода?* — *Пѣснь?* — Но какое различіе между лирическою пѣснью Грека, Римлянина, Араба, Шотландца, Германца! Неужели все это назовемъ *Одою*? Не справедливѣе-ли будетъ удерживать названія, принятыя у разныхъ народовъ для означенія различныхъ стихотвореній? Сказавъ: *Псаломъ*, *Мистерія*, *Лей*, *Моаллака*, *Слово* (какъ оно принято Пѣвцомъ Игоря), *Канцона*, мы выражаемъ положительно сущность стихотвореній, называемыхъ сими именами.

Такъ для Лирическихъ пьесъ Державина, рѣшительно, не годится названіе: *Ода*, если примемъ сіе названіе въ томъ смыслѣ, какой придавали ему Классики. Оды торжественныя Пиндара, Классическихъ Нѣмцевъ, Французовъ, Англичанъ, Русскія оды: Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Майкова, Николева, Петрова, (и кто не писалъ у насъ *Одъ* и *Басенъ*?), обозначаютъ положительно сущность и образъ собственно-Оды. Торжественныя пѣснопѣнія Державина, его *торжественныя оды*, представляютъ намъ совсѣмъ другую сущность, совсѣмъ другой образъ.

Также несвойственно (о чемъ мы уже упоминали выше) названіе нѣкоторыхъ пьесъ Державина *Анакреонтическими* одами. И этихъ Одъ сущность и

Digitized by Google

форма извѣстны изъ тысячи примѣровъ, и какъ ни примѣриваемъ мы ихъ на мнимо-Анакреонтическія оды Державина — онѣ никакъ не сходятся, будучи разнородными созданіями. «Если-бы Анакреонъ родился на берегахъ Невы, то употребилъ-бы всѣ краски Державина, а Державинъ при Дворѣ роскошнаго Иппарха говорилъ-бы языкомъ мудреца Ѳеосскаго,» сказалъ Князь Вяземскій. Догадка эта можетъ быть справедлива; но объясняетъ-ли она сущность созданій Державина, и показываетъ-ли, что они чѣмъ нибудь *похожи* на Анакреоновы?

Названіе: *Философическая ода*, кажется намъ ошибкою, если не употреблять его единственно для означенія холодныхъ разсужденій, какія высказывали въ стихахъ своихъ Классическіе стихотворцы. Они брали извѣстную тему (напримѣръ: *Добродѣтель*, *Суета*, *Грѣхъ*, *Красота*) и риторически разлагали ее въ строфы и стихи. Неужели поэтъ Горацій былъ *философъ* въ своихъ одахъ? Такой-же философъ былъ Державинъ.

Вотъ три рода стихотвореній лирическихъ — Торжественная, Анакреонтическая, Философическая Ода — которые до сихъ поръ находили у Державина, и которыхъ мы вовсе не находимъ.

Не говоря о сочиненіяхъ, въ какія увлекали Державина примѣры современниковъ и предшественниковъ, какъ-то: преложенія Псалмовъ, подражанія Горацію и Анакреону, и гдѣ едва мелькаетъ геній его, по нашему мнѣнію, можно раздѣлить лирическія его пьесы, на пѣснопѣнія торжественныя, духовныя,

Digitized by Google

сатирическія, элегическія, эротическія и вакхическія. Все почти это *не оды*; но иныя имѣютъ форму Посланія, другія Элегіи, иныя Пѣсни, нѣкоторыя суть небольшія Поэмы.

Къ *Духовнымъ* можно отнести пьесы: *Богъ* и *Безсмертіе души*.

Къ *Торжественнымъ*, пьесы: Взятіе Измаила, Взятіе Варшавы, На Мальтійскій орденъ, На побѣды въ Италіи, Переходъ черезъ Альпійскія горы.

Къ *Сатирическимъ*, пьесы: Счастіе, Умѣренность, Вельможа, Фонарь.

Къ *Элегическимъ*, пьесы: Водопадъ, На смерть Мещерскаго, Урна, Памятникъ другу, Снигирь, Развалины.

Къ *Эротическимъ*, пьесы: Геркулесъ, Соловей во снѣ, Гостю, Парашѣ, Русскія дѣвушки, Цыганская пляска, Нинѣ.

Къ *Вакхическимъ*, пьесы: Разныя вина, Философія, Заздравный орелъ, Хмѣль, Мореходецъ, Макіавель, Кружка.

Но все это раздѣленіе недостаточно однакожь, ибо многія пьесы Державина не подойдутъ ни къ одному изъ сихъ родовъ. Таковы: *Походъ Озирида*, *Персей и Андромеда*, *На рожденіе Порфиророднаго отрока*, *Вѣнчаніе Леля*, или *Павлинъ*, *Облако*, *Громъ*, *Къ самому себѣ* — изъ коихъ первыя суть Торжественныя, вторыя Сатирическія, но живописная форма дѣлаетъ ихъ чѣмъ-то особеннымъ. — Такъ ни къ одному роду не подходятъ не-

Digitized by Google

большія поэмы его: *Изображеніе Фелицы*, *Видѣніе Мурзы*, *Утро*, *Цѣленіе Саула*, *Мой истуканъ*, *Злогоръ*, *Фригга*, *Царь-Дѣвица*, или пьесы: *Радуга*, *Ласточка*, *Соловей*, *Колесница Хариты*. Не менѣе разнообразны и смѣшаны самыя формы стихотвореній: *На взятіе Измаила*, *На взятіе Варшавы*, *Водопадъ*, *Вельможа* сушь Поэмы лирическія, а не Оды; *Фелица*, *Платову*, *Первому сосѣду* — Посланія.

Все это заставило насъ сказать въ самомъ началѣ, что сочиненій Державина никакъ не льзя дѣлить на роды, и въ изданіи ихъ всего вѣрнѣе принять порядокъ *хронологическій*. Тогда получили-бы мы поэтическую лѣтопись внутренней жизни его, и могли видѣть, какъ и что дѣлало впечатлѣніе на пламенную душу Поэта, вмѣсто того, что, какіябы ни приняли мы дѣленія, всегда будемъ путаться въ нихъ.

Князь Вяземскій говоритъ: «Желательно, чтобы искусная рука, водимая вкусомъ и безпристрастіемъ, собрала избранныя творенія Державина. Съ сею книжкою могли-бы мы смѣло вызвать на единоборство славнѣйшихъ Лириковъ всѣхъ вѣковъ, всѣхъ народовъ, не опасаясь побѣдителя.» Не можемъ согласиться съ сею мыслію, ибо, какъ мы уже сказали, Державинъ поэтъ *не на выдержку*. Поэзію его можно уподобить долинѣ цвѣтущей и дикой, съ снѣжными вершинами горъ и дремучими лѣсами окрестъ ея. Нѣсколько деревъ, нѣсколько цвѣтовъ, вынесенныхъ изъ сей долины, не покажутъ вамъ ея дикой, высокой прелести.

Digitized by Google

И такъ намъ остается идти въ эту очаровательную долину, осмотрѣть ея величественную общность, ея изумительныя подробности, и не думать о классификаціяхъ тамъ, гдѣ Природа разбивала красоты не по снурку и уровню. Надобно обозначить сущность поэзіи Державина, и отличія его отъ другихъ поэтовъ — остальное будетъ понятно изъ этого.

Восторгъ самодовольный, жаръ души, сила и живопись слова — вотъ отличительныя свойства созданій Державина. Неистощимая яркость изображеній не допускала его возноситься выше земли. Не ищите въ Державинѣ тайнъ неразгаданныхъ, не ищите стремленія къ тому, чего человѣкъ не понимаетъ, но что онъ чувствуетъ и сознаетъ въ самомъ себѣ: Державинъ изумляетъ васъ полнотою, съ какою онъ весь проникается каждымъ предметомъ, и возсоздаетъ сей предметъ въ самомъ себѣ и своемъ твореніи. Геній Державина носитъ всѣ отпечатки Русскаго характера: увлекаемость, самодовольство, силу. Въ душу его не проникаютъ ни испытующая отвлеченность Германца, ни отчаянная безнадежность Британца. Также недоступна ему веселая беззаботность Француза: въ самомъ весельи, это разгульность Русская, которая не веселится, но хочетъ забываться.

Возмите для примѣра Оду *Богъ*.

Въ полнотѣ восторга, Поэтъ взываетъ къ Богу, исчисляетъ Его свойства — Превѣчный, безъ мѣста и причины, Непостижимый, Всенаполняющій — *Богъ*! — Измѣришь, исчислишь Тебя невоз-

Digitized by Google

можно. — Ты, Безконечный, Вездѣсущій! Все въ Тебѣ — жизнь и смерть, и все ничто предъ Тобою — и что-же *я?* — Но я есмь, и я уже нѣчто — связь неба и земли. Твое созданіе я, и чрезъ смерть возвращаюсь въ Твое безсмертіе! Безсильный начертать и тѣнь Твою — возвышаюсь къ Тебѣ, и проливаю слезы благодарности.

Вотъ скелетъ — такъ сказать — тѣхъ идей, на которыхъ основана Ода *Богъ*. Облеченная поэтическими формами, усыпанная алмазами и перлами слова, показывающая удивительное самодовольство, совершенное соединеніе Поэта съ идеею — она удовлетворяетъ полнотою, и вы не замѣтите, какъ недостаточно, неудовлетворительно ея основаніе.

Возмемъ другой примѣръ: торжественную оду, напримѣръ: *На взятіе Измаила.*

Огнедышащей горѣ уподобляется подвигъ Русскихъ подъ Измаиломъ. — И гдѣ Рускій не таковъ? Вождь рекъ — и Измаилъ палъ! Какъ волны потекли Рускіе на его твердыни — подъ знаменіемъ вѣры и любви къ Царицѣ — ужасное зрѣлище! Вообрази себѣ бурю — вообрази послѣдній день міра — се, изображеніе подвига Рускихъ! Опустошеніе всюду — осада Тира ничто предъ взятіемъ Измаила. Увѣрьтесь, языки! что велика судьба Руси! — Слѣдуетъ изображеніе прежнихъ бѣдствій Руси, и нынѣшней ея славы, и будущей судьбы ея. Обращеніе къ Царицѣ Руси — щадитъ силу народа Русскаго. «Цари Россіи!» восклицаетъ Поэтъ:

Digitized by Google

Умѣйте дать ему вы льготу,
Къ дѣламъ великимъ духъ, охоту
И правотой сердца плѣнить.
Вы можете его рукою,
Всегда, войной и не войною,
Весь міръ себя заставить чтить.
Война, какъ сѣверно сіянье,
Лишь удивляетъ чернь одну:
Какъ свѣтлой радуги блистанье,
Всякъ мудрый любитъ тишину...

Желаніе мира; утѣшеніе пожертвовавшимъ милыхъ въ Измаильскомъ подвигѣ — безсмертіе падшимъ!

Прочтите это твореніе Державина, посмотрите, какъ великолѣпны его картины, какъ гордъ, самоувѣренъ въ немъ Поэтъ, и ничто, никакое преувеличеніе не покажется вамъ излишнимъ въ этой поэмѣ, состоящей почти изъ 400 стиховъ, и по самому объему выходящей изъ числа Одъ.

Но хотите-ли убѣдиться въ означенныхъ нами качествахъ Державина еще болѣе? Прочтите его безсмертную Элегію: *Водопадъ*. Эта Поэма, заключающая въ себѣ до 450 стиховъ, докажетъ вамъ, что Державинъ, совершенно увлекаясь предметомъ, совершенно возсоздавалъ его въ самомъ себѣ, выражалъ со всею силою души высокой и пламенной, и радужными образами разцвѣчалъ всѣ свои идеи. Тутъ вся прошедшая жизнь Поэта мелькала мимо его, сливались воспоминанія, забывался родъ твореній; голосъ Поэта переходилъ по всѣмъ изгибамъ сердца

Digitized by Google

его, и являлся самобытнымъ и неподражаемымъ въ высочайшей степени.

Въ сей-то самобытности, въ этомъ самодовольствѣ, пересоздающемъ въ самого себя все, чему ни коснется оно — величіе, очарованіе Державина. Такъ творцы Арабскихъ Моаллакъ изумляютъ насъ самодовольною полнотою бытія, заключая въ палящихъ степяхъ своихъ всю вселенную, и всю природу ихъ выражая въ своемъ пѣснопѣніи! Эта вѣра въ геній свой, у Державина изумительна. Это вѣра вождя Израиля, останавливающая солнце: и природа повинуется ему — «и ста солнце прошивъ Гаваона, и ста солнце среди небеси, и не идяше на западъ — и не бысть день таковый, ниже прежде, ниже послѣди, еже послушаши Богу шако гласа человѣча.»

Послѣ сего, ничто не кажется вамъ безмѣрнымъ и неумѣстнымъ. Говоритъ-ли Поэтъ Русскому Царю —

Какъ Богъ, въ подобьи исполина,
Шагни — и свѣта половина
Другая будетъ подъ Тобой!

Исчисляетъ-ли онъ величіе и ничтожество человѣка —

Черта начальна Божества,
Я тѣломъ въ прахѣ исплѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю —
Я Царь — я рабъ — я червь — я Богъ!

Digitized by Google

Уподобляетъ-ли взятіе Измаила дню разрушенія вселенной —

Представь послѣдній день природы,
Что пролилася звѣздъ рѣка;
На огнь пошли стѣною воды
Бугры взвились за облака;
Что вихри тучи къ тучамъ мчали;
Что мракъ лишь молньи освѣщали,
Что громъ потрясъ всемірну ось,
Что солнце, мглою покровенно,
Ядро казалось раскаленно —
Се видъ, какъ вшелъ въ Измаилъ Россъ!

Говоритъ-ли, что при слухѣ о смерши Потемкина —

Екатерина возрыдала —
Полсвѣта потрялось за ней!

Изображаетъ-ли побѣды Екатерины орломъ, сгибающимъ рога луны въ небѣ и сжимающимъ львиный зѣвъ на землѣ —

На сребролунно государство
Простри крылатый, сизый громъ,
Въ желѣзнокаменное царство
Брось молньи — и поставь вверхъ дномъ;
Орелъ Царевнинъ-бы ногою
Въ верху рога луны сгибалъ,
Тогдажъ-бы на землѣ другою
У гладна льва онъ зѣвъ сжималъ —

Вы всему вѣрите, вы увлечены: Поэтъ отнялъ волю вашу волшебнымъ жезломъ своей фантазіи. При-

Digitized by Google

совокупите къ этому родные отпечатки Русскаго характера, и вы угадаете тайну преобладанія Поэта. Да, это не Гёте, не Байронъ: это потомокъ Багрима, это нашъ Бардъ снѣговъ и сѣверныхъ сіяній, лѣсовъ дремучихъ и рѣкъ исполинскихъ, юность коего лелѣяла Волга, могилу коего омываютъ струи Волхова!

Замѣтьте особенно повсюдную унылость души, это веселіе забывчивости, это разгулье Русское, прорывающіяся сквозь восторгъ и радость, сквозь громы и бури генія: это изъ Русскаго сердца вырвачено! Въ торжественной пѣсни, въ эротической пьесѣ Державина найдете вы сіи родныя сердцу черты. Найдете и добродушіе насмѣшки, и Русскій *юморъ*, и родную шутку въ образахъ. Посмотрите, напримѣръ, на изображеніе Европы въ 1789 году:

Въ тѣ дни, какъ всюду, скороходомъ,
Предъ Русскимъ ты бѣжишь народомъ
И лавры рвешь ему зимой,
Спамбулу бороду ерошишь,
На Таврѣ ѣздишь чехардой,
Задашь Стокгольму перцу хочешь,
Берлину фабришь ты усы,
А Темзу въ фижмы наряжаешь,
Хохолъ Варшавѣ раздуваешь,
Коптишь Голландцамъ колбасы.

Прочтите каррикатуры въ Фелицѣ, прочтите *Истукану*, *На умѣренность*, наконецъ описаніе Русской пляски, Русскихъ дѣвушекъ, Цыганской пляски,

Digitized by Google

Заздравнаго орла, Кружку — Русское ваше сердце зашевелится, если оно не лишено вовсе способности шевелиться. Только Крыловъ умѣлъ такъ по Русски шутить, только Пушкинъ такъ по Русски писать.

Этотъ *Руссизмъ*, эта національность Державина до сихъ поръ были упускаемы изъ вида. Говоря о Лирикѣ Державинѣ, всѣ забывали въ немъ *Русскаго пѣвца*. Сочиненія Державина исполнены Русскаго духа, котораго *видомъ не видать, слыхомъ не слыхать* у другихъ *мнимо*-Русскихъ Поэтовъ нашихъ. Прочтите для удостовѣренія пьесы его: *Царь дѣвица, Новгородскій волхвъ Злогоръ*. Но всего замѣчательнѣе въ семъ отношеніи его *Добрыня*, сочиненіе заброшенное и забытое: это странная опера; но подробности въ ней превосходны, лирическія мѣста изумляютъ Русскимъ духомъ. Одинъ хоръ Русскихъ дѣвъ, въ началѣ IV-го дѣйствія, можетъ выкупить всю пьесу. Вотъ онъ:

Что по гриднѣ Князь,
Что по свѣтлой Князь,

Наше солнышко, Владиміръ Князь похаживаетъ;

Что соколій глазъ,
Молодецкій глазъ,

Какъ на пташечекъ, младыхъ дѣвицъ посматриваетъ

Что у ласточки,
У касаточки,

Digitized by Google

Алу, бѣлу грудь, сизы крылья подсмаливаетъ;

Парчевой кафтанъ,
Сапоги сафьянъ,

Золоту казну и соболи показываетъ;

Веселымъ лицомъ,
Въ обинякъ словцомъ,

Мысли дѣвичьи и душу ихъ извѣдываетъ.

Не мани насъ, Князь,
Не гадай, насъ, Князь,

Красно солнышко! Боярышни возговорятъ.

Не златой казнѣ,
Но твоей красѣ

Очи и сердца свои давно всѣ продали.

Ты взгляни на насъ,
Ты вздохни хоть разъ,

Дай въ залогъ перстень любой тебѣ, шу выбери!

Если-бы Державинъ былъ болѣе знакомъ съ Русскою стариною, если-бы онъ не увлекался ложнымъ объ ней понятіемъ, по которому Карамзинъ полагалъ необходимымъ *скрашивать* родное наше, *даже въ самой Исторіи* — можетъ быть ему суждено-бъ было начать періодъ истинно *національной Поэзіи* нашей. Теперь—этотъ долгъ за Пушкинымъ. При Державинѣ не наставало еще время Русской литературной самобытности.

Digitized by Google

Какъ поэтъ-живописецъ, Державинъ станетъ наряду съ величайшими поэтами міра. Онъ весь въ картинахъ: это Русскій снѣгъ, горящій лучами солнца. Изъ приведенныхъ нами примѣровъ можно уже видѣть сіе чудное свойство, свойство особенное жителей Сѣвера. Вальтеръ Скоттъ Поэзіи — гремитъ-ли онъ негодованіемъ противъ порока — это картина утра въ домѣ вельможи; оплакиваетъ-ли смерть Потемкина — вся природа, всѣ думы его облекаются въ образы, и все собрано имъ—и Кончезерскій водопадъ, и двѣ копѣйки, которыя кладутъ у Рускихъ на глаза покойника; говоритъ-ли о суетѣ міра—это сама смерть: она смотритъ на величіе міра, и—*точитъ лезвее косы!* Тщетно захотѣли-бы мы исчислить всѣ картины, всѣ образы, начертанные Державинымъ—они безчисленны. Пьесы самыя ничтожныя исполнены ими. Смотрите полныя картины его въ *Водопадѣ*, *Утрѣ*, *Изображеніи Фелицы*, *Вельможѣ*, *Видѣніи Мурзы*—и на всю жизнь это свойство оставалось въ Поэзіи Державина. Онъ пережилъ восторгъ свой, пережилъ величіе думъ, но до самой кончины былъ поэтъ-живописецъ неподражаемый. Прочтите его: *На смерть Мещерскаго*, *Изображеніе Фелицы*; прочтите потомъ написанное имъ черезъ двадцать лѣтъ: *Жизнь Званская*, *Походъ Озирида* — Державинъ не состарѣлся. Прелесть очерковъ, въ пьесахъ: Облако, Громъ, Ключъ, Ласточка, Соловей, Павлинъ, Колесница, Радуга, Флотъ, Персей и Андромеда — истинное очарованіе. Приведемъ здѣсь примѣръ, изъ пьесы менѣе другихъ извѣстной:

Digitized by Google

Изъ опаловаго неба,
Со Олимпа высоты,
Вижу: идетъ юна Геба —
Лучезарны красоты!
Изъ сосуда льетъ златаго,
Въ чашу злату снѣдь орлу.

Зоблетъ молній царь пернатыхъ,
Пукъ держа въ когтяхъ громовъ;
Вѣпръ съ раменъ его крылатыхъ
Вкругъ шумитъ межъ облаковъ;
Чернопламенныя очи
Мещетъ Геба на него....

И это писалъ Державинъ, когда ему было *около* 70 *лѣтъ*. А его *Развалины*, эта пѣснь лебедя на опустѣломъ Дворцѣ Фелицы? Его Борей, *съ бѣлыми власами и сѣдою бородой*? Онъ потрясаетъ небесами, сжимаетъ рукой облака, сыплетъ пушистые иней, воздымаетъ мятели, налагаетъ льдистыя цѣпи, оковываетъ быстрыя воды, и — Природа содрагается *отъ лихаго старика*, земля претворяется въ камень отъ хладной руки его, звѣри бѣгутъ въ норы, рыбы кроются въ глубины, хоры птицекъ не смѣютъ пѣть, пчелы прячутся въ дуплы, Русалки засыпаютъ со скуки въ пещерахъ и камышахъ, Лѣшіе собираются согрѣвать руки около огней. И среди этой смерти Природы — Порфирородное дитя, дѣтскими ручками пріемлющее уже порфиру; и расшворенный чертогъ небесъ, и геніи, летящіе съ дарами — съ громами побѣдъ, обиліемъ, богатствомъ, спокойствіемъ, миромъ, красотою душев-

Digitized by Google

ною и тѣлесною, и геній *послѣдній*, говорящій новорожденному :

Будь страстей своихъ владѣтель,
Будь на тронѣ *человѣкъ* !

И Россія, колѣнопреклоненная передъ колыбелью, пріемлющая отрока на руки, и со слезами лобызающая его въ перси, очи и уста — вотъ онъ, вотъ нашъ Державинъ, геній снѣговъ и льдистой нашей родины, не знавшій самъ себѣ цѣны ! Не съ выборомъ его Одъ должны мы вызывать его соперниковъ иноземныхъ, не съ Классическою мѣркою подходить къ его твореніямъ — нѣтъ ! Мы должны обозрѣвать его вполнѣ, изучать во всей его дикости, разнообразіи; съ высоты его генія смотрѣть должно на другихъ поэтовъ, чтобы понять все его величіе, и безмѣрное разстояніе, въ какомъ стоятъ отъ него предшественники, современники и наслѣдники его въ Поэзіи. Онъ разнообразенъ, какъ природа — зачѣмъ смотрите вы только на нѣсколько его твореній ? Говоритъ-ли онъ смуглой дщери Египта :

Какъ ночь — съ ланитъ сверкай зарями,
Какъ вихорь — прахъ плащемъ смешай,
Какъ птица — подлетай крылами,
И въ длани съ визгомъ ударяй !
Жги души, огнь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица !

Въ бесѣдѣ-ли друзей, за круговою чашею, за черношипповымъ, злато-Кипрскимъ виномъ, подымаетъ бокалъ свой, и восклицаетъ :

Digitized by Google

Вотъ красно-розово вино:
За здравье выпьемъ женъ румяныхъ;
Какъ сердцу сладостно оно,
Намъ съ поцѣлуемъ устъ багряныхъ!

Приглашаетъ-ли гостя своего:

Сядь, милый гость, здѣсь на пуховомъ
Диванѣ, мягкомъ, отдохни,
Въ семъ тонкомъ пологу перловомъ
И въ зеркалахъ вокругъ усни....

Увѣряя его, что радъ будетъ прелестнымъ снамъ своего гостя, и даже любовнымъ сплетнямъ его —

Любовныя пріятны шашни,
И поцѣлуй въ сей жизни кладъ!

Идетъ-ли по Альпамъ, и указываетъ на Суворова перстомъ Рурика —

Се мой — гласитъ онъ — воевода,
Воспитанный въ огняхъ, во льдахъ,
Вождь бурь полночнаго народа,
Девятый валъ въ морскихъ валахъ,
Звѣзда, прешедша міра тропы,
Которой слѣдъ огня черты....

Видитъ-ли его въ подземномъ бою съ врагами, и въ трепетѣ восклицаетъ:

. . . Сошлися къ бою
Чело съ челомъ, глаза горятъ;
Не громы-ль съ громами дерутся?
Мечами о мечи екнутся,
Вкругъ сыплютъ огнь . . . *хохочетъ адъ!*

Digitized by Google

Описываетъ-ли пиръ вельможи Екатерининa, гдѣ

Богатая Сибирь, наклонишись надъ столами,
Разсыпала по нимъ и злато, и сребро;
Восточный, Западный, сѣдые Океаны,
Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
Украйна, Холмогоръ, несли щельцовъ и дичь;
Вѣнчанна класами хлѣбъ Волга подавала,
Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ;
Рифей, нагнувшися, въ топазны, аметистины
Лилъ кубки медъ златый, древъ искрометный сокъ.

Одушевляется-ли онъ увѣренностью въ безсмертіе души, видитъ въ себѣ отблескъ Бога, сознаетъ вѣчный духъ, *мудрый, сильный, сущій*, и говоритъ въ восторгѣ:

Сей духъ въ Пророкахъ предвѣщаетъ,
Паритъ въ Поэтахъ въ высоту,
Въ Витіяхъ сонмы убѣждаетъ,
Съ народовъ гонитъ слѣпоту;
Сей духъ и въ узахъ не боится
Тиранамъ правду говоритъ:
Чего безсмертному страшиться?
Онъ будетъ и за гробомъ жить!

Онъ всюду могущъ, богатъ, звученъ, самобытенъ, великъ и въ самомъ паденіи, поучителенъ въ самыхъ ошибкахъ, необходимъ Историку, изучающему Россію XVIII-го вѣка, Поэту, соревнующему славѣ его, юношѣ, который шревожится вдохновеніемъ, ужа-

Digitized by Google

сается прозы нашей жизни и пустоты нашей Поэзіи, старцу, который живетъ воспоминаніями. . .

Не имѣли-ль мы послѣ сего права изумляться противоположности жизни Державина съ его Поэзіею, и думать, что онъ не можетъ быть ни изъясненъ, ни понятъ, если мы не знаемъ предварительно его характера, какъ Человѣка и Поэта, и не знаемъ вѣка его? Разсматривая жизнь, характеръ, вѣкъ Державина, мы разрѣшили себѣ всѣ сіи загадки въ противоположности Поэзіи и Жизни, въ соединеніи міра небеснаго и міра земнаго въ поэтѣ, въ тяготѣніи человѣка къ землѣ, въ порывѣ души его къ небу. И неужели вы думаете, что Державинъ понималъ самъ себя, понималъ, какъ онъ творитъ? Нимало! Заглянемъ въ душу его, прочтемъ его *литтературныя признанія*, какъ мы прочли его записки для поясненія его жизни.

Державинъ оставилъ намъ большое *Разсужденіе о Лирической Поэзіи* (см. *Чтеніе въ Бесѣдѣ любителей Русскаго слова*, кн. 2, 6, 14). Не думаете-ли вы найдти здѣсь тайны Поэзіи его? Совсѣмъ нѣтъ: это бѣдная компиляція, выбранная изъ жалкихъ эстетикъ, разсужденіе о внѣшнихъ, риторическихъ приправахъ пѣснопѣній. Да, вы за кулисами, и видите подмостки, веревки, лѣстницы, и дивитесь тому, какъ могла составиться сими грубыми средствами великолѣпная сцена, ослѣплявшая васъ.

Послѣ краткаго вступленія, и краткой Исторіи

Digitized by Google

Оды, Державинъ исчисляетъ 24 *качества*, или *достоинства* Оды. Вотъ они:

Вдохновеніе, смѣлый приступъ, высокость, безпорядокъ, единство, разнообразіе, краткость, правдоподобіе, новость чувствъ и выраженій, олицетвореніе и оживленіе, блестящія картины, отступленія или уклоненія, перескоки, обороты, околичности, сомнѣнія и вопрощенія, противоположности, заимствованія, иносказанія, сравненія и уподобленія, усугубленія, усилія и прочія витійственныя украшенія, нравоученіе, сладкогласіе, вкусъ.

Какая смѣсь понятій! Прибавьте, что Державинъ приводитъ при томъ самые нелѣпые стихи Хераскова, Боброва, восхищается ими, и съ грустію говоритъ: «Знаю, сколь трудно соединить плавность Хераскова съ силою стиховъ Петрова. . . .»

Намъ извѣстна еще драгоцѣнность: это планы нѣкоторыхъ пьесъ Державина. Г-нъ Остолоповъ передалъ намъ такіе планы *шести* пьесъ (См. *Ключъ къ Соч. Держ.*, стр. 34, 44, 48, 54, 75, 80): *Изображеніе Фелицы. Счастіе, На умѣренность, Водопадъ, На Мальтійскій орденъ, Аѳинейскому витязю.* — Какая проза! Какой поучительный урокъ ничтожества человѣческаго въ величіи!

Но, и въ самомъ ничтожествѣ, есть точки, съ которыхъ начинается величіе человѣка. *Отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ* — сказалъ Наполеонъ.—

Digitized by Google

«Что вы смотрите на трон мой» — говорилъ онъ еще — «если на немъ нѣтъ меня — это скамейка, обитая бархатомъ!» — Такъ въ человѣкѣ смѣшаны жизнь и смерть, небо и земля, ничтожество и безсмертіе.

Самая жизнь Державина доказываетъ, что онъ не получилъ почти никакого образованія, и пренебрегалъ своимъ геніемъ. Сынъ природы — ей одной онъ былъ всѣмъ обязанъ, какъ ей всѣмъ были обязаны подлекарь Шиллеръ, сынъ торговца шерстью Шекспиръ, солдатъ Сервантесъ. Мы вѣримъ разсказамъ, что Державинъ худо зналъ стихосложеніе, почиталъ дактилемъ все, что не хорей и не ямбъ, и гармонію самыхъ стиховъ своихъ изучалъ читая ихъ вслухъ самому себѣ, и стуча въ это время пальцемъ по столу; наконецъ, на самомъ снимкѣ, приложенномъ къ новому изданію его Сочиненій, находимъ мы ошибки противъ Правописанія; говорятъ, что притомъ Державинъ дурно читалъ стихи свои, не умѣлъ говорить красно, и былъ не ловокъ. Тѣмъ величественнѣе этотъ огонь во льдахъ, тѣмъ драгоцѣннѣе доказательство, что геній выше всѣхъ вещественныхъ цѣпей. Изъ глупой сказки, онъ создаетъ *Гамлета* и *Лира*, и велитъ надписать на гробницѣ: «Другъ! именемъ Бога молю — не трогай праха, здѣсь заключеннаго (*)!

Такъ и въ прозаической сторонѣ Державина, на этомъ оборотѣ медали, хотите-ли видѣть клеймо

(*) Надпись на гробницѣ Шекспира!

Digitized by Google

его гения? Забудьте его удивленіе къ Хераскову, и увѣренность, что къ достоинствамъ Оды принадлежатъ: занмословіе, сравненіе, нравоученіе — послушайте, когда говоритъ его *душа*, его *геній*:

«Лирическая Поэзія показывается отъ самыхъ пеленъ міра. Она есть самая древняя у всѣхъ народовъ: это отливъ разгоряченнаго духа, отголосокъ растроганныхъ чувствъ, упоеніе, изліяніе восторженнаго сердца. Человѣкъ, изъ праха возникшій, восхищенный чудесами мірозданія, первый гласъ радости своей, удивленія и благодарности, долженъ былъ произнести лирическимъ воскликновеніемъ. Все его окружающее: солнце, луна, звѣзды, моря, горы, лѣса и рѣки, напояли живымъ чувствомъ, и исторгали гласы его. Вотъ источникъ Оды. Она не есть одно подражаніе Природѣ, но вдохновеніе оной. Она не наука — огонь, жаръ, чувство. . .

«Высокость Оды есть полетъ воображенія, который возноситъ поэта выше понятія обыкновенныхъ людей, и заставляетъ ихъ, сильными выраженіями своими, то живо чувствовать, чего они не знали, и что имъ прежде въ мысль не приходило. Прямая высокость состоитъ въ силѣ духа, или истинѣ, обитающей въ Богѣ...

«Принадлежности Оды составляютъ изящество и существо прямой Оды, ежели истекаютъ только отъ истиннаго вдохновенія. Безъ вышняго сего дара, не красотами онѣ бываютъ, а раскрашенными, неоживленными призраками. Всякій наборъ

Digitized by Google

пустыхъ, гремучихъ словъ, скропанный по школьнымъ однимъ правиламъ, или нанизанность надушныхъ, неодушевленныхъ подобій, всякій, говорю, длинный разсказъ, холодное поученіе, газетныя подробности, нѣточная оболочка рѣченіями мыслей, принужденное, безстрастное восклицаніе, нагроможденная высокость, или тяжело-ползущее паренiе, никому непонятное глубокомыслiе, или, лучше сказать, безсмыслица и слухъ раздирающая музыка, стыдятъ и унижаютъ лиру. Звуки ея тогда, какъ стрѣлы тупыя отъ стѣнъ, отскакиваютъ, и какъ стукъ въ свинцовый тимпанъ до сердца не доходятъ. По истинѣ: *вдохновеніе* есть одинъ источникъ всѣхъ вышеписанныхъ лирическихъ принадлежностей, душа всѣхъ ея красотъ и достоинствъ: все, все, и самое сладкогласіе отъ него происходитъ — даже вкусъ, хотя даетъ ему дружескіе свои совѣты, и онъ отъ него принимаетъ ихъ, но не прежде, какъ тогда уже, когда успокоится, а во время пылкаго его паренія едва только издали смѣетъ приближаться къ нему и надзирать за нимъ. Если Поэтъ за первымъ, безъ всякаго разсужденія, быстро послѣдуетъ, а за вторымъ, не торопясь, съ благоразуміемъ, и за справою уже сего послѣдняго, а не прежде, выдаетъ въ свѣтъ свои сочиненія, то, безъ всякаго сомнѣнія, рано или поздно, получаетъ плески. Чувствуй — и будутъ чувствовать. Проливай слезы — и будутъ плакать! Отъ восклицанія токмо сердца раздаются громы. *Вдохновеніе*, *вдохновеніе* — повторяю, а не что иное наполняетъ душу Лирика огнемъ небеснымъ: оно напрягаетъ всѣ его силы, окрыляетъ, возноситъ,

Digitized by Google

и исторгаетъ, такъ сказать, ея бытіе изъ пелены плоти, или изъ всѣхъ земныхъ предѣловъ — дабы лучше выразить и изъяснить исступленное ея положеніе. Отъ вдохновенія происходятъ бурные порывы, пламенные восторги, высокія, божественныя мысли, выспреннія паренія, многосодержащія изрѣченія, таинственныя предвѣщанія, живыя лицеподобія, отважные переносы, и прочія риторическія украшенія, о коихъ было мною говорено. Отъ него, подъ струнами вѣнценоснаго Іудейскаго Лирика и Царя скакали холмы, двигалась земля, преклонялось небо предъ лицемъ Вседержителя, солнце становилось преспоромъ, а луна подножіемъ ногъ Его; отъ него Орфей водилъ лѣса и рѣки за собою, Омиръ помаваніемъ Юпитеровой главы колебалъ вселенную....»

Вотъ онъ, вотъ молнія среди мрака, Поэтъ, которому готовы мы воскликнуть, какъ восклицалъ въ отвѣтѣ ему знаменитый его современникъ:

. . . Тебя-ль не узнаю —
Орлій издавна знакомъ мнѣ полетъ (*)!

Посмотрите и въ самыхъ планахъ Державина, въ этой прозаической подмосткѣ, устроенной для созиданія великолѣпныхъ, вѣковыхъ его зданій, по-

(*) И. И. Дмитріевъ, въ отвѣтъ на стихи Державина: *Осень*.

Digitized by Google

смотрише на добродушіе, младенческое добросердечіе, простоту генія. Выписываемъ здѣсь планъ стиховъ Державина: *Счастіе*, этого пролестнаго, неподражаемаго, Русскаго созданія.

« Писано это въ Москвѣ, въ 1789 году. Въ первомъ изданіи прибавлено было: *на Масляницѣ*, потому, что описывая разныя проказы того времени, Авторъ хотѣлъ скрыть прямое свое намѣреніе. Онъ, по пришѣсненію нѣкоторыхъ вельможъ, былъ тогда отлученъ отъ Тамбовскаго губернаторства, и находился подъ отвѣтомъ въ Московскомъ Сенатѣ. Авторъ, въ свое утѣшеніе, и для забавы, хотѣлъ посмѣяться ироническимъ слогомъ, надъ всѣмъ цѣмъ, что дѣлается въ семъ развратномъ и непостоянномъ свѣтѣ. Для лучшаго вразумленія читателей, нужнымъ почитается пояснить каждую строфу:

« Въ 1-й и 2-й описываются дѣянія Счастія.

« Въ 3-й обороты онаго, извѣстные по Исторіи, которые и въ настоящее время почь въ почь случались.

« Въ 4-й просвѣщеніе Россіи, когда уже грубое суевѣріе о домовыхъ и кикиморахъ исчезло, а на мѣсто онаго появился магнетизмъ, исканіе философскаго камня, и проч. Тутъ-же сказано и о томъ, что въ тогдашнее время много показалось *кавалеровъ и Бригадировъ*, выпускаемыхъ изъ Капитановъ Гвардіи въ отставку.

« Въ 5-й и 6-й успѣхи Россійскаго оружія и политика; такжe самая вѣрная картина тогдашняго

Digitized by Google

дипломатическаго состоянія Европейскихъ державъ относительно къ вниманію, обращаемому на нихъ Императрицею.

« Въ 7-й и 8-й изображеніе внутренняго положенія Россіи, ея нравовъ, правосудія въ ней, и разныхъ увеселеній. Показано, что *Ерихонцы*, т. е. подъячіе, богатѣютъ, что нравы, по смѣшенію нашему съ иностранцами распестрились; полосатые-же фраки были тогда въ модѣ.

« Въ 9-й и 10-й описаніе упражненій Екатерины. Въ 11-й и 12-й отношеніе Императрицы къ военнымъ и гражданскимъ дѣламъ: что она безъ суда никого не наказываетъ; что вѣситъ силы чужихъ Державъ; что защищаетъ безсильныхъ отъ сильныхъ; что поражаетъ оружіемъ желѣзное царство Шведовъ и лунное Турковъ, а свое успокоиваетъ, учреждая дровяные и сѣнные магазины, и согрѣваетъ въ морозы, нарочно устроенными на публичныхъ мѣстахъ каминами.

« Въ 13-й, дѣлаетъ Авторъ обращеніе на себя, и проситъ Счастіе, чтобы оно было къ нему благопріятно, и изъ песчинки сдѣлало-бы его жемчужиною.

« Въ 14-й, подъ своимъ лицомъ, Авторъ описываетъ нѣкоторыхъ сотоварищей по службѣ, которые бѣгали у вельможъ по паркету, и никого не уважали. — Въ 15-й и 16-й, Авторъ вспоминаетъ аллегоріею молодость свою, и счастливые успѣхи въ любви.

Digitized by Google

« Въ 18-й и 19-й изображается своенравіе Счастія, и увѣренность Автора, что оно всесильно все перемѣнять: *и гудокъ въ скрыпку и хохолъ въ локонъ;* что оно рѣдко благопріятствуетъ достойнымъ людямъ, а, подобно воздушному, Монгольфіеромъ изобрѣтенному шару, упадаетъ куда случится.

« Въ послѣдней, 22-й строфѣ объясняется состояніе души Автора, полагающаго, что его спокойствіе не зависитъ отъ непостояннаго Счастія, ни отъ вельможъ, любимцевъ онаго (*). »

Мы увлеклись за предѣлы журнальной рецензіи, говоря о Державинѣ. Но чувствуемъ, пересматривая все нами написанное, что мы не могли выразить всего Державина. Будемъ довольны и тѣмъ, если нашъ опытъ возбудитъ желаніе людей, болѣе насъ опытныхъ, болѣе нашего одаренныхъ вкусомъ и способностью критики, болѣе нашего обладающихъ познаніями, необходимыми для оцѣнки генія. Довольны будемъ мы и тѣмъ, если изобразивъ жизнь

(*) См. *Ключъ къ Соч. Держ.*, стр. 44 — 47. Мы пользовались по возможности сею любопытною книжкою Г-на Остолопова; но за всѣмъ тѣмъ посовѣтуемъ прочитать ее особенно: это *исповѣдь* Державина, и множества подробностей въ ней заключающихся, мы не могли вмѣстить въ предѣлы нашей статьи. Для примѣра, укажемъ на стр. 19, 53, 63, 79, 91, весьма замѣчательныя.

Digitized by Google

и характеръ Державина, обозрѣвъ созданія его, мы убѣдимъ нѣкоторыхъ изъ соотечественниковъ нашихъ, что судимый по уложенію Русскаго генія, не по старой Классической, и не по Романтической современной мѣркѣ, Державинъ становится вѣковымъ поэтомъ. Не пѣвецъ Фелицы, не сочинитель только Оды Богъ является намъ въ Державинѣ, но истинный представитель генія Россіи, дикаго, неконченнаго, неразвитаго, но — могущаго, какъ земля Русская, крѣпкаго, какъ душа Русская, богатаго, какъ языкъ Русскій!

Державина должно отдѣлить отъ всѣхъ его современниковъ и послѣдователей. При измѣреніи окрестныхъ полей, Этна, Везувій не входятъ въ межеванье землемѣрское. По этому, и потому еще, что онъ былъ Лирикъ, Державинъ не могъ сдѣлать эпохи ни въ Словесности, ни въ языкѣ Русскомъ. Геній его, уединенный, выродокъ изъ вѣковъ, не могъ быть подлаженъ подъ голоса другихъ: онъ пѣлъ дивную пѣснь — ему внимали, не понимая сей пѣсни. Мы прислушиваемся къ общему, старому и новому пѣнію, и забываемъ божественные звуки пѣвца одинокаго. Съ граммаическими вѣсками подходимъ мы къ сокровищницѣ пѣснопѣній Державина, и не знаемъ, какъ приняться за нихъ, потому, что вѣски наши мѣлки и недостаточны. Здѣсь, какъ при безчисленныхъ сокровищахъ пѣвцовъ Индіи, Аравіи, Шотландіи, должна быть другая мѣра — *душа мѣра*, по Русской поговоркѣ. Спросите-же душу вашу — не школьную теорію Эстетики—спросите духъ Человѣчества, и сей могущій духъ, не

Digitized by Google

знавшій Баттіё, Бутервековъ, Зульцеровъ, Аствовъ, при созданіи твореній Пиндара и Омира, Данте и Шекспира, Гёте и Байрона, Калидаза и Тарафы, скажетъ вамъ имя *Державина*, не какъ Русскаго пѣвца XVIII-го вѣка, но какъ роднаго сына своего, обреченнаго не Исторіи Русской Литтературы, но безсмертію.

Простое чувство бываетъ всегда лучшимъ судіею, если постоянно и одинаково судитъ о великомъ, когда пролетѣла цѣна его новости. Между тѣмъ, какъ литтературные судьи наши дѣлятъ Исторію Русской Литтературы на періоды, и эти періоды лопаются въ глазахъ ихъ, будто мыльные пузыри; опредѣляютъ степени славы, и кумиры, поставленные ими на сихъ степеняхъ, размываетъ и безобразитъ ѣдкое время; считаютъ образцомъ, то прозу того, то стихи другаго, и эти образцы безпрестанно старѣютъ — исполинскій образъ Державина стоитъ уединенно, воздвигнутый приговоромъ Руси, среди дремучей, дикой дебри его Поэзіи. Теоретики и критики подходятъ къ нему, но, испуганные его самобытностью, бѣгутъ прочь (*).

(*) Угодно-ли послушать критическаго сужденія въ этомъ особенномъ родѣ? Вотъ оно: «Всеобъемлющій Ломоносовъ, отважный Петровъ, и неподражаемый Державинъ, обогатили Словесность нашу высокими, можетъ быть, единственными произведеніями

Digitized by Google

Дымъ куреній передъ нимъ погасъ; тропа, къ нему ведущая, заросла быліемъ подражаній чужеземцамъ, и мѣлкою травою, засѣянною по теоріи чуждыхъ

но не побѣдили своенравнаго языка.» (Петровъ, Ломоносовъ (какъ Поэтъ) рядомъ съ Державинымъ!! И какъ-же *неподражаемый*, обогатившій насъ *единственными произведеніями*, могъ быть *побѣжденъ нашимъ языкомъ*?) «Всѣ удивлялись Поэтамъ, а стихи ихъ читали немногіе. Свѣтская и затѣйливая Муза Дмитріева наконецъ получила доступъ во всѣ кабинеты. Съ нею начали бесѣдовать и записные Литтераторы, и безприсяжные щеголи, и полуфранцуженки женщины. До временъ Жуковскаго и Батюшкова, языкъ упрямился, мѣра и рифма часто смѣялись надъ стихотворцемъ, и побѣждали его.» — И такъ — вотъ мѣра, въ которую пригоняется геній: *чтеніе свѣтскихъ людей, свѣтскость, затѣйливость Музы, доступъ въ кабинеты безприсяжныхъ щеголей, полу-Француженокъ женщинъ, сладкость рифмы!!* Слушайте послѣ сего характеристику поэзіи Жуковскаго, написанную тѣмъ-же критикомъ: «*Глубокія чувства*, смѣлая мечтательность, *богатство*, *или*, лучше сказать, *роскошь самыхъ свѣжихъ картинъ природы*, составляютъ красоты поэзіи Жуковскаго. Всего чаще любитъ онъ преда-

Digitized by Google

Эстетикъ. Юноша! если ты, въ часы восхожденія солнца восторга надъ головою твоею, слышишь чудные, дивные звуки, несущіеся къ тебѣ изъ дикой дебри — знай, что ты слышишь голосъ пеполинскаго образа Державина: онъ, какъ Мемнонъ восходящему солнцу, отзывается твоему вдохновенію. Туда, къ его истукану, въ дикую дебрь его Поэзіи, иди, и у подножія его образа, внимай его звукамъ, вдохновляйся ими, и вѣдай, что нѣкогда потомство воздвигнетъ храмъ сему сыну Сѣвера, сему знаменію Русскаго генія. Тамъ читай

ваться всей стремительности отважнаго своего воображенія, которое, въ прихотливомъ своемъ полетѣ, избираетъ путь нерѣдко странный; однакожъ самое своенравіе его насъ плѣняетъ, потому, что никогда у него сила воображенія не измѣняетъ дѣятельности. Въ рисовкѣ картинъ Природы Жуковскій *не имѣетъ, и едва-ли будетъ имѣть соперника.*» Опровергать все это нѣтъ надобности: это было писано за 10 лѣтъ, въ 1822 году. Въ сіи десять лѣтъ, вѣроятно, подросли въ сужденіяхъ своихъ и публика, и самъ почтенный критикъ. Но, однакожъ, *такъ* думали, говорили, даже *печатали* нѣкогда! Читая сужденія критика, не скажетъ-ли всякій, что онъ, по видимому, вовсе не читалъ, ни Жуковскаго, ни Державина. Такимъ критикамъ можно-ли было оцѣнить Державина!...

Digitized by Google

исторію Державина, предугадывай, чѣмъ онъ могъ быть, потому, что онъ былъ, и забывъ всѣ его частныя отношенія, и вѣка, и человѣка, умѣй сравниться съ его духомъ, умѣй лучше Державина разгадать самого себя. Тогда, сердце твое затрепещетъ при мысли, что, можетъ быть, и твой образъ потомство поставитъ рядомъ съ образомъ безсмертнаго потомка Багримова.

Державину воздвигаютъ памятникъ въ мѣстѣ его родины. Если-бы художникъ осмѣлился при семъ случаѣ бросить всѣ Академическія идеи, всѣ затверженные имъ въ школѣ этюды и эскизы... Державинъ, сидящій, какъ изображенъ онъ Тончіемъ, въ сѣверной одеждѣ, безъ всякихъ знаковъ мірскихъ, прешедшихъ почестей, и лира у ногъ, вдохновеніе на лицѣ, безъ Греческихъ геніевъ, безъ изысканной драпировки, внимающій невидимому генію, какъ будто повторяющій намъ:

Въ могилѣ буду я, но буду говорить!

Вотъ какого памятника желали-бы мы Державину, вотъ въ какомъ памятникѣ мы узнали-бы его!

Н. П.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская литтература.

— *Стихотворенія Н. Гнѣдича.* СПб. 1832. Въ т. Академіи Наукъ. VII и 363 стр. in-8.

Сколько воспоминаній пробудило въ насъ чтеніе этого тома Стихотвореній. Сколько пищи соображенію прошедшаго съ настоящимъ!.. Да, зрѣлое обдумываніе заставляетъ насъ сказать, что Н. И. Гнѣдичъ принадлежитъ къ блистательнѣйшимъ звѣздамъ нашей Поэзіи. Намъ кажется даже, что это высокое поэтическое имя не пользуется такою славою, какой достойно оно. Неужели пристрастіе или ничтожный партіялизмъ причиной тому? Не думаемъ. Волны встревоженнаго моря могутъ понизить и даже совсѣмъ изгладить непрочныя возвышенія, но ярость ихъ безсильна при гранитной скалѣ. Человѣкъ, передавшій намъ Иліа-

Digitized by Google

ду, Авторъ цѣлой книги Стихотвореній, внушенныхъ чувствами души высокой, благородной, не можетъ страшиться ни современниковъ, ни потомства. Но отъ чего-же такъ мало оцѣнены заслуги и дарованіе Н. И. Гнѣдича? Это достойно разсмотрѣнія.

Лѣтъ тридцать назадъ, Литература Русская представляла совершенно невѣдомое въ наше время зрѣлище. Болѣе всего занимались тогда стихотворствомъ, и Геликонъ Русскій былъ въ Москвѣ, а верховнымъ жрецомъ Музъ Карамзинъ. Хотя стихи сего необыкновеннаго писателя цѣнились иногда выше стиховъ Державина, однакожь не за нихъ былъ онъ кумиромъ публики и писателей. Его признавали и необыкновеннымъ ученымъ, и возвѣстителемъ истинъ, и наконецъ — справедливо — первымъ прозаическимъ писателемъ. Сочиненія Карамзина могутъ служить мѣриломъ тогдашняго состоянія Литературы. Разсмотрите ихъ, и вы увидите, что все сосредоточивалось въ мысли о наружной отдѣлкѣ. Видите иногда очень милыя картинки, добрыя чувства, семейную заботливость о словахъ и выраженіяхъ, но не находите главнаго: мыслей въ сочиненіяхъ дидактическихъ, и поэзіи въ поэтическихъ произведеніяхъ. Поэзіею называли тогда стихи, то есть мѣрныя строчки, *заостренныя* рифмою. Таковы были всѣ, современныя началу нашего столѣтія стихотворенія, если исключить сочиненія Державина, не знавшія шлифовки, и на-

Digitized by Google

чала Жуковскаго. Но перваго изъ нихъ почитали человѣкомъ, вышедшимъ изъ всякой управы, и давали ему *идти на пропалую*, какъ неисправимому, закоренѣлому грѣшнику, на котораго не дѣйствуютъ ни убѣжденія, ни примѣры; другаго почитали человѣкомъ съ дарованіемъ, много обѣщающимъ, и надѣялись, что онъ *еще исправится*. Говоримъ это безъ всякой шутки. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, какъ на всѣхъ другихъ тягостѣлъ уровень золотой посредственности. Вспомнимъ самыя занимательныя имена: Озерова, глубокаго чувствомъ, запрятаннымъ подъ парикъ и нарчевой кафтанъ Французскихъ трагиковъ, Башюшкова, въ которомъ трепетало столько поэтическаго предвѣдѣнія и толпилось столько мыслей, не смѣвшихъ высказываться, Мерзлякова, исполненнаго дарованій, но погрязшаго въ устарѣлыхъ мнѣніяхъ и повѣрьяхъ, Милонова, замѣчательнаго по его благородной ненависти къ пороку во всѣхъ видахъ, Востокова, такъ много обѣщавшаго и такъ мало исполнившаго! Какіе люди! Какія дарованія! Что сдѣлали-бы они при свободномъ развитіи! Но духъ времени возложилъ на нихъ свою свинцовую руку, и теперь необходимо особенное изученіе, чтобы отличить Озерова отъ Крюковскаго, Мерзлякова отъ Кошанскаго, Милонова отъ Воейкова, Востокова отъ Вл. Измайлова или В. Пушкина. Надобно было много душевной силы, чтобы отречься отъ современныхъ вѣнковъ и освободиться отъ той посредственности въ стихотворствѣ, которую показы-

Digitized by Google

валъ Карамзинъ и примѣромъ и теоріей. Къ числу весьма немногихъ героевъ такого самоотверженія причисляемъ Н. И. Гнѣдича. Живши въ Москвѣ, въ дружеской связи почти со всѣми изъ упомянутыхъ нами писателей, онъ нѣсколько времени увлекался ихъ примѣромъ, и къ этому-то времени относятся первоначальные опыты его. Но вскорѣ душа его возвысилась надъ мелочами современности. Онъ не былъ рожденъ прокладывать новые пути въ области Поэзіи; однакожь, чувствуя ничтожность и прозу направленія современной Словесности, не могъ и оставаться въ сей душной сферѣ. Отъ юныхъ дней знакомый съ самобытною, освѣжительною Поэзіею Грековъ, онъ совершенно посвятилъ себя ей, и провелъ много лѣтъ въ уединенной бесѣдѣ съ божественнымъ Омиромъ. Для насъ, Русскихъ, *Иліада* и Гнѣдичъ, сдѣлались именами нераздѣльными. Еще не время рѣшать, вполнѣ-ли передалъ намъ Поэтъ нашъ великое созданіе Омира, но нѣтъ сомнѣнія, что трудъ его останется навсегда подвигомъ, достойнымъ удивленія.

Двадцать лѣтъ, проведенныхъ въ удаленіи отъ театра борьбы и страстей литтерашурныхъ, заставили однакожь и публику и писателей нашихъ не забыть, но какъ-то отчуждиться Переводчика Омира. Таково свойство всякой извѣстности. Имя, рѣдко повторяемое, становится менѣе громкимъ и поразительнымъ. Въ памяти человѣческой есть какая-то неблагодарность: кто не занимаетъ

Digitized by Google

ея часто, хотя-бы то самыми ужасными или пустыми тревогами, тотъ перестаетъ быть близкимъ для нея. Послѣ сего понятно, отъ чего имя Н. И. Гнѣдича, уважаемое за немногіе, брошенные имъ въ теченіе двадцати лѣтъ цвѣтки, чтимое, хотя и безотчетно, за переводъ Омира, не пользуется достойною извѣстностью.

Кажется, мы имѣли много разъ случай доказать, что для насъ не существуютъ подобныя отношенія. Мы цѣнимъ писателей не по объему ихъ сочиненій и не по крику толпы, но по внутреннему ихъ достоинству. Мы съ почтеніемъ смотримъ даже на первоначальные опыты Н. И. Гнѣдича.' Намъ пріятно, поучительно видѣть постепенное развитіе необыкновеннаго человѣка, заставившаго Омира въ первый разъ пѣть по-Русски безсмертныя его рапсодіи. Съ сей точки зрѣнія, сочиненія Н. И Гнѣдича достойны особеннаго вниманія. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ видѣнъ былъ въ немъ будущій высокій пѣвецъ. Прочитайте пьесу: *Перуанецъ къ Монанцу*, писанную въ 1805 году: вы и тамъ откроете поэта. Сила и мужество стиховъ его достойны замѣчанія.

Постепенно переходя отъ одного стихотворенія къ другому, наконецъ, въ *Рожденіи Гомера*, и еще болѣе въ *Рыбакахъ*, мы видимъ уже дарованіе зрѣлое, усовершенствованное и опытомъ, и ученіемъ. Вообще надобно сказать, что Лирическія стихо-

Digitized by Google

творенія не были удѣломъ Н. И. Гнѣдича. Правда, что въ переводѣ *Пѣсней нынѣшнихъ Грековъ*, онъ показалъ необыкновенную гибкость языка, но собственныя стихотворенія его въ этомъ родѣ, слабѣе тѣхъ, которыя болѣе подходятъ къ Поэзіи Эпической. Стихотвореніямъ его приличенъ характеръ важный, такъ сказать степенный, и потому-то въ Эпопеѣ находитъ онъ и сильныя выраженія, и языкъ, почти вездѣ сообразный съ величіемъ и важностью картинъ. Сама природа назначила его быть перелагателемъ Омира. У него по большей части неудачны стихотворенія привѣтственныя, шутливыя, и особенно мадригалы и эпиграммы. Но гдѣ начинаютъ говорить чувства возвышенныя, гдѣ являются картины стройныя, величественныя, тамъ видите вы Гнѣдича всегда вѣрнымъ своему дарованію. Посему-то къ лучшимъ произведеніямъ его причисляемъ мы: *Рожденіе Гомера*, Идиллію: *Рыбаки*, *Къ другу*, *Осень*, и почти всѣ другія стихотворенія въ родѣ *важномъ*. Переводы Н. И. Гнѣдича почти всѣ соотвѣтствуютъ подлинникамъ. Къ лучшимъ можно причислить: *Пѣсни нынѣшнихъ Грековъ*, Трагедію Вольтера *Танкредъ*, мелкія стихотворенія изъ Анакреона, Байрона, А. Шенье. Особенное вниманіе заслуживаетъ переводъ Ѳеокритовой Идилліи: *Сиракузянки, или Праздникъ Адониса*. Онъ напоминаетъ образцовые переводы Фосса и Гёте. Въ началѣ сей пьесы Г-нъ Гнѣдичъ приложилъ небольшое Разсужденіе объ Идилліи вообще, гдѣ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Поэ-

Digitized by Google

«зія Идиллическая у насъ, какъ и въ новѣйшихъ «Литтературахъ Европейскихъ, ограничена шес- «нымъ опредѣленіемъ *Поэзіи Пастушеской*; опре- «дѣленіе ложное. Изъ него истекаютъ и другія, «столько-же неосновательныя мнѣнія, что Поэзія «Пастушеская (т. е. Идиллія и Эклога), въ Сло- «весности нашей существовать не можетъ, ибо у «насъ нѣтъ пастырей, подобныхъ древнимъ, и «проч. и проч.—Идиллія Грековъ, по самому значе- «нію слова, есть *видъ*, *картина*, или то, что «мы называемъ *сцена*; но сцена жизни и пастуше- «ской, и гражданской, и даже героической.»

Намъ кажется, что Русскихъ Идиллистовъ, такъ-же какъ и чужеземныхъ, осуждаютъ за то, что они хотятъ вложить въ Идиллію свои душу и выраженіе Греческія, что невозможно, и отъ того выходитъ Русская Идиллія съ какимъ-то небы- валымъ бытомъ и языкомъ, или Французская съ придворными понятіями и выраженіями. Основная причина сего конечно въ томъ, что въ нашей жиз- ни Идиллія не существуетъ, и даже нѣтъ для нея выраженія на языкахъ новой Европы. Впрочемъ, всякое произведеніе, изъ души излившееся, нахо- дитъ и у насъ отзывъ въ душахъ и одобреніе. До- казательствомъ сего служитъ Идиллія *Рыбаки*. На- званіе не остановило всеобщаго одобренія.

Не знаемъ, умѣли-ль мы передать все, что ду- мали и чувствовали перечитывая *Стихотворенія*

Digitized by Google

Н. И. Гнѣдича. По крайней мѣрѣ желательно, чтобы всякій изъ читателей былъ такъ признателенъ, такъ безпристрастенъ, какъ мы къ разбираемому Поэму.

— *Леонидъ*, или нѣкоторыя черты изъ жизни Наполеона. 4 части, съ гравированными виньетами. СПб. 1832. Въ т. А. Плюшара. 314, 444, 471 и 382 стр. in-8.

Каждое сочиненіе можно разсматривать съ разныхъ сторонъ. Что такое *Леонидъ?* Романъ? Современныя Записки? Исторія? Мы прочитали его, какъ приказываетъ Авторъ *Досугова Инвалида* (см. Посвященіе сей книги): отъ доски до доски, съ толкомъ, съ разстановкой, и не можемъ дать себѣ отчета: что это такое? Для романа, въ немъ мало поэзіи, для современныхъ Записокъ мало истины, для Исторіи много пустяковъ. Какъ произведеніе поэтическое, Леонидъ не выдерживаетъ критики: это сбродъ происшествій, воющихъ отъ ужаса, когда они сближены. Ни малѣйшей общности, ни малѣйшей истины поэтической, ни малѣйшей мысли, проницающей весь романъ, нѣтъ въ немъ. Леонидъ, молодой Русскій офицеръ, убивъ своего начальника, бѣжитъ въ станъ Наполеона, и, по ходатайству одной женщины, обласканъ тамъ, приближенъ къ Наполеону, и что всего уди-

Digitized by Google

вительнѣе, присутствуешь при самыхъ тайныхъ совѣщаніяхъ Наполеона, рядомъ съ Талейраномъ, Дюрокомъ, Маретомъ, и другими историческими лицами. Наполеонъ отправляетъ его шпіономъ въ Вѣну, и Леонидъ не только не отказывается отъ этой прекрасной должности, но преусердно служитъ, именуется за то Графомъ, и между тѣмъ продолжаетъ дѣлать отвратительныя шалости. Въ самомъ дѣлѣ: чего дурнаго не совершилъ этотъ Леонидъ! Онъ похититель дѣвушки, онъ бѣглецъ изъ подъ отечественныхъ знаменъ, убійца начальника, соблазнитель покровительницы своей, герой лишь при женскомъ покровительствѣ, двоеженецъ, шпіонъ, и проч. и проч. Какъ отвратителенъ дѣлается онъ, когда пріѣзжаетъ къ нему Наташа, первая жена его, и застаетъ милаго мужа съ актрисой Розаліей! Это поворачиваетъ душу, не инымъ чѣмъ, какъ отвратительностью положенія. И такого-то героя проводитъ Авторъ по всѣмъ закоулкамъ великой Исторіи первыхъ лѣтъ настоящаго столѣтія, приближаетъ къ Александру, къ Наполеону, ко всѣмъ современнымъ великимъ именамъ! Завязка романа не возбуждаетъ никакого вниманія, и если читаешь эту книгу, то лишь для того, чтобы видѣть, какъ изобразитъ Авторъ Наполеона, въ томъ или въ другомъ положеніи, подъ Аустерлицомъ и подъ Фридландомъ, подъ Ваграмомъ и подъ Москвою. Авторъ думалъ не о романѣ, а о громѣ именъ и событій, и тѣмъ уничтожилъ всю поэтическую сторону своего сочиненія, или, лучше сказать, онъ и не понималъ ея. Книга его не романъ. Въ ней нѣтъ ни связи, ни мысли, ни по-

Digitized by Google

дробностей романа. Она и не современныя Записки, потому что нестерпимый Леонидъ, со своимъ приторнымъ благородствомъ и безотчетнымъ развратомъ передъ вами на каждомъ шагу: то заслоняетъ Наполеона, то спасаетъ его отъ смерти, то открываетъ тайныя общества, то рѣшаетъ судьбу великихъ событій. Авторъ писалъ такъ, что иногда идетъ у него просто изложеніе историческихъ событій, и вдругъ, перерывъ, *чёртоска*, и Леонидъ начинаетъ свои похожденія; опять перерывъ, чёрточка — о Леонидѣ ни слова — идутъ происшествія историческія. Словомъ сказать, такой странной смѣси я и не читывалъ! Сверхъ того, Авторъ очень худо понималъ глубокій смыслъ великихъ событій, описываемыхъ имъ, и потому не только не говоритъ о нихъ ничего новаго, но какъ-бы нарочно повторяетъ разсказы простолюдиновъ, слышанные тысячу разъ, и не подозрѣваетъ, что событія сіи совершались не такъ, совсѣмъ не такъ, какъ думаютъ простолюдины! Одинъ примѣръ: Наполеонъ изображенъ у него какимъ-то счастливымъ разбойникомъ, хотя, по видимому, Авторъ и старался облагородить его. Но глубины этой великой души, высоты этого генія среди стѣсненныхъ и славныхъ для него обстоятельствъ, нѣтъ и слѣда. Это какой-то *Абеллино, великодушный атаманъ разбойниковъ*. Право такъ! Нужно-ли прибавлять послѣ сего, что *Леонида* не льзя и приблизить къ Исторіи?

Но что-же вышло у Автора изъ всего этого, если *Леонидъ* не романъ, не сказка, не разсказъ и

не Исторія ? . . Какъ что ? Книга ! . . . Напечатана хорошо, украшена виньетками Русской работы, и волшебнымъ именемъ Наполеона. . . Чего-жь еще !

Однакожь, отдадимъ справедливость начитанности Автора, и такъ сказать, совѣстности его труда. Видно, что сборовъ было много, и что онъ хотѣлъ написать хорошую книгу. Какъ-быть, если не удалось !

К. П.

— *Грамматика. Часть общая. Опытъ.* Первая книжка, изданная В. З. Одесса. Въ Городской т. 1832. 43 стр. in-8.

Книга, достойная вниманія. Извѣстно, что почти всѣ Русскія Грамматики основаны единственно на практикѣ. Даже богатое важными изслѣдованіями сочиненіе Г-на Греча (*Пространная Русская Грамматика*), довольно слабо въ отношеніи теоретическомъ. Отъ того многіе вопросы касательно Русской Грамматики остаются до сихъ поръ не разрѣшенными, и у Г-на Греча, и у всѣхъ другихъ Граммаистовъ нашихъ. Возмемъ въ примѣръ *Глаголы* Русскіе. Во всѣхъ Граммашкахъ нашихъ объясняютъ ихъ чрезвычайно сбивчиво, и до сихъ поръ мы еще не знаемъ, сколько у насъ спряженій? Ломоносовъ и Востоковъ скажутъ вамъ: *два*, Академія Россійская: *четыре*, Гречъ поведетъ въ лабиринтъ своихъ раздѣленій и подраздѣленій, не давъ

Digitized by Google

Аріадниной нити. Неужели-же Русскій народъ говоритъ такимъ языкомъ, въ которомъ нѣтъ правилъ? Правила Грамматики основываются на непзмѣнныхъ законахъ ума, слѣдственно должны и сами быть законами непзмѣнными, общими для всѣхъ. Чтобы узнать ихъ, надобно разсмотрѣть языкъ философически, но есть сдѣлать повѣрку практики теоріею.

Сію-то мысль, вѣроятно, имѣлъ неизвѣстный Сочинитель *Грамматики*, изданной въ Одессѣ. Въ *книжкѣ первой* разсмотрѣлъ онъ всѣ части рѣчи, или *Словопроизведеніе*. Намъ кажется, что онъ вѣрнѣе опредѣлилъ-бы сущность своего труда, назвавъ его *Опытомъ Всеобщей Грамматики*. Изслѣдованія его относятся не къ одному Русскому языку, а ко всѣмъ языкамъ вообще, ибо законы общіе одинаковы во всѣхъ Грамматикахъ. Конечно это опытъ, далекій отъ совершенства, однакожь достойный признательности всякаго любознательнаго человѣка, ибо въ немъ найдетъ онъ много мыслей свѣтлыхъ, опредѣленій вѣрныхъ, замѣчаній глубокомысленныхъ. Прочитавъ *Опытъ* Г-на В. З., одинъ изъ нашихъ Грамматистовъ не назвалъ-бы Междометіями почти всѣхъ словъ, и не привелъ-бы примѣровъ изъ собачьяго языка: *Вавъ, Вавъ! Тявъ, Тявъ*!

Усердно хваля прудъ Г-на В. З., мы замѣтимъ однакожь, что первоначальное опредѣленіе его кажется намъ слишкомъ исключительнымъ, ограниченнымъ. «Прежде нежели человѣкъ создалъ себѣ

Digitized by Google

« языкъ, состоящій изъ какихъ-бы то ни было услов-« ныхъ знаковъ, онъ долженъ былъ начать мыслить. « (Стр. 3-я)» Языкъ, для человѣка находится прежде всего въ природѣ, которая говоритъ ему своими предметами и явленіями. Это доказываютъ намъ и опытъ и умозрѣніе. Языкъ *ума* есть уже дальнѣйшее развитіе человѣческихъ способностей. Слѣдственно, въ языкѣ должно быть столько-же, если еще не болѣе, необходимости, сколько есть въ немъ свободы. Въ иныхъ случаяхъ языкъ есть просто представитель природы, и отъ того-то языки всѣхъ народовъ имѣютъ общее сходство, *общую Грамматику*, измѣняющуюся сообразно организаціи человѣка, такъ-же какъ климату и вѣку, въ коихъ онъ живетъ. Приписавъ все уму, Сочинитель впалъ въ нѣкоторые, слишкомъ смѣлые выводы.

Ожидаемъ продолженія сего труда, и по полученіи слѣдующихъ книжекъ онаго, можетъ быть разберемъ ихъ подробно. Предметъ стоитъ того.

— *Стихотворенія Ивана Картавцова*, или невинныя занятія на бережкѣ Снѣжедка. М. 1832. Въ Унив. т. 52 стр. in-8.

Давно не говорили мы о диковинкахъ, подобныхъ Стихотвореніямъ Г-на Картавцова. Но да не подумаютъ читатели наши, что на Руси перевелись плохіе поэты. Нѣтъ, нѣтъ! Чтобы истребить это ложное понятіе о состояніи нашего Стихотворства, покажемъ здѣсь образчикъ, по которому можно судить о томъ, что дѣлается въ низшихъ рядахъ писателей нашихъ.

Digitized by Google

Прежде всего перепишемъ посвященіе книги: «*Его Высокоблагородію, брату моему, Александру Аѳанасьевичу Карташевцеву, 2-го ранга Капитану и разныхъ орденовъ Кавалеру.*»

«Въ свѣтъ первое издалъ —
Тебѣ и посвящаю.
Прими таланть сей малъ,
Я большій обѣщаю.»

Никто не повѣритъ этому, когда взглянетъ на *первое*, и на *талантъ малый* Г-на Карташевцева. Иванъ Аѳанасьевичъ Карташевцевъ очень худо знаетъ языкъ, а еще хуже условія Стихотворства. Онъ называетъ свои Стихотворенія *невинными занятіями*; однакожъ такія невинныя занятія почитаются въ школахъ *винами*. Послушайте:

Гдѣ малый Снѣжедкъ, *чуть струясь*,
По камышкамъ *стремится*,
И по крутымъ брегамъ вясь,
Змія въ глуши гнѣздится;
Гдѣ лѣсъ, съ высокой крутизны
Нагнувшись въ воды, дремлетъ,
Во время ранней гдѣ весны
Охотникъ рогу внемлетъ,
Чтобъ гончихъ вызвать поскорѣй,
Выжляшника (?) *лихова*;
Гдѣ чаща, глушь, растетъ пырей (!),
Одно глушей *дружево*.
Вотъ въ семъ-то мѣстѣ Кудояръ,
Имѣя крѣпку силу,
Широкъ въ плечахъ, могущъ, *нестаръ*,
Обыкновенно на диву (?)
Свое жилище основалъ,

Digitized by Google

И всѣ его страшились;
Онъ всѣхъ прохожихъ обиралъ
И гдѣбъ ни появились:
Дорогой *вдитъ* кто большой —
Добыча Кудояра;
Или почтовой столбовой
Одна-ли пройка, пара, —
Всѣх могущею рукой
Дубину суковату,
Лишь поравнялся, скажетъ: стой!
Не спустишъ даже брату.

Какой ужасный человѣкъ этотъ Кудояръ! Стоило описать его такими дурными стихами.

Впрочемъ, иногда Авторъ выражаетъ и нѣжныя чувства; напримѣръ:

Ахъ, думалъ, любезные! не будетъ конца,
Моему наслажденію!..

Иногда гремитъ и *Эпиграммой:*

А, здорово, братъ Витула!
Въ Петрополѣ похожъ во всемъ ты былъ на мула,
Но что за оборотъ? На Югѣ спалъ пучокъ.
— Да въ Пиперѣ-то холоднѣй.

Таковы-то Стихотворенія Г-на Каршавцева! Мы стараемся всячески быть учтивыми съ подобными стихотворцами, то есть не говоримъ о нихъ ничего; но пересматривая множество книженокъ, одного достоинства съ этимъ *малымъ талантомъ*, право, иногда теряешь терпѣніе. О Русь, Русь! Когда переведутся въ тебѣ безграмотные, дурные стихотворцы?

Digitized by Google

О ПАМЯТНИКАХЪ ИСКУСТВА,

перевезенныхъ изъ Италіи въ Парижъ, во время Французской Революціи.

Соч. Карла Дюпена.

Думаю, что всякому будетъ любопытно узнать: какія средства и труды были употреблены для перевозки и возстановленія изящныхъ произведеній, которыя доставило намъ завоеваніе Италіи.

Побѣды при Монтенотте, Лоди, Арколѣ и Риволи, отдали во власть Французовъ сѣверную Италію. Франція не хотѣла ускорять раззоренія народовъ поборами, которые истощаютъ богатства въ настоящемъ, и наносятъ пагубный ударъ благосостоянію поколѣній будущихъ. Франція не обременила Италіи долгами. Она почитала драгоцѣннѣйшею, благороднѣйшею данью уступку нѣкоторыхъ образцовыхъ произведеній Греціи, древняго Рима и новой Авзоніи. Уступка сія была сдѣлана передъ лицомъ всей Европы, и утверждена договорами, подписанными отцемъ, хранителемъ и защитникомъ Христіанской (Католической) вѣры. Черезъ двадцать лѣтъ, Европа торжественно признала сіи договоры, и черезъ годъ послѣ сего — такова превратность судебъ! — заставила

Digitized by Google

Францію (въ 1815 году) возвратить всѣ пріобрѣтенныя въ Италіи сокровища Искуства. Конечно, на ряду съ произведеніями, уступленными по Толентинскому договору, были и завоеванныя оружіемъ. Но мы взяли ихъ какъ непріятели, во имя побѣды, а не подъ лицемѣрною маскою обманчивой дружбы. . . . Воспоминаніе печальное! . Забудемъ о немъ, и обратимся къ трудамъ геніевъ; послѣдуемъ за образцовыми произведеніями, перевезенными изъ отечества Микель-Анджело, Караччи, Рафаэлей, въ отечество Пюже, Лесюёровъ и Пуссеней.

Достойны вниманія великія пособія Механическихъ Искуствъ Изящнымъ Искуствамъ, употребленныя подъ ученымъ руководствомъ Монжа и Бертолета, для отвращенія всѣхъ опасностей въ путешествіи, столь дальнемъ и трудномъ, и для возвращенія свѣжести и первобытной красы памятникамъ, которымъ уже грозило неминуемое разрушеніе въ самыхъ мѣстахъ ихъ созданія (*). Изложеніе сихъ средствъ, можетъ быть слишкомъ техническое, облагородится мыслію, что эти подробности оправдываютъ насъ въ глазахъ всей Европы и уничтожаютъ несправедливое обвиненіе, что мы были Вандалы новой Италіи.

(*) Величайшей хвалы достойны: Муатиэ, ваятель, и Бартелеми, живописецъ, Члены Коммисіи Италійскихъ Искуствъ, приведшіе въ исполненіе средства, о коихъ постараемся мы дать понятіе: оба они уже окончили свое поприще, и мы лишь памяти ихъ можемъ отдать сію хвалу.

Digitized by Google

Какая дерзкая мысль: изобрѣсти для статуй и группъ, подобныхъ Лаокоону, Венерѣ Медиційской и Аполлону Бельведерскому, такую обкладку, которая заключала-бы въ себѣ противоположныя совершенства: снаружи, быть неподвижною отъ толчковъ и тряски по дорогѣ неровной и гористой, внутри, составить нераздѣльное соединеніе прочности, мягкости и упругости. Только при этомъ могли быть неопасны удары самые внезапные, и ихъ неправильное, разрушительное дѣйствіе не могло коснуться ни малѣйшей частки изваяній, столь же смѣлыхъ въ своихъ положеніяхъ, сколь ломкихъ по своему веществу и по нѣжности своихъ формъ.

Перевозъ каршинъ представлялъ затрудненія совсѣмъ другаго рода. Онѣ, большею частію, писаны были на полотнѣ. Надлежало вынуть изъ рамъ огромныя протяженія, съ давнихъ лѣтъ потерявшія крѣпость ткани. Надобно было навивать ихъ на цилиндры, съ удивительною осторожностью, чтобы въ нихъ не оказалось ни малѣйшаго излома, ни малѣйшей складки, словомъ, такимъ образомъ, чтобы не сдѣлать ни малѣйшей царапинки и скважины, въ почти безпрерывномъ слоѣ красокъ, изсохшихъ въ продолженіе столѣтій, въ климатѣ полуденномъ.

Другія каршины писаны были на деревѣ, и что всего сожалительнѣе, на деревѣ очень непрочномъ: на тополѣ. Изящныя произведенія, для коихъ Рафаэль употреблялъ его, хотя существуютъ менѣе четырехъ сотъ лѣтъ, но уже большею частію потерпѣли самую горестную для Искусства порчу. Когда сняли съ мѣста великолѣпную каршину Пре-

Digitized by Google

ображенія, що изъ нея выдетѣло множество самой мѣлкой пыли, которая и сѣла на картинѣ толстымъ слоемъ (*). Малѣйшіе червячки источили доски тополевыя, на кои были наложены краски. Червоточины не только разрушили связь и силу деревянистыхъ фибръ, но прошли и проѣли самую живопись. Коммисары, при всей высотѣ своихъ дарованій, при всемъ желаніи передать Франціи столь великое пріобрѣтеніе, ужаснулись, увидѣвъ эту ветхость. Какую страшную отвѣтственность приняли-бы они на себя, отважившись отправить въ такомъ состояніи величайшее произведеніе величайшаго живописца, и подвергнуть оное пяти

(*) Кстати о картинѣ Преображенія: Веллингтонъ взялъ ее несправедливо, нарушивъ подписанную имъ капитуляцію. Сверхъ того, она принадлежала Франціи не только по праву завоеванія, утвержденному договорами, но и какъ собственность Французская. Когда Рафаэль написалъ для Франциска I-го два образцовыя произведенія: Святаго Михаила и Святое Семейство, то Король наградилъ художника столь щедро, что онъ думалъ отблагодарить его не иначе, какъ написавъ для сего Монарха картину Преображенія. Къ несчастію, Рафаэль умеръ занимаясь окончательною отдѣлкою сего удивительнаго произведенія; и Папское Правительство овладѣло онымъ. Требованія Франціи тогда остались тщетны. Почему-же не льзя было, соблюдая правила нравственности и законности, предоставить потомкамъ Генриха IV то, что было создано для предка ихъ, Франциска I-го? — *Замѣч. Дюпена.*

стамъ льё пути, черезъ Аппенины, потомъ черезъ море, черезъ рѣки, черезъ каналы, съ выгрузками и перегрузками, всегда затруднительными и опасными при перемѣщеніи предметовъ нѣжныхъ и ломкихъ! « Вся Европа будетъ укорять насъ — говорили они — за гибель драгоцѣннѣйшаго изъ памятниковъ, ввѣренныхъ нашему попеченію, и мы обезславимъ наши имена пятномъ неизгладимымъ. » Къ счастію Изящныхъ Искусствъ, зрѣлыя размышленія возвратили Коммисарамъ болѣе довѣренности къ своимъ средствамъ. Изумительными попеченіями своими не только достигли они того, что картины, угрожавшія разрушиться и уничтожиться отъ собственной своей тяжести, были перевезены безъ всякаго непріятнаго случая, но вскорѣ симъ самымъ картинамъ была возвращена первобытная ихъ прочность и свѣжесть.

Каждую червоточину очистили инструментомъ, нарочно сдѣланнымъ для сей тщательной работы. Въ каждую очищенную такимъ образомъ скважину влили по каплѣ жидкости, умертвившей червяка и его яйцы; послѣ сего, отверстія, сдѣланныя и освѣженныя, какъ выше сказано, наполнили прочною мастикою, соединившеюся съ деревомъ; наконецъ, искусный художникъ, нѣжною кистью наложилъ новую краску на скважинки, прогрызенныя червями, въ продолженіе трехъ столѣтій, въ прежней краскѣ. Работа сія была исполнена съ такимъ искусствомъ и успѣхомъ, что и главныя краски, и нѣжнѣйшія оттѣнки не потерпѣли ни малѣйшаго измѣненія.

Digitized by Google

Совсѣмъ другія трудности встрѣтились при возобновленіи картины Богородицы (Vierge au donataire), называемой *Фолиньоскою* (*). Отъ перемѣннаго жару и сырости, дерево, на которомъ было писано это прелестное и возвышенное созданіе, растрескалось, скоробилось, раскололось. Прежде всего надобно было изгладить всѣ трещины, коробины и щели; затѣмъ надлежало исправить поврежденія, сдѣлавшіяся въ колоритѣ отъ дыму и воску свѣчъ, и возвратить этой картинѣ видъ и блескъ, какіе имѣла она вышедши изъ рукъ Рафаэля.

Съ невѣроятнымъ терпѣніемъ, съ невѣроятною изобрѣтательностью, живопись покрыли твердою обмазкою, которую однакожь легко было снять. Послѣ этого начали строгать, постепенно и осторожно, дерево, на которое были наложены краски, отдѣляя стружки или ленты дерева тѣмъ болѣе тонкія, чѣмъ ближе подвигались къ живописи. Такимъ образомъ дошли до перваго эскиза картины и оставили только его. Тогда, къ задней части живописи приклеили самое плотное, новое полотно, безъ сшивокъ, нарочно сдѣланное для сего особенными средствами. Затѣмъ сняли предохранительную обмазку, на время покрывавшую лицную сторону живописи, вычистили краски и сгладили бывшія на нихъ трещинки, соединили съ самою картиною за-

(*) Когда картина сія была въ Италіи, то, чтобы видѣть ее, надлежало идти въ монастырь, лежащій въ сторонѣ, за двадцать семь льё отъ Рима, около Сполетты.

Digitized by Google

лупины, которыя были готовы отвалиться, и общность явилась во всей красотѣ своей, потому что даже малѣйшія подробности, возобновленныя съ необыкновенною чистотою, представились глазамъ во всемъ совершенствѣ своемъ.

Еще съ большими затрудненіями повторили тѣже самыя дѣйствія надъ огромною и великолѣпною картиною Тиціана, представляющею мученіе Св. Петра: успѣхъ былъ также полонъ (*).

Въ Директоріи былъ поданъ доносъ на Хранителей Центральнаго Музея Искусствъ. Ихъ обвиняли, что при возобновленіи памятниковъ, ввѣренныхъ ихъ надзору, они не оказали той мудрой заботливости и религіознаго почтенія, коихъ требовало изящество подобныхъ произведеній. Для изслѣдованія трудовъ Хранителей Музея, Директорія немедленно приказала составить Коммисію, изъ ученыхъ, которыхъ съ самаго начала Правительство назначило къ изысканію произведеній въ Италіи, изъ знаменитѣйшихъ живописцевъ, ваятелей, гравёровъ и архитекторовъ, въ числѣ двадцати осьми. Подъ предсѣдательствомъ славнаго Монжа, Коммисія занялась, съ величайшею подробностью, повѣркой всѣхъ обвиненій, изложенныхъ въ доносѣ. Она тщательно обозначила состояніе, въ

(*) Описанное нами возобновленіе картинъ принадлежитъ Г-ну Гакену. Память о его трудѣ и услугѣ должна быть хранима до тѣхъ поръ, покуда будетъ существовать Исторія Искусствъ.

Digitized by Google

какомъ находились важнѣйшія картины. Особенно занялась она разсмотрѣніемъ возобновленій, произведенныхъ въ твореніяхъ великихъ художниковъ.

Къ счастію, Французскіе Коммисары, назначенные для сбора предметовъ Искуства въ Италіи, описали на мѣстахъ, при самомъ принятіи каждаго предмета, поврежденія бывшія въ ономъ. Тщательность ихъ простиралась до того, что въ картинахъ они означили даже положеніе, видъ и величину трещинъ, число и прошяженіе залупинъ въ колоритѣ. Хранители Музея, принимая памятники въ Парижѣ, не упустили составить описаніе такого-же рода, не менѣе подробное и достовѣрное.

По симъ-то протоколамъ, сравненнымъ съ возобновленными картинами, должна была произнести приговоръ Слѣдственная Коммисія. Ея донесеніе о дѣйствіяхъ, названныхъ вандализмомъ, удостовѣряя въ томъ, какъ превосходно придуманы были средства, и какія счастливыя послѣдствія произвели они, есть самая лучшая апологія Французскаго Музея.

Руководствуясь симъ донесеніемъ, я, для примѣра, опишу здѣсь, какія попеченія приложены были о картонѣ Аѳинской Школы. Когда Рафаэль писалъ альфреско картину, для которой рисунокъ сей служилъ основаніемъ, онъ употреблялъ его какъ накладку. Онъ прокалывалъ тонкимъ остріемъ этотъ драгоцѣнный эскизъ, перенося очерки его на стѣну, гдѣ надобно было писать альфреско. Послѣ хотѣли сберечь столь великолѣпный рисунокъ, напи-

Digitized by Google

санный на простой бумагѣ, и наклеили его на двѣ отдѣльныя рамы натянутаго полотна. Въ такомъ-то видѣ показывали его въ Амброзіанской Библіотекѣ, въ Миланѣ. Онъ былъ наклеенъ такъ худо, что бумага, на всемъ протяженіи своемъ, была смята и вздулась пузырьками; листы, на которыхъ написанъ рисунокъ, не только не расправились на полотнѣ, но во многихъ мѣстахъ оставляли промежутки, пальца въ два и въ три; такимъ образомъ очерки были прерваны, послѣдовательность линій потеряно, и уже не льзя было оцѣнять общности и гармоніи формъ. Когда рѣшились перевезти этотъ рисунокъ изъ Милана въ Парижъ, оказалось, что онъ совсѣмъ отдѣлился отъ полотна, и былъ источенъ, на нѣсколько пальцевъ, въ трехъ различныхъ частяхъ; наконецъ — кто-бы могъ повѣрить этому — нижняя часть его была вся въ пятнахъ, и не оставалось сомнѣнія, что это были чьи нибудь гнусные плевки! Когда снова положили рисунокъ на полотно, эта часть разсыпалась пылью.

Поступивъ къ Хранителямъ Музея, онъ былъ съ чрезвычайною вѣрностью наложенъ на новую ткань. Тогда всѣ складки, пузырьки, промежутки, пятна, исчезли. Можно было сказать, что твореніе въ другой разъ вышло изъ рукъ Художника. Жители столицы, еще не забывшіе объ этомъ удивительномъ созданіи, могутъ возвысить голосъ и сказать, что думали о немъ они, когда наслаждались разсматриваніемъ его. Никто не могъ-бы и подозрѣвать, что Французское искуство спасло это великолѣпное твореніе отъ разрушенія, которое вскорѣ было-бы неизбѣжнымъ.

Digitized by Google

Но не одинъ картонъ Аѳинской Школы и многія картины, писанныя на деревѣ, были перенесены на полотно. Даже картины, бывшія на полотнѣ, искаженномъ временемъ и варварствомъ людскимъ, были сняты съ равнымъ успѣхомъ и переложены на новую ткань, болѣе совершенную и прочную.

Слѣдовательно, надобно было образцовымъ произведеніямъ Итальянской Живописи оставить Италію и перенестись на берега Сейны, чтобы дивомъ изобрѣтательности и терпѣнія избавиться отъ разрушенія, которое невидимо подрывало ихъ, и заставило-бы, черезъ нѣсколько лѣтъ, разсыпаться въ прахъ отъ малѣйшаго потрясенія.

Вмѣстѣ съ памятниками Изящныхъ Искуствъ, и другія дани были взяты Французскимъ народомъ. Рукописи, наваленныя на паркетѣ темныхъ Ватиканскихъ залъ, недоступныхъ для публики, были извлечены изъ забвенія, для того чтобы Филологи наши изучили ихъ, свѣрили, объяснили, и чтобы литтературныя богатства, дотолѣ невѣдомыя, были наконецъ раскрыты передъ ученымъ міромъ. Также, по силѣ договоровъ и подъ искуснымъ надзоромъ Г-на Туэна (Thouin), были собраны и другія сокровища: драгоцѣнные минералы, прелестныя окаменѣлости Веронскія, рѣдкія живопныя, сѣмена и растенія, исключительно Итальянскія, модели земледѣльческихъ инструментовъ, приспособленныхъ къ климату, къ почвѣ, и прославленныхъ *Георгиками*. Таковы были богатства, которыя Французы съ ревностью и гордостью перенесли въ свое отече-

Digitized by Google

ство, дабы равнымъ успѣхомъ ускорить работы земледѣльческія и умственныя.

И мы были достойны пріобрѣсти сіи сокровища, мы, такъ благородно и безкорыстно пользовавшіеся оными. Мы помѣстили ихъ въ Музеяхъ, открытыхъ безъ всякой платы, иногда для публики, иногда для ученыхъ, художниковъ, и воспитанниковъ Франціи и всей Европы. Казалось, что геній Французскій совершилъ столь огромные труды для того только, чтобы исторгнуть отъ жадныхъ слугъ, чичерони и нищихъ Ишальянскихъ самыя высокія, образцовыя произведенія, и подарить наслажденіе оными всѣмъ народамъ міра.

Мы сказали, какими превосходными попеченіями Монжъ и его сочлены исполнили и превзошли ожиданія своихъ согражданъ, увидѣвшихъ наконецъ благородную награду побѣдъ нашихъ, привезенную въ совершенной цѣлости и сохранности. Остановимся на этой достопамятной эпохѣ. Уже сцены Ужаса, столь долго пятнавшія Францію, исчезли, искупленныя кровію палачей, для успокоенія памяти жертвъ. Франція, столь долго безславимая, утопавшая въ слезахъ, начинала подымать свое величественное чело. Каждый день новые лавры покрывали раны ея и закрывали какую нибудь язву. Наука опять растворила свои храмы юношеству; любовь къ Словесности, къ Искуствамъ, и къ ихъ мирнымъ и чистымъ наслажденіямъ, опять раждалась въ сердцахъ, и ненавистный Терроръ, надолго убѣжавъ изъ страны героевъ, позволилъ душамъ благороднымъ предаваться наслажденіямъ истин-

Digitized by Google

нымъ, ощущеніямъ тихимъ, энтузіазму высокому. Французы, увлеченные возвышеннымъ порывомъ, рѣшились возвеличить прибытіе памятниковъ въ торжествующій городъ, однимъ изъ тѣхъ празднествъ, которыя принадлежатъ потомству, ибо для поколѣній будущихъ они служатъ воспоминаніемъ славы и генія.

Пріобрѣтенія, сдѣланныя въ Италіи, были везены для сего на колесницахъ древней формы, въ обширную ограду Марсова поля. Боги Рима и Греціи, за двѣ тысячи лѣтъ стоявшіе на алтаряхъ Капитолія, Дельфовъ и Олимпіи, обвитые Французскими лаврами, были препровождаемы въ этомъ торжественномъ ходѣ подъ сѣнію знаменъ, отнятыхъ сынами Галліи у потомковъ Германцевъ и Кимвровъ. Оберегателями сихъ трофеевъ были баталіоны героевъ, шедшихъ въ порядкѣ и молчаніи; вмѣсто всѣхъ украшеній были у нихъ только язвы и рубцы, вмѣсто всякой пышности, одинъ блескъ ихъ оружія. Не плѣнники были влекомы за тріумфомъ, а окованные львы и тигры, назначенные пе терзать гладіаторовъ и пожирать побѣжденныхъ, а представить образованному человѣку живой образецъ могущественнѣйшихъ твореній природы. Наконецъ, за памятниками и побѣдителями — живая школа Аѳинская, ученые, литтераторы, художники, музыканты и поэты, высшіе чиновники государственные и весь народъ, упоенный энтузіазмомъ и гордостью! Такова была величественная процессія этого шествія, достигшаго Марсова поля.

Digitized by Google

Когда краснорѣчіе ораторовъ прославило подвиги наши самымъ благороднымъ и вѣрнымъ путемъ, истиннымъ разсказомъ объ оныхъ, тогда Музыкальная Консерваторія, заведеніе еще новое, но уже знаменитое, замѣнивъ при возобновленіи древнихъ празднествъ хоры юныхъ Римлянъ и Римскихъ дѣвъ, повторила отзывы лирической поэзіи, внушенной самими богами Пиндару Италіи, для прославленія величія вѣка Августова. Сто голосовъ, вспомоществуемыхъ богатою и могущественною гармоніею, поколебали воздухъ священными словами Вѣковой пѣсни Горація, не раздававшейся осмнадцать столѣтій:

Odi profanum vulgus, et arceo.
Favete linguis: carmina non prius
Audita, Musarum sacerdos
Virginibus, puerisque canto, etc.

Геройство и геній, мудрость и плодоносіе, трудъ и обиліе, призываемые подъ именами Аполлона, Діаны, Луцины и Цереры, казалось, приняли новый характеръ подлѣ изображеній, представлявшихъ за двѣ тысячи лѣтъ добродѣтели и блага сіи, обоготворенныя мудрою Древностью.

Обѣты, возсылаемые къ нимъ о величіи безсмертнаго города, были тогда обѣтами всѣхъ сердецъ о величіи побѣдоносной Франціи. Отраженные непріятели, возстановленіе нравовъ, возвратъ обилія и счастія, были какъ живая аллегорія изображены въ величественныхъ строфахъ Горація:

Digitized by Google

Jam mari terraque manus potentes
Medus, Albanasque timet secures;
Jam Scythæ responsa petunt, superbi
Nuper et Indi.
Jam Fides, et Pax, et Honos, Pudorque
Priscus, et neglecta redire Virtus
Audet; apparetque beata pleno
Copia cornu.

Но недовольно было представить безсмертныя дани въ благодарность побѣдоносному народу, и принять сіи дани съ торжествомъ, достойнымъ ихъ великолѣпія. Надлежало создать Пантеонъ божественнымъ образамъ генія временъ древнихъ и новыхъ. Для сего благороднаго назначенія былъ указанъ Лувръ. Другъ Искуствъ можетъ судить, что оставивъ дворцы и храмы Италіи, боги, герои, мудрецы и мученики, преданные безсмертію Фидіями, Апеллесами, Рафаэлями и Микель-Анджело, нашли у насъ не менѣе вкуса, приличія и торжественности въ своихъ помѣщеніяхъ.

Digitized by Google

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Вадимъ, или пробужденіе двѣнадцати спящихъ дѣвъ, волшебно-романтическая Опера, въ 3-хъ дѣйствіяхъ, съ Прологомъ. Музыка А. Н. Верстовскаго. Спектакль 28 Ноября, 1832 года.

Давно не помнятъ въ Москвѣ такого стеченія посѣтителей въ Театръ. Три дня сряду давали *Вадима*, и каждый разъ, тотъ, кто бралъ билеты, могъ быть раздавленъ, могъ задохнуться въ тѣснотѣ, и каждый разъ Театръ былъ, не просто *полонъ* — набитъ народомъ. Въ ложахъ сидѣла двойная пропорція зрителей, и если-бы позволено было, то для каждыхъ креселъ нашлось-бы по три охотника. Въ райкѣ не было счета головамъ, конми усѣянъ былъ онъ до самаго потолка. Любопытное явленіе, о которомъ стоитъ поговорить. Скажемъ напередъ, что мы не принимаемъ на себя важной обязанности знатоковъ. Мнѣніе наше будетъ мнѣніе простыхъ любителей Искуства, искренно изъявляющихъ свои мысли.

Въ Оперѣ душу составляетъ *Музыка*. Хорошо, если вы прибавите къ этому пьесу поэтическую, которая занимательна сама по себѣ, и если вы украсите все это декораціями великолѣпными. Но *безъ изящной Музыки*, вложенной творческою душою компо-

Digitized by Google

зитера — ваша Опера, при всей занимательности пьесы, будетъ страннымъ смѣшеніемъ словъ съ пѣньемъ, утомительною компиляціею изъ грома инструментовъ и звуковъ человѣческаго голоса. Творческая Музыка оживляетъ самыя вздорныя созданія: забываете глупость прозы, слушая чудные звуки музыки и пѣнія.

Это справедливо; однакожь, нелѣпость пьесы имѣетъ сильное вліяніе на Музыку Оперную. Не говоримъ о тѣхъ Операхъ, которыя суть не что иное, какъ длинные водевили, или что въ старину называли: *драмы съ пѣснями*, каковы большая часть Оперъ Французскихъ. Мы разумѣемъ здѣсь *Оперу-собственно*, лирическое представленіе, гармонически согласующее музыку, пѣніе и слова. Смотря съ сей точки зрѣнія на Оперу, какъ на поэтическое созданіе, гдѣ вводятся Адъ и Небо, страсти человѣческія и волшебство, вы поймете, что должно разумѣть подъ именемъ не-поэтической, и что подъ именемъ поэтической пьесы. *Донъ-Жуанъ* выходитъ совсѣмъ не нелѣпость; *Фрейшицъ* также: въ отношеніи лиризма сихъ пьесъ для Музыки, та и другая пьесы были богатою, обширною канвою для генія Моцартова и Веберова.

Скажемъ правду безъ осипановки: не смотря на стеченіе зрителей въ Театръ, *Вадимъ* недолговѣченъ, если не прибавитъ, что онъ просто не удался съ первыхъ представленій. Каждый спѣшитъ теперь его видѣть; многіе посмотрятъ въ другой разъ; потомъ немногіе рѣшатся еще жертвовать ему своимъ временемъ: это голосъ общій, не нашъ, и, не смотря на глубокое уваженіе и великія на-

Digitized by Google

дежды наши на дарованіе Г-на Верстовскаго, мы подтверждаемъ этимъ общій голосъ собственнымъ убѣжденіемъ. Причины неудачи *Вадима*, кажется намъ, заключаются: въ *нерѣшительномъ характерѣ музыки*, изумительной *нескладности пьесы*, лишенной всякой поэзіи, и *недостаткѣ музыкальныхъ средствъ* для Русскаго композитера. Разберемъ все это по порядку.

Можетъ существовать, и существуетъ, три рода Музыки. Одинъ, представителемъ котораго должно почесть Югъ, Италію, *Россини*. Геній Россини заключилъ въ себѣ всю ея сущность, и раздвинулъ всѣ средства ея до высочайшей степени. Это огонь, это поэзія сердца, горячаго, сильно біющагося, гармоническій языкъ прекраснѣйшей страны въ мірѣ, отблескъ самаго безоблачнаго неба, самой поэтически-веселой стороны, гдѣ со слезами каются у алтаря въ грѣхахъ своихъ, и въ тоже время прячутъ подъ плащемъ веревочную лѣстницу, по которой вечеромъ подымутся на балконъ красавицы; гдѣ веселая серенада любовника перерываетсѣ звуками шпагъ, и смертнымъ хрипѣньемъ подъ кинжаломъ ревниваго мужа. Звуки этой Музыки очаровательны, какъ языкъ Италіи, шумны, какъ водопады ея, горящи, какъ вершины Этны и Везувія, высоки, какъ цѣпь Аппенинновъ, и увлекательны, какъ любовь поэта.

Мы, сыны Сѣвера, сочувствуемъ сей Музыкѣ, но не намъ понимать вполнѣ ея эстетическую силу; она увлекаетъ насъ такъ-же, какъ скоротечная молодость, и мы лучше понимаемъ другую Музыку, дитя мрачнаго неба Сѣвера, рожденную во глуби-

Digitized by Google

нѣ лѣсовъ Германіи, во глубинѣ души Германца — поэта пламеннаго и унылаго, тихаго по наружности, страшно безпокоимаго въ душѣ, который живетъ въ тишинѣ семейства своего, и огараетъ въ идеальныхъ порывахъ, ходитъ по мѣстамъ великихъ событій, не участвуя въ дѣйствительной жизни, живетъ среди развалинъ Феодализма, доволенъ прозою своей Реформаціи, и рвется душею за предѣлы земнаго, неудовлетворяемый ни міромъ, ни жизнію. *Моцартъ* и *Беетховенъ* — вотъ два геніяльные представителя сей Музыки — дикой, какъ вой вѣтра между опустѣлыхъ развалинъ феодальной бойницы, мрачной, какъ храмъ готическаго зодчества, непоняшной, какъ высокая, вдохновенная дума поэта, изумляющая васъ, если вы разгадали эту чудную думу!

Оставимъ безполезные споры о преимуществахъ той и другой Музыки: онѣ, какъ споры о Классицизмѣ и Романтизмѣ, о превосходствѣ Древней или Новой Поэзіи, надобны только для поясненія сущности предмета, но положительно ни къ чему не ведутъ. И какъ будете вы сличать? Какъ рѣшать? Это голосъ сердца и мысль души, жаръ Юга и буря Сѣвера, Римскій золото-блестящій легіонъ и поэтическая толпа сыновъ Сѣвера, съ ихъ бардами и пѣснями.

Третій родъ Музыки, болѣе ограниченный, есть музыка *національная, народная*. Великій представитель этого рода — *Веберъ*, сынъ гармоніи, плѣняющій насъ своими чудными народными напѣвами, своимъ суевѣрнымъ вѣрованіемъ въ колдовскую Миѳологію родины. Опустимся ниже полныхъ, вели-

Digitized by Google

кихъ созданій національной музыки: слушайте водевиль Французскій — онъ увлекаетъ васъ прелестью истины, беззаботностью правды; прислушайтесь къ народнымъ, простымъ напѣвамъ Швейцарца, Шотландца, Шведа, Рускаго, Горца Кавказскаго, даже Шамана Сибирскаго — голосъ души, выливающійся въ сихъ напѣвахъ, отзывается въ вашей душѣ. Этому голосу не льзя противишься: скрыпичная струна невольно трепещетъ созвучіемъ при звукѣ другой скрыпки, настроенной въ одинъ съ нею тонъ.

Спрашиваемъ: что должно выбрать человѣку, который захотѣлъ-бы теперь написать *Русскую оперу*?

Прежде всего, что долженъ онъ выбрать: музыку Юга, или музыку Сѣвера? Западъ только поетъ ему водевили, Востокъ отзывается только въ грубыхъ мелодіяхъ народныхъ. И такъ: *Россини* и *Моцартъ*, одинъ выборъ. Онъ не долженъ спрашивать рѣшенія у нашей публики, потому, что она не имѣетъ самобытности въ этомъ случаѣ. Какъ все новое наше образованіе, какъ вся Литтература наша, суть безсвязныя смѣшенія чужаго, такъ и музыкальное образованіе наше — это парниковое растеніе, этотъ прививной плодъ Европейской образованности, не самобытно, безсвязно, смѣшанно изъ всѣхъ родовъ существуетъ у насъ на святой Руси.

Естественнѣе однакожь для насъ глубокая, многообразная, мрачная музыка Сѣвера, эта фуга страстей человѣческихъ. Въ этой музыкѣ вѣрнѣе можно искать основанія для созданій Русскаго ком-

Digitized by Google

позитёра, и скорѣе отзовутся сердца слушателей на нее, нежели на веселость и огонь Юга. Но пусть-же создастъ въ этомъ родѣ музыки Русскій композиторъ нѣчто свое, самобытное, какъ создалъ его дикій геній Беетховена, ученикъ, но не рабъ Моцарта. Впрочемъ, Беетховены рѣдки, а Моцартъ всеобъемлющъ. Не менѣе важно будетъ, если Русскій композиторъ, оставя самобытное развитіе души своей, начнетъ создавать въ національномъ духѣ, какъ для Нѣмцевъ создавалъ своего Фрейшица Веберъ.

Русской музыки, гармоническаго развитія Русской души, Русскаго духа, до сихъ поръ не было и нѣтъ. Какъ въ Поэзіи мы переводили и передразнивали Французовъ, Нѣмцевъ, Англичанъ, такъ въ Музыкѣ мы перепѣвали Итальянцевъ, Нѣмцевъ, Французовъ, перепѣли все, отъ Matrimonio segretto и *Деревенскихъ Пѣвицъ* до *Роберта Дьявола*, отъ Перголези до Шпора, отъ Водевиля и Романса до Баллады и Польскаго. Имена Булана, Кавоса, Дехтярева (впрочемъ, человѣка съ дарованіями замѣчательными), Давыдова — имена безцвѣтныя, памятны-ли чѣмъ нибудь для насъ? Развѣ тѣмъ, что они, совсѣмъ несправедливо, забыты вовсе.

Можно быть увѣрену, что только *опытъ созданія народной Музыки въ духѣ Сѣвера*, возможенъ теперь для насъ, и что только онъ одинъ можетъ увлечь сердца слушателей. Изъ предѣловъ современнаго образованія выпрыгнуть невозможно — развѣ явился-бы геній, равный Моцарту, передъ которымъ уничтожается всякое препятствіе, и времени и мѣста. Но будетъ-ли онъ въ состояніи ви-

Digitized by Google

дѣшь равнодушно, что его вовсе не понимаютъ? Въ состояніи-ли будетъ онъ пѣть для одного себя, и презрѣть холодность современниковъ? Судя по характеру нашему, и по нынѣшнему духу образованія, кажется, это невозможно, и для подобныхъ явленій время у насъ еще не настало. Между тѣмъ, и не Моцартовскій, даже не Веберовскій геній могъ-бы уже подумать о національномъ музыкальномъ развитіи, въ Операхъ *истинно-Русской*. Стихіи для сего найдетъ онъ въ душѣ Русской, въ мелодіяхъ народныхъ, и въ духовной музыкѣ нашей. Въ подобныхъ родныхъ элементахъ искали звуковъ Россини и Веберъ, и обезсмертили себя. Уклонись только въ душу свою, Русскій Веберъ! Вдохновись, исполнись духомъ и религіею родной стороны, и изобрѣтай новыя формы для созданій, изъ родныхъ словъ и пѣснопѣній!

Этого, кажется, и хотѣлъ Г-нъ Верстовскій, и если такова была его основная идея, то, думаемъ, онъ угадалъ, что было надобно ему создавать для современности. Для чего-же не преслѣдовалъ онъ своей идеи, отъ перваго начала ея до полнаго развитія? Для чего колебался между напѣтыми на душу его звуками Германіи и Италіи, и родною мелодіею? Для чего выбралъ онъ для Оперы своей мистическій сюжетъ, дозволилъ обезобразить его самыми несвязными прибавками, вставками, связалъ себѣ руки Русскими именами въ чужеземной музыкѣ, и при томъ перемѣшалъ ее съ Русскими напѣвами? Въ сей *нерѣшительности* характера мы находимъ главный недостатокъ *Вадима*.

Digitized by Google

Слушая музыку этой оперы Г-на Верстовскаго, мы видѣли произведеніе человѣка, вполнѣ знакомаго съ тайнами Музыки. Средства ея всѣ ему извѣстны; оркестръ у него богатъ; эффектовъ музыкальныхъ онъ не жалѣетъ. Но гдѣ *самобытность?* Что такое *Вадимъ*? Сколокъ съ Германской Оперы, или Русское созданіе? Мы слышали въ немъ много прекраснаго: Баллада Пустынника, въ Прологѣ, хотя она слишкомъ обременена музыкою для Баллады; хоръ витязей и финалъ 1-го дѣйствія; богатырская пѣсня (разсматриваемая, какъ романсъ) и шріо во 2-мъ дѣйствіи — прелестны; но, поставленныя не у мѣста, неприличныя дѣйствію, представляя превратный характеръ, они не оставляютъ впечатлѣнія въ душѣ. Также безхарактерна была Увертюра, не смотря на ея частныя красоты. Нѣтъ! сильная душа Верстовскаго, мы увѣрены въ этомъ, способна къ созданіямъ самобытнымъ, выливающимся вполнѣ изъ души. Его отдѣльныя прежнія творенія, его частности въ *Твердовскомъ*, его проблески въ самомъ *Вадимѣ*, доказываютъ намъ это. Дайте только ему богатую, самосущную, поэтическую мысль Оперы; скажите ему: Иди своей дорогой, создавай свой Русскій міръ въ музыкѣ Сѣвера; рѣшительно исторгнись изъ этого чистилища, гдѣ мучатся души Майербереговъ — и ты можешь быть, или самобытнымъ создателемъ своего рода, какъ Беетховенъ, или создателемъ Русской Музыки, какъ Веберъ!

Мы увѣрены, что несчастный сюжетъ *Вадима*, послѣ нерѣшительности, былъ одною изъ главныхъ

Digitized by Google

причинъ неудачи Версшовскаго. Въ самомъ дѣлѣ, *несчастный сюжетъ*!

Искупленіе двѣнадцати спящихъ дѣвъ, проданныхъ Духу шмы ощомъ, сосшавляло содержаніе сшаринной Нѣмецкой легенды. Шписсъ сдѣлалъ изъ эшого плохой романъ. Лѣшъ двадцашь пяшь шому, когда думали, чшо возможно *обрусишь* все, чшо понравишся у иносшранцевъ, когда не имѣли шочнаго поняшія объ исшинной національносши Поэзіи, и *Марѳу Посадницу*, *Наталью Боярскую дочь*, почишали *Русскими повѣсшями*, Жуковскій передѣлалъ Нѣмецкую легенду въ Русскую сказку. Жуковскій, поэшъ сердца и шайнъ души, мечшающей о небѣ, незабвенный своею идеальною грусшью, своею поэшическою мечшашельносшью, вовсе не былъ и никогда не будешъ поэшомъ *національнымъ*. Онъ слишкомъ невещесшвенъ для эшого. Русь не вдохновила его даже въ 1812 году своимъ могущимъ духомъ, и шолько однажды, мимоходомъ, сказалась ему въ *Свѣшланѣ*. Его *Людмила*, и особенно его *Громобой*, со вступленіемъ, взяшымъ изъ Фауспа, и съ Нѣмецкими эпиграфами, любопышны, какъ исшорическіе памяшники нашей Лишшераіуры, и превращнаго прежняго поняшія о Русской народносши, но — никакъ не болѣе! Его Громобой—феодальный Баронъ въ Русскомъ кафшанѣ, его Вадимъ — какой-шо рыцарь Фонъ-Шлиппенбахъ, или Шшеинбахъ, въ Новогородскомъ кафшанѣ, говорящій гармоническими Русскими спихами. *Міръ, одушевленный мечшой* — *Замокъ на берегу Днѣпра* — все эшо... Но всему есшь свое время. Созданіе Жуковскаго явилось имен-

Digitized by Google

но въ свое время, а теперь даже странно доказывать его несообразности.

Вообразите-же, что изъ этого, основаннаго на мистицизмѣ и вѣрѣ въ Чистилище созданія, въ наше время дѣлаютъ Оперу! У Жуковскаго, по крайней мѣрѣ, Русь была намекнута слегка, и его спасаетъ самая неопредѣленность руссизма; въ Оперѣ выставляютъ намъ Русь начисто — съ именами, съ мѣстностью, съ поговорками, Баянами, играми. Жуковскаго созданіе облечено прекрасными стихами; поэтическая идея составляетъ полноту его, и развивается сначала до конца, стройно, изящно, хотя и невѣрно. Въ Оперѣ слухъ вашъ терзаютъ ужасными стихами, нестерпимою прозою съ руссизмами, и никакого единства, никакой полной идеи въ ней нѣтъ вовсе. Почему эту Оперу почитаютъ взятою изъ поэмы Жуковскаго? Почему это называется *искупленіемъ спящихъ дѣвъ*, и что въ этомъ *Русскаго*? Изложимъ кратко содержаніе.

Дѣйствіе во время Язычества. Небывалый Князь Святославъ властвуетъ въ Кіевѣ. Въ Прологѣ какой-то Пустынникъ поетъ Кіевскимъ поселянамъ Балладу о Громобоѣ, а бирючи Княжескіе объявляютъ о похищеніи Гремиславы, дочери Святослава, разбойникомъ Чернымъ Вепремъ. Всѣ потомъ расходятся.

Здѣсь начало Оперы. Вадимъ уже близъ Кіева. Пустынникъ является ему, и таинственно сказываетъ объ его назначеніи. За два года прежде, Вадимъ разбилъ подъ Кіевомъ рать непріятельскую,

Digitized by Google

и убилъ Полкана богатыря; но онъ скрылся тогда отъ почестей. Гдѣ бродилъ онъ послѣ того, незнаемъ. Дружина витязей Кіевскихъ узнаетъ Вадима. Онъ избавляетъ Гремиславу, но это было ему сдѣлать нетрудно. Одинъ изъ слугъ Чернаго Вепря самъ привелъ ее къ Вадиму. Является Черный Вепрь, и, послѣ нѣсколькихъ фехтовальныхъ ударовъ, падаетъ отъ руки Вадима. Вадимъ влюбляется въ Гремиславу; идутъ въ Кіевъ; Пустынникъ грозитъ Вадиму, и слѣдуетъ за нимъ издали.

Пиръ у Кіевскаго Князя. Безъ дальнихъ спросовъ, Князь отдаетъ за Вадима дочь свою, а Вадимъ, забывъ о Дѣвахъ и о звонкѣ, который звенитъ безпрестанно, соглашается женишься на ней. Является Пустынникъ — называетъ, Вадима отцеубійцею — страшное смятеніе! Пустынникъ бѣжитъ со сцены; за нимъ бѣжитъ Вадимъ; за Вадимомъ бѣжитъ въ погоню Князь Кіевскій. Этого мало: Гремислава, въ горести, уговариваетъ няню слѣдовать за Вадимомъ, а одного витязя провожать ихъ, и также бѣгутъ. Сцена перемѣняется: мы въ Адѣ; да, именно, въ *Адѣ* — такъ сказано въ аффишкѣ, и прибавлено, что этотъ Адъ устроенъ Г-мъ Барановымъ. Самъ Сатана на сценѣ. Аривой, враждебный Вадиму духъ, спѣшитъ препятствовать витязю, ибо онъ предчувствуетъ, о чемъ никакъ не могутъ догадаться Сатана и остальной причетъ его, что весь народъ побѣжалъ со сцены, за Пустынникомъ, прямо къ замку Громобоя.

Вотъ третье дѣйствіе: сцена загорожена въ нѣсколько рядовъ скалами; вдали замокъ Громобоя;

Digitized by Google

дѣва поетъ на башнѣ; съ нею перепѣвается спереди сцены Пустынникъ. Прибѣгаетъ прежде другихъ Вадимъ; Пустынникъ открываетъ ему, что онъ сынъ Чернаго Вепря; что онъ былъ тайно похищенъ и крещенъ, и что для очищенія грѣховъ отца, матери, и своихъ собственныхъ, ему надобно искупить Дѣвъ. Вадимъ, въ отчаяніи, готовъ на все. Тутъ прибѣгаетъ Гремислава, и насильно навязывается ему на шею; но Вадимъ непреклоненъ — ему уже не до нея, и Гремислава падаетъ въ обморокъ; ее кладутъ въ сторонѣ, на камень. Вадимъ лѣзетъ на скалы, дерется съ духами, рубитъ ихъ мечемъ, забывъ, что они духи; скалы разрушаются, замокъ падаетъ въ бездны, и вдали видны въ блестящемъ чертогѣ проснувшіяся Дѣвы. Онѣ летятъ на небо, а Пустынникъ соединяетъ Вадима съ Гремиславою, которая между тѣмъ опомнилась — и всѣ довольны! Кажется, что и Князь Кіевскій прибѣжалъ сюда-же; впрочемъ, въ смятеніи и быстротѣ дѣйствія, мы это худо замѣтили.

Спрашиваемъ: что можно было сдѣлать изъ сей смѣси, гдѣ нѣтъ ни поэзіи, ни единства мысли, гдѣ дѣйствующіе, какъ маріонетки, безъ толку приходятъ и уходятъ? Къ чему придѣланъ Адъ? Къ чему было дѣлать Вадима отцеубійцею? Для чего звенитъ звонокъ, когда только упрекъ Пустынника могъ привлечь Вадима къ замку дѣвъ? Не говорите о нелѣпости *Донъ-Жуана* и *Фрейшица*: тамъ есть единство идеи и поэзія мѣстности. Каменный гость, литье пуль, битвы и сцены пировъ и ужаса, дышатъ лирическою правдою, и необ-

Digitized by Google

ходимы. Но въ *Вадимѣ* все сбросано, скомкано, навалено, спутано. Прибавьте несообразность мѣстности; прибавьте множество посторонних, вздорных сценъ: ворожбу колдуна въ Прологѣ, напомнившую намъ *Мѣльника*; глупое хвастовство Рулава, одного *изъ витязей* (?) — сколокъ съ проказъ Тарабара; вмѣщеніе какихъ-то мистическихъ предвѣщаній о введеніи Христіанской вѣры въ Руси. Бѣдный Баянъ только стоитъ въ ряду женщинъ, при столѣ Кіевскаго Князя, дивится и молчитъ. Дѣйствуетъ одинъ Пустынникъ: онъ, то побуждаетъ Вадима, то гонитъ колдуна со сцены, то поетъ съ дѣвами, то предвѣщаетъ будущее, то бранитъ Вадима, то запѣваетъ за сценою и допѣваетъ на сценѣ, женитъ, уговариваетъ, увѣщаваетъ. За свою ловкость, онъ стоитъ Сатаны и всего Ада съ чертями, которые, какъ олухи, даютъ свободу Пустыннику работать, а сами сидятъ сложа руки, или, не производя никакого дѣйствія, летаютъ взадъ и впередъ безъ толку.

Связанный не-Русскимъ сюжетомъ и Русскими именами, пустыми вставками и несвязностью пьесы, что могъ сдѣлать композиторъ? Онъ смѣшалъ Германское съ Русскимъ, соединилъ множество разнообразностей, и подписалъ: *Вадимъ, или пробужденіе двѣнадцати спящихъ дѣвъ, волшебно-романтическая опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ.* Бѣдный Романтизмъ! и шутъ на него свалили всю бѣду!

Наконецъ, мы упомянули о недостаткѣ музыкальныхъ средствъ для Русскаго композитёра. Говоримъ не объ оркестрѣ: онъ хорошъ, и предста-

Digitized by Google

ляетъ намъ даже нѣсколько отличныхъ дарованій, каковы: Г-да Марку, Грасси, Папковъ, Титовъ; мы разумѣемъ недостатокъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Кто у насъ прима-донна? Гдѣ голоса? Каковы наши хористы? Хорошо создавать Россини, съ Малибранъ и Пастою, съ голосами Итальянской Парижской Оперы. Не удивляйтесь, что Баянъ ничего не поетъ; что Вадима играетъ Г-нъ Мочаловъ; что Витязи и Князь Кіевскій молчатъ, какъ рыбы; что композиторъ былъ такъ скупъ на разнообразныя музыкальныя измѣненія; что онъ принужденъ былъ ограничиваться немногими большими пьесами на выдержку. . . У него не было средствъ; онъ долженъ былъ соображаться съ голосами, которые и притомъ составляли странную противоположность съ шумнымъ оркестромъ. Въ заключеніе мы скажемъ однакожь, что Г-нъ Верстовскій могъ сдѣлать и изъ этого нѣчто болѣе, но — не хотѣлъ, или пренебрегъ.

Что-же такъ сильно привлекло публику? Многое: ожиданіе чего-то Русскаго, *Русской Оперы*; имя *Верстовскаго*, всѣми любимое, всѣмъ знакомое; давнишніе слухи объ его сочиненіи; увеличенная молва о костюмахъ и декораціяхъ, какихъ никогда не бывало, которые стоили 25, 50, 100 тысячь, по слухамъ. Но — *Вадимъ* недолговѣченъ! Спѣшите играть его, пока зрители не осмотрѣлись. Русскій народъ смѣшливъ, а декораціи вешаютъ скоро.

Въ самомъ дѣлѣ, Вадимъ былъ поставленъ блестящимъ образомъ. Всѣ новые костюмы и шесть

Digitized by Google

новыхъ декорацій. Костюмы блистали, машины дѣйствовали хорошо, духи были ужасно уродливы. Впрочемъ, кромѣ послѣдней декораціи: замка Громобоя, и шерема дѣвъ, точно превосходныхъ, замѣчательнаго въ декораціяхъ ничего не было. Замѣтимъ напрошивъ, что всѣ онѣ притомъ оскорбляли взоръ знашока своими забавными анахронизмами и несообразностью. Въ Прологѣ представленъ былъ вдали *храмъ языческій*. Какой-же былъ этошъ храмъ? Церковь, въ родѣ Василія Блаженнаго, памяшникъ Зодчества XVI-го, XVII-го столѣшія, съ пяшью главами, и шолько для опличія на главахъ были написаны какіе-шо значки, или цвѣшные флюгеры!! Теремъ Гремиславы былъ просшо зала нынѣшняго времени, а гридница Кіевскаго Князя—Готическая комната! Деревня на берегахъ Днѣпра походила на красивыя деревеньки иносшранныхъ колонисшовъ, поселенныхъ подлѣ С. Пешербурга. Кіевскій Князь сидѣлъ въ бархашныхъ креслахъ XVIII-го столѣшія. И эшо *Русь*, Русь *языческая?* Подобное незнаніе непросшишельно для художниковъ, занимавшихся обсшановкою пьесы. Адъ былъ хорошо освѣщенъ, но малъ, шѣсенъ, и Сашана, въ красной епанчѣ, спокойно просидѣвшій на ушесѣ, походилъ на чшо вамъ угодно, но—не на грознаго владыку адскихъ духовъ!

О костюмахъ вообще надобно сказашь, что они шакже, не смошря на блескъ свой, были вовсе невѣрны, и даже забавны анахронизмами. Колдунъ выходилъ въ какой-шо Киргизской шапкѣ съ краснымъ верхомъ; Витязи Русскіе являлись въ сафьянныхъ, спальныхъ сапогахъ, съ какими-шо красными хво-

Digitized by Google

лами на шлемахъ; Князь Кіевскій былъ въ бархатной порфирѣ, съ казацкими усами на губахъ, и за нимъ слѣдовали два пажа, одѣтые въ видѣ Провансальскихъ пажей. Баянъ былъ скопированъ съ какого-то Трубадура, и держалъ въ рукахъ лиру, или что-то похожее на золотую арфу; воины Кіевскіе походили на воиновъ всѣхъ временъ, которые, безъ разбора, являются у насъ на сценѣ вѣчно въ разноцвѣтныхъ балахонахъ; воины Чернаго Вепря были въ черкескахъ нынѣшнихъ егерей барскихъ. Поселяне и старшины вообще наряжены, какъ современные Русскіе крестьяне, только съ различными пестрыми нашивками. Пустынникъ нарядился въ платье Эдипа, а у дѣвушекъ Кіевскихъ даже завиты были головы въ множество локоновъ à la Ninon. Мы того и боялись, что онѣ начнутъ танцовать *паде-дѣ* и *паде-труа* — только этого недоставало. Мы безпрестанно жалуемся, что Французы и Нѣмцы, выводя насъ, Рускихъ, на сцену, одѣваютъ въ смѣшные костюмы; смѣемся, что встарину Брутты и Мугаммеды являлись на Театрѣ въ парикахъ, а Клеопатры и Родогуны въ робронахъ и фижмахъ; но имѣемъ-ли мы на это право послѣ тѣхъ костюмовъ, какіе *вновь*, *въ 1832 году*, *въ Москвѣ*, были сдѣланы для *Русской Оперы*, содержаніе коей взято было изъ Нѣмецкой легенды, а музыка не отозвалась ни однимъ изъ родныхъ звуковъ, которые, если и хотѣли кое-гдѣ прорваться, то были заглушаемы гармоніею, навѣянною изъ чужбины.

Н. П.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

— *Изъясненіе картинки.* — Англійскій Живописецъ Бюрнетъ изобразилъ въ каршинѣ своей маленькаго птицелова, который унесъ изъ гнѣзда птичку, и воспитываетъ ее самъ. Въ этомъ помогаетъ ему какой-то опытный знатокъ, у котораго на пальцѣ видите вы и несчастную плѣнницу, едва оперившуюся и умирающую отъ голода. Старикъ хочетъ замѣнить для нея природу и кормитъ ее. Маленькій хозяинъ птички радуется. Подлѣ нихъ еще видите вы ребенка, чрезвычайно занятаго приготовленіемъ гнѣзда птичкѣ.

Предметъ сей взятъ изъ самыхъ послѣднихъ разрядовъ общества. Посмотрите на лица, на одежду изображенныхъ людей, и на всѣ принадлежности, окружающія ихъ. Это мужики. Но какъ вѣрно схвачена и выражена ихъ грубая и глупая радость! Особенно лицо старика — превосходно. Глядя на него не льзя не улыбнуться.

Оригиналъ сей картины написанъ съ большою отчетливостью; рисунокъ ея правиленъ и пріятенъ; свѣто-тѣнь естественна. Всѣ подробности отдѣланы тщательно. Живописецъ самъ снялъ эстампъ съ сей каршины.

Digitized by Google

— *Русская старинная рукописная Сказка.*—« Для « охотниковъ все бываетъ любопытно: старое имя, « слово; малѣйшая черта древности даетъ поводъ « къ соображеніямъ. » Карамзинъ.

Тогда какъ просвѣщеніе, вспомоществуемое Правительствомъ, отнимаетъ у времени и невѣжества древнія хартіи—разумѣю здѣсь настоящіе Археологическіе поиски, въ которыхъ, безъ сомнѣнія, найдемъ многое, чѣмъ можемъ пояснить и дополнить прошедшую жизнь нашихъ предковъ — представляется здѣсь любознательности читателей Телеграфа списокъ съ Русской старинной Сказки, которая по содержанію своему, въ родѣ Шемякина суда, обращаетъ на себя вниманіе. Сказки и пѣсни, изображая прямо, безъ всякой прикрасы, народный бытъ, даютъ вмѣстѣ и понятіе объ его чувствахъ и умѣ. Сія Сказка, судя по рукописи, должна быть отнесена къ XVII-му столѣтію. Она неполная, но, кажется, по уцѣлѣвшей части оной можно объяснить для себя содержаніе всей сказки. Она состоитъ изъ свитка, склееннаго изъ четырехъ листовъ обыкновенной ширины (менѣе $\frac{1}{4}$ аршина), писана на одной внутренней сторонѣ, не скорописью, а печатнымъ церковнымъ стилемъ. Въ семъ спискѣ я удерживаю точность буквальную рукописи. Сказка начинается съ 12-й статьи, слѣдовательно 11-ть утрачены; окончаніе все полное; обозначеніе статей буквами.

12.

« И судъи спрошали исца леща стоварыщі ты лещъ на ково тлесься въ томъ что то Ростовское озѣро ваша а не ершево стоварыщи.

Digitized by Google

13.

« И лещъ сказалъ Господа судиі Богомъ вы сотворены шлюсь Господа Переславльскаго озера на рыбу селдь она про то вѣдаишъ.

14.

« И судьи тотчасъ послали присшава окуня и велели посшановишь рыбу селдь Переславльскою. и окунь тотъ часъ посшановилъ рыбу селдь Переславльскою.

15.

« И судьи спрошали селдя шы селдь скажи шы намъ про тово ерша и леща чіе у нихъ Ростовское озѣро изсшари.

16.

« И селдь сказала Господа судиі Богомъ вы сотворены скажю вамъ всю правду что ведаю про леща іерша чіе у нихъ Ростовское озеро и рѣки.

17.

« Лещъ господа человѣкъ добрый акрестьянинъ Божиі а живѣшъ своею силою а не чюжою какъ и прошъчіи люди живушъ ни шашь ни разбойникъ.

18.

« И судьи спрошали селдь скажи шы намъ знаюшъ ли ево (ерша) на Москвѣ и выныхъ городѣхъ вомногихъ Князи и Бояре Сшольники и дворяне и всякихъ чиновъ люди.

19.

« И селдь сказала Господа судиі Богомъ вы сотворены. Зънаюшъ его люди накобакѣхъ ярыжки бражники зернщики.

Digitized by Google

20.

« У ково лучшица одна полушка и онъ нашу полушку купитъ ершевъ половину сьесть. А другую росплюетъ таковъ шошъ ершъ воръ ябѣдникъ.

21.

« И судні переговорили наедине леща сшоварыщи оправили а ерша обвинили, и выдали ерша лещю головою.

22.

« И велели ево биши кнутомъ водя поторгомъ и бивъ кнутомъ повѣсить прошивъ солнца въ жаркіе дни.

23.

« Авсуде сидели вѣсе добрыя люди судакъ да мень да сомъ збольшимъ усомъ.

24.

«А довошчикъ карась, а судное дѣло писалъ въюнъ а грамошу печашалъ ракъ своею кълешнею.»

Ф. Ляликовъ.

24-го Ноября 1832 *года, Рязань.*

—*Подстрочное примѣчаніе къ статьѣ о Державинѣ.*— Не смотря на то, чшо во многихъ хорошихъ Англійскихъ, Нѣмецкихъ и Французскихъ Журналахъ, помѣщены были подробныя біографическія и литшературныя сташьи *о Державинѣ*, недавно явилось, въ Парижскихъ ежедневныхъ лисшахъ, некрологическое о немъ извѣсшіе. Полагаемъ, чшо кшо нибудь сочинилъ оное для шушки, и *циркулярно* разослалъ по Журналамъ; оно ошъ слова до слова напечашано

Digitized by Google

какъ въ *Journal des Débats*, отъ 14 Августа 1832, на стран. 3, въ 1мъ столбцѣ, такъ въ *Quotidienne*, отъ 15 Августа 1832, стран. 3, въ 3 столбцѣ, и въ *Gazette de France*, отъ *того-же* числа, стран. 2, во 2 столбцѣ. Для любопытства приводимъ здѣсь эту *циркулярную* Некрологію:

» L'un des principaux poètes russes, Gabriel Romano-
» vitsch Derjavin, vient de mourir dans ses terres, près de
» Nowogorod. Dans sa jeunesse il avait servi avec éclat
» dans l'armée: il entra ensuite dans l'administration, et
» fut créé ministre de la justice par Catherine II. Bientôt
» après il se retira pour ne plu s'occuper que de poésie.
» L'une de odes, *A Dieu!* a été traduite en latin, puis en
chinois, par ordre de l'empereur de la Chine, qui fit
» imprimer cette pièce de poésie en lettres d'or sur une
» étoffe de soie, deployée depuis dans une salle du palais
» impérial. Les Anglais ont également traduit quelques unes
» de ses poésies, lesquelles ont paru en 1808, en quatre
« volumes (*).

(*) То есть: « Недавно умеръ въ помѣстьяхъ своихъ, близъ Новгорода, одинъ изъ главныхъ поэтовъ Русскихъ, Гавріилъ Романовичъ Державинъ. Въ молодости своей онъ блестящимъ образомъ служилъ въ арміи; послѣ вступилъ въ статскую службу. Екатерина II сдѣлала его Министромъ Юстиціи. Вскорѣ онъ удалился отъ дѣлъ и занимался только Поэзіею. Одна изъ Одъ его: *Къ Богу*, была переведена на Латинскій, а потомъ и на Китайскій языкъ, по повелѣнію Китайскаго Императора, который приказалъ напечатать ее золотыми буквами на шелковой ткани. Такъ

Digitized by Google

Въ отвѣтъ этому *некрологическому циркуляру*, одинъ изъ читателей *Journal des Débats*, сдѣлалъ на семъ Журналѣ слѣдующее прибавленіе, карандашемъ:

» On lit dans le *dernier* numéro de la *Gazette de Maroc*, » que Jean Baptiste Rousseau vient de mourir à Spitzberg, » âgé de 16 ans. Il a servi *avec éclat* dans l'armée d'Égypte, » et *fut créé ministre* de la justice par Louis XV. (*).

и выставлена она въ одной залѣ Императорскаго Дворца. Англичане также перевели нѣкоторыя изъ его стихотвореній, изданныхъ въ 1808 году, въ четырехъ томахъ. »

(*) « Въ послѣднемъ нумерѣ *Марокской Газеты* извѣщаютъ, что *Жанъ-Батистъ Руссо* умеръ, на Шпицбергенѣ, 16-ти лѣтъ отъ роду. Онъ *блестящимъ образомъ* служилъ въ Египетской арміи, и былъ Министромъ Юстиціи при Людовикѣ XV. »

Digitized by Google

Digitized by Google

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. (*)

Un joli ensemble de toilette est une robe de velours écureuil, une châle de cachemire gros bleu, un boa, un chapeau de satin bleu-ciel doublé à l'intérieur de velours pareil, des souliers de satin noir.

Pour le soir, le satin vert anglais est d'un éclat brillant. Une femme brune, à laquelle son teint permettait de porter cette couleur, avait une robe décolletée, un fichu-châle garnissant le corsage en tombant sur les épaules, et passant en pointes sous la ceinture, découvrant la poitrine, et garni de blonde tout autour; une broche en or, découpée à jour, attachait ce fichu; dans ses cheveux était un nœud sans pans, en gaze vert anglais; une écharpe de mousseline égyptienne, abricot très-pâle; des boucles d'oreilles et des bracelets semblables à l'épingle.

Une robe de mousseline en laine ponceau, venant de Barrège, était portée sur une jupe de satin ponceau, faite à corsage drapé, des manches longues; une élégante coiffure en cheveux sans ornemens. Pour parure, des perles; le collier était un seul rang très-gros.

Les calottes de chapeaux habillés sont assez élevées et presque droites.

Un chapeau de satin gris doublé de velours vert est de bon goût.

(*) Въ Парижѣ до 1 Декабря (н. ст.)

Digitized by Google

Le velours noir doublé de satin violet est aussi fort distingué.

Nous avons vu des éventails en nacre peints et découpés comme des feuillages de roses ; une branche est peinte, l'autre est dorée, alternativement ; d'autres sont en écaille blanche ou noire, unie dans toute la longueur, dorées, découpées à jour, dans les bords, comme une dentelle. Ces derniers sont plus élégans et plus simples que les premiers.

Point de blonde aux ornemens de chapeaux, seulement aux mentonnières, ou aux ruches en façon de bonnets.

Платье бархатное, цвѣта бѣлки ; темносиняя кашемировая шаль; боа; шляпа свѣтлоголубаго атласа, подбитая внутри такимъ-же бархатомъ; черные атласные башмаки. Прелестный нарядъ!

Для вечера, зеленый атласъ великолѣпенъ и блестящъ. На одной брюнешкѣ, которой былъ къ лицу цвѣтъ сей, замѣтили такое платье съ вырѣзаннымъ лифомъ; косынка-шаль украшала лифъ и плеча, и концы ея, обшитые блондою, выходили изъ-подъ кушака, открывая грудь ; косынка была приколота золотой булавкой, вырѣзанной à jour ; въ волосахъ зеленый газовый бантъ безъ концовъ ; шарфъ изъ Египетской кисеи, абрикосоваго, очень блѣднаго цвѣта; серьги и браслеты подобныя булавкѣ.

Платье изъ пунцовой шерстяной кисеи, на атласномъ пунцовомъ чехлѣ, лифъ драпированный ; длинные рукава; волосы убраны нарядно, безъ укра-

Digitized by Google

шеній. На шеѣ жемчугъ; ожерелье состояло изъ одной нитки крупныхъ зеренъ.

Тульи у нарядныхъ шляпъ довольно высоки и почти прямы.

Атласная сѣрая шляпа, подбитая зеленымъ бархатомъ, почитается модною.

Черный бархатъ, подбитый фіолетовымъ атласомъ, также хорошая мода.

Замѣчены перламутровые вѣера, разрисованные и вырѣзанные въ видѣ листочковъ розоваго куста; одна вѣшка разрисована, другая вызолочена, попеременно; другіе вѣера изъ бѣлой или черной черепахи, гладкіе во всю длину, позолочены, вырѣзаны à jour (сквозные), по сторонамъ, на подобіе кружевъ. Послѣдніе лучше и проще первыхъ.

Блондъ на шляпахъ не носятъ; ихъ употребляютъ только на завязкахъ, или для рюшей вмѣсто чепчика.

На приложенныхъ картинкахъ:

Дама. Шляпка-беретъ креповая, съ перьями. Бархатное платье. Гроденаплевый плащъ.

Мужчина. Сюртукъ съ бархатными лацканами и воротникомъ. Жилетъ кашемировый. Галстухъ бархатный. — Шлафрокъ бархатный, подбитый атласомъ. Шапочка бархатная.

Digitized by Google

Дѣтскіе костюмы. Плащъ мериносовый, подбитый шелковою матеріею, съ бархатнымъ воротникомъ.—Капотъ-шляпка бархатная.—Спенсеръ бархатный. Юпочка жаконетовая. Капотъ-шляпка ашласная.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Декабря 1 дня, 1832 года.

Цензоръ и Кавалеръ Н. Лазаревъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

Digitized by Google

№ 19. Октябрь.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

О ПОЭЗІИ

Древнихъ и Новыхъ народовъ (*).

Не всегда одно образованіе общественное, не всегда (чтобы употребить выраженіе болѣе точное, хотя и болѣе обширное) одно и тоже общество занимало землю. Родъ человѣческій, въ общности своей, росъ, развивался, зрѣлъ, какъ всякій изъ насъ отдѣльно. Онъ былъ дитятею, былъ мужемъ; мы видимъ его теперь въ величественной старости. До эпохи,

(*) Сочиненіе Виктора Гюго. Любопытно знать, *что* думаетъ о теоріи Поэзіи *первый* изъ современныхъ поэтовъ Французскихъ. Мысли его смѣлы, блестящи. Всѣ-ли онѣ *вѣрны* — это другой вопросъ. *Изд. Тел.*

Digitized by Google

которую новѣйшее общество называетъ *Древнею*, была еще эра: Древніе называли ее *баснословною*, а вѣрнѣе можно-бы назвать *первобытною*. Вотъ три, послѣдовательные порядка общественности, съ начала оной до нашихъ временъ. Поэзія всегда существуетъ въ человѣческомъ обществѣ. Постараемся, по его формамъ, разобрать: какой характеръ Поэзіи долженствовалъ быть въ сіи три великіе возраста міра: время *первобытное*, время *древнее*, время *новое?*

Въ первобытное время, когда человѣкъ пробуждался въ мірѣ, только что родившемся, Поэзія пробуждалась съ нимъ вмѣстѣ. Передъ чудесами, ослѣплявшими, упоявшими человѣка, первое слово его было *гимнъ*. Онъ еще такъ близокъ былъ къ Природѣ, что всѣ его размышленія дѣлались восторгами, всѣ сны видѣніями. Онъ умилялся, онъ пѣлъ, такъ, какъ дышалъ. На лирѣ его были только три струны: Богу, душѣ, твореніе. Но сіи три таинственныя струны обнимали все; сіи три идеи заключали въ себѣ все. Земля была еще почти пустынею. Существовали семейства, но не народы, отцы, но не владыки. Каждый родъ жилъ по своему: не было собственности, не было законовъ, не было сближеній, не было войны. Все было для каждаго и для всѣхъ. Общество дѣлалось общиною. Ничто не сжимало человѣка. Онъ про-

Digitized by Google

водилъ жизнь пастушескую, кочевую — первоначальную всѣмъ образованіямъ, и столь удобную для уединенныхъ созерцаній и прихотливыхъ мечтаній. Онъ предоставлялъ себѣ волю дѣлать, мыслить, бродить, какъ ему было угодно. Мысль человѣка, подобно жизни его, уподоблялась облаку, перемѣняющему форму и путь свой, смотря по вѣтру, движущему его. Вотъ первобытный человѣкъ, вотъ *первобытный поэтъ*. Онъ юноша, онъ *Лирикъ*. Молитва — вѣра его; Ода — его поэзія. Эпа поэзія находится во всѣхъ духовныхъ книгахъ первобытныхъ народовъ.

Мало по малу, прошла юность міра. Всѣ сферы бытія увеличились; семейства сдѣлались поколѣніями, поколѣнія превратились въ толпы народовъ. Каждая изъ сихъ толпъ народныхъ объединилась около одного, общаго имъ центра, и — вотъ *царства*. Инстинктъ общественности послѣдовалъ за инстинктомъ кочеванья. Поле уступило мѣсто городу, шалашъ дому, холмъ храму. Владыки сихъ раждающихся государствъ все еще были пастыри, но — уже пастыри народовъ, и ихъ пастушескій жезлъ являлся уже скипетромъ. Все устанавливалось и утверждалось. Вѣрованіе облекалось въ форму, моленіе получало обряды, мнѣнія дѣлались догматами. Такимъ образомъ Жрецъ и Царь раздѣлили ува-

Digitized by Google

женіе народа; патріархальная община замѣнена теократическою общественностью.

Народы начали сѣсняться на землѣ: они сближались, мѣшали другъ другу; отсюда ошибка ихъ — война. Она кинула народъ на народъ — отсюда переселенія и странствованія ихъ. Поэзія отражала въ себѣ сіи великія событія; отъ идей она перешла къ предметамъ; она пѣла вѣка, народы, государства — превратилась въ *Эпическую* — родила Омира.

Омиръ, дѣйствительно, владычествуетъ надъ древнимъ обществомъ. Въ этомъ обществѣ все просто, все Эпопея. Поэзія была тамъ Религіею, Религія закономъ. Дѣвственности перваго вѣка наслѣдовало цѣломудріе втораго. Какое-то торжественное тягощѣніе напечатлѣлось повсюду, въ нравахъ семейныхъ, въ нравахъ общественныхъ. Народы сохранили отъ бродящей жизни только одно — уваженіе къ чужеземцу и страннику. У семейства было уже отечество; все привязывало его къ отечеству: тамъ было общее всѣмъ мольбище; тамъ было благоговѣніе къ могиламъ предковъ.

Повторяемъ: выраженіемъ подобнаго образованія долженствовала быть *только Эпопея*. Эпопея могла принять многія формы, но никогда не могла она утратить своего характера. Въ

Digitized by Google

Пиндаръ болѣе жреческаго, нежели патріархальнаго; онъ больше Эпикъ, нежели Лирикъ. Лѣтописцы, необходимые спутники сего втораго періода міра, начинаютъ собирать преданія и считаться съ вѣками. Они дѣлаютъ свое дѣло; но Хронологія не можетъ изгнать Поэзіи: Исторія остается Эпопеею. Иродотъ есть Омиръ.

Особенно выказывается Эпопея въ древней Трагедіи. Она вступаетъ на Греческую сцену, не теряя нѣкоторымъ образомъ своихъ исполинскихъ, безмѣрныхъ формъ. Ея лица все еще герои, полубоги, боги; ея средства сны, оракулы, непремѣняемая судьба; ея картины истребленіе, похороны, битвы. Что рапсодисты пѣли, что акіперы произносили — вотъ вся разница.

И еще менѣе. Когда дѣйствіе, зрѣлище Эпической поэмы перешло на сцену, что оставалось отъ него, то взялъ Хоръ. Онъ изъясняетъ Трагедію, ободряетъ героевъ, сосставляетъ описанія, призываетъ и гонитъ день, радуется, груститъ, иногда сосставляетъ декораціи, изъясняетъ нравственный смыслъ предмета, льститъ народу, внимающему словамъ его. Что-же такое Хоръ, этотъ странный дѣйствователь, поставленный между зрѣлищемъ и зрителемъ, если не самъ поэтъ, дополняющій свою Эпопею?

Digitized by Google

Театръ Древнихъ, какъ Драма ихъ, величественное, жреческое, эпическое созданіе. Въ немъ могутъ помѣщаться до тридцати тысячъ зрителей; на немъ играютъ подъ открытымъ небомъ, при сіяніи солнца; представленія продолжаются по цѣлымъ днямъ. Актеры усиливаютъ свои голоса, маскируютъ свои лица, возвышаютъ свой ростъ; они дѣлаются исполинами, подобно ролямъ своимъ. Сцена безмѣрна: она можетъ представлять все вдругъ, внутренность и внѣшность храма, дворца, стана, города. На ней развиваются обширныя позорища. Тутъ — мы исчисляемъ на память — Прометей на горѣ, Аншигона, ищущая взорами съ вершины башни брата своего, Полиника, въ войскѣ непріятельскомъ (*Финикіянки*); тутъ Эвадній, бросающійся съ ущеса въ костеръ, гдѣ горитъ тѣло Капанеи (*Просительницы* Эврипида); тутъ корабль пристаетъ въ гавань, и съ него переправляется на сцену пятьдесятъ Царевенъ, съ ихъ свитою (*Просительницы* Эсхила). Зодчество и Поэзія, все носитъ тутъ характеръ монументальный. У Древности нѣтъ ничего болѣе торжественнаго, болѣе величественнаго. Ея богочтеніе, ея Исторія смѣшиваются съ ея Театромъ. Ея первые комедіянты суть жрецы; ея первыя сценическія игры суть религіозныя торжества, народные праздники.

Digitized by Google

Послѣднее замѣчаніе, дополняющее доказательства объ эпическомъ характерѣ сего времени, есть то, что въ самыхъ предметахъ созданій, какъ и въ формахъ, какія они принимаютъ, Трагедія повторяетъ Эпопею. Всѣ Древніе трагики разбираютъ по частямъ Омира. Тѣ-же басни, тѣ-же выводы, тѣ-же герои. Все почерпнуто въ источникахъ Омировыхъ. Всегда видимъ Иліаду и Одиссею. Какъ Ахиллесъ, влекущій Гектора, трагедія Греческая мчится вокругъ стѣнъ Троянскихъ.

Между тѣмъ вѣкъ Эпопеи подходитъ къ концу. Подобно обществу, ею представляемому, сія Поэзія вертится, безпрерывно обращаясь на самой себѣ. Римъ береттъ сколокъ съ Греціи; Виргилій списываетъ Омира, и, какъ будто для достойнаго заключенія, Поэзія Эпическая умираетъ въ сихъ воэозданіяхъ.

И было уже время. Другая эра начиналась для міра и для Поэзіи.

Религія истины, вѣра духа, смѣняя Идолопоклонство, вещественное и внѣшнее, внѣдряется въ сердце Древняго общества, уничтожаетъ его, и въ этомъ прахѣ дряхлаго образованія полагаетъ имена образованія новаго. Сія Религія полна, ибо она истинна; между своимъ ученіемъ и своимъ богопоклоненіемъ, она глубоко впечатлѣваетъ нравствен-

Digitized by Google

ность. Въ число первыхъ истинъ, она полагаетъ человѣку изъясненіе, что ему суждено жить двумя жизнями — одною преходящею, другою безсмертною, одною на землѣ, другою на небѣ. Она показываетъ ему, что онъ двойственъ, какъ жребій его; что въ немъ соединены животность и разумѣніе, душа и тѣло. Словомъ: что онъ есть точка союза, кольцо, принадлежащее двумъ цѣпямъ бытій, объемлющихъ твореніе, отдѣлу бытій вещественныхъ и отдѣлу бытій безтѣлесныхъ; первому, начинающемуся отъ камня, для достиженія къ человѣку; второму идущему отъ человѣка, дабы окончиться въ Богѣ.

Часть сихъ истинъ, можетъ быть, подозрѣвали нѣкоторые изъ мудрецовъ Древности, но— съ Евангелія началось полное, свѣтлое, обширное откровеніе ихъ. Училища язычниковъ шли ощупью, во тмѣ, опираясь равно на лжи и на истины, въ своемъ спрансшвованіи на удачу. Нѣкоторые изъ ихъ философовъ бросали иногда на предметы мыслей слабые лучи, освѣщавшіе одну ихъ сторону, и тѣмъ мрачнѣе была другая ихъ сторона. Отсюда всѣ привидѣнія, созданныя Древнею Философіею. Только божественная мудрость могла замѣнить обширнымъ и равнымъ свѣтомъ всѣ мерцающія освѣщенія мудрости человѣческой. Пиѳагоръ, Эпикуръ, Сократъ,

Digitized by Google

Платонъ — пусклые факелы; Іисусъ Христосъ — Божій свѣтлый день.

Впрочемъ, ничего не было вещественнѣе Древней Геогоніи. Не только далекая отъ того, чтобы, подобно Христіанству, думать о раздѣленіи духа и тѣла, она давала вещественные образъ и лицо всему, даже духовности, даже разумѣнію. Все у нея было видимо, осязательно, тѣлесно. Ея богамъ надобны были облака для сокрытія ихъ отъ взоровъ смертнаго. Они пили, ѣли, спали. Ихъ ранятъ, и кровь ихъ течетъ. У этой вещественной Религіи были боги и *полубоги*. Ихъ уродуютъ, и они на вѣкъ остаются хромыми. Ея молнію куютъ на наковальнѣ, и, между разными снадобьями, примѣшиваютъ въ нее три луча свитаго дождя (tres imbris torti radios). Ея Зевесъ вѣситъ землю на золотую цѣпь; ея солнце ѣздитъ на колесницѣ четвернею; ея Адъ пропасть, и Географія показываетъ даже отверстіе его на землѣ; ея небо — гора.

Такъ Язычество лѣпило всѣ созданія изъ одной глины, уменьшало божество и увеличивало человѣка. Герои Омира почти одинакаго роста съ богами. Аяксъ вызываетъ на битву Юпитера. Ахиллесъ сшибаетъ Марса. Разсмотрите, какъ, напротивъ, Христіанство глубоко дѣлитъ духъ отъ вещества. Оно спавитъ безко-

Digitized by Google

нечность между душею и тѣломъ, безконечность между Человѣкомъ и Богомъ.

Въ сію эпоху — чтобы не оставить ни одной черты въ опытѣ изслѣдованій, на который мы отважились, намъ должно это замѣтить — въ сію эпоху, съ Христіанствомъ, и черезъ него, появилось въ умахъ людей новое чувствованіе, неизвѣстное Древнимъ, и особенно развитое у Новѣйшихъ, чувствованіе, превосходящее собою важность, уступающее печали — грусть. Дѣйствительно: сердце человѣческое, дотолѣ загрубѣлое въ поклоненіи совершенно Іерархическомъ и Жреческомъ, могло-ли не пробудиться, и не почувствовать въ себѣ зарожденія какой-то неожиданной способности, при дхновеніи Религіи человѣческой, ибо она божественна, Религіи, изъ молитвъ бѣднаго составляющей сокровище богатаго, Религіи духовнаго равенства, духовной независимости, милосердія? Могъ-ли человѣкъ не увидѣть всѣхъ окружавшихъ предметовъ въ новомъ видѣ, съ тѣхъ поръ, какъ Евангеліе показало ему душу его, сквозь чувственность, и вѣчность за жизнію?

Впрочемъ, въ тоже время міръ испытывалъ столь сильный переворотъ, что невозможно было этому перевороту не произвести измѣненія въ умѣ человѣческомъ. Дотолѣ, паденія царствъ рѣдко доходили до самаго сердца народовъ: падали властители, исчезали величія —

Digitized by Google

неболѣе. Молнія сверкала въ высшихъ только предѣлахъ, и, какъ мы уже означили это, событія казались развивающимися со всею торжественностью Эпопеи. Въ Древнемъ обществѣ человѣкъ поставленъ былъ такъ низко, что превратностямъ жребія надобно было низойдти до семейства, для пораженія человѣка. И потому, кромѣ семейственныхъ горестей, онъ почти не зналъ несчастія. Почти неслыханно было, чтобы общія государственныя бѣдствія разстроивали жизнь частную. Но въ то время, когда учреждалось Христіанское общество, древній материкъ былъ совершенно ниспровергнутъ. Все было пошевелено на немъ, даже до корня. Событія, предназначенныя разрушить древнюю Европу, и устроить новую, сталкивались, бросались одно на другое безъ осстановки, и смѣшанно двигали народы, однихъ въ свѣтъ, другихъ въ мракъ. Столько было грома на землѣ, что невозможно было какой нибудь части сего смятенія не достигнуть до самаго сердца народовъ. Больше нежели отзывъ было это движеніе — это былъ отраженный ударъ. Упираясь на самого себя, при видѣ сихъ высокихъ превратностей, человѣкъ началъ жалѣть о Человѣчествѣ, размышлять о горькихъ опытахъ жизни. Изъ сего чувства, бывшаго для Катона язычника отчаяніемъ — Христіанство извлекло грусть.

Digitized by Google

Въ тоже время явился духъ изслѣдованія и любопытства. Великія паденія были великими зрѣлищами, поразительными внезапностями. Это былъ Сѣверъ, упавшій на Югъ, Римскій міръ, измѣняющій образъ свой, послѣднія судороги цѣлаго свѣта, находившагося въ смертномъ изнеможеніи. Едва только умеръ сей міръ — тучи риторовъ, граммашиковъ, софистовъ, какъ мухи, налетѣли на его безмѣрный трупъ. Мы видимъ ихъ размножающихся, жужжащихъ вокругъ сего гнѣзда гніенія. Они рвутся другъ передъ другомъ изслѣдовать, изъяснить, оспорить. Каждый членъ, каждый мускулъ, каждая фибра великаго, распростертаго передъ ними тѣла, переворочены ими во всѣхъ отношеніяхъ. Да, радостно долженствовало быть для сихъ анатомовъ мысли, что они могли, при самомъ началѣ своихъ опытовъ разсѣченія, дѣлать ихъ въ большомъ объемѣ, имѣли передъ собою для этого умершее общество.

Такъ мы видимъ возсіявшихъ въ одно время, какъ будто подающихъ другъ другу руки, геніи грусти и размышленія, духа изслѣдованія и спора. На одной крайней сторонѣ сей эры перехода находится Лонгинъ, на другой Августинъ. Не дерзайте глядѣть пренебрегающимъ взоромъ на сію эпоху, когда было въ зачатіи все, принесшее потомъ плодъ, на это время,

Digitized by Google

когда самый ничтожный писатель — да позволятъ намъ сіе грубое, но вѣрное сравненіе — былъ удобреніемъ для жатвы, долженствовавшей послѣдовать за нѣмъ. Средніе вѣка были прививкою къ дереву Восточной Имперіи.

И вотъ новая, истинная Религія, и Новое общество. На этомъ двойственномъ основаніи, посмотримъ, какъ возрастетъ новая Поэзія. Дотолѣ — здѣсь необходимо изложеніе вывода, который читатель самъ долженъ извлечь изъ всего, что сказано было выше — дѣйствуя въ Поэзіи, какъ вообще дѣйствовали Язычество и Древняя Философія, чисто-эпическая Муза Древнихъ изучала Природу въ одномъ только отношеніи, безжалостно отторгая отъ Искусства почти все то, что въ мірѣ, подвергнутомъ его подражанію, не относилось къ условному типу Красоты. Типъ сей, сначала свободный, великолѣпный — потомъ, какъ всегда бываетъ съ системами, сдѣлался въ послѣднее время ложнымъ, ничтожнымъ, условнымъ. Христіанство повело Поэзію къ Истинѣ. Подобно ему, Новая Муза смотрѣла на предметы взглядомъ болѣе высокимъ, болѣе обширнымъ. Она сознаетъ, что не все въ созданіяхъ человѣчески *прекрасно*; что *безобразное* существуетъ о бокъ прекраснаго, уродливое стоитъ рядомъ подлѣ прелестнаго, смѣшное находится на обо-

Digitized by Google

ротѣ высокаго, зло смѣшано съ добромъ, тѣнь съ свѣтомъ. Она спроситъ: должно-ли тѣсному, относительному разуму художника преимуществовать предъ безконечнымъ, высшимъ разумомъ, всеобщностью Создателя; надобно-ли Человѣку исправлять созданія Бога; будетъ-ли обрубленная Природа изящнѣе; имѣетъ-ли право Искуство удвоивать, такъ сказать, человѣка, жизнь, и твореніе; лучше-ли все пойдетъ, когда оторвутъ отъ него самобытныя части, и, наконецъ, вѣрное-ли средство быть болѣе гармоническими, если мы будемъ неполны? Тогда, со взоромъ, устремленнымъ на событія, въ одно время смѣшныя и ужасныя, подъ вліяніемъ духа грусти духовной и критики философической, объясненнаго нами, Поэзія сдѣлаетъ шагъ, рѣшительный, подобно землетрясенію, вдругъ измѣняющему лицо земли. Она станетъ творить, какъ Природа, смѣшивать въ своихъ созданіяхъ, не сливая ихъ однакожь, свѣтъ съ тѣнью, смѣшное съ великимъ — другими словами: тѣло съ душею, животное съ умомъ, ибо точка начала духовности есть также самая и для Поэзіи. Все связано одно съ другимъ, вездѣ и повсюду.

И такъ — вотъ основаніе неизвѣстное Древнимъ, новый типъ, введенный въ Поэзію, и, какъ будто еще условіе для уравненнаго бытія

Digitized by Google

— быть полнымъ — вошъ новая форма для развитія въ Искусствѣ. Сей типъ есть *Смѣшное*. Сія форма есть *Комедія*.

Здѣсь, мы должны утвердиться наиболѣе, ибо мы указали на характеристическую черту, на основное различіе, дѣлящее, по нашему мнѣнію, Искусство Новое отъ Искуства Древнихъ, форму настоящаго отъ формы мертвой, или, чтобы употребить слова болѣе неопредѣленныя, но лучше извѣстныя — Литтературу *Романтическую* отъ Литтературы *Классической*.

« Наконецъ » — закричатъ люди, съ нѣкотораго времени, позволяющіе и намъ разсуждать— « наконецъ, мы васъ поймали, и поймали съ поличнымъ. И такъ, изъ *безобразнаго* вы дѣлаете типъ для подражанія, изъ *смѣшнаго* стихію Искуства? Но Изящество — но хорошій Вкусъ? Развѣ вы не знаете, что Искуство должно исправлять Природу; что оно должно *облагородить*; что ему надобно *выбирать*? Развѣ Древніе включали въ свои созданія безобразное и смѣшное? Развѣ они смѣшивали Комедію съ Трагедіею? Древніе должны быть примѣромъ вашимъ, господа! А притомъ Аристотель— а притомъ Буало — а притомъ Лагарпъ... » — Да, въ самомъ дѣлѣ!

Доказашельства сильны, нѣтъ сомнѣнія, и

Digitized by Google

особливо очень новы! Но не наше дѣло ошибаться на нихъ. Мы не строимъ здѣсь системъ, и сохрани насъ Богъ отъ системъ! Мы указываемъ на фактъ. Мы *Историки*, а не *Критики*. Нравится-ли, не нравится-ли этотъ фактъ — мало нужды: онъ есть! Возвратимся-же на прежнее, и постараемся показать, что отъ обильнаго соединенія типа Смѣшнаго съ типомъ Великаго родился геній новѣйшаго, столь сложный, столь многоразличный въ своихъ формахъ, столь неистощимый въ своихъ созданіяхъ, и совершенно противоположный въ этомъ однообразной простотѣ генія Древнихъ; покажемъ, что отсюда надобно начинать, если хотимъ установить коренное и дѣйствительное различіе двухъ Литтературъ.

Несправедливо было-бы сказать, что Комедія и Смѣшное были совершенно неизвѣстны Древнимъ. Впрочемъ, это было-бы и невозможно: ничто не всходитъ безъ корня; вторая эпоха всегда находитъ зерно начала въ первой. Съ самой Иліады, Ѳерситъ и Вулканъ играютъ Комедію, одинъ для людей, другой для боговъ. Столько природы, столько самобытности въ Греческой Трагедіи, что не льзя было не вмѣшивать въ нее иногда и Комедіи. Такимъ образомъ, напомнимъ здѣсь, что пришло намъ на память — сцену Менелая съ привратникомъ Двор-

Digitized by Google

ца (*Елена*, дѣйствіе I), сцену Фригійца (*Орестъ*, дѣйствіе IV); это суть комическія сцены. Тритоны, Сатиры, Циклопы — это смѣшное; Фуріи, Парки, Гарпіи — это смѣшное; Полифемъ есть смѣшное ужасное; Силенъ смѣшное веселое.

Но здѣсь мы чувствуемъ, что сія часть Искуства у Древнихъ была еще въ младенчествѣ. Эпопея, напечатлѣвающая въ сію эпоху свою форму на всемъ, Эпопея тяготѣетъ надъ нею и задушаетъ ее. Смѣшное Древнихъ робко, и всегда хочетъ укрываться; видимъ, что оно всегда на чужой землѣ, потому, что оно всегда не въ своей природѣ. Оно измѣняетъ само себя, сколько можно. Сатиры, Тритоны, Сирены почти небезобразны. Парки, Гарпіи уродливы болѣе своими принадлежностями, нежели сами по себѣ; Фуріи даже прекрасны, и ихъ называютъ *Эвменидами*, то есть: *кроткими*, *благодѣтельными*. Покрывало величія, и даже (мнимо) божественнаго видимъ на другихъ предметахъ Смѣшнаго: Полифемъ исполинъ, Мидасъ Царь, Силенъ богъ.

И Комедія проходитъ почти незамѣченною сквозь великую общность Эпической Древности. Подлѣ Олимпійскихъ колесницъ, что значитъ тѣлега Ѳесписа? Подлѣ Омировскихъ великановъ, Эсхила, Софокла, Эврипида, что значатъ Аристофанъ и Плавтъ? Омиръ увлека-

Digitized by Google

ешь ихъ съ собою, какъ Геркулесъ уносилъ Пигмеевъ, спрятанныхъ въ его львиной кожѣ.

Въ мышленіи Новыхъ, напротивъ, Смѣшное играетъ безмѣрную роль. Оно вездѣ. Съ одной стороны, оно творитъ уродливое и ужасное, съ другой комическое и шутовское. Оно окружаетъ духъ человѣка множествомъ своевольныхъ суевѣрій, а Поэзію тысячью живописныхъ выдумокъ. Полною рукою сѣетъ оно въ воздухъ, въ воду, въ огонь цѣлые міры посредствующихъ созданій, которыхъ находимъ мы живыхъ въ народныхъ преданіяхъ Среднихъ временъ. Оно заставляетъ во мракѣ плясать ужасающій кружокъ колдовскихъ шабашей. Оно придаетъ самому духу тьмы рога, козьи ноги, крылья летучей мыши. Оно, и всегда оно — то бросаетъ въ Адъ сіи отвратительныя созданія, которыя вызваны сильнымъ геніемъ Данте и Мильтона; то населяетъ его забавными уродцами, которыми играетъ Калло, этотъ Микель-Анджело суевѣрія простонароднаго. Если изъ міра идеальнаго, оно переходитъ въ міръ дѣйствительный — созданія его фантазіи суть, Скарамуши, Криспины, Арлекины, кривляющіеся силуэты человѣка, шипы, во все неизвѣстные важной Древности, и между тѣмъ вышедшіе изъ Классической Италіи. Оно, наконецъ, разцвѣчая попеременно Драму воображеніемъ, то

Digitized by Google

Юга, по Востока, заставляетъ Сганареля прыгать вокругъ Донъ Жуана, а Мефистофеля ползать вокругъ Фауста. И какъ вольна, свободна его походка! Какъ смѣло выставляетъ оно наружу всѣ странныя формы, которыя предшествовавшій вѣкъ столь робко обвивалъ пеленками! Древняя Поэзія, принужденная дать товарищей хромому Вулкану, старалась закрыть ихъ уродливость, растягивая ее, такъ сказать, въ великанскіе размѣры. Геній новѣйшій сохранилъ этотъ миѳъ о сверхъ-естественныхъ кузнецахъ; но онъ смѣло отпечаталъ на немъ характеръ совершенно противоположный, дѣлающій его болѣе разительнымъ: Циклоповъ превратилъ онъ въ Гномовъ. Съ такою-же самобытностью замѣнилъ онъ, довольно пошлую, Лернейскую Гидру мѣстными драконами суевѣрныхъ легендъ, поселивъ дракона Гаргульскаго въ Руанѣ, Гра-Уйлскаго въ Мецѣ, Шеръ-Саллескаго въ Труа, Дрейскаго въ Монтгери, Тарасскаго въ Тарасконѣ — чудовищъ столь разнообразныхъ, характеръ коихъ всего лучше выражается шероховатостью именъ. Всѣ сіи созданія почерпаютъ въ собственной своей природѣ сильное, глубокое выраженіе, предъ которымъ не рѣдко Древность кажется уступающею. Безспорно: *Греческія* Эвмениды менѣе ужасны, и, слѣдственно, менѣе истинны, не-

Digitized by Google

жели Вѣдьмы *Макбета*. Плутонъ — легкая тѣнь предъ Духомъ тьмы.

По нашему мнѣнію, надобно-бы написать совершенно отдѣльную книгу объ употребленіи Смѣшнаго въ Искусствахъ. Можно-бы показать, какія сильныя средства извлечены Новѣйшими изъ обильнаго типа, противъ котораго сражаются близорукіе критики, даже и въ наше время. Можетъ быть, мы приведены будемъ предметомъ нашего разсужденія къ указанію, мимоходомъ, нѣкоторыхъ чертъ сей обширной картины. Мы скажемъ здѣсь только то, что противоположное Высокому, какъ средство противодѣйствія, Смѣшное есть, по нашему мнѣнію, богатѣйшій источникъ, указанный Природою Искусству. Рубенсъ, безъ сомнѣнія, понималъ его такимъ образомъ, когда въ изображеніи Дворскихъ торжествъ, коронованій, блестящихъ шествій, примѣшивалъ уродливыя изображенія придворныхъ карлъ. Эта всеобщая Красота, распространенная Древностію на все, не могла не быть однообразною. Одно и тоже выраженіе, всегда повторяемое, можетъ, въ продолженіе, времени, утомить. Великое, всегда съ Великимъ невольно дѣлается нашею противоположностью, и мы чувствуемъ потребность отдыхать отъ всего, даже отъ Прекраснаго. Кажется, напрошивъ, что Смѣш-

Digitized by Google

ное есть время остановки, слово для сравненія, точка, съ которой высимся мы къ Великому, съ свѣжею, болѣе возбужденною силою. Саламандра ведетъ за собою Ондину, Гномъ украшаетъ Сильфа.

Вѣрно будетъ сказано, если скажутъ, что соприкосновеніе Безобразнаго придаетъ новѣйшему Высокому нѣчто болѣе чистое, болѣе великое, болѣе величественное, противъ того, что мы видимъ въ Древности. Такъ и должно быть. Когда Искусство послѣдовательно съ самимъ собою, оно вѣрнѣе ведетъ все къ надлежащей цѣли. Если Омировскій Элизій былъ далекъ отъ эеирнаго очарованія, отъ ангельской сладости Мильтонова Рая, это потому, что Адъ новой Поэзіи совсѣмъ иначе ужасенъ, нежели Тартаръ Язычниковъ. Неужели непонятно, что Франциска Римини и Беатрикса не были-бы столь очаровательны, если-бы поэтъ не умѣлъ создать башни Голода, и не заставилъ насъ присутствовать на отвратительномъ обѣдѣ Уголино? Данте никогда не имѣлъ-бы столько прелести, если-бы не имѣлъ столько силы. Тѣлесныя Наяды, здоровяки Тритоны, шалуны Зефиры представляются-ли намъ въ воздушной прозрачности нашихъ Ондинъ и нашихъ Сильфидъ? Не отъ того-ли, что новѣйшее воображеніе умѣетъ заставить бродить по нашимъ

Digitized by Google

кладбищамъ вампировъ, огровъ, оборотней, мертвецовъ, вѣдьмъ, не отъ того-ли оно можетъ придавать своимъ феямъ эту безтѣлесную форму, эту чистоту сущности, столь превышающую языческихъ Нимфъ? Древняя Венера прекрасна, удивительна, безъ всякихъ сомнѣній; но что распространило на произведенія Іоанна Гужона особенное изящество, милое, странное, воздушное? Что придало имъ безвѣстный доколѣ характеръ жизни и величія, если не сближеніе съ ними могущихъ и грубыхъ изваяній Среднихъ вѣковъ?

Когда, въ необходимыхъ развитіяхъ, которыя могли-бъ быть гораздо глубже, пишь нашихъ идей еще не потерялась для читателей, что, они, конечно, поняли, съ какою силою спихія Смѣшнаго, сей зародышъ Комедіи, сія принадлежность Новѣйшей Музы, долженствовала возрасти и увеличиться, перенесенная въ почву благотворнѣйшую для него, болѣе, нежели была благотворна почва Язычества и Эпопеи. Дѣйствительно: въ новѣйшей Поэзіи, когда Высокое представитъ душу такою, какъ она есть, очищенною Христіанскою нравственностію, Смѣшное станетъ играть роль животности человѣческой. Типъ перваго, отдѣленный отъ всякой нечистой примѣси, возобладаетъ всѣми прелестями, всѣми пріятностями, всѣми

Digitized by Google

красотами: надобно, чтобы онъ могъ создать Юлію, Дездемону, Офелію. Типъ другаго возметъ себѣ всѣ странности, всѣ недостатки, всѣ безобразія. Въ семъ раздѣлѣ творенія и человѣчества ему достанутся страсти, пороки, преступленія. Онъ будетъ пищеславенъ, ползунъ, обжорливъ, скупъ, вѣроломенъ, вздорливъ, лицемѣренъ; онъ представится попеременно Ягомъ, Тартюфомъ, Базилемъ, Полоніемъ, Гарпагономъ, Бартоломъ, Фалстафомъ, Скапиномъ, Фигаро. Прекрасному одинъ типъ, безобразному тысяча. Прекрасное, говоря человѣчески, есть нечто иное, какъ форма, созерцаемая въ ея самомъ простомъ отношеніи, въ самой величайшей соразмѣрности, въ самомъ внутреннемъ согласіи съ нашимъ организмомъ. Посему она представляетъ намъ всегда общность полную, но ограниченную, подобно намъ. Мы называемъ, напротивъ, безобразіемъ часть великой общности, необъемлемой нами, и согласующейся, не съ человѣкомъ, но со всѣмъ твореніемъ. Вотъ почему, оно безпрерывно представляетъ намъ новыя позорища, и всегда неполныя.

Любопытное можетъ быть занятіе: преслѣдовать появленіе и ходъ Смѣшнаго въ новѣйшей эрѣ. Сначала, это страшное нашествіе, вторженіе, наводненіе — это потокъ, прорвавшій

Digitized by Google

свою плотину. Онъ, протекаетъ при рожденіи своемъ черезъ умирающую Латинскую Литтературу, обхватываетъ собою Персія, Петронія, Ювенала, и оставляетъ въ ней *Золотаго осла* Апулеева. Отсюда распространяется онъ въ воображеніе новыхъ народовъ, переплавляющихъ Европу. Онъ волнами бурлитъ въ сказочникахъ, въ лѣтописцахъ, въ романсистахъ. Мы видимъ расширеніе его отъ Юга до Сѣвера. Смѣшное играетъ въ мечтахъ Тевтонскихъ народовъ, и въ тоже время живитъ своимъ дыханіемъ изумительныхъ *romanceros* Испанскихъ, истинныхъ рапсодистовъ Рыцарской Иліады. Оно, напримѣръ, въ романѣ *Розы*, описываетъ торжественный обрядъ, избраніе Короля, стихами:

Un grand vilain lors ils élurent,
Le plus ossu qu'entr'eux ils eurent.

Оно впечатлѣваетъ особенно свой характеръ на чудесное Зодчество, замѣнявшее въ Среднія времена всѣ искуства. Оно кладетъ печать свою на фронтоны храмовъ, окружаетъ рамками свои Ады и Чистилища подъ углами порталей, прозрачно пишетъ на стеклахъ, обставляетъ чудищами, псами, демонами, капители столбовъ, протяженія фризовъ, края кровель. Въ безчисленныхъ образахъ становится оно на деревянныхъ фасадахъ домовъ, на каменныхъ фаса-

Digitized by Google

дахъ замковъ, на мраморныхъ фасадахъ дворцовъ. Изъ Искуствъ, оно переходитъ въ нравы, и между тѣмъ, какъ народъ рукоплещетъ забавникамъ (graciosos) въ Комедіи, Королямъ даетъ оно придворныхъ дураковъ. Позднѣе, въ вѣкъ этикета, оно покажетъ вамъ Скаррона почти подлѣ самой спальни Людовика XIV-го; въ ожиданіи сего, оно расписываетъ гербовники, и рисуетъ на щитахъ Рыцарей символическіе гіероглифы Феодализма. Изъ нравовъ проникаетъ оно въ законы: тысячи странныхъ обрядовъ свидѣтельствуютъ переходъ его въ установленія Среднихъ временъ. Такъ-же, какъ прыгало оно съ Ѳеспісомъ, вымазаннымъ дрожжами, на Аѳинскихъ подмосткахъ, оно пляшетъ съ приказными на знаменитомъ мраморномъ столѣ, служившемъ въ одно время и театромъ для простонародныхъ фарсовъ, и мѣстомъ пира Королевскаго. Наконецъ, вмѣщенное въ Искуства, Нравы, Законы — оно вторгается въ самые духовные догматы Католицизма. Мы видимъ, какъ учреждаетъ оно въ каждомъ Католическомъ городѣ странныя процессіи, нелѣпые обряды, въ коихъ Религія идетъ объ руку со всѣми суевѣріями, и самое Высокое окружено самымъ Смѣшнымъ. Чтобы изобразить все одною чертою, скажемъ: такова была сила и быстрота Смѣшнаго при разсѣяніи знаній, столь обильно было его плодотвореніе, что однимъ взмахомъ, оно

Digitized by Google

могло поставить на почвѣ новѣйшей Поэзіи трехъ Омировъ шутливости: Аріоста въ Италіи, Сервантеса въ Испаніи, Рабеле во Франціи.

Излишне было-бы показывать особенно это вліяніе Смѣшнаго въ третьемъ образованіи міра. Все являетъ намъ въ эпоху, называемую *Романтическою*, его внутреннее, творящее сліяніе съ Прекраснымъ. Нѣтъ ни одной, даже самой простодушной, простонародной легенды, которая неизъясняла-бы, иногда съ удивляющимъ инстинктомъ, сію тайну новѣйшей Поэзіи. Древность не могла-бы разсказать намъ сказки *о Красавицѣ и Звѣрѣ*.

Справедливо сказать, что въ третью эпоху, на которой мы теперь останавливаемся, преимущество Смѣшнаго надъ Высокимъ въ Словесности означается также ярко, но это уже противодѣйствующая лихорадка, проходящая горячка новаго, волна, мало по малу, отливающаяся назадъ. Типъ Прекраснаго скоро воспріиметъ свою роль и свои права, которыя состоятъ не въ исключеніи другихъ основаній, но въ преимуществѣ надъ ними. Время Смѣшному довольствоваться уголкомъ въ Королевскихъ альфреско Мурилло, въ освященныхъ страницахъ Веронеза, быть только частнымъ вмѣшеніемъ въ двухъ удивительныхъ *Страшныхъ Судахъ*;

Digitized by Google

въ сценѣ восхитительной и ужасной, какою Микель-Анджело украшаетъ Ватиканъ; въ поразительныхъ паденіяхъ человѣковъ, которыхъ Рубенсъ низринетъ вдоль сводовъ Антверпенскаго Собора. Наступило время, когда равновѣсіе между двумя основаніями начнетъ утверждаться. Великій человѣкъ, поэтъ-Царь, poeta soverano, какъ говоритъ Данте объ Омирѣ, является устроить, примирить все. Два соперничествующіе генія Человѣчества, Омиръ и Данте, сливаютъ воедино свой двойственный пламень, и изъ сего соединеннаго пламени исторгается — Шекспиръ.

Здѣсь достигли мы поэтической возвышенности Новѣйшаго времени. Шекспиръ — это *Драма*, и Драма, плавящая на одномъ свѣточѣ Смѣшное и Великое, Ужасное и Забавное, Трагедію и Комедію, Драма есть собственный характеръ третьей эпохи Поэзіи, Литературы настоящаго времени.

И такъ — чтобы очеркнуть быстро факты, изложенные нами до сихъ мѣстъ — у Поэзіи было три возраста, изъ коихъ каждый соотвѣтствовалъ одной изъ эпохъ общества: *Ода, Эпопея, Драма.* Первобытныя времена были Лирическія; Древнія времена были Эпическія; Новѣйшія времена суть Драматическія. Ода поетъ Вѣчность, Эпопея славитъ Исторію, Драма

Digitized by Google

списываетъ Жизнь. Характеръ первой Поэзіи есть добродушіе; характеръ второй простота; характеръ третьей правда. Рапсоды означаютъ переходъ поэтовъ лирическихъ къ эпическимъ, какъ поэты романсисты переходъ отъ эпическихъ къ драматическимъ. Историки родятся со второю эпохою, лѣтописатели и критики съ третьею. Лица Оды созданія безмѣрныя — чада безмѣрнаго Востока; лица Эпопеи исполины —Ахиллесъ, Атрей, Орестъ; лица Драмы простые люди: Гамлетъ, Макбетъ, Отелло. Ода живетъ идеаломъ, Эпопея величіемъ, Драма дѣйствительностію. Наконецъ, сія троякая Поэзія истекаетъ изъ трехъ великихъ источниковъ — первобытныхъ Ѳеологій народныхъ, Омира, Шекспира.

Таковы суть (и мы ограничимся извлеченіемъ здѣсь одного слѣдствія) различныя физіогноміи мысли человѣческой, въ различныя эры человѣка и общества. Вотъ три лицеизмѣненія его: юность, мужество, старость. Изслѣдуйте какую нибудь Литературу частно, или всѣ литературы вмѣстѣ, и вы всегда придете къ одному факту: поэты лирическіе передъ поэтами эпическими, поэты эпическіе передъ поэтами драматическими. Во Франціи Малербъ прежде Шапелена, Шапеленъ прежде Корнеля; въ древней Греціи Орфей передъ Омиромъ, Омиръ

Digitized by Google

передъ Эсхиломъ; или, дабы взойдши по огромной лѣстницѣ всѣхъ Поэзій, пройденной нами— Ѳеологическія пѣснопѣнія передъ Иліадою, Иліада передъ Шекспиромъ.

Дѣйствительно: общество начинаетъ пѣніемъ того, о чемъ оно мечтаетъ; потомъ разсказываетъ то, что оно дѣлаетъ; наконецъ живописуетъ то, что оно мыслитъ. Отъ сего послѣдняго, скажемъ мимоходомъ, Драма, соединяя качества самыя противоположныя, можетъ быть въ одно время исполнена глубиною мысли и говорить образами, быть философическою и живописною.

Слѣдуетъ присовокупить здѣсь, что все въ Природѣ и Жизни переходитъ по симъ тремъ измѣненіямъ — Лиризму, Эпопеѣ, Драмѣ, потому, что все родится, дѣйствуетъ и умираетъ. Если-бы не боялся строгихъ судей, и позволилъ себѣ вмѣшеніе фантазическихъ сближеній, взятыхъ изъ области воображенія, съ строгими выводами Критики и Исторіи, то поэтъ на нашемъ мѣстѣ сравнилъ-бы, говоримъ примѣрно, восхожденіе солнца съ Гимномъ, полдень съ блестящею Эпопеею, закатъ солнца съ мрачною Драмою, въ коей борются день и ночь, жизнь и смерть. Но всѣ подобныя сравненія пустая поэзія — глупость — скажутъ иные, и —

Digitized by Google

qu'est-ce que cela prouve (что этимъ доказывается)?

Хорошо. Придержимся-же фактовъ, выше сего нами собранныхъ, и дополнимъ ихъ еще важнымъ замѣчаніемъ: никакъ не хотимъ мы къ премъ эпохамъ Поэзіи отнесши исключительно три раздѣленныя области поэтическія, но только означаемъ оными преимущественный характеръ каждой. Въ первобытномъ Лиризмѣ заключаются уже сѣмена Эпопеи и Драмы. Во всѣхъ поэмахъ Омировскихъ чувствуете остатокъ поэзіи Лирической и начало поэзіи Драматической. Ода и Драма пересѣкаются взаимно въ Эпопеѣ. Все есть вовсемъ; только въ каждомъ отдѣльно существуетъ одинъ элементъ преимущественно, элементъ родовой, которому подчиняются всѣ другіе, и который кладетъ на общность свой собственный характеръ.

Драма есть полная Поэзія: Ода и Эпопея содержатъ въ себѣ только ея начала; она заключаетъ въ себѣ развитіе той и другой. Она дѣлаетъ выводъ изъ нихъ, и сжимаетъ ихъ въ своей сущности. Кто сказалъ: *у Французовъ не эпическая голова*, тотъ сказалъ слова справедливыя и остроумныя. Вмѣсто: *Французы*, поставьте: *Новѣйшіе*, и остроумное слово это превратится въ глубокую истину. Неоспоримо однакожь, что повсюду видѣнъ эпическій

Digitized by Google

геній въ этой чудесной *Гоголіи*, столь высокой, и столь просто величественной, что вѣкъ Людовика XIV-го не могъ понять ея. Вѣрно и то, что порядокъ Драмъ-лѣтописей Шекспира представляетъ собою великое зрѣлище Эпопеи. Особенно Лирическая Поэзія присвоиваетъ къ Драмѣ, не стѣсняетъ ея, перегибается по всѣмъ ея прихотямъ, играетъ со всѣми ея формами, но величественно въ Аріэлѣ, но уродливо въ Калибанѣ. Наша эпоха, Драматическая прежде всего, по сему самому есть и въ высшей степени Лирическая. Множество отношеній всегда найдете между началомъ и окончаніемъ: захожденіе солнца представляетъ нѣкоторыя сходства съ его восхожденіемъ; старикъ дѣлается дитятею. Но сіе послѣднее дѣтство не походитъ на первое: оно столь-же печально, сколько первое весело. Такъ и съ Лирическою поэзіею. Ослѣпительно блестяща, дивно мечтающа въ началѣ, она является мрачною, думчивою на склонѣ своемъ. Новѣйшая Ода всегда вдохновенна, но уже хорошо знаетъ она сущность предметовъ. Она размышляетъ болѣе, нежели созерцаетъ. Ея мечта есть задумчивость. Изъ ея твореній видимъ, что она сроднилась уже съ Драмою.

Полагая, что идеи, нами представляемыя, будутъ ощутительнѣе въ образахъ, мы сравнимъ

Digitized by Google

первобытную Лирическую поэзію съ спокойнымъ озеромъ, отражающимъ облака и звѣзды небесныя; Эпопея есть рѣка, изъ него вытекающая, и въ теченіи своемъ отражающая берега, лѣса, деревни и города; она впадаетъ въ Океанъ — Драму. И Драма, какъ озеро, отражаетъ небо, какъ рѣка, отражаетъ окрестности своего теченія, но только въ ней одной есть бездны и бури.

И такъ, въ Драмѣ сосредоточивается все у Новой Поэзіи. Не бывши еще Эпопеею, *Потерянный Рай* былъ Драмою. Извѣстно, что подъ сею формою представился онъ первоначально воображенію поэта, и подъ сею формою всегда остается онъ въ памяти читателей: такъ явственно первоначальная Драматическая отдѣлка видна въ Эпическомъ созданіи Мильтона. Когда Данте кончилъ свой ужасный *Адъ*, когда заперъ онъ врата его, и оставалось ему только наименовать свое великое созданіе, инстинктъ генія показалъ ему, что его многообразная поэма есть, по сущности своей, Драма, а не Эпопея. И на челѣ своего исполинскаго памятника, онъ пишетъ бронзовымъ перомъ своимъ: *Divina Comedia.*

Видимъ, что два единственные, подходящіе подъ Шекспировскій ростъ поэта, Мильтонъ и Данте, присоединяются къ его единству.

Digitized by Google

Они споспѣшествуютъ ему напечатлѣть знаменіе Драмы на всей нашей Поэзіи. Подобно ему, составлены сіи поэты изъ Смѣшнаго и Высокаго, и не только не удаляются они отъ великой литературной общности, опирающейся на Шекспирѣ, нѣтъ: Данте и Мильтонъ суть нѣкоторымъ образомъ двѣ огромныя арки зданія, въ которомъ Шекспиръ составляетъ среднюю, главную опору; они контрфорсы свода, въ которомъ онъ ключъ.

Да позволятъ намъ обратиться еще къ идеямъ, изложеннымъ выше сего. На нихъ надобно налечь сильнѣе. Мы дошли до нихъ; теперь останется только идти далѣе.

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ сказалъ самому себѣ: я двойственъ; я составленъ изъ двухъ бытій — одного гибнущаго, другаго безсмертнаго, одного тѣлеснаго, другаго эѳирнаго, одного окованнаго тѣлесными потребностями и страстями, другаго уносимаго на крыльяхъ восторга и думъ, одного, наконецъ, согбеннаго къ землѣ, моей машери, другаго безпрестанно порѣваемаго въ небо, мою отчизну — съ сего времени Драма была создана. И что-же она другое, дѣйствительно, если не вседневная противоположность, не ежемгновенная борьба между двумя противными основаніями, всегда существующими въ жизни, и спорящими о человѣкѣ, отъ колыбели до гроба?

Digitized by Google

Рожденная отъ сей мысли, Поэзія нашего времени есть, слѣдственно, *Драма*. Характеръ Драмы есть дѣйствительность; онъ слѣдуетъ изъ естественнаго уравненія двухъ типовъ, Высокаго и Смѣшнаго, связанныхъ въ Драмѣ, какъ они связаны въ Жизни и въ Природѣ. Поэзія истинная, Поэзія полная заключается въ согласіи противоположностей. Потому — время уже говорить это громко и смѣло, и здѣсь особенно, гдѣ исключенія утверждаютъ правило — все, что есть въ Природѣ, все то есть въ Искусствѣ.

Ставя себя на сію точку зрѣнія, чтобы съ нея судить всѣ мѣлкія, условныя правила, чтобы съ нея распутывать всѣ схоластическіе узлы, рѣшать ничтожныя проблеммы, коими критики двухъ послѣднихъ столѣтій тщательно обстроили Искуство со всѣхъ сторонъ, вы изумитесь легкости, съ какою поясняется вопросъ о новѣйшемъ Театрѣ. Драмѣ стоитъ только шагнуть, и она разорветъ всѣ паутины, какими войско Лиллипутовъ-критиковъ думало связать ее во время сна.

Когда безразсудные педанты (одно не исключаетъ другаго) утверждаютъ, что безобразное, уродливое, Смѣшное никогда не должно быть предметомъ подражанія въ Искуствахъ, имъ отвѣчаютъ, что Смѣшное есть Комедія, а Комедія, *по видимому*, составляетъ часть Иску-

Digitized by Google

ства. Тартюфъ не прекрасенъ, Пурсоньякъ неблагороденъ; но тотъ и другой суть удивительныя проявленія Искусства.

Если, прогнанные изъ сихъ первыхъ укрѣпленій во вторую линію своихъ паможенъ, они возобновляютъ запрещеніе Смѣшнаго, смѣшаннаго съ Великимъ, Комедіи, сплавленной съ Трагедіею, имъ даютъ замѣтить, что въ Поэзіи первый изъ сихъ типовъ представляетъ животность человѣческую, второй духъ. Сіи двѣ вѣтви Искусства, если воспрепятствуютъ имъ соединиться, если раздѣляютъ ихъ систематически, произведутъ, вмѣсто надлежащихъ плодовъ, съ одной стороны отвлеченные образы пороковъ и странностей, съ другой отвлеченности преступленій, героизма и добродѣтелей. Два типа, объединенные такимъ образомъ, и преданные самимъ себѣ, пойдутъ каждый своею дорогою, оставляя дѣйствительность, одинъ направо, другой налѣво. Выходитъ, что послѣ сихъ отвлеченностей, Искусству еще останется представить кое-что — *Человѣка*; послѣ нашихъ Трагедій и Комедій, потребно еще нѣчто— *Драма*.

(Окончаніе въ слѣдующемъ N°.)

Digitized by Google

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ НОВАГО РОМАНА:

КОЩЕЙ БЕЗСМЕРТНЫЙ.

Соч. А. Вельтмана.

Хотя Иваша былъ плодомъ болѣе торговаго разсчета дѣдушки, нежели взаимной любви его родителей, но въ немъ было много особенныхъ качествъ, по которымъ отецъ и мать предвидѣли въ своемъ сынѣ великаго человѣка: Боярин Пупа-Зарѣвъ умеръ съ увѣренностію, что его Иваша есть надежная, добрая отрасль прославленнаго въ Новгородѣ поколѣнія того *Пидоблянина*, который везъ въ городъ горнцы, и увидѣвъ, что Перунъ, сверженный Новгородцами въ Волховъ, приплылъ снова къ берегу, оттолкнулъ его шестомъ и рекъ: *Ты, Перунище, досыти еси пилъ и ялъ; а нынѣ плыви уже проче.*

Правдивую повѣсть о родѣ Пупа-Зарѣвыхъ можно было-бы начать отъ походовъ Славянъ съ

Digitized by Google

Александромъ Великимъ и съ *Одиномъ*, или отъ переселенія народовъ и кочеванья ихъ по бѣлому свѣту; но что баснословно, темно, подвержено сомнѣніямъ, и не основано на сказаніяхъ писменъ Руническихъ, то чистый разсудокъ отвергаетъ: ему нужна истина, истина неоспоримая, подтвержденная выноскою въ низу страницы, или примѣчаніемъ въ концѣ книги.

Я самъ слѣдую сему-же правилу, и потому начинаю съ временъ чисто историческихъ, даже позже призванія Рюрика, Синава и Трувора на *столъ* Новгородскій.

Въ 1170-мъ году, когда поднялась вся земля Русская на Новгородъ, и Новгородцы обнесли весь городъ деревяннымъ тыномъ, и потомъ, не усидѣвъ въ осадѣ, высыпали изъ спѣнъ, врѣзались въ станъ непріятельскій, положили часть враговъ на мѣстѣ, другую часть взяли въ плѣнъ, а прочею прогнали, тогда въ числѣ одного десятка плѣнныхъ Суздальцевъ, проданныхъ за одну гривну, Степенному Тысяцкому (*) Колѣ-Ораю, былъ Олегъ-Пупа.

(*) Степеннымъ назывался дѣйствительно исправлявшій должность; Старымъ назывался бывшій. Такъ-же точно Степенный Посадникъ и Старый Посадникъ.

Digitized by Google

Онъ не горевалъ, не смотря на то, что половина бороды его была вырвана однимъ Новгородскимъ вершникомъ, два пальца, на лѣвой рукѣ, отрублены, другимъ, и изъ верхней челюсти выбиты два зуба, третьимъ.

« Ничего! » думалъ онъ, ибо былъ увѣренъ въ своей счастливой будущности.

Однажды Тысяцкій Орай воротился съ Вѣча, гдѣ увѣчали (*) строить, въ честь и память побѣды, одержанной Новгородцами надъ соединенными Князьями, Храмъ Знаменія Богомашери, и положили миръ съ Андреемъ Боголюбскимъ.

Въ свѣтлицѣ, столъ былъ уже убранъ яствами. Жена Орая встрѣтила его въ дверяхъ; вся семья собралась; въ числѣ ея замѣтны были: старушка, помнившая какъ Перуна привязали къ конскому хвосту и свезли въ Волховъ, да внучка ея, дочь Тысяцкаго, дѣвушка, какой въ Новгородѣ другой не было.

Помолились Богу, поклонились низменно образамъ, а потомъ другъ другу, и сѣли за трапезу молча.

Миръ съ Княземъ Андреемъ напомнилъ Тысяцкому о плѣнныхъ Суздальцахъ; одинъ изъ

(*) Рѣшили.

Digitized by Google

нихъ, купленный также за двѣ ногаты, былъ не простаго рода, не изъ смерды.

Тысяцкій велѣлъ его привести къ себѣ.

«А *шо*, Суждальцу, каково-ли онъ хлѣба Ноугорочково?

— Чествую господине Тысячьскій, слнце тепло и красно, простре горячую лучю свою и на небозіихъ — ошвѣчалъ весело Суздалецъ.

«Шо радуетъ ти? Ноугорочкое сердце плакалось-бы по волѣ, яко Израиля при Фаравунѣ Царю Еюпетьстѣмъ!

— Вольно мнѣ радоваишся горю и я воленъ— ошвѣчалъ Олегъ-Пуша.

Веселый взоръ внушаетъ довѣренность. А такъ какъ послѣ *увѣданья*, Суздальцы вообще вздорожали, то Тысяцкій Орай посадилъ Олега съ собою за столъ.

«Испей Волхови!» сказалъ унеинъ (*), поднося стопу, наполненную Фряжскимъ виномъ. «Даю тебѣ волю, иди въ Суждаль, съ Богомъ.

Олегъ-Пуша всталъ, поблагодарилъ Тысяцкаго за милость; но едва поднесъ онъ стопу къ устамъ своимъ, осѣненнымъ густыми молодецкими усами, едва закинулъ голову назадъ и

(*) Хозяинъ.

Digitized by Google

приподнялъ очи; что-то блеснуло передъ нимъ; онъ остановился, взглянулъ пристально, еще пристальнѣе, выпилъ вино и задумался.

Противъ него сидѣла Свельда.

Домъ Тысяцкаго Колы-Орая стоялъ красными окнами на улицу Щитную (*), находившуюся на Торговой сторонѣ, въ Славянскомъ концѣ.

Плавный Волховъ подмывалъ серебряными струями своими корни столѣтнихъ липъ, принадлежавшихъ къ саду, въ которомъ Свельда гуляла, или пѣла, съ подругами, дѣвами Новгородскими, пѣсни, въ посидѣльникѣ, построенномъ на самомъ берегѣ рѣки Волхова.

«О,» сказалъ Олегъ, въ тотъ-же еще день, въ который объявили ему волю: «буря занесла сокола въ землю чуждую; испилъ Волхова, взглянулъ на Новгородскую дѣву, и уже крылья его не ширяютъ! Не хочетъ онъ летѣть въ родную землю!»

«Чу; красныя воспѣли на берегѣ свѣтлаго Волхова!»

(*) Счетную.

Digitized by Google

Спустившись съ широкихъ сѣней, по песовому крыльцу, на зеленый дворъ, Олегъ скользнулъ въ калишку, ведущую въ оградину. Между деревьями пробрался онъ къ самому посидѣльнику.

Притаился за угломъ въ кустѣ синели, и видѣлъ сквозь окно ряды дѣвъ, занятыхъ рукодѣльемъ.

Они пѣли:

Олегъ заучилъ слова — они полюбились ему:

Чему ты мое веселье,
По ковылью вѣешь?
Чему ты на злакъ излила
Студеную росу?
Вѣща душа въ дружнемъ пѣлѣ!
Сглядай мои слезы!
Изрони ты слово злато,
Взлелей мою радость!
Я люблю ти, голубицу,
Жемчужную душу!

Всѣ дѣвы были хороши; а одна лучше всѣхъ. Олегъ смотрѣлъ на Свельду.

Онъ видѣлъ, какъ узорочье изъ голубой цвѣтной паволоки (*) ~~приспало къ ней~~; какъ кро-

(*) Паволока — шелковая матерія.

Digitized by Google

пиная, тонкая руба (*), обшитая цвѣтною ужицей (**), прилегла къ плечамъ ея и безпокойно волновалась, когда изъ бѣлой груди вырывались нѣжные звуки, а иногда и глубокій вздохъ; видѣлъ какъ перловая нить обвивала шею Свельды, а жуковины (***), съ камнями честными, свѣшились на маленькихъ пальчикахъ, а златокованный поясъ крѣпко, крѣпко обвилъ станъ ея, а япончица червленая, наброшенная на плеча, скатилась съ нихъ, а сафьянныя Торговскія черевички съ шесьмами, какъ змѣи обвивались около ногъ.

Все это онъ видѣлъ, милые читатели! Какъ не позавидовать глазамъ, которые такъ пристально смотрятъ на существо нѣжное, въ которомъ все ново, все полно, все пышно, все таинственно, все невинно!

Злодѣй! онъ притаился за кустомъ. Онъ задыхается отъ чувствъ, которыя наши прародители не называли просто любовью, а почитали внушеніемъ Божескимъ, или наваждeніемъ дьявольскимъ. Горючее вещество, наполнявшее древнія сердца, было неутушимо! Впрочемъ грѣхъ завидовать прошедшему; и въ насъ есть

(*) Руба — рубашка.

(**) Ужица — бахрома.

(***) Перстни.

Digitized by Google

уже столько готическихъ, патріархальныхъ чувствъ! Возмите въ примѣръ хоть *откровенность*.

Свѣтлыя струи Волхова уже померкли; только на Ильменѣ еще было разсыпано нѣсколько лучей вечерняго солнца. Красныя дѣвушки скрылись изъ посидѣльника; разсыпались по тропинкамъ сада; *ау*! переносилось изъ куста въ кустъ, и вторилось въ отдаленіи.

Олегъ взобрался на холмъ и прилегъ на мягкой муравѣ. Смотрѣлъ онъ на зеркальное озеро, на каменныя палаты и многоверхіе храмы, на дворъ Ярослава, возвышавшійся надъ строеніями, на *вѣчевую* башню, о четырехъ витыхъ столбахъ, коей верхъ уподоблялся древней Княжеской шапкѣ; на *перынь*, обнесенную зубчатыми стѣнами, на златоглавый новый Софійскій соборъ, о пятнадцати верхахъ; на высокую могилу Гостомысла, среди Волотова поля.

На все смотрѣлъ Олегъ; но видѣлъ повсюду только разсѣянныя свои мысли.

Олегъ помнитъ себя отрокомъ, у котораго нѣтъ ни отца ни матери, и который живетъ въ глухомъ лѣсу, въ божницѣ, подъ началомъ сѣдаго грознаго старика, одѣтаго въ широкую червленую одежду, подъ покровомъ изъ тонкой бѣлой попаломы.

Digitized by Google

Помнитъ онъ въ божницѣ, на высокомъ столялѣ (*), огромнаго истукана, котораго называли *Свѣтовичемъ*; со всѣхъ сторонъ видное лицо его представлялось то краснымъ, то бѣлымъ, то зеленымъ, то желтымъ. Въ одной рукѣ держалъ онъ лукъ и стрѣлы, въ другой мѣдный рогъ. Въ ногахъ у него лежали доспѣхи и вооруженіе.

Помнитъ Олегъ, что приходящимъ въ храмъ воспрещалось дышать, подъ казнію сожженія на кострѣ, за оскверненіе храма нечистымъ дыханіемъ; и потому всѣ поклонники идола, вбѣгая въ храмъ и прикоснувшись устами къ подножію истукана, торопились выйдти, чтобъ не быть жертвою его.

Помнитъ Олегъ, какъ во время совершенія обрядовъ, которые состояли въ возженіи огней въ храмѣ, и въ принятіи отъ поклонниковъ жертвъ: вина, елея, плодовъ, рыбъ, живопныхъ, и всего что подавалось идолу отъ чистаго сердца, жрецы пѣли:

Свѣтъ, свѣтъ, свѣте вѣкожизный!
Укажи ны правду по закону.
Не розвлай-се (**) тучею по небу,
Не взмути ны сгрую сребропѣнну.

(*) Подножіе.
(**) Не разлейся.

Digitized by Google

Не губи ны лютою грозою.
Не сотри шеломы горъ зеленыхъ.
Не навей на вежи огнь и смагу!
Не остри на ны меча карайча.
Выповѣдай розмыслъ намъ и правду,
Присѣни ны ризой златошканной,
Усыти ны голодъ жирне ѣствой,
Упои ны жажду млекомъ сладкимъ,
Вѣчиной твоею насъ управи,
Свѣшъ, свѣшъ, пламень правдовѣстный!

Помнишъ Олегъ какъ приготовлялся заблаговременно пирогъ изъ мусты, величиною съ малую келію; какъ жрецъ садился въ него, и вынесенный Святовидовыми кметами, къ богомольцамъ, вопрошалъ всѣхъ: «Видите-ли мене?» — Не видимъ, отвѣчали поклонники. — «Въ ново лѣто узрите!» — Кто желалъ видѣть жреца и не удостоился видѣть, тотъ долженъ былъ класть въ огромную мѣдную чашу, не менѣе *долгеи*; и потому, мало было охотниковъ наслаждаться лицезрѣніемъ Святовича, сидящаго въ пирогѣ.

Помнишъ Олегъ, какъ по окончаніи обряда празднества, жрецы сносили пожертвованную Святовичу пищу и вино въ подземельную свою палату, и тамъ пресытясь и упившись до безпамятства, проводили ночи въ пѣсняхъ и пляскахъ съ чужими жрецами, которыхъ привози-

Digitized by Google

ли на Святовидовомъ бѣломъ конѣ, изъ другаго сосѣдняго капища Лады.

Помнишь Олегъ, что грозный жрецъ воспрещалъ ему не только раздѣлять съ ними увеселенія, но даже и быть свидѣтелемъ. Это было для Олега хуже всего. Тошна ему стала и пища и жизнь. «Какъ!» думалъ онъ, « не только не даешь мнѣ вина, но даже не позволяешь и взглянуть на жрецовъ Лады, которые, хотя подъ покрываломъ, но должны быть также молоды какъ я, потому что ни у одного не замѣтно на бородѣ ни одного волоса!»

Такимъ образомъ до юношескаго возраста Олегъ росъ какъ трава блещаная, въ глубинѣ развалинъ, гдѣ ни солнце не освѣтитъ ея, ни дождь не освѣжитъ; но когда Олегъ сталъ уже юношей, сердце его еще болѣе вспыхнуло досадой и онъ рѣшился бѣжать.

За водою, окружавшею со всѣхъ сторонъ лѣсъ и капище, ему казалось было болѣе свѣта.

Въ одно утро, когда еще солнце едва только освѣтило верхи высокихъ деревъ, окружавшихъ божницу; когда еще старый жрецъ покоился послѣ ночныхъ бдѣній въ честь Святовича, а два другихъ еще привязывали въ стоялѣ *святыхъ коней*, взмыленныхъ и вспаренныхъ, Олегъ прокрался вонъ изъ подземелья, пробѣ-

Digitized by Google

жалъ чащу лѣса; передъ нимъ открылась зеленая даль, но подъ сѣнами его утреннее солнце играло на зыбкомъ лонѣ воды. Сердце его забилось, страхъ овладѣлъ душею, грозный голосъ сѣдаго жреца послышался ему, за водою шли люди.

Онъ бросился въ воду: свѣтъ утра, зелень, люди, исчезли изъ глазъ, все померкло, холодъ обдалъ его, восклицаніе ужаса вдругъ потухло какъ брызнувшая искра.

Послѣ сего, нѣсколько лѣтъ жизни были темны для памяти Олега.

Новое существованіе, несвязное съ прежнимъ, казалось ему яснѣе.

Олегъ юноша, красный собою; живетъ стременнымъ у Суздальскаго Воеводы Бориса Жидиславича. Съ нимъ идетъ онъ въ землю Половецкую.

Въ покоренной Вежѣ *Тунгу*, воины привели предъ Воеводу чаровницу. Когда ее бросали въ погребъ, чтобъ приготовить между тѣмъ костеръ, Олегъ замѣтилъ во взорахъ старухи мольбу. Она хотѣла что-то сказать ему. Любопытство подстрекаетъ юношу; онъ находитъ случай войдши къ ней въ подземелье.

Digitized by Google

Старуха начинаетъ ему говорить что-то на бессерменскомъ Половецкомъ языкѣ.

«Не вѣмъ,» отвѣчалъ Олегъ, разсматривая чаровницу, для которой попалома изъ бипой черной шерсти служила вмѣсто одежды, ниже пояса, а остроконечная кожаная шапка, вмѣсто головнаго убора; сѣдые длинные волосы были разбросаны по плечамъ, и прикрывали нагопу груди; обнаженныя руки, уподоблялись выдавшимся изъ земли корнямъ засохшаго дерева.

«Не вѣдаешь языка моего, я вѣдаю твой!» отвѣчала старуха.

«Часъ мой приспѣлъ; но не умру на кострѣ. У тебя мечь; у меня голова; снеси ее! *не алтынъ* (*) дамъ тебѣ; дамъ зелье *эмманъ* (*); кпто не восхочешь вершить честную волю твою, дай ему поухать зелія, и полюбишъ тебя, и волю твою. Береги про день черный; послужишъ тебѣ, да на одинъ подвигъ, на одну часть (***), и другому послужишъ, да не давай

(*) Золото, по-Татарски.

(**) «Аже имии не восхощешъ, дай ему поухати зелія именуемъ эмманъ. (Смол. Кіевск. Лѣтоп. лѣто 1184-е).

(***) Часть — счастіе.

Digitized by Google

ни другу; ни милостивцу, а отдай въ наслѣдіе сыну; и будетъ роду твоему добрая часть. Ну, уруби тяжкую голову мою!

Олегъ взялъ у старухи что-то завернутое въ кусокъ холстины (*), вынулъ мечь свой, размахнулся, исполнилъ послѣднюю волю чаровницы, и вышелъ изъ погреба.

Не вѣрю тому, чтобъ люди были лучше въ старину; но чувствую, что въ нашемъ поколѣніи нѣтъ уже того харалужнаго терпѣнія, которымъ вооружались наши предки.

Кто въ наше время отложилъ-бы испытаніе эммана до другаго дня? Но Олегъ, владѣя сокровищемъ, похищеннымъ вѣроятно изъ сокровищъ Сивиллы, не зналъ что съ нимъ дѣлать. Довольный судьбою, онъ не имѣлъ желаній, для исполненія которыхъ нужна бы была сверхъестественная сила.

Зашивъ зелье въ ладонку, онъ повѣсилъ его на шею, и забылъ про зелье.

Прошло восемь лѣтъ, въ которыя Суздаль былъ прославленъ княженіемъ мудраго Андрея Георгіевича.

Подъ его покровомъ были Кіевъ и Новгородъ. Онъ могъ быть обладателемъ всѣхъ Русскихъ

(*) Холстины.

Digitized by Google

Княжествъ, но не искалъ соединенія ихъ, и судьба влекла Русь къ бѣдственнымъ вѣкамъ междоусобій и униженія, изглаженныхъ также вѣками.

Въ эти восемь лѣтъ, Олегъ былъ свидѣтелемъ кровавой войны съ Кіевскимъ Княземъ, Мстиславомъ Изяславичемъ. На него возсталъ Андрей, и соединенныя полчища Переяславля, Смоленска, Вышгорода, Овруча, Дорогобужа, земли Сѣверской и Суздаля, подъ предводительствомъ Мстислава Андреевича, окружили Кіевъ, побили слабыхъ защитниковъ его, подкрѣпленныхъ союзомъ съ Волынянами, Торками и Берендеями, взяли городъ, и Мстиславъ Кіевскій скрылся въ Волынь.

Помнилъ Олегъ, какъ неистовства соединенной рати превзошли всю мѣру безчеловѣчія надъ жителями покореннаго Кіева.

Сердце Олега облилось кровію.

Припомнилъ онъ и послѣднее возстаніе Андрея на Новгородъ.

Судьба отмстила за Кіевъ. Мстиславъ, испившій шлемомъ Днѣпра, не утолилъ жажды въ Волховѣ.

Воины 72 Князей, сорашаевъ его, пали подъ стѣнами Новгорода; а Олегъ Пупа, стременный Суздальскаго Воеводы Бориса Жидиславича, взятъ въ плѣнъ.

Digitized by Google

«А за что?» вскричалъ вдругъ Олегъ. «За то-ли, что въ Кіевѣ хромому старику спасъ костыли? Что малому ребенку выручилъ два сосца его изъ рукъ воевъ? Что урубилъ шею-сопѣлку Половецкой чаровницѣ?

Ау! раздалось близъ Олега.

Онъ вздрогнулъ.

Что-то защекотало, зажгло около сердца, какъ будто залетѣвшій подъ одежду черный, рогатый жукъ.

Олегъ схватилъ рукой, ощупалъ: это была ладонка.

Сорвалъ ее.

Слова пѣсни: *Я люблю ти голубицу, жемчужную душу*, повторились въ памяти. Сердце забилось сильнѣе. Онъ припомнилъ слова чаровницы, и раскрылъ ладонку.

Зеленая травка, какъ будто только что сорванная, развернулась: пріятный запахъ коснулся обонянія. Олегъ громко чихнулъ.

«Во здравіе!» раздался подлѣ него пріятный голосъ.

Это была Свельда.

Пробѣгая мимо, она замѣтила Олега; разговоры съ самимъ собою показались ей чудными; она остановилась, и видѣла, какъ онъ раскрылъ

Digitized by Google

ладонку и вынулъ зеленый листокъ. Любопытство дѣвушки не льзя ни съ чѣмъ сравнить.

« Что то, Суздальце ? » спросила она.

« Поухай, Свельда, » отвѣчалъ онъ и приблизилъ зеленый листокъ эммана къ устамъ ея: запахъ коснулся до чувствъ дѣвы, взоръ ея поднялся на Олега; она чихнула, румянецъ вспыхнулъ на щекахъ.

« Полюби Олега, Свельда, будь ему женою! »

Свельда опустила очи въ землю и молчала.

« Изрони-же слово златое, взлелѣй мою радость!

Свельда опять подняла очи.

Олегъ взялъ ее за руку.

Обнялъ.

Свельда, какъ глыба пламени оторвалась отъ пожара и исчезла въ кустахъ.

Олегъ глубоко вздохнулъ. Взоръ его остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ не стало видно Свельды.

Громкія приближающіяся *ау*! подругъ ея, вывели Олега изъ забвенія.

День пошухъ.

Digitized by Google

Какъ провелъ Олегъ время отъ захожденія солнца до восхожденія, послѣ подобныхъ неожиданныхъ происшествій? Спалъ онъ, или нѣтъ?

Это трудно рѣшить въ томъ вѣкѣ, въ который, въ чувствахъ нѣтъ счастливой умѣренности, въ который, или *нѣтъ ничего*, или *слишкомъ*, губятъ взаимныя радости и довольствіе участію.

— Онъ не долженъ былъ спать — скажутъ мнѣ и юноши и дѣвы.

Первый мигъ блаженства слишкомъ полонъ, чтобъ не взволновать души и крови;

Слишкомъ пламененъ, чтобъ не сжечь собою спокойствія;

Слишкомъ сладокъ, чтобъ забыть его для безчувствія. —

Согласенъ.

Въ томъ климатѣ, гдѣ воздухъ не можетъ быть чистъ безъ грома и молніи, нужны бури.

Но, есть сердца, похожія на вѣчную весну Квито.

Улыбка ихъ не есть дитя порывистыхъ чувствъ; въ нихъ она есть постоянно голубое небо.

Питательная роса замѣняетъ ливень.

Эта роса есть слезы умиленія.

Безчувствіе-ли сонъ? Я не знаю.

Digitized by Google

Но мнѣ памятно, какъ въ счастливыя минуты жизни, сонъ носилъ меня по будущему блаженству, и довременно лилъ въ меня наслажденіе.

Помню, какъ въ скорбныя минуты жизни, сонъ бросалъ меня съ утесовъ, топилъ въ морѣ, давилъ мою грудь скалою, водилъ меня по развалинамъ и кладбищамъ, и поилъ ядомъ.

Это помню я, и не знаю, безчувствіе-ли сонъ, или невещественная жизнь, основанная на радостяхъ и печаляхъ сердца, на ясности и мракѣ души?

Впрочемъ, какъ не назвать Олега безчувственнымъ!

Въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній, влюбленный и увѣренный во взаимной любви, онъ спитъ, полагаясь на весь міръ, какъ на каменное свое сердце.

Настало утро.

Онъ проснулся.

Выглянулъ весело въ оконце; на золотомъ крестѣ Софійскаго собора, виднаго изъ за домовъ, солнце уже играло; перекрестился, началъ день съ Богомъ, и пошелъ къ унейну, поблагодаривъ за спокойную ночь; ибо добрый Тысяцкій, полюбивъ Олега и узнавъ что онъ былъ стременнымъ Суздальскаго Воеводы Бори-

Digitized by Google

са Жидиславича, обходился съ нимъ ласково и уложилъ спать какъ гостя.

«Ну, радуйся со мною праздному дню моему,» сказалъ Тысяцкій, когда Олегъ вошелъ къ нему.

«По вечери, дочь моя Свельда размыкала дѣвичью волю; на утріе снимешъ крылія и надѣнешъ злато ожереліе.»

— Не кори меня, господине, Богу-милый читатель, за то, что я не вездѣ буду говорить съ тобой языкомъ нашихъ прадѣдовъ.

И ты, цвѣте прекрасный, читательница, дчь Леля, цресвѣтлое слнце словутницю, взлелѣялъбы тебя словесы Бояновы, пустилъ-бы вѣщіе персты по живымъ струнамъ, и началъ-бы старую повѣсть старыми словесы; да боюся, уноетъ твое сердце жалобою на меня, и ты пошлешь меня чернымъ вранамъ на уѣдіе.

Въ продолженіе сихъ добрыхъ повѣстей моихъ къ читателю и читательницѣ, Олегъ молчалъ

Тысяцкій Орай продолжалъ: «Дѣло слажено, люди отслушаютъ заутреню, придетъ красный сынъ честнаго староспы, Яній, покажу ему невѣсту, не откажется!

Олегъ молчалъ.

«Повидишь жениха Свельды, похвалишь.

Олегъ смотрѣлъ на тесовый рѣзной потолокъ и молчалъ.

Digitized by Google

«Видѣлъ дочь мою Свельду? А! Какъ милость?»

Олегъ опустилъ взоры на полицу, потомъ на оконце, потомъ въ землю и молчалъ.

«Суждальцю!

Олегъ поднялъ взоры на Тысяцкаго и молчалъ.

«Чему не вѣчаешь, не смиляешься радованію моему?»

— Господине мой, намилуюся-ли повѣсти о сѣтованіи и скорби моей! — произнесъ Олегъ печально.

«Желаешь нелюбія!» сказалъ сердито Тысяцкій.

—Желаю веселія, отвѣчалъ Олегъ, да не то замыслило сердце мое; Свельда...

«Ну!» громко произнесъ Орай и всталъ съ мѣста.

«Лада моя!

Тысяцкій разгладилъ уже съ досады бороду, опустилъ обѣими руками шишый сухимъ златомъ кушакъ, что-то хотѣлъ говорить, но взглянулъ на Олега и захохошалъ.

Олегъ, протянувъ руку, подносилъ къ носу Тысяцкаго зеленую травку.

«Нѣтъ вѣры? Поухай!» произнесъ Олегъ.

Запахъ цвѣтка коснулся обонянію Тысяцкаго.

Онъ чихнулъ.

«Свельда моя?» спросилъ Олегъ.

Digitized by Google

— Правда! — отвѣчалъ Орай.

Нарѣченный зять обнялъ будущаго своего шестя. Пошомъ будущій шесть обнялъ нарѣченнаго своего зятя, и повелъ его въ мовню (*), изъ мовни въ свою ризницу. « Слюбное емли, » сказалъ ему, и далъ шитый сухимъ златомъ кожухъ, и соболью шапку съ золотою *ужицей*.

Когда Олегъ кончилъ свой нарядъ, Орай любо взглянулъ на него, обнялъ еще разъ и сказалъ: « Заутра *смильный* (**) день! »

И Олегъ еще разъ обнялъ будущаго шестя своего и поклонился ему въ землю.

(*) Баня.

(**) Брачный.

Баллады и повѣсти В. А. Жуковскаго. Двѣ части. Спб. 1831 г. въ т. Главнаго Штаба Е. И. В., in-12, 277 и 261 стр. съ карт. и виньетами.

Прелесть неизъяснимая, понятная только живѣшему сердцемъ и душею человѣку — соображать прошедшія свои чувствованія, повѣрять минувшія свои ощущенія. При ясномъ полднѣ мужества, усладительно вспомнишь тихое, свѣтлое утро юности; при сумрачномъ вечерѣ старости уносишься думою въ прешедшій полдень жизни. Задумчивая, но не мучительная, грусть напоминаешъ вамъ шемныя минуты бытія; веселье тихое возобновляешъ въ памяти вашей свѣтлыя точки жизни. Такова двойная прелесть воспоминанія, съ какою *перечитываемъ* мы, что *читали* нѣкогда, въ юности нашей; шаково очарованіе, которое никогда не пошеряютъ для насъ, поколѣнія XIX вѣка, сочиненія Жуковскаго. Въ силѣ юнаго духа, безпечные жильцы міра, люди одного дня, увлекашельно предававшіеся первымъ порывамъ радости и первымъ думамъ печали были мы, когда Жуковскій явился на поприщѣ Русской Словесности *пѣвцомъ въ станѣ Русскихъ воиновъ*, унылымъ балладникомъ, разскащикомъ о снахъ Свѣтланы и таинственныхъ звукахъ Арминіевой арфы.

Digitized by Google

Кто изъ насъ, читая Эпилогъ Стихотвореній Жуковскаго, не повторилъ, вмѣстѣ съ нимъ:

И *для меня* въ то время было
Жизнь и Поэзія одно?

Теперь, прошло по *полувѣку* человѣческому для юнѣйшаго изъ насъ; поэту юности нашей совершилось уже *пятьдесятъ* лѣтъ. Дай Богъ, чтобы онъ прожилъ еще долго, для чести Отчизны, для того великаго дѣла, которое взялъ онъ на себя предъ лицомъ Отечества, давъ обѣтъ споспѣшествовать воспитанію будущаго Царя Россіи, Царя нашихъ дѣтей, залога благоденствія отчизны въ грядущихъ поколѣніяхъ! Но время Поэзіи уже пролетѣло для Жуковскаго, пролетѣло навсегда. Восемь лѣтъ тому, онъ спрашивалъ *дарователя пѣснопѣній, Генія чистой красоты*, возлагая на алтарь его *все, что сохранилъ отъ милыхъ, темныхъ и ясныхъ, минувшихъ дней, отъ времени прекраснаго — цвѣты уединенной мечты и цвѣты лучшей жизни*, спрашивалъ его о возвратѣ вдохновенія, и говорилъ:

Бывалыхъ нѣтъ въ душѣ видѣній
И голосъ арфы замолчалъ.
Его желаннаго возврата
Дождаться-ль мнѣ когда опять?
Или навѣкъ его утрата,
И вѣчно арфѣ не звучать?

Теперь Жуковскій издалъ то, что навѣяно было на душу его въ сіи послѣднія восемь лѣтъ, издалъ не все: въ послѣднее время мы слыхали знакомые звуки

Digitized by Google

арфы его; изрѣдка долетали они до насъ, то въ думѣ поэта надъ безднами моря, то въ прежнихъ вдохновительныхъ мечтаніяхъ о лучшемъ мірѣ; но и сіи мимолетные напѣвы, и нынѣ изданныя, бывшія неизвѣстными намъ доселѣ, пѣснопѣнія Жуковскаго, доказываютъ, что удѣлъ Поэзіи его совершенъ. Змѣя Времени свилась въ кругъ для его вдохновенія, и являетъ ему только символъ Ума. Летучія думы исчезли. *Май жизни цвѣтетъ однажды, и не разцвѣтаетъ въ другой разъ* — сказалъ подобный Жуковскому таинникъ Музъ.

И такъ — подвигъ Жуковскаго, какъ поэта, совершенъ, и сужденія современниковъ дѣлаются для него сужденіемъ потомства. Да, позволитъ-же намъ поэтъ нашей юности предрѣчь ему безпристрастнымъ сужденіемъ голосъ будущаго. Безпристрастенъ, и оживленъ любовью къ Музѣ Жуковскаго, согрѣетъ пламенемъ чистой души его, будетъ нашъ голосъ. Люди современнаго поколѣнія могутъ ошибаться себѣ вѣрный отчетъ въ твореніяхъ Жуковскаго: въ наше время годами проживаютъ десятки лѣтъ. Духъ Испытательности, сынъ дивнаго вѣка нашего, сорвалъ съ глазъ нашихъ всѣ повязки, развилъ въ душахъ нашихъ новыя, неизвѣстныя ощущамъ нашимъ струны. Онъ оживилъ намъ міръ старины въ поэтическихъ идеяхъ романовъ В. Скотта, Де-Виньи, Гюго, Манцони; съ воплемъ Байроновскаго отчаянія разрушилъ онъ прелесть дѣтскихъ предразсудковъ; съ разсказами Купера заселилъ живыми существами дикія дебри Америки, и съ созданіями Гёте раскрылъ всю внутренность ду-

Digitized by Google

ши человѣческой анатомическимъ ножемъ своимъ. Но буря испытательности безплодно утомляетъ силы свои надъ тѣмъ, что вѣчно, что неизмѣнно отъ сложенія міра. Она безсильно реветъ вокругъ созданій Истины, Блага и Изящества. Срывай она ветхіе лоскутья внѣшняго, разбрасывай обломки подгнившаго: міръ истинной Поэзіи недоступенъ ея разрушенію; пламенный мечъ души человѣческой отразитъ духа гибели. «Не умерла, но спитъ дѣва!» говоритъ человѣкъ, когда сей духъ указываетъ ему на безчувственную, или дикую, какъ дитя разрушенія, Поэзію нашего времени — «спитъ, и летаютъ вокругъ нея прекрасныя видѣнія міра лучшаго, совершенствованія земнаго, надеждъ грядущаго, сквозь смутныя сновидѣнія, тревожащія ее въ наше время!» прибавимъ мы. Жуковскій былъ однимъ изъ самыхъ прекрасныхъ видѣній божественной дѣвы. И пока не погаснетъ огнь Поэзіи въ сердцѣ человѣка (а онъ не погаснетъ никогда), имя Жуковскаго будетъ памятно сердцу нашему! Опыты, пережитые нами, только просвѣтляютъ нашъ умственный взоръ. Мы дивились Жуковскому нѣкогда, какъ дѣти; теперь онъ кончилъ свое пѣніе, а мы, задумчиво слушая улетающіе звуки его лиры, чувствуя себя опытнѣе прежняго въ жизни, тѣмъ справедливѣе можемъ оцѣнять его достоинства и заслуги его Русской Поэзіи, не дожидаясь, чтобы Современность отлетѣла на Историческій выстрѣлъ (какъ сказалъ одинъ поэтъ). Удаляемъ всѣ личныя, мелкія отношенія Современности. Духъ испытательности вдругъ закрываетъ передъ нами множество страницъ лѣтописи грядущ-

Digitized by Google

щаго, и указываешъ намъ на ту именно страницу, на которой потомство перомъ Критики напишетъ свое опредѣленіе.

Читатели видѣли въ Телеграфѣ мнѣніе уважаемаго нами Рецензента, сказанное имъ по поводу изданія *Баллядъ и повѣстей* Жуковскаго (см. Тел. 1831 г. N0 23, стр. 314-323). Мы согласны въ нѣкоторыхъ частяхъ съ почтеннымъ Рецензентомъ, но за то никакъ не согласимся въ другихъ, и вообще думаемъ, что разсмотрѣніе одностороннее не даетъ полнаго понятія о предметѣ. Несоглашенія съ упомянутою рецензіею хотимъ мы объяснить въ нашей статьѣ, и кромѣ того разсмотрѣть вообще Жуковскаго, какъ Литтератора Русскаго. Здѣсь откроются средства объяснить его Поэзію. Предметъ вообще весьма любопытный: Жуковскій стоитъ на концѣ того перехода Поэзіи и Прозы Русской, который, начавшись послѣ временъ Ломоносова Карамзинымъ, продолжался до временъ Пушкина, и нынѣшней Прозы нашего времени. Жуковскій составляетъ въ Россіи переходъ къ Романтизму, какъ Карамзинъ составлялъ переходъ отъ Латино-Французской эпохи къ чисто-Французской эпохѣ XVIII-го вѣка, а Ломоносовъ отъ чисто Схоластической къ Латино-Французской. Имя Жуковскаго было знаменемъ, подъ которое собиралась толпа его современниковъ; не будучи геніемъ самобытнымъ, подобно Державину (или, надеждѣ будущаго, Пушкину), не будучи самостоятельнымъ проявителемъ своего духа, подобно Крылову, Жуковскій принадлежитъ собственно къ тому разряду дѣятелей,

Digitized by Google

каковы были, только болѣе въ обширномъ размѣрѣ, Ломоносовъ и Карамзинъ. Это двигатели, необходимые при образованіи, подобномъ Русскому. Ломоносовъ былъ собственно Ученый, Карамзинъ Литераторъ, Жуковскій Поэтъ. Отъ того и объемъ его дѣятельности былъ менѣе Ломоносова и Карамзина. Здѣсь и отличіе его отъ нихъ, и мѣсто его въ Исторіи Русской Литературы.

Не странно-ли, что на періодъ, продолжавшійся сто лѣтъ, мы насчитали четыре раздѣленія: окончаніе *Схоластическаго, Латино-Французское, Французское XVIII-го вѣка*, и начало *Романтическаго*? Не странно-ли также, что этимъ раздѣленіямъ мы придаемъ чужія названія? Но хоть и странно, да, такъ было, и—такъ долженствовало быть!

Говоря о Сочиненіяхъ Державина, мы отчасти уже означили ходъ Русской Литературы, отъ начала преобразованія Россіи Петромъ Великимъ. Мы говорили о томъ, что застала Россія, новая гостья на пирѣ Европы, введенная въ него рукою Петра. Сказавъ о причинахъ несамобытности нашей Литературы, и означивъ главныя черты Русской Литературы вѣка Екатерины, здѣсь постараемся мы изобразить нѣкоторыя дополнительныя подробности, и переходъ отъ вѣка Екатерины къ нашему времени.

Все это *такъ долженствовало* быть потому, что такъ было въ Европѣ, а мы снимали сколокъ съ Европы.

Трудно хронологически указать точку, на которой оканчивается шотъ, или другой періодъ. Мы

Digitized by Google

знаемъ что конецъ прежняго и начало новаго идутъ всегда издалека. Но межи необходимы на предѣлахъ, для памяти и соображеній человѣка. Такъ пограничные столпы дѣлятъ между людьми землю, хотя далеко изъ одной страны въ другую переливаются шумныя рѣки, переносится свободный воздухъ, и перелетаютъ вольныя пташки. Тридцатилѣтняя война и Вестфальскій миръ могутъ быть почтены пограничною межею Среднихъ временъ — это *половина XVII-го вѣка.* Что послѣдовало за тѣмъ? Упадшая Ѳеократія Католицизма, развалины Феодальной политики, образованіе новой системы просвѣщенія и образованности, изъ Схоластики религіозной и ученой, и переходъ ихъ въ условный вкусъ при Дворѣ Людовика XIV-го— *при Дворѣ* именно, а не во Франціи. Отъ того забвеніе желѣзныхъ броней рыцарскихъ подъ шитыми кафтанами придворными, забвеніе великихъ развитій Средняго вѣка въ Искусствахъ и Поэзіи, и замѣна ихъ вылощенными формами Классическихъ приличій. Вотъ что отразилось на Европѣ, вотъ что отразилось на Россіи, и на тогдашнихъ представителяхъ ея Литтературы: Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Петровѣ, Херасковѣ, Богдановичѣ, Костровѣ, Княжнинѣ, Нелединскомъ, Елагинѣ, даже на Хемницерѣ, Фонъ-Визинѣ и Державинѣ. Замѣтьте, что этому образованію не подъ силу была самобытность Греціи, и блѣдная Латинская Литтература, вѣкъ Августа, столь сходный съ вѣкомъ Людовика, казались достойными образцами, во Франціи, Англіи, Германіи и Россіи.

Digitized by Google

Поддѣльное образованіе это (которое для Россіи назвали мы *Латино-Французскимъ*) носило въ самомъ себѣ зародышъ смерти, и должно было умереть отъ недостатка силъ. Кромѣ этого, прошивъ него возстали самобытность каждаго народа, величіе Среднихъ вѣковъ, и духъ философической Критики.

Какъ-бы ни силенъ былъ человѣкъ, но если заперешь его въ тѣсномъ пространствѣ, онъ задохнется отъ собственнаго дыханія. Такъ и Классицизмъ Латино-Французскій. Грудь его заболѣла отъ надутыхъ воплей Мельпомены; челюсти его устали отъ принужденной улыбки Таліи; Ода его выпарилась въ громкихъ словахъ, а Эпопея лопнула отъ излишняго напряженія, будучи сшита изъ ветхихъ клочковъ Латинской одежды. Посмотрите, какъ самъ по себѣ выраждался Классицизмъ, отъ Людовика XIV-го до конца XVIII-го вѣка: началось Корнелемъ, Расиномъ, Мольеромъ, Малербомъ, Лафонтеномъ, Севинье; окончилось Кампистрономъ, Кребильономъ, Данкуромъ, Шольё, Ж. Б. Руссо, Фонтенелемъ, Демустье.

Между тѣмъ, крѣпко стала прошивъ него и самобытность каждаго народа. Напрасно Попе, Драйденъ, Аддиссонъ, затягивали въ корсетъ Классицизма Англію — она не забывала своего Шекспира, не вѣрила, что Мильтонъ Классикъ, и едва шуманныя пѣснопѣнія Макферсона коснулись ея слуха, какъ она затрепетала отъ восторга, и вся Европа сочувствовала ей. Оставалось Англіи разорвать легкія оковы чужеземныя проявленіемъ новыхъ, само-

Digitized by Google

бытныхъ геніевъ. Испанія подчинилась Классицизму, подобно другимъ, но не могла забыть своего Лопеца де-Вегу, своихъ Сервантеса и Кальдерона, своихъ Романсовъ и Мавританскихъ преданій. Данте, Петрарка, Аріостъ, удерживали власть свою въ Италіи, не смотря на Классицизмъ потомковъ. Но Германіи, этой плавильной печи Европейскихъ идей, надобно было вступиться за права истинной Поэзіи Европейцевъ. Когда Кантъ началъ разрушать ложную Философію, Гердеръ воспитывалъ Гёте, Виландъ, Клопштокъ развивались въ своихъ отдѣльныхъ созданіяхъ, Лессингъ началъ опровергать самую теорію Французовъ, и возсталъ Гёте! Подъ его хоругвію возстала самобытная Поэзія Германская. Всеобъемлющій Омиръ Среднихъ вѣковъ, Шекспиръ былъ изученъ, понятъ Германцами. Явились Жанъ-Поль, Шиллеръ, Гоффманъ, Вернеръ. Самобытность Германская проявилась вполнѣ.

Все это достигало во Францію, гдѣ между тѣмъ страшный раздоръ частей колебалъ въ основаніи все условное, все классическое, въ Политикѣ, Философіи, Литературѣ. Философія обратилась тамъ въ насмѣшку ума надъ всѣми вѣрованіями человѣческими; науки сдѣлались достояніемъ всѣхъ, обнаженныя схоластическихъ шайнъ своихъ въ Энциклопедіи. Честолюбіе Французовъ не признавало еще ничего изъ областей чужеземныхъ выше Французскаго, но оно понимало слабость свою, потихонько у сосѣдей, передѣлывало, и подсѣивалось надъ обкраденными подлинниками. Когда Вольтеръ взялъ нѣчто у Шекспира, когда Вер-

Digitized by Google

перъ былъ переведенъ на Французскій языкъ — періодъ Людовика XIV-го совершился. Стоило только Макферсону и Шекспиру явиться, хотя въ дурныхъ переводахъ, чтобы все обратилось на передѣлку ихъ. Собственно - Классическое едва могло дышать, и давно жило только заимствованіями и суевѣрною привязанностью къ старымъ формамъ. Вотъ что мы называемъ *Литературою Французскою XVIII-го вѣка*, которая перешла въ Россію послѣ Литературы вѣка Екатерины, или Галлико-Французской. Это Литература Делилей, Дюсисовъ, Жуи, Арно, Же, Легуве, и прочей Классической мелочи.

Сущность сего періода Литературы въ Россіи была та самая, какою мы видимъ ее во Франціи.

Замѣтимъ прежде всего, что Литература была тогда въ Россіи не исключительнымъ занятіемъ Двора, Духовныхъ училищъ и ученыхъ Обществъ: она перешла вообще въ дворянское званіе. Сильнѣйшимъ дѣйствователемъ въ началѣ сего времени явился Новиковъ. Онъ воспиталъ, такъ сказать, Карамзина. Знакомый въ юности съ возраждавшеюся Германіею, другъ пламеннаго, несчастнаго Лейца, Карамзинъ, а за нимъ и его послѣдователи, представили намъ однакожь именно періодъ Французской Литературы XVIII-го столѣтія. Лишенная великихъ геніевъ первоначальныхъ, сія Литература удивляла систематическою, условною правильностью формъ, занимала и передѣлывала по своему чужое: это былъ свѣтскій, любезный человѣкъ, потомокъ грубаго, но славнаго предка, по-

Digitized by Google

лучившій свѣтское образованіе, имѣющій обо всемъ свои, невѣрныя, но положительныя понятія, немножко философъ, немножко вольнодумецъ, остроумный насмѣшникъ, щегольски одѣтый, знающій множество пріятныхъ искусствъ, всегда напрысканный духами, довольно путешествовавшій, много видѣвшій, и все по своему понимающій. Прочитайте *Письма Русскаго Путешественника*: Карамзинъ говоритъ о Шекспирѣ, о Кантѣ, о Гёте; но онъ видитъ только внѣшность ихъ, и собственно—онъ щеголеватый Французъ душею. Переберите его *Московскій Журналъ*, его *Вѣстникъ Европы*: Картонъ, Сакунтала — онъ знаетъ ихъ, и переводитъ; но онъ восхищается Херасковымъ, на колѣняхъ передъ Анахарсисомъ; онъ передѣлываетъ языкъ, и впадаетъ въ нестерпимые галлицизмы. Взгляните на другихъ предшавителей его времени: такъ-же, какъ Карамзину, имъ извѣстно кое-что кромѣ Французскаго, но они собственно Французы. Не говоримъ о В. В. Измайловѣ, В. Л. Пушкинѣ — отчаянныхъ Карамзинистахъ: разсмотрите Озерова — это Дюсисъ Русскій, переводящій цѣлыя явленія изъ Дюсиса, когда въ тоже время Гнѣдичъ переводитъ Дюсисова *Лира* прозою и Вольшерова Танкреда стихами; Лобановъ, какъ умѣетъ, передаетъ Расина; И. И. Дмитріевъ переводитъ Лафонтена; Мерзляковъ читаетъ Лагарпа, и на Французскій образецъ переводитъ Древнихъ, а Милоновъ дѣлается на Французскій-же образецъ Сатирикомъ. Тогда не было различія между переводомъ и сочиненіемъ; не было слова о народности; никто не прислушивался къ родному голосу; національное

Digitized by Google

смѣшивали съ простонароднымъ, не позволяли Русской повѣсти явиться, пока не завивали у нея локоновъ *à la Флоріанъ*, или *à la Мармонтель*, и Русской пѣснѣ, пока она не выучивалась дѣлать рулады Итальянскія, или Французскія.

Вообще ничего не можетъ быть безцвѣтнѣе и не самобытнѣе сего времени въ Русской Литературѣ, времени перехода отъ кафтановъ къ фракамъ, отъ Корнеля къ Дюсисамъ, отъ пудры къ стрижкѣ волосъ *à la Titus*. Отъ этого періода ничего не осталось для насъ, кромѣ языка. Доведенный до послѣдней крайности галлицизмами словъ и мыслей, устыдившійся строптивыхъ укоризнъ защитника старины своей, нашъ языкъ перелился тогда въ новыя формы. Лучшій, единственный тогдашній памятникъ его, но и со всѣми признаками тогдашняго образованія, остается для насъ въ *Исторіи государства Россійскаго*.

Періодъ Классицизма Французской Литературы XVIII-го вѣка пропалъ въ развалинахъ, отъ которыхъ мечъ Наполеона началъ очищать Французскую землю. Подъ этими развалинами нашли еле-дышащее тѣло Классицизма, нарядили его въ Академическій кафтанъ, не велѣли ему стонать и онъ запѣлъ по немногу, заглушаемый барабаннымъ боемъ и пушечною пальбою, раздававшимися по всей Европѣ. Чадо его, Классицизмъ Французско-Русскій, былъ за то въ полной силѣ. Подкрѣпляемый именами Карамзина, И. И. Дмитріева, Озерова, Мерзлякова, и толпою ихъ послѣдователей, онъ

Digitized by Google

гордился тѣмъ, что умѣлъ распространить Изящную Литературу въ Россіи, умѣлъ узнать языкъ свѣтскихъ обществъ, и выучился говорить имъ, умѣлъ получить доступъ въ будуары свѣтскихъ дамъ и кабинеты щеголей, и—рѣшился даже облагородить грубую отечественную Исторію гармоническимъ, складнымъ разсказомъ. Имени И. И. Дмитріева не произносили иначе, какъ *Дмитріевъ-Лафонтенъ*, а Мерзлякова *Лагарпъ-Мерзляковъ*, и думали, что хвалятъ сихъ писателей, называя ихъ чужими именами. Въ Театрахъ Русскихъ горько плакали, когда Клитемнестра, плохими стихами, высказывала любовь свою къ Ифигеніи, и трепетали, когда Яковлевъ размахивалъ рукою, кидая перчатку, и восклицалъ: «Тебя вызываю на бой, о гордый Орбасанъ!» Вѣкъ Екатерины прошелъ уже тогда совершенно. Тихая, благотворная держава Александра успокоила Россію миромъ. Дѣятельно, съ чистыми филантропическими надеждами, встрѣтили Россія и Царь ея *XIX-й вѣкъ*, и Державинъ, какъ будто высказалъ общее мнѣніе народа, говоря при восшествіи Александра:

Вѣкъ новый, Царь младый, прекрасный,
Сошелъ къ намъ днесь весны стезей!

Казалось, тогда забыли о пожарѣ, едва залитомъ на Западѣ, и вовсе не думали о новомъ разгарѣ пламени. Прошедшія политическія бури внушили всѣмъ какое-то особенное стремленіе къ тишинѣ, кротости, человѣколюбію, геройству добра. Прочитайте статьи Карамзина въ *Вѣстникѣ Европы*,

Digitized by Google

• Наполеонѣ: въ Наполеонѣ видѣли иногда что-то въ родѣ древняго Плутархова героя. Благотворныя учрежденія, касательно просвѣщенія и образованности, безпрерывно истекали въ Россіи отъ Трона новаго Царя. Подлѣ него сіялъ незабвенный Муравьевъ, воспитатель, потомъ министръ Александра: учрежденіе Университетовъ, умѣренная Цензура, благоволеніе Царя къ Литературѣ, отличное отъ прежняго Дворскаго меценатства, все радовало и веселило сердца. Карамзинъ былъ иногда назначенъ въ Исторіографы. Сперва Державинъ, потомъ И. И. Дмитріевъ занимали важное званіе Министра Юстиціи. Образованіе Министерствъ вообще открывало юношеству образованному новый путь къ почестямъ, кромѣ военной службы; учрежденіе Университетовъ казалось средствомъ для высшаго образованія.

Разсматривая періодъ Французской Литературы XVIII-го вѣка въ Россіи, надобно сказать, что онъ вообще отличался какимъ-то самодовольнымъ, беззаботнымъ спокойствіемъ. Начало XIX-го вѣка было тишиною передъ новыми бурями въ Европѣ, и литературное состояніе Россіи въ это время можно уподобить балу, на который собрались свѣтскіе люди, не думая о завтрашнемъ днѣ.

Въ самомъ дѣлѣ: разсмотрите все, что тогда писали, вспомните, что тогда говорили и дѣлали.

Теорія казалась совершенно опредѣленною; правила казались неоспоримо вѣрными; слогъ, составляя все, къ чему старались достигнуть, былъ щоченъ, вы-

Digitized by Google

лощенъ, гладокъ. Одобреніе дамы считалось высокою, лучшею наградою; критика не существовала, или походила на свѣтскія, учтивыя, легкія замѣчанія. Установлены были авторитеты и славы, и все новое должно было примыкать къ нимъ, и спрашиваться у нихъ. Главное свойство этого холоднаго времени составляло уклончивое самолюбіе, и свѣтское образованіе, которое не знало и знать ничего не хотѣло.

Литературный міръ этотъ слышалъ, напримѣръ, о Шекспирѣ, о Кантѣ, зналъ ихъ по Лешурнёру и Виллерсу, но умѣлъ какъ-то приводить ихъ въ мѣлкій уровень своихъ собственныхъ понятій. Другой примѣръ: Крыловъ показалъ тогда первый примѣръ истинно-Русскаго языка, въ своихъ Басняхъ. Но этого не замѣчали, судили его по Лафонтену, прощали ему *мужичество* его, сравнивали переводы его съ переводами И. И. Дмитріева, и рѣшали, что послѣдній выражается лучше, и вѣрнѣе переводитъ, слѣдовательно, онъ выше Крылова. Споръ жаркій завязался о Русскомъ языкѣ; но ни та, ни другая сторона не опредѣлили надлежащимъ образомъ предмета, и не знали чего хотятъ, и о чемъ споряшъ. Прочтите возраженія противъ книги А. С. Шишкова, особливо возраженія Макарова, считавшагося великимъ остроумцемъ: намъ жалко читать ихъ! Подшиваловъ зналъ хорошо Нѣмецкій языкъ, и что-же онъ дѣлалъ? Переводилъ Мейснеровы Сказки. Самъ Карамзинъ не могъ напереводиться Мармонтеля и Жанлисъ. Посмотрите на тогдашнія журнальныя

Digitized by Google

извѣстія о важнѣйшихъ произведеніяхъ Нѣмецкой Словесности, не говоря уже о другихъ: это переводныя, крашкія статейки изъ иностранныхъ Журналовъ! Самыя великія явленія Европы оставались неизвѣстными, и никто объ этомъ не безпокоился. Когда внѣдрилась на Театръ Романтическая Драма—Коцебу игралъ первую ролю. Его романы, романы А. Лафонтена, Радклифъ, Дюкре-Дюмениля, Коттень, были лучшимъ чтеніемъ образованной публики, съ прибавкою Фоблаза, Орлеанской Дѣвственницы и Пиго-Лебрёня. Переводъ съ Французскаго Оды Горація дѣлалъ сильное впечатлѣніе, и все это было усыпано эпиграммами, мадригалами, акростихами, баснями, шріолетами, романсами, рондо, дистихами, которые писали на розовыхъ листочкахъ, засыпали цѣпнымъ пескомъ, и подносили дамамъ, которымъ покланялись безъ любви и вѣры.

Но, между тѣмъ — *она двигалась*, говоря съ Галилеемъ, и пока раздушенный выродокъ Французской Литтературы давалъ пирушку дремлющей Русской душѣ, и крѣпко спавшему Русскому уму, Европа снова закипѣла грозною политическою бурею, приготовлявшею въ Европейской Литтературѣ совершенный переворотъ.

Въ это время явился на сцену отечественной Литтературы *Жуковскій*. Онъ родился въ 1783 году, получилъ первоначальное образованіе въ родительскомъ домѣ, и потомъ учился въ Москвѣ, въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ. Тихій, кроткій, задумчивый характеръ, свѣтлая душа,

Digitized by Google

нѣжное сердце, влекли его въ уединеніе, и онъ рѣшился не искать отличій по службѣ, но посвятить себя дружбѣ, семейной жизни и уединенной бесѣдѣ съ Музами.

Въ *Утренней Зарѣ* помѣщены были первые его опыты; потомъ въ *Вѣстникѣ Европы*. Въ 1808 году онъ взялъ на себя изданіе сего, единственнаго тогда въ Россіи, Литтературнаго Журнала; въ 1810 и 1811 годахъ издавалъ онъ его съ М. Т. Каченовскимъ, потомъ опять жилъ въ уединеніи, и такъ протекла жизнь Жуковскаго до грознаго 1812 года.

Въ семъ первомъ періодѣ жизни Жуковскаго видимъ сначала разнообразные его опыты. Почти вся Проза его принадлежитъ къ сему времени: онъ писалъ Русскія повѣсти, разборы Русскихъ сочиненій и переводовъ, переводилъ статьи и повѣсти для Журнала. Изъ разнообразныхъ опытовъ его въ стихахъ упомянемъ о переводѣ *Сельскаго кладбища*, Грея, объ отрывкѣ изъ Делилева дидактическаго поэма, и Русскихъ Басняхъ, въ которыхъ хотѣлъ онъ, кажется, говорить простонароднымъ языкомъ, но испугался суда современниковъ, и пересталъ. Въ 1806 году, когда брань съ Запада приближалась на мгновеніе къ предѣламъ Россіи, Жуковскій издалъ лирическое сочиненіе свое: *Пѣснь Барда надъ гробомъ Славянъ. побѣдителей*. Вообще въ это время Жуковскій писалъ много, хотя большая часть напечатаннаго имъ тогда не вошла потомъ въ собраніе его сочиненій. Еще болѣе осталось у него неизданнаго, и истреблено въ рукописи.

Digitized by Google

Вскорѣ образовала для себя Поэзія Жуковскаго то направленіе, какое осталось отличіемъ Музы его навсегда, увлекло за нимъ толпу подражателей, и проложило путь къ новому преобразованію Русской Литтературы.

Душѣ Жуковскаго не могло нравиться тогдашнее литтературное направленіе. Увлеченный общимъ повѣрьемъ, онъ преклонялся предъ тогдашними авторитетами, подобно имъ читалъ и переводилъ Горація, Парни, Милльвуа, писалъ Басни, пробовалъ торжественную лиру, и образованіемъ не превосходилъ своихъ современниковъ: это увидимъ мы изъ разбора его Прозы. Но душа его была глубоко проникнута унынiемъ—не тою щегольскою *меланхолiею*, какая одушевляла тогда многихъ—нѣтъ! таинственною тоскою души, грустью, которая не плачетъ въ Элегіи Классической, не отдыхаетъ за Мадригаломъ, но отъ земли подъемлется къ небу, возраждаетъ въ душѣ непонятное ей самой стремленіе за могилу, какъ въ отчизну родимую. Эта грусть по небѣ подобна Швейцарской тоскѣ по родинѣ. Если-бы мы осмѣлились угадывать душу поэта, то мы назвали-бы чувство, дышащее въ его созданіяхъ, грустью любви, любви безнадежной, погибшей, допрашивающей отвѣта у всей Природы, и горестно выражающей безмолвіе Природы и людей на вздохъ сердца и души. Къ счастію Жуковскаго, онъ съ дѣтства узналъ новую Нѣмецкую Литтературу, и она была ему ближе Французской. Нѣмцы сблизили его съ Англичанами. Впрочемъ, не должно полагать, что-

бы Жуковскій глубоко проникалъ тогда въ сущность Германской и Англійской Поэзіи. Онъ самъ признается, что Гамлета почитаетъ чудовищнымъ, уродливымъ произведеніемъ (см. Телеграфъ, 1827, № 1 стр. 25-я). Также не могъ онъ постигнуть глубины Гёте, и даже вдохновителя и любимца своего Шиллера. Нѣтъ! Германія и Англія всеобъемлющи въ своей Поэзіи, и эта *всеобъемлемость* производитъ то, что каждое, самое частное направленіе находитъ въ нихъ для себя полное удовлетвореніе. Чувство, одушевлявшее Жуковскаго, было то неопредѣленное, и неглубокое чувство, которое одушевляетъ юношу-мечтателя. Онъ безотчетенъ въ своихъ идеяхъ; онъ страстный любовникъ, возводящій къ идеалу созданіе несовершенное, но не человѣкъ, открывающій въ самомъ несовершенномъ созданіи божественный идеалъ, который можетъ видѣть только взоръ всеобъемлющей, высокой любви, и открывать только пламенникъ сердца, на которомъ сгараютъ всѣ отношенія земныя и страстныя. Многіе-ли, напримѣръ, поймутъ высокую прелесть Арабской поэмы о любви Мечжнуна: онъ отказывается отъ руки Лейлы, когда любовь къ ней между тѣмъ лишила его ума: вотъ степень высокаго чувства, стоящаго выше земной безнадежности и тоски: это переселеніе души въ чувство сердца, которому все равно, обладаетъ-ли онъ земнымъ образомъ своего идеала, или судьба навѣкъ разорвала сердце его, бросивъ ему половину, чтобы дожить съ нею на землѣ, а другую перенести за предѣлы гроба, къ брегу вѣчной Любви, предъ которымъ нѣтъ отношеній, нѣтъ степеней—одна вѣчная любовь, и ни-

Digitized by Google

чего внѣ ея—нѣтъ даже раздѣльнаго существованія мысли отъ мыслящаго, и отъ того, о чемъ онъ мыслитъ! На землѣ, только высочайшій фанатизмъ и высокое сумасшествіе могутъ выразить, и то одну темную сторону такого идеала не земныхъ чувствъ! Для свѣтлой стороны его—недостанетъ лучей земнаго солнца. Каждый, самый великій поэтъ выражаетъ только часть сего чувства, составляетъ только букву, такъ сказать,—и только одинъ Шекспиръ читалъ склады сей таинственной азбуки Неба.

Но, и малая часть подобнаго стремленія, разцвѣтшая въ душѣ Жуковскаго, достаточна была для того, чтобы сердца современниковъ сильно отозвались на нее. Въ сердцахъ человѣческихъ разсыпаны искры неба, и при электрическомъ сотрясеніи одного, сіи искры раскаляются, отражая собою изображеніе того огня, отъ котораго упали онѣ въ сердца человѣческія, отражая его, какъ солнце отражается въ малой каплѣ водъ, по выраженію Державина.

Жуковскій, юноша по лѣтамъ въ отношеніи къ Карамзину и его товарищамъ литературнымъ, вскорѣ составилъ окрестъ себя новое литературное общничество. Семейство Тургеневыхъ, Батюшковъ, Князь Вяземскій, и другіе, представили собою новое поколѣніе Литераторовъ, къ которому пристало много и старыхъ, а потомъ примкнула обширная толпа болѣе юныхъ. Кромѣ *Батюшкова*, кажется, не вспомнитъ однакожъ

Digitized by Google

Литтературная Исторія наша ни объ одномъ товарищѣ и послѣдователѣ Жуковскаго.

Созданія Жуковскаго, самыя первоначальныя, врѣзанныя въ душу его преимущественнымъ чувствомъ, выраженнымъ пошóмъ во всей его Поэзіи, были увлекательны, прекрасны. Ихъ можно назвать мечтаніями влюбленнаго юноши, который изъясняетъ любовь свою чужестранкѣ на родномъ ея языкѣ, говоритъ невѣрно, ошибочно, но пламенно. Языкъ, образъ выраженія Жуковскаго, взяты были имъ у Нѣмцевъ. Восхищенные современники думали, что Нѣмцы внушили Жуковскому самую душу его созданій, и съ жадностью бросились въ новый, мечтательный міръ изъ прозаическаго Классицизма. Ни Жуковскій, и никто изъ товарищей и послѣдователей его не подозрѣвалъ, что они пустились въ океанъ безпредѣльный. Оптическій обманъ представлялъ имъ берега вблизи. Срывая вѣтки деревъ въ безмѣрномъ саду Гёте и Шиллера, они думали, что переносятъ въ Русскую Поэзію цѣлый садъ этотъ. Къ сожалѣнію, вздумали приложить и къ Нѣмецкой Литтературѣ то, что прилагали прежде къ Французской: начали передѣлывать Нѣмцевъ на Русскіе нравы, или переводить ихъ прямо. Жуковскій подалъ примѣръ тому и другому, когда пролетѣло его первое вдохновеніе, подарившее насъ стихами: *Ручей*, *Къ Нинѣ*, *Къ Филалету*, *Къ Тургеневу*, *Свѣтлана*, *Эолова арфа*, и нѣсколькими мелкими пьесами. Все остальное у него *переводы съ Нѣмецкаго* и *подражанія Нѣмцамъ*. Не говоримъ о лирическихъ пьесахъ,

Digitized by Google

писанныхъ имъ на разные современные случаи, и особливо въ отечественную войну.

Когда настало незабвенное время 1812 года, Жуковскій спѣшилъ въ дружины воинскія. Тамъ, предъ огнями Тарутина,

Стоялъ онъ съ лирой боевой,
И мщенье пѣлъ для ратныхъ братій!

Съ изгнаніемъ непріятеля, возобновились мирныя занятія Жуковскаго. Но геній собственной Поэзіи его, блеснувшій на минуту, тогда уже исчезъ. Все, что ни писалъ онъ послѣ были, какъ сказали мы выше, переводы съ Нѣмецкаго, или лирическія, на случай сочиненныя пьесы. Видно, что каждому изъ насъ суждено однажды только въ жизни вспыхнуть огнемъ собственной души, освѣтить дорогу другимъ, а самому остаться на одномъ, назначенномъ Судьбою мѣстѣ.

Отличіе отъ всѣхъ другихъ поэтовъ — гармоническій языкъ — такъ сказать, *музыка языка*, навсегда запечатлѣло стихи Жуковскаго, и ознаменовало все, что ни писалъ онъ, ознаменовало и Прозу его, съ самыхъ почти первыхъ опытовъ, до описанія Рафаэлевой Мадонны—образца современной Русской Прозы. Но когда вдохновеніе, даровавшее Поэзіи Жуковскаго особенное направленіе, отличившее его отъ другихъ, пролетѣло, онъ не пошелъ далѣе въ развитіи идей. Письма его, писанныя въ 1821 году, изъ Германіи (и напечатанныя въ Полярной Звѣздѣ и Телеграфѣ), доказываютъ, что онъ навсегд

да остался тѣмъ-же, чѣмъ былъ сначала — задумчивымъ юношею-мечтателемъ, любовникомъ всего прекраснаго въ мірѣ, безотчетно мечтающимъ о небѣ, и недоступнымъ высокому міру Фантазіи, какой развили для насъ, питомицы Шекспира и Философіи, Германская и Англійская новѣйшія Музы.

Такъ, когда прошли громы политическихъ бурь, и подъ сѣнію мира Европа начала переворотъ мнѣній литтературныхъ, когда Англійская Словесность вознеслась на небосклонъ Европы, съ созданіями Байрона, В. Скотта, Мура; когда Франція сбрасывала и сбросила наконецъ съ себя послѣднія цѣпи Классицизма; когда изыскательность умовъ разродилась въ спорахъ о Классицизмѣ и Романтизмѣ, призвала на судъ Югъ, Сѣверъ Европы и Азію; когда наконецъ и въ Россіи рѣшительно начали возставать противъ Классицизма, начали изучать Германскихъ Философовъ, познакомились ближе съ истинною теоріею Изящнаго, сблизились съ источниками Англійскими, Германскими, и стали понимать надлежащимъ образомъ собственную свою народность — Жуковскій остался тѣмъ-же, чѣмъ былъ за 20 лѣтъ: это первоначальная идея міра не-Классическо-Французскаго; гармоническая душа, на которой отразился первый отблескъ Германскаго новѣйшаго Романтизма; поэтическая мечтательность, продолженная цѣлый вѣкъ.

Значительную часть стихотвореній Жуковскаго составляютъ переводы Нѣмецкихъ Балладъ: *Людмила*, *Гаральдъ*, *Мщеніе*, *Рыцарь Тогенбургъ*, *Ивиковы журавли*, *Лѣсной Царь*, *Кассандра*, *Три пѣ-*

Digitized by Google

нк, *Графъ Гапсбургскій*, *Торжество побѣдителей*, *Алонзо*, *Поликратовъ перстень*, *Жалобы Цереры*, *Ленора*, *Судъ Божій*, *Кубокъ*, *Перчатка* — все это взято съ Нѣмецкаго. Кромѣ того, Жуковскій перевелъ еще нѣсколько различныхъ пьесъ Гёте, Уланда, Шиллера. Когда начали говорить о Русскихъ гекзаметрахъ, это новое пріобрѣтеніе Русскаго языка увлекло Жуковскаго, и *опытами Русскаго гекзаметра* можно назвать его переводы изъ Овидія, Виргилія, Клопштока и Гебеля — но никакъ не болѣе. Когда Англійская Словесность возымѣла сильное вліяніе на Европу, Жуковскій перевелъ прекрасную Байронову Элегію — такъ можно назвать *Шильонскаго Узника* — нѣсколько балладъ Саутея и В. Скотта, и прелестный эпизодъ изъ сказки Т. Мура. Главнѣйшій трудъ въ переводахъ Жуковскаго, безспорно, составляетъ *Орлеанская Дѣва*, о которомъ мы поговоримъ впослѣдствіи.

Спрашиваемъ: разсматривая все это, сдѣланное въ теченіе 20 лѣтъ, тѣмъ Жуковскій стоялъ на высшей чредѣ писателей Русскихъ, можете-ли понять, какой огромный переворотъ идей произошелъ между тѣмъ въ Европѣ, и въ самой Россіи? Нимало. — Одна мысль, одна идея занимаетъ нашего поэта: ее беретъ онъ, безъ разбора, изъ Уланда, Шиллера, Гёте, Байрона, Гебеля; одинаково употребляетъ онъ гекзаметръ для Овидія, Клопштока и Гебеля; угрюмую Балладу равно сыскиваетъ онъ у Бюргера и Саутея; онъ даже передѣлываетъ ее на Русскіе нравы, и потомъ снова переводитъ ее въ сходственность съ подлинникомъ

Digitized by Google

(*Людмила* и *Ленора*); онъ ушѣшается, пересчитывая свои привычныя думы, и снова повторяетъ ихъ въ *Отчетѣ о лунѣ*. Какъ за двадцать лѣтъ не зналъ онъ національности Русской, издавая *Марьину рощу*, и стараясь обрусить *Ленору*, такъ и теперь не знаетъ ея, пересказывая на Русскій ладъ сказку Перро *о спящей Царевнѣ*.

Да не почтутъ словъ нашихъ осужденіемъ дарованій Жуковскаго. Нѣтъ! мы сами благоговѣемъ передъ младенческою чистотою этой души, ровною струею переливавшейся черезъ страшную долину событій съ 1813-го до 1833-го года, переливавшейся постоянно съ гармоническимъ журчаніемъ, не смотря на то, по какимъ-бы скаламъ, падавшимъ въ нее со всѣхъ сторонъ, ни текла струя думъ Поэта. Мы хотимъ только обозначить характеръ современнаго намъ Литературы, опредѣлить мѣсто его на Русскомъ Парнассѣ, какъ оно опредѣлено уже въ сердечномъ сочувствіи каждаго изъ насъ къ прелести стиховъ его.

Жуковскій, безспорно, былъ первымъ поэтомъ Русской Словесности въ краткій періодъ послѣ Классицизма, до появленія Пушкина, представителя новаго, *нашего* періода. Его сочиненія и переводы сначала были чисто Карамзинскаго времени, и вскорѣ явили отливъ другаго неба. Грядущему поколѣнію слѣдовало довершать то, что Жуковскій началъ. Не льзя довольно налюбоваться тѣмъ, съ какою жадностію бросилась за нимъ толпа современниковъ, этотъ муравейникъ людей, которые не пошевелятся, если не указать имъ дороги съ распутья, на

Digitized by Google

которомъ они остановились послѣ того, когда шедшій впереди ихъ утомился и отсталъ отъ нихъ. Никто изъ товарищей и послѣдователей Жуковскаго не сравнялся съ нимъ—повторяемъ снова. Мы упоминали о Батюшковѣ, котораго долго считали представителемъ новаго Классицизма, такъ, какъ Жуковскаго почитали полнымъ представителемъ современнаго Европейскаго Романтизма. Но Жуковскій, по нашему мнѣнію, былъ представитель только одной изъ идей его, и міръ Новаго Романтизма проходилъ и проходитъ мимо его такъ, что онъ едва успѣваетъ схватить и разложить одинъ изъ лучей, какими Романтизмъ осіялъ Европу. Что касается до *Новѣйшаго Классицизма* — признаемся: мы не понимаемъ этихъ словъ. Что̀ хотятъ этимъ выразить? Неужели Батюшкова надобно почитать однимъ изъ жалкихъ Классиковъ, какіе явились во Франціи со временъ Революціи? Нѣтъ! *Умирающій Тассъ* доказываетъ, что Батюшковъ могъ глубоко чувствовать. Проза его показываетъ въ тоже время, что онъ могъ быть отличнымъ Прозаикомъ. Чего ему недоставало? Въ Прозѣ: идей; въ Стихахъ: глубины восторга. Звуки его были прелестны. Къ сожалѣнію, онъ слишкомъ увлеченъ былъ мѣлкою Французскою школою и цвѣтистыми мѣлочами Италіи, и — онъ понималъ это. Грустная участь души пламенной, чувствующей свое безсиліе! Не тотъ совершенно несчастливъ, кто несчастливъ только, но тотъ, кто знаетъ, кто убѣжденъ въ своемъ несчастіи. Никогда безъ сердечнаго участія не могу я читать стиховъ Батюшкова: *Воспоминанія.*

Digitized by Google

Участь поэта мелькаетъ передо мною грознымъ привидѣніемъ, при словахъ его:

Я чувствую: мой даръ въ Поэзіи погасъ,
И Муза пламенный свѣтильникъ потушила;
Печальна Опытность открыла
Пустыню новую для глазъ —
Туда влечетъ меня осиротѣлый геній...

Для потомства могутъ исчезнуть прекрасныя черты души, дополняющія намъ изображеніе Жуковскаго, какъ человѣка и поэта. Имя Жуковскаго, неизмѣннаго друга Батюшкова, дѣлившаго съ нимъ наслажденія Поэзіи въ юности, и потомъ хранителя его въ бѣдствіи, драгоцѣнно для насъ, въ нашъ вѣкъ холоднаго эгоизма и безчувствія. Самое благоговѣніе къ дарованіямъ Карамзина, постоянное, неизмѣнное, показываетъ поэтическую сторону души Жуковскаго. Съ любовью всшрѣтилъ и привѣтствовалъ онъ и юное дарованіе Пушкина, когда Пушкинъ былъ только пѣвецъ *Руслана и Людмилы*. Еще современники не знали Пушкина; но Жуковскій призналъ уже его первенство, и назвалъ себя его *побѣжденнымъ учителемъ*. Современники умѣютъ оцѣнять и то пламенное усердіе, которое уже столько лѣтъ оказываетъ своему назначенію воспитатель будущаго Царя Россіи. Множество разнородныхъ занятій Жуковскаго по сему предмету могло-бы показать его заслуги въ семъ случаѣ. Мы сами слышали отъ Н. И. Греча о глубокомысленныхъ грамматическихъ занятіяхъ, какія въ рукописи передалъ ему Жуковскій...

Digitized by Google

Выше сказали уже мы, что первыя сочиненія и переводы Жуковскаго были помѣщены въ *Утренней Зарѣ* и *Вѣстникѣ Европы*. Потомъ многія стихотворенія его были издаваемы отдѣльными брошюрками. Въ 1815-мъ году выданы были *Стихотворенія* его въ 2-хъ томахъ; 2-е изданіе вышло въ 1818-мъ году, въ 3-хъ томахъ; къ этому присоединили тогда томъ его Прозы. Въ 1824-мъ году Жуковскій напечаталъ 3-е изданіе своихъ Стихотвореній. Здѣсь въ первый разъ появился его переводъ *Орлеанской Дѣвы* (Прологъ изъ него былъ прежде напечатанъ въ собраніи переводовъ съ Нѣмецкаго, съ приложеніемъ подлинниковъ, котораго Жуковскій издалъ 6-ть книжекъ, подъ заглавіемъ: *Для немногихъ*, и которое никогда не поступало въ продажу). Проза его была перепечатана вновь въ 1826-мъ году. Нынѣ отдѣльно изданы *Баллады и повѣсти* Жуковскаго, въ стихахъ. Выборъ Переводовъ въ прозѣ изданъ былъ въ Москвѣ, въ 1816-мъ году (*Переводы въ прозѣ*, 5 частей, in-12). Вторрое изданіе напечатано въ 3-хъ томахъ in-8, въ 1827-мъ году. Нѣсколько мелкихъ пьесъ, написанныхъ послѣ изданія сочиненій, разсѣяно по Журналамъ и Альманахамъ.

(До слѣд. книжки).

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская литература.

— *Брошюрки.* Издаваемыя Иваномъ Кронебергомъ. № IX. Харьковъ. Въ Универс. т. 1832. 145 стр. in-8.

Что́ она, эта внутренняя сила, привлекающая насъ къ чтенію писателей избранныхъ? Что такое эти сами избранники? Отъ чего иную книгу не выпускаемъ изъ рукъ, не сводимъ глазъ съ нея, покуда вся внутренняя сила ея не перейдетъ къ намъ, будто магнетическимъ переселеніемъ, и не успокоитъ въ насъ движенія, возбуждаемаго каждою страницею, каждою мыслью сей книги? Трудно объяснить, какіе таинственные отзывы пробуждаетъ превосходное произведеніе Поэзіи; легче, если не совершенно возможно, постигнуть тоже въ сочиненіи философическомъ, критическомъ. Здѣсь умъ, укрѣпленный, возвышенный истиннымъ ученіемъ, и душа, воспламененная предметомъ, оживляющая мертвыя формы слова — вотъ что даетъ силу и прелесть сочиненію. При этомъ, все принимаетъ новый образъ, все оказываетъ новыя стороны жизни,

Digitized by Google

разумѣется если въ самомъ предметѣ есть жизнь. Но предметы сами по себѣ суть нули; они пущены единицъ, чтобы выразить свое значеніе. Часто жизнь цѣлыхъ народовъ бываетъ посвящена лишь на то, чтобы извѣдать эту единицу, раскрыть это значеніе, которое представляется сначала въ состояніи хаотическомъ. Иногда проходятъ цѣлыя столѣтія, прежде нежели узнаютъ истинный смыслъ великаго народа, великаго поэта, великаго явленія вообще. Такъ многообразны, и темны, потому что новы, всѣ великія задачи. И здѣсь-то заключается непобѣдимая увлекательность писателей-избранниковъ. Всякій предметъ оказываетъ надъ нами тогда только свое истинное дѣйствіе, тогда только является намъ въ своемъ истинномъ значеніи, когда умъ и душа настроены, готовы понимать ихъ. Не говоря о поэтахъ, и философъ, и критикъ, достойные сихъ наименованій, также приводятъ насъ въ это ясновидѣніе; они даютъ намъ новое зрѣніе, глубже проницающее, и новый слухъ, яснѣе внемлющій звукамъ, издавна ленивымъ вокругъ насъ. Какъ не любить такихъ людей, не привлекаться къ нимъ душою, не чувствовать благодарности за новую дѣятельность, сообщаемую нашей умственной жизни?

Вотъ что думалъ я, читая превосходныя изъясненія *шести Одъ Горація*, и *Страданій Вертера*, помѣщенныя Г-мъ Кронебергомъ въ IX книжкѣ *Брошюрокъ*. При изъясненіи Горацієвыхъ Одъ были необходимы многія филологическія подробности; однакожь и ихъ умѣлъ Г-нъ Кронебергъ сдѣлать не су-

Digitized by Google

химій, мертвительно-холодными мѣлочами, а непремѣнными, неизбѣжными принадлежностями мыслей обширныхъ, глубокихъ. Не лингвистическими веревками опуталъ онъ безсмертныя пѣснопѣнія Горація, а истиннымъ свѣтомъ Критики озарилъ, выяснилъ темныя мѣста, и раскрылъ всю поэтическую общность его созданій. Какъ свѣжи и благоухающи являются передъ нами эти цвѣты, разцвѣтшіе за тысячу девять сотъ лѣтъ! Какъ новы кажутся стихи и мысли Поэта, затверженные съ давнихъ лѣтъ! Кто не знаетъ, напримѣръ, 1-й Оды 1-й книги: Maecenas atavis edite regibus, etc.? Прочтите ее послѣ изъясненій Г-на Кронеберга: вы увидите въ ней новую жизнь, новыя стороны, незамѣченныя вами, хотя вы много разъ наслаждались этимъ неподражаемымъ произведеніемъ. Замѣтимъ, мимоходомъ, что мы согласны съ Г-мъ Кронебергомъ въ оцѣнкѣ его, когда онъ говоритъ, что знаетъ только двѣ *дедикаціи*, излившіяся изъ глубины души и составляющія сами по себѣ превосходныя произведенія Искусства: это *Посвященіе Фауста*, и означенная ода Горація; но мы наименовали-бы здѣсь еще одно Посвященіе, написанное Державинымъ, и начинающееся стихомъ: *Что смѣлая рука Поэзіи писала*. Это высокое произведеніе достойно быть рядомъ съ Гораціевымъ и Гётевымъ.

Кромѣ 1-й Оды, Г-нъ Кронебергъ разобралъ еще слѣдующія: *Къ Гросфу* (Кн. II, Ода 16-я), *Къ Постуму* (Кн. II, Ода 14-я), Non ebur neque aureum etc. (Кн. II, Ода 18-я), *Къ Меценату* (Кн. III,

Digitized by Google

Ода 29-я), и 24-ю Оду книги III-й. Надобно читать самого Г-на Кронеберга, чтобы понять всю прелесть его изъясненій. Въ рецензіи нѣтъ возможности передать этого.

Гораздо счастливѣе мы въ отношеніи къ замѣчанію Г-на Кронеберга о *Вертерѣ*. Это весьма небольшая статья, и мы выпишемъ ее вполнѣ, отъ слова до слова. Читатель согласится, что на Русскомъ языкѣ еще не было объ этомъ поэтическомъ произведеніи ничего столь полнаго и глубокомысленнаго, какъ слѣдующія строки:

«Неужели читать только новѣйшее или древнѣйшее! сказалъ я себѣ, и подошелъ къ книжному шкафу, съ тѣмъ, чтобы выбрать для чтенія какое нибудь сочиненіе прошедшаго столѣтія. Глаза мои, пробѣгая ряды книгъ, остановились на *Вертеровыхъ страданіяхъ*. Гмъ! думалъ я; я былъ еще молодъ, когда читалъ эту книгу въ первый разъ. Помнилъ только, что она содержитъ любовную исторію въ трагическомъ видѣ. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. Какое впечатлѣніе она тогда на меня сдѣлала, я ясно припомнить не могъ. Хотѣлъ было не трогать ея съ мѣста; но имя Автора, котораго въ отечествѣ его одни обожаютъ, другіе бранятъ, и то обстоятельство, что такую брань у насъ переводятъ и помѣщаютъ въ Журналахъ; не менѣе и любопытство, испытать, какое эта книга сдѣлаетъ на меня впечатлѣніе *теперь*, заставили меня снять ее съ полки. Стряхнувши пыль, которою она была покрыта, и замкнувъ дверь своего

кабинета, дабы мнѣ никто не помѣшалъ, я сѣлъ и принялся читать. Солнце уже было на закатѣ, когда я кончилъ, и встревоженный, удивленный, оставивъ книгу на диванѣ, предался размышленіямъ. — Романъ-ли эта книга или исторія, для меня все равно. Я ее почитаю и тѣмъ и другимъ; романомъ, потому что всѣ требованія Искуства исполнены; Искуство является здѣсь природою; исторіей, потому что если это происшествіе дѣйствительно было, то оно иначе совершиться не могло. Сцена происшествій — Природа, не мертвая, но живая, дѣйствующая. Вертеръ приникаетъ къ Природѣ, Природа развиваетъ всѣ силы его. Весенній вѣтерокъ, зелень луговъ и лѣсовъ, травки и цвѣтки, безмолвныя скалы и громкіе потоки, все пробуждаетъ въ немъ тоску, пробуждаетъ въ немъ — любовь. Зной лѣтній усиливаетъ пламя, его пожирающее; солнце, луна, звѣзды спокойно совершаютъ пути свои; для него нѣтъ ни дня, ни ночи; онъ забываетъ міръ, его окружающій. Осенніе вѣтры воютъ, и цвѣтъ жизни его побитъ. Зима настала, и жизнь его погребена подъ снѣжною пеленою. Ясность души его исчезаетъ, какъ прелестное весеннее утро; Природа затмѣваетъ идеалы Искуства; мрачныя мысли поселяются въ умѣ его, и зрѣлище безконечной жизни превращается въ бездну вѣчно зіяющей могилы. Яркое солнце Греческой Поэзіи заходитъ: Оссіанъ смѣняетъ Гомера; душа его живетъ въ сѣверныхъ туманахъ и буряхъ, и силы его слабѣютъ. Онъ совершенно опротѣлъ. Что ему общество? Онъ оставляетъ Графскую гостиную, чтобы наслаждаться восхитительнымъ

Digitized by Google

зрѣлищемъ заходящаго солнца и читаетъ при томъ Гомерову рапсодію о томъ, какъ доблестный свинопасъ угощалъ Царя Улисса. Общество противоборствуетъ его мечтамъ, и удерживая свои права, раздражаетъ его чувства. Встрѣча несчастнаго лишившагося ума отъ любви, смертоубійство, учиненное отъ любви, довершаютъ его внутреннее смятеніе. И онъ конечно читалъ свою судьбу въ словахъ Оссіана: «Почто ты меня пробуждаешь, весенній вѣтерокъ? Ты ласкаешь и говоришь: я орошаю каплями небеснымп! Но близко время моего паденія! близка буря, которая лишитъ меня моихъ листьевъ. Завтра придетъ путникъ, придетъ видѣвшій мою красу; всюду взоръ его будетъ искать меня въ полѣ, и не обрящетъ.» — Не находя помощи у людей, не встрѣчая утѣшенія въ Природѣ, сражаемый неодолимою страстью, онъ ищетъ спасенья.... Тѣла его никто не провожалъ. Но кто его осудитъ? — Человѣкъ — непостижимый, священный гіероглифъ. Законы и нравственныя постановленія недостаточны, потому что человѣкъ себя не постигаетъ. Все относится только къ обыкновенному теченію дѣлъ. Но есть нѣчто въ нравственныхъ поступкахъ человѣка, что въ побудительныхъ своихъ причинахъ и своемъ началѣ столь непостижимо, само въ себѣ столь велико или неотвратимо, въ послѣдствіяхъ своихъ столь неизмѣримо, что никакъ не подлежитъ законамъ или сужденію. Такое явленіе, какъ необычайное явленіе природы, насъ поражаетъ, и мы безмолствуемъ. А любовь — любовь — сія великая, вѣчная мистерія.... Говорятъ, что есть въ Швейцаріи дубы, коихъ корни раздираютъ скалы.»

Digitized by Google

Въ книгѣ сей находятся еще слѣдующія статьи: Разборъ Русскихъ переводовъ (Г-на Арапова и Г-на Шкляревскаго) Гёшевой Баллады *Пѣвецъ*. Г-нъ Кронебергъ отдаетъ преимущество переводу Г-на Шкляревскаго, хотя не очень доволенъ и онымъ. Прибавимъ, что кромѣ Жуковскаго, никто не переводилъ у насъ достойнымъ образомъ высокихъ поэтовъ Германскихъ. — *Албрехта Дюрера*, Apocalypsis cum figuris. Это надписи, сдѣланныя Г-мъ Кронебергомъ къ знаменитому произведенію Албр. Дюрера. Извѣстно, что Албр. Дюреръ былъ не только великій живописецъ, но и превосходный Ксилографъ, или рѣщикъ эстамповъ на деревѣ. Къ числу извѣстнѣйшихъ въ семъ родѣ произведеній его принадлежатъ 14 листовъ (а съ заглавнымъ 15), на коихъ изображены разныя сцены изъ Апокалипсиса. Экземпляръ сего творенія хранится въ Харьковскомъ Университетѣ. Г-нъ Кронебергъ обѣщаетъ подробный разборъ творенія Дюрера. Желаемъ и ждемъ сего.

— Rapport sur le choléra-morbus de Moscou, par F. C. M. Markus, etc. (*Донесеніе о Московской холерѣ*, сочиненное Ф. К. М. Маркусомъ, Докторомъ Медицины, Лейбъ-Медикомъ Его Императорскаго Величества, Инспекторомъ и Главнымъ Врачемъ Голицынской Больницы, Статскимъ Совѣтникомъ, Кавалеромъ Св. Анны 2-го класса и Св. Владиміра 4-го класса, Членомъ многихъ ученыхъ Обществъ и

Digitized by Google

Секретаремъ Временнаго Медицинскаго Совѣта въ Москвѣ. — М. 1832. Въ т. А. Семена. 139., V, LXXXXIV, 215 и 5 стр. in-4.

Холера составляетъ задачу, до сихъ поръ неразрѣшенную. Ея появленіе, распространеніе, или лучше сказать кругосвѣтное путешествіе, ея необычайныя дѣйствія, упорство противъ всѣхъ средствъ и предосторожностей, не подведены доселѣ ни подъ какіе законы. Истину сію подтверждаетъ и Г-нъ Маркусъ въ сочиненіи своемъ, о которомъ извѣщаемъ нашихъ читателей. Кажется, никто не имѣлъ столько средствъ, а можетъ быть и столько усердія, опытности и ученыхъ познаній, соединенныхъ для изслѣдованія холеры, какъ Г-нъ Маркусъ. Съ самаго появленія сей болѣзни въ Москвѣ, онъ былъ Секретаремъ Временнаго Медицинскаго Совѣта, куда стекались всѣ свѣдѣнія о холерѣ, всѣ извѣстія какъ о дѣйствіяхъ ея, такъ и о средствахъ, употребленныхъ Медиками. Занимаясь при томъ и практикою въ леченіи сей болѣзни, онъ, какъ по обязанности Секретаря, такъ и по собственному рвенію, имѣлъ постоянною цѣлью составить сочиненіе, въ которомъ было-бы собрано все, что можно сказать о холерѣ. Средства и кругъ дѣйствій его увеличились еще болѣе, когда, по избранію своихъ Сочленовъ и въ исполненіе Высочайшей Воли, онъ былъ назначенъ въ Санктпетербургъ, для присутствія при разсужденіи о мѣрахъ противъ холеры. Пребываніе его въ Санктпетербургѣ продолжалось съ Апрѣля по Сентябрь 1831 года, слѣдственно во все время свирѣпствова-

Digitized by Google

мія нами холеры. Это задержало и появленіе въ свѣтъ *Донесенія*. Впрочемъ, самое замедленіе сіе обратилось въ пользу книги, ибо Г-нъ Маркусъ успѣлъ между тѣмъ собрать множество новыхъ свѣдѣній, отъ наблюдавшихъ болѣзнь въ разныхъ мѣстахъ Россіи, и воспользовался всѣми изданными объ оной книгами. Сама холера успѣла въ это время дойдти до предѣловъ Западной Европы и перепрыгнула Атлантическій Океанъ. Вездѣ оказались равно неопредѣлимы ея свойства и дѣйствія! Въ сочиненіи Г-на Маркуса находится полная исторія дѣйствій ея въ Москвѣ. Сочиненіе сіе раздѣляется на слѣдующія статьи: Отдѣленіе первое. *Медицинская топографія Москвы*, стр. 1 — 51. Отдѣленіе второе. *Историческій очеркъ вторженія и дѣйствій холеры въ Москвѣ*, стр. 52 — 131. Отдѣленіе третіе. *Собраніе дѣйствительныхъ явленій въ холерѣ* (фактовъ). Сюда относятся протоколы о вскрытыхъ трупахъ и химическіе анализы Г-на Германа. Всего любопытнѣе по новости, и потому что въ нихъ заключаются выводы всей книги, слѣдующія статьи: *О свойствѣ и леченіи холеры.* Введеніе. Діагностика. Stadia morbi. Виды болѣзни. Извлеченія изъ авторовъ, писавшихъ о холерѣ, которую наблюдали какъ незаразительную, и какъ эпидемію, до 1817 года. О причинахъ болѣзни. Гипотезы о свойствѣ холеры. Гипотеза Автора. Гипотезы Г-дъ Павлова и Зейдлица. Прогностика холеры. Леченіе.— *Объ образѣ распространенія холеры и мѣрахъ противъ оной.*

Обширное, многотрудное, и можно сказать классическое сочиненіе Г-на Маркуса, конечно

Digitized by Google

будетъ предметомъ изученія для всѣхъ Медиковъ, ищущихъ истины и пользы. Выводъ онаго можно изобразить слѣдующими, собственными словами Автора: «Явилась холера — и всѣ теоріи, самыя «ученыя, самыя основательныя, оказывались ни- «чтожными при постелѣ больнаго. Обманутые въ «своихъ ожиданіяхъ, Медики были въ такомъ-же «отношеніи къ своимъ собратамъ, какъ и предше- «ствовавшіе имъ наблюдатели. Въ этомъ случаѣ, «всякій добросовѣстный человѣкъ сдѣлаетъ лучше «всего послѣдовавши примѣру Моона, который де- «сять лѣтъ наблюдалъ холеру въ Индіи, и послѣ «сего, со скромностью истиннаго достоинства «объявляетъ, что болѣзнь сія кажется ему столь- «же неизъяснимою и неуловимою, какъ и въ то «время, когда онъ увидѣлъ ее въ первый разъ.»

Гораздо рѣшительнѣе говоритъ Г-нъ Маркусъ о незаразительности холеры, о безполезности чрезвычайныхъ мѣръ, и въ заключеніе предлагаетъ средства для предохраненія отъ холеры и для леченія оной, основанныя на опытѣ и столь близкія къ истинѣ, что ихъ можно почитать самыми дѣйствительными, *окончательными*. Въ этомъ порукою авторитетъ знаменитѣйшихъ Врачей.

Книга Г-на Маркуса писана на Французскомъ и отчасти на Латинскомъ языкѣ; посему, изданіе оной принесетъ пользу не одному отечеству нашему, но всему образованному міру.

Digitized by Google

— *Наблюдатель.* Новый романъ. 2 части. М. Въ т. Селивановскаго. 1832. 274 и 275 стр. in-8.

— *Награда добродѣтели и казнь порока,* или Христофоръ Виттусенъ наканунѣ дня Св. Хризогона. Историческій романъ XV-го вѣка, изображающій геройскую защиту вольнаго города Ганновера. Соч. В. Блюменхагена. Переводъ съ Французскаго. 2 части. М. 1832. Въ т. Князя Львова. 142 и 115 стр. in-18.

— *Теодоръ, лѣтній Король, или Корсика въ 1736 году.* Историческій романъ С. Ф. Ванъ-деръ-Велде. Переводъ съ Французскаго Н. П. М. 1832. Въ т. А. Семена. 382 стр. in-12.

Романъ, романъ, и еще романъ! Какой романическій духъ объялъ и писателей и читателей книгъ! Давно-ли романы почитались въ нашей Литературѣ самымъ ничтожнымъ родомъ произведеній, а нынѣ.... изъ десяти вновь выходящихъ книгъ, вѣрно четыре не иное что какъ романы.

Не презирайте любимымъ родомъ литературныхъ произведеній, каковъ бы ни былъ онъ. Кромѣ собственнаго достоинства, онъ важенъ еще и тѣмъ, что всегда показываетъ направленіе умовъ. Какія произведенія могутъ въ наше время существовать, то есть являться и нравиться? Лирическія? Нѣтъ, потому что въ наше время всего менѣе возможенъ восторгъ, безъ котораго лира не звучитъ, а издаетъ одни безсвязные, жалкіе звуки. Драма? Но для нея необходимъ театръ, который разрушенъ теперь въ основаніи, и не возникнетъ еще долго, потому что нѣтъ ни жрецовъ, ни жертвователей для него. Театромъ сдѣлался цѣлый міръ, а нуме-

Digitized by Google

рованными мѣстами пришины, какіе кому указала судьба. Драма книжная не можетъ быть истинною Драмою. Чтожь Достается еще? Романъ, какъ видъ третьяго возможнаго рода сочиненій, Эпопеи. Покуда Классическое обаяніе удерживало Литтературную вольницу въ почтеніи къ имени Трагедіи, Комедіи, Оды, Героиды и Поэмы, до тѣхъ поръ еще прозябали онѣ, и не давали мѣста произведеніямъ, какихъ требовалъ вѣкъ. Но послѣ реформы, произведенной Нѣмецкими Критиками, и Меланхтономъ сихъ новыхъ Люшеровъ, Г-жею Сталь, послѣ блестящихъ подвиговъ В. Скотта и нѣкоторыхъ другихъ писателей — романъ долженъ былъ завладѣть Литтературой. Такъ и сдѣлалось. При одномъ, или единственномъ В. Скоттѣ, явились тысячи романистовъ посредственныхъ, дурныхъ, скучныхъ, нестерпимыхъ. Но всѣ они выражаютъ идею своего времени: вотъ что важно. Не читайте ихъ, а считайте: довольно съ нихъ и этого.

Такъ не посовѣтуемъ мы читать ни одного изъ трехъ, означенныхъ нами романовъ, потому что ни одинъ не стоитъ чтенія. *Наблюдатель*, не переводъ, а какая-то выборка изъ чужеземнаго произведенія, кажется, Пиго-Лѣбреня; говоримъ: кажется, потому что не стоитъ наводить объ этомъ справки. Въ памяти нашей осталось что-то Пиго-Лебрёневское въ этомъ родѣ, а что похоже на Пиго-Лебрень, то неизбѣжно вздорно и пусто. — Сочиненіе Блюменгагена совсѣмъ не романъ, а небольшая сказка, холодная и незанимательная, какъ всѣ произведенія писателей бездарныхъ.

Digitized by Google

Теодоръ, псевдо-историческій романъ покойнаго Фанъ-деръ-Фельде, подобенъ всѣмъ другимъ романамъ сего писателя. Мы имѣли случай говорить подробно о его дарованіи, которое не велико, но было великолѣпно расхвалено благосклонными Журналистами. Романы его, мыльные пузыри, надутые въ пріятельскую соломинку. Повторимъ сказанное нами о немъ много разъ: Фанъ-деръ-Фельде писатель умный, но въ романахъ его недостаетъ главнаго: поэзіи. А романъ безъ поэзіи, тоже что человѣкъ безъ души.

Что̀ заставляетъ переводить такіе романы? Тоже, что и порождаетъ ихъ: общая наклонность времени. Она идетъ и на спекуляцію, и на ложное удовлетвореніе самолюбія. Она заставляетъ и писать и переводить плохіе романы, и печатать ихъ на обверточной бумагѣ, и утомлять безпутную дѣятельность большей части людей, иначе называемыхъ толпою. Надобно признаться однакожь, что Русскіе переводы, означенные нами, ужь слишкомъ плохи. Какъ можно переводить Нѣмецкія книги съ Французскаго! Какъ можно не умѣть перевести порядочно даже заглавія! не умѣть написать правильно даже имени переводимаго Автора. *Ванъ-деръ-Велде!* . . . Бѣдные Нѣмцы! А что, если поразобрать внутренность этихъ переводовъ.... Но мы сами не совѣтовали заглядывать въ нихъ.... Это будетъ всего справедливѣе.

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

— Contes bruns, par De Balzac (*Темныя Сказки.* Соч. Бальзака), Парижъ, 1832 г. 1 ш. in-8.

— Les cent contes drolastiques, etc. (*Сто шутливыхъ Сказокъ*, собранныхъ въ Аббатствѣ Туренскомъ, и изданныхъ въ свѣтъ Г-мъ Бальзакомъ. *Первый десятокъ*). Парижъ 1832 г. 1 ш. in-8.

Желая отдавать читателямъ нашимъ отчетъ о новыхъ Французскихъ романахъ, замѣчательной отрасли современной Литтературы Французской, мы напередъ отказываемся говорить и о десятой долѣ того, что выходитъ теперь по сей отрасли во Франціи: полный отчетъ превзошелъ-бы силы человѣческія. Не только рецензировать все выходящее по сей части вновь, но прочитать, и то только самое замѣчательное изъ новѣйшихъ Французскихъ романовъ, едва достанетъ времени у человѣка, который не можетъ заниматься ими съ утра до вечера. И такъ, мы будемъ обращать вниманіе читателей нашихъ на немногое, самое важнѣйшее, или особенно дающее понятіе о характерѣ новаго Французскаго романа.

Digitized by Google

Здѣсь, съ перваго взгляда, находимъ мы тоже, что въ Драмѣ, о чемъ говорили уже мы въ Телеграфѣ (N° XVI стр. 588). Совершенное измѣненіе понятій, излишество во всемъ, выведенное изъ всѣхъ предѣловъ, толпа ничтожныхъ людей, которые, пользуясь вновь открытыми средствами романа, безжалостно, въ какомъ-то поддѣльномъ изступленіи, пишутъ, терзаютъ дѣйствующія лица своихъ созданій, губятъ здравый смыслъ, безъ толку обращаютъ въ романъ Исторію, и все что попадется подъ руку. Не успѣло что нибудь случиться, уже вклеивается въ романъ. Едва утишена битва, бывшая въ монастырѣ Сенъ-Мери—явился уже романъ: Le cloitre Saint-Méry; едва взяли Алжиръ — изданъ романъ: *Али-Ренаръ, или взятіе Алжира.* — Недавно мы прочитали романъ: *Le mutilé* (*Изуродованный*): это исторія чувствованій человѣка, у котораго отрубили обѣ руки и вырѣзали языкъ. Другой романъ: Mademoiselle de Liron (*Дѣвица де-Лиронъ*) основанъ на аневризмѣ, какимъ страждетъ героиня романа. Словомъ: нѣтъ нелѣпости, нѣтъ предмета въ мірѣ, которыхъ теперь не впрягывали-бы въ рамы романическія. Прибавьте къ этому торговую спекуляцію на романы; легкость, съ какою пишутъ нынѣ Французы, при совершенной безотчетности во всѣхъ отношеніяхъ, и вы поймете, и обиліе, и общую сущность новаго Французскаго романа.

Всего болѣе достойно сожалѣнія, что въ этомъ общемъ, усиленномъ порывѣ пишущихъ и читающихъ, увлекаются и истинныя, прекрасныя дарованія. Мы говорили въ семъ отношеніи о Рей-Дюс-

Digitized by Google

сёлѣ — остроумномъ сатирикѣ, къ сожалѣнію, пишущемъ бѣдные романы: *Монастырь Сенъ-Мери* написанъ имъ, и онъ обѣщаетъ еще много такихъ произведеній. Наконецъ, и тѣ люди, которые показали въ своихъ романахъ дарованіе необыкновенное, показали, что романъ есть истинное ихъ назначеніе, впадаютъ въ ошибку непростительную. Ошибка сія состоитъ въ томъ, что они пишутъ *слишкомъ много*. Невозможно обмыслить и обработать хорошо всего, что, напримѣръ, издаютъ нынѣ *Бальзакъ* и *Жаненъ*. Какъ-же они поступаютъ? Обладая дарованіемъ сильнымъ, гибкимъ, они замѣняютъ изящное новымъ и страннымъ, довольствуются тѣмъ, что отдѣлываютъ частность какую нибудь, или думаютъ только объ общности идеи, не заботясь объ отдѣлкѣ частностей. Отъ всего этого выходятъ творенія неполныя, несовершенныя, неотдѣланныя; сила творческая исчезаетъ, и искуство писать, умѣнье замысловато изобрѣтать, замѣняютъ истинное направленіе дарованій.

Въ такомъ точно состояніи находится теперь Бальзакъ. Дарованіе его неоспоримо. Читатели, не одной Франціи, но цѣлой Европы, отличили ѣдкую его насмѣшку, его сатирическій взглядъ въ *Физіологіи супружества* (Physiologie du mariage, 2 т. in-8), и признаки глубокой души, наблюдательности, негодованія къ злоупотребленіямъ образованности и просвѣщенія въ *Сценахъ изъ частной жизни* (Scènes de la vie privée). Его сочиненіе: *Шуаны, или Бретань въ* 1799 *году* (2 т. in-8), показало однакожь вскорѣ, что къ твореніямъ продолжитель-

Digitized by Google

нымъ, гдѣ недостаточно мимолетныхъ блестящихъ очерковъ, но надобно стройное, полное развитіе идеи въ соразмѣрныхъ подробностяхъ, Бальзакъ неспособенъ. Онъ выкупилъ свою ошибку *Философическими Сказками* (Romans et contes philosophiques). Здѣсь Бальзакъ показалъ себя въ полной силѣ: его *Шагриновая кожа*, и другія сказки, обнажая сердце и душу человѣка, блистая притомъ удивительною свѣжестью слога и яркостью мыслей, иногда отличаясь и обширностью воззрѣнія, заставляли ожидать весьма многаго. Правда, замѣтны были — нескладность изобрѣтеній, недостатокъ глубины, излишнее щегольство въ слогѣ, нерѣдко мишура, изысканность въ мысляхъ; но все это можно было простить за одну новость и самобытность созданій Бальзака.

Къ несчастію, въ излишней плодовитости, какою отличился Бальзакъ нынѣшній годъ, мы видимъ недостатки его усиленными, а достоинства неувеличенными. Кромѣ романовъ: *Три Кардинала* (2 т. in-8), и *Исторія наслѣдства Маркиза Карабаса* (2 т. in-8) — которыхъ мы еще не видали, мы прочли первый десятокъ его *Шутливыхъ Сказокъ*, собраніе *Темныхъ Сказокъ*, и безпрерывно видѣли сказки и статьи Бальзака во всѣхъ Журналахъ. Онъ печатаетъ еще *Вечернія бесѣды* (2 т. in-8), и уже издалъ 3-й и 4-й томы *Сценъ частной жизни*. Въ одинъ годъ десять, двѣнадцать томовъ, кромѣ другихъ работъ — это похоже на импровизацію!

Мысль *Темныхъ Сказокъ* самая не поэтическая: собрать страшные, мучительные случаи, и испу-

Digitized by Google

гашь ими читателей, безъ всякой изящной цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, страшно читать разсказы Бальзака; но, къ чему это? Развѣ мы дѣти, и насъ въ самомъ дѣлѣ хотятъ испугать? Бальзакъ писалъ *Темныя Сказки* вприемъ, и на заглавномъ листкѣ поставилъ, вмѣсто виньетки, перевернутую голову.

Дѣло въ томъ: если сущность вашего созданія самобытно заключалась въ душѣ вашей, и если плодовитость ваша есть слѣдствіе жара души и сердца — вы можете писать *что* угодно, и *сколько* угодно. Гоффмановы привидѣнія, Жань-Полево сумасшествіе, романъ Гюго — потрясаютъ душу, изумляютъ воображеніе читателя, не смотря на всѣ свои странности. Плодовитость В. Скотта не была тягостна, ни ему, ни его читателямъ. — Но, если вы нарочно хотите дурачиться, кривляться, коверкаться, для странности, для изумленія другихъ — странны вы будете, а другихъ не изумите. Такъ и насильственная плодовитость ваша будетъ походить на работу Луки Фа-престо, который былъ бы великій живописецъ, но отъ плодовитости остался только примѣромъ трудолюбиваго, погибшаго дарованія.

Оригинальность и плодовитость Бальзака поддѣльныя: это слишкомъ явно. Отъ того-ли, что хорошо покупаютъ его сочиненія, или онъ хочетъ удивлять легкостью работы — причинъ не знаемъ, а доказательства словъ нашихъ можете видѣть во всемъ, что онъ издалъ въ послѣднее время.

Ужасы въ *Темныхъ Сказкахъ* доведены насильно до отвратительнаго; странности до совершенна-

Digitized by Google

го излишества. За двѣ, за три пьески (каковы: *Товія Гварнеріусъ* и *Три сестры* — и сіи прелестныя пьески со всѣмъ неполны, и худо отдѣланы) васъ заставляютъ читать самыя пошлыя кривлянья ума. Ужасы, въ повѣстяхъ: Le ministère public, le Grand d'Espagne, Sara la danseuse, не имѣютъ никакой эстетической цѣли, и гадки въ подробностяхъ. Не знаю, у кого достанетъ духу прочитать съ начала до конца *Темныя Сказки!*

Въ *Шутливыхъ Сказкахъ* натяжка еще виднѣе. Бальзакъ вздумалъ написать, стариннымъ слогомъ Рабеле, даже съ соблюденіемъ его правописанія, *сто повѣстей* вольнаго содержанія, въ томъ грубомъ, чувственномъ родѣ шутокъ, какія позволяли себѣ въ старину во Франціи, Германіи, и у насъ на Руси, въ родѣ Рабеле, Боккачіо, Лафонтена, и не изданныхъ Сказокъ Кирши Данилова. Французскіе Критики увѣряютъ, что слогъ Бальзака есть чистый анахронизмъ. Вѣримъ, хотя не можемъ этого повѣрить, вѣримъ, ибо думать, что можно, напримѣръ, теперь на Руси писать цѣлыя книги слогомъ Симеона Полоцкаго, или Мелетія Смотрицкаго — будетъ сущая нелѣпость. И для чего это? Довольно, если вы, какъ Гюго, какъ В. Скоттъ, переселите читателей вашихъ въ міръ старины духомъ вашихъ созданій. Главное духъ; слова — оболочка. Схватите, узнайте этотъ непоняшный, неуловимый для другихъ духъ, сущность прошедшаго. Все дальнѣйшее будетъ излишество и ошибка. Заставишь любовника XIII-го вѣка, въ Русскомъ Историческомъ романѣ, говорить: *Очеса*

Digitized by Google

твоя зряща, треволненнымъ обрящеши мя, якоже былiе сельное, вѣтру клонящу я — все равно, что излагая въ романѣ разговоръ мужиковъ, сохранять ихъ безсвязицу, поговорки, грубое произношеніе и побранки: *А, э! лихая болѣсть! што те нао* (надобно) — *слышь ты, Сенькъ, голоа у те лаптемъ сошлась, гортовъ ты сынъ!* Народность не въ этомъ. Неужели непонятна разница между восковою и мраморною статуею — первою, какъ мертвымъ слѣпкомъ съ Природы, одѣтымъ въ изношенные лоскутья; второю, какъ произведеніемъ Искусства?

Словомъ: мы увѣрены, что Бальзакъ шалитъ, и, можетъ быть, даже самъ это понимаетъ, и смѣется. Видя признаки большаго дарованія въ самыхъ его шалостяхъ, думаемъ, что все вновь имъ написанное, издано мимоходомъ, какъ будто забава досуга, въ ожиданіи творенія достойнаго. Если-же еще продолжится тоже самое... Бальзака можете вычеркнуть изъ числа литтературныхъ надеждъ новой Франціи....

— Recueil des discours prononcés au Parlement d'Angleterre par G. Canning, etc. (*Собраніе рѣчей*, произнесенныхъ въ Англійскомъ Парламентѣ Георгомъ Каннингомъ). Пер. съ Англійскаго Годри де-Жанври. Парижъ, 1832 г. 2 т. in-8.

Какъ быстро въ толпѣ событій смѣняются въ наше время славы и извѣстности! И не замѣтили современники, что сынъ Наполеона прешелъ въ вѣчность, и едва пять лѣтъ минуло послѣ кончины Каннинга, какъ объ немъ уже перестали го-

Digitized by Google

воришь! Но этотъ современный говоръ всегда ничтоженъ. И время-ли думать о сынѣ Наполеона, если быстрая жатва смерти сорвала передъ нимъ и за нимъ съ лица земли, въ одинъ годъ, столько людей, имена коихъ отзовутся далеко! Изумляешься, въ самомъ дѣлѣ, читая некрологъ двухъ, трехъ послѣднихъ лѣтъ: *Вандамъ*, *Сегюръ*, *Іоркъ*, *Роде*, *Крейцеръ*, *Бенжаменъ-Констанъ*, *Боливаръ*, *Нибуръ*, *Дибичъ*, *Монрое*, *Макинтошъ*, *Боргезе*, *Гете*, *Ламаркъ*, *Перрье*, *Мартиньякъ*, *Мантескьу*, *Кювье*, *Шампольіонъ*, *Балластеросъ*, *Кастельчикала*, *В. Скоттъ*, *Ж. Б. Сей*, *Бентамъ*, *Капо Дистрія*, *Гегель*, — какое многоразличіе, какая разница знаменитыхъ мертвецовъ, въ ихъ прешедшихъ дѣйствіяхъ на землѣ! Какое роковое опредѣленіе поразило ихъ всѣхъ, на разныхъ поприщахъ, въ разныхъ странахъ, въ одно время? Какое непоняшное слово Судебъ высказываетъ намъ ихъ соединенная кончина? Но, когда думашь о Каннингѣ и послѣ событій послѣднихъ *пяти лѣтъ*? Возшали два новыя царства — сошла вѣковая династія Капета — Повелишель Бразилій въ бою съ Королемъ Поршугаліи — Рускіе въ Адріанополѣ — Египшяне въ Сиріи — Французы въ Алжирѣ и Анконѣ — Католики Англійскіе и выборы Англійскаго Парламенша уравнены — Мать юнѣйшаго, послѣдняго потомка Людовика XIV-го заключена....

Успѣешъ-ли сохраняться послѣ всего этого, и при всемъ этомъ, въ шумливомъ говорѣ толпы такое событіе, которому минуло *пять лѣтъ*? Пять лѣтъ! Въ наше время это стоитъ пятидесяши — это пять жизней человѣческихъ!

Digitized by Google

Но *Исторія* шѣмъ скорѣе пріобрѣтаетъ нынѣ добычу свою въ нашей современности. Едва минуло 10 лѣтъ Наполеону — онъ уже *весь въ Исторіи*, со всѣми слѣдствіями своей исполинской жизни. Такъ и Каннингъ: онъ сдѣлался теперь уже совершенно историческимъ лицомъ — новый періодъ, новые дѣйствователи, новыя страсти и отношенія, появились послѣ него въ мірѣ. Для тѣхъ, кто пережилъ вещественно свой *прежній* періодъ, сей *пережитый* ими періодъ также совершенно конченъ. Посмотрите на Меттерниха, Талейрана, Веллингтона, Фердинанда VII, Людовика Филиппа, Карла X-го, Махмута, Мугаммеда-Али, Браума: прежняя жизнь ихъ совершенно дописана — совершенно новая жизнь начата ими! Гдѣ бывшій предсѣдатель Вѣнскаго Конгресса, гдѣ хитрый Министръ Наполеона, гдѣ герой Ватерлоо, гдѣ плѣнный Испанскій Король — гонимый отцомъ и матерью, жертва Князя Мира — гдѣ Герцогъ Орлеанскій, бѣглецъ Революціи, гдѣ законный наслѣдникъ Людовика XVIII-го, гдѣ соперникъ, дерзнувшій стать противъ Россіи, гдѣ свирѣпый угнетатель Греціи, гдѣ слава Англійской Оппозиціи? То-ли были всѣ эти люди прежде, что суть нынѣ? Читаешь ихъ прежнюю жизнь, и сомнѣваешься: одни-ли и тѣ-ли это самые дѣйствователи? Неужели это одинъ и тотъ-же Веллингтонъ, Браумъ, Карлъ X-й, Меттернихъ?

Каннингово политическое поприще началось съ 1794-го, кончилось въ 1827 году. Въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ, Каннингъ участвовалъ въ

Digitized by Google

государственныхъ событіяхъ Англіи. Онъ явился среди огромныхъ созданій XVIII-го вѣка, какія, сперва Революція, потомъ Наполеонъ, выдвинули тогда во всѣхъ странахъ міра. Питтъ, Фоксъ, Бурке, Шериданъ, Кастлере — сыны временъ исполинскихъ — переходили дорогу Каннингу. Не стало всѣхъ ихъ, и Каннингъ, хорошо понявшій систему политики, приличную его времени, сталъ на первое мѣста государственнаго корабля Англіи. Пяти-лѣтнее правленіе его Англійскимъ Министерствомъ не показало ничего геніяльнаго, Питтовскаго, но доказало однакожь великія государственныя способности Каннинга, и удивительную ловкость ума его, въ примѣненіи къ современному.

Такой точно былъ онъ и ораторъ, какъ политикъ. Витійство Англійскаго Парламента не есть собственно принадлежность Искуства; Искуство играетъ въ немъ второстепенную роль. Вѣрнѣе можно назвать его *Діалектикою*, не *Ораторствомъ*. Будучи особенны во всемъ, Англичане создали себѣ свой особенный, Схоластическо-Парламентскій языкъ. Это не палящій огнемъ голосъ Мирабо, не булатный звонъ груди Дантоновой, не обольстительное сладкорѣчіе Фуа, или Б. Констана. Не говоримъ о древнихъ Ораторахъ Политическихъ, ибо, въ теченіе сорока лѣтъ, отъ Мирабо до Тьера, мы хорошо узнали, что можетъ быть Политическое Краснорѣчіе современное, не Цицероновское, не Димосѳеновское, но самобытно-рожденное духомъ времени. И въ Парламентской, Англійской Діа-

Digitized by Google

лекшикѣ являлись люди, одаренные художническимъ Краснорѣчіемъ. Читайте, для примѣра, рѣчи Питта, Фокса, Шеридана, Бурке — вы убѣдитесь въ этомъ.

Каннингъ, какъ ораторъ, не станешъ рядомъ ни съ однимъ изъ упомянутыхъ нами ораторовъ Англійскаго Парламента. Ясное изложеніе, отчетливость, умѣнье указать на важнѣйшія точки дѣла, сжатость, бережливость на слова, *дѣловость* какая-то — если можно такъ сказать — вотъ, что находите вы, прочитавъ рѣчи Каннинга, которыхъ болѣе восьмидесяти заключается въ собраніи оныхъ, нынѣ переведенномъ на Французскій языкъ. Возмите, напримѣръ, Рѣчь Каннинга, какую говорилъ онъ въ 1794 году, утверждая необходимость продолжать войну съ Франціею. Хитрый Питтъ хвалилъ эту Рѣчь, какъ образцовую; но что она? Дѣловая бумага, написанная умно, тщательно, и — ничего болѣе! — Весьма-бы желательно было, чтобы въ курсы Риторики, прибавилось наконецъ особое отдѣленіе о новѣйшемъ Политическомъ Краснорѣчіи. Бѣдныхъ учениковъ до сихъ поръ все еще мучатъ въ училищахъ Цицерономъ, гремящимъ противъ Катилины и Верреса, и Димосѳеновыми Филиппиками. Пора-бы эти примѣры подновить чѣмъ нибудь изъ нашего времени. Изученіе Парламентскихъ преній Чатама, Питта, Фокса, Бурке, Каннинга, Браума, могло-бы потомъ пригодиться чиновнику въ его собственной жизни, его практическихъ занятіяхъ, представляя ему Краснорѣ-

Digitized by Google

чіе, извлеченное изъ живыхъ формъ общества, близкихъ, извѣстныхъ намъ, а не изъ мертвыхъ отношеній Древности, и древняго общества, давно и совершенно умершаго для насъ, изъ жизни, давно оконченной. Пора начинать учиться не для того только, чтобы учиться, но чтобы ученье наше пригождалось намъ въ дѣйствительной жизни.

— Essai historique et descriptif sur la Peinture sur Verre ancienne et moderne, etc. (*Историческій и описательный опытъ о древней и новой Живописи на стеклѣ*, и живописныхъ замѣчательнѣйшихъ стеклахъ въ нѣкоторыхъ памятникахъ Французскихъ и Иностранныхъ, и проч.). Соч. Е. Г. Ланглуа. Руанъ, 1832 г. 1 т. in-8.

Въ новѣйшее время, когда стали сознавать все изящество Искуства, царствовавшаго въ Среднія Времена, въ этомъ мірѣ, отдѣленномъ отъ міра Древнихъ, и изъ котораго произошелъ нашъ, новѣйшій міръ, живопись на стеклѣ заняла вниманіе многихъ ученыхъ, въ Германіи, Франціи и Англіи. Въ ней увидѣли необходимое дополненіе къ Зодчеству Среднихъ Временъ, особливо къ Готическому. Мы еще не рѣшили, кажется, для самихъ себя важнаго вопроса: какое отношеніе Искуство Среднихъ Временъ должно имѣть къ Искуству Современному? Какъ до сихъ поръ безъ толку воздвигаютъ въ садахъ Китайскіе кіоски, такъ строятъ нынѣ въ Европѣ Готическія зданія — каррикатуры во всѣхъ отношеніяхъ — такъ употребляютъ въ но-

Digitized by Google

вѣйшее время и живонись на стеклѣ. Несправедливо думали, что сіе искуство было потеряно; по крайней мѣрѣ, оно совершенно возстановлено въ наше время, и новѣйшая живопись на стеклѣ выходитъ прекрасна; не знаютъ только что съ нею дѣлать? И въ Россіи есть уже превосходные опыты живописи на стеклѣ. Если наконецъ хорошо поймутъ бѣдное, жалкое ничтожество *мнимо*-Греческой и Итальянской Архитектуры въ новѣйшихъ нашихъ зданіяхъ, особливо неприличіе оной въ зданіяхъ церковныхъ, то живопись на стеклѣ можетъ стать въ число важныхъ принадлежностей истиннаго Зодчества, извлеченнаго изъ образованія вѣка и таинственнаго духа Святой, истинной Религіи. До тѣхъ поръ надобно ознакомиться съ нею получше, разыскать, что такое была она прежде. Изъ сего послѣдуетъ главное рѣшеніе вопроса: что она можетъ быть нынѣ? Броньяръ, Ленорманъ, Ленуаръ, и прежде ихъ, Ле-Вьейль, посвящали труды свои исторіи и изслѣдованіямъ живописи на стеклѣ. Книга, изданная нынѣ Г-мъ Ланглуа, можетъ назваться ручною, для тѣхъ, кто пожелалъ-бы заняться симъ предметомъ. Въ ней найдутъ они средства для дальнѣйшихъ разысканій, и множество любопытныхъ описаній и изслѣдованій. Авторъ обозрѣваетъ исторію живописи на стеклѣ въ старое и въ нынѣшнее время; описываетъ остатки оной, сохранившіеся во Франціи, и заключаетъ Словаремъ всѣхъ извѣстныхъ живописцевъ на стеклѣ, Французскихъ, Нѣмецкихъ, Фламандскихъ, Голландскихъ и Англійскихъ. Къ книгѣ приложено восемь

Digitized by Google

изображеній замѣчательнѣйшихъ живописныхъ стеколъ, находящихся донынѣ въ Руанскихъ церквахъ. Сіи рисунки драгоцѣнны для Исторіи Искуства въ Среднія Времена. Любопытно еще одно приложеніе: съ возможною точностію перепечатанный листъ, на которомъ тиснутъ былъ въ 1543 году Carmen heroicum, и переводъ его (Ballade faicte par expres sur le Latin ou au plus pres), удостоенные награды отъ *Общества Страстей Господнихъ*, установленнаго въ томъ году въ Руанѣ. Сіе Общество раздавало награды за лучшія, представленныя въ него *Пѣснопѣнія*, *Баллады*, *Рондо*, *Дизены* и *Эпиграммы*, въ честь Страстей Господнихъ. Поэты на перерывъ спѣшили въ него съ стихотвореніями. Это любопытно сообразить даже и тому, кто займется Схоластическою Поэзіею, существовавшею и у насъ въ Россіи, въ XVI и XVII-мъ вѣкахъ — предметъ вовсе еще неизслѣдованный, но достойный особеннаго и подробнаго изслѣдованія, даже по странностямъ, какія онъ представляетъ наблюдателю. Можно-ли, напримѣръ, повѣрить безъ доказательствъ, совершенному тогда исчезновенію сущности и духа Поэзіи, и рѣшительному заключенію оной только въ словахъ? Для забавы читателей, приведемъ здѣсь въ примѣръ одного Лашинскаго поэта, нѣкоего *Ризіуса*. Онъ славился составленіемъ, такъ называвшихся тогда, *Раковыхъ стиховъ* (versus cancrini), и за то былъ увѣнчанъ лаврами, въ Гацфельдѣ. Вотъ образчикъ: въ 1661 году умеръ нѣкшо Георгій Цирлинъ, Архидіаконъ, Проповѣдникъ, Президентъ Роттембургской

Digitized by Google

Консисторіи, сочинитель Латинской поэмы на Воскресеніе І. Х., изъясненій на Пророчество Авдія, и прочаго. Ризіусъ сочинилъ ему Латинскій Панегирикъ, и первый стихъ сего Панегирика былъ почитаемъ образцомъ Раковыхъ стиховъ, т. е. такихъ, которые можете читать съ обоихъ концовъ. Выписываемъ знаменитый стихъ сей:

Signa subit Cirlin (rosor nil rictibus angis!)
Cœlica: doctores sic velut astra micant.

Впрочемъ: должно-ли этому смѣяться? Давно-ли за Акростихи, Мадригалы, Рондо, Тріолеты, Мильестихи, Акростихи, настежъ растворялась дверь въ храмъ безсмертія? Давно-ли всѣ твердили стихъ Буало: «*Сонетъ безъ погрѣшностей стоитъ длинной поэмы?*»

Digitized by Google

ЗАМѢЧАНІЯ О ЗЕМЛЕДѢЛІИ

въ Камчаткѣ (*).

Жители Иркутска, отдаленные за 6 тысячь верстъ отъ Столицы, всегда съ нетерпѣніемъ ожидаютъ прибытія почты. День сей есть день заботъ: всякой спѣшитъ узнать, что̀ добраго привезено! Въ одинъ изъ сихъ дней (Іюня 29-го), перелистывая газеты, я нашелъ въ 134-мъ N° Инвалида статью,

(*) Любопытная статья сія получена Издателемъ Телеграфа при письмѣ, изъ коего выписываемъ слѣдующія строки: «Я около четырехъ лѣтъ жилъ въ Камчаткѣ; выѣхалъ изъ оной въ 1831 году; все сказанное мною въ замѣчаніяхъ видѣлъ своими глазами; за истину онаго ручаюсь. — Есть у меня еще много матеріяловъ о Камчаткѣ. Въ свободное отъ службы время, выберу достойное любопытства и перешлю къ вамъ. Со временемъ можно будетъ взглянуть и на нелѣпости, которыя Эрманъ помѣстилъ въ своемъ путешествіи. По истинѣ — нелѣпости!...» Покорно просимъ Г-на Сочинителя Замѣчаній исполнить свое обѣщаніе, и особенно обратить вниманіе на путешествіе Эрмана, которое пользуется Европейскою извѣстностью. Истина всегда найдетъ мѣсто въ нашемъ Журналѣ. *Изд.*

Digitized by Google

подъ заглавіемъ: *Нѣсколько словъ о новѣйшихъ опытахъ ко введенію въ Камчаткѣ хлѣбопашества и обработанія огородныхъ овощей (перечень письма изъ Камчатки).*

Слова: *о новѣйшихъ опытахъ*, заставили меня думать, что если въ сочиненіи семъ не упоминается о старыхъ опытахъ, то по крайней мѣрѣ Сочинитель, руководимый истиною, не отвергаетъ, что до сихъ новѣйшихъ были дѣланы прежде опыты, не менѣе удачные, и что разведеніе полезнѣйшихъ огородныхъ овощей было слѣдствіемъ сихъ старыхъ опытовъ. Но не таково содержаніе статьи; Укажемъ на мѣста оной, далекія отъ правды. Для ясности, буду выписывать слова самого Сочинителя и при каждой выпискѣ присовокуплю замѣчанія. (*)

«*Огородныя растенія уже нѣсколько лѣтъ разводятся въ Камчаткѣ, и близъ Петропавловскаго Порта находится много, хотя небольшихъ и худо содержимыхъ огородовъ.*» Полезнѣйшія огородныя растенія не разводятся, а разведены уже въ Камчаткѣ, и не нѣсколько лѣтъ, а нѣсколько десятковъ лѣтъ. Множество существующихъ огородовъ, не только около Петропавловскаго Порта, но и во всѣхъ Русскихъ селеніяхъ и во многихъ Камчадальскихъ острожкахъ, могутъ подтвердить сію истину.

«1830-*го года въ казенныхъ огородахъ разведены были картофели (Ридеромъ), бѣлый, равно какъ и*

(*) Слова, напечатанныя курсивомъ, выписаны изъ статьи, о коей здѣсь говорится.

Digitized by Google

красный съ хорошимъ успѣхомъ.» Въ числѣ огородныхъ растеній, разведенныхъ въ Камчаткѣ, картофель, какъ полезнѣйшій и могущій болѣе другихъ замѣнить хлѣбъ, не былъ забытъ! Г-нъ Рейнике, въ исходѣ XVIII столѣтія бывшій Начальникомъ въ Камчаткѣ, есть первый, заведшій сіе растеніе. Съ тѣхъ поръ оно не переводилось въ Камчаткѣ. Если-бы Камчадалы были бережливѣе на сѣмена, то давно картофель былъ-бы разведенъ въ бо́льшемъ противъ настоящаго количествѣ, и повсемѣстно на семъ полуостровѣ. Я говорю о бѣломъ картофелѣ; красный дѣйствительно Г-чъ Ридеромъ разводится; но отъ чего-же разведеніе перваго въ казенныхъ огородахъ приписывается Ридеру, и только въ 1830-мъ году, тогда какъ онымъ болѣе 30-ти лѣтъ пользуются въ Камчаткѣ? —

«*Разные сорты рѣпы не менѣе сего удались, и нѣкоторые были отъ 4-хъ, 10-ти, а одна даже въ 20-ть фунтовъ вѣсомъ.*»

Съ давнихъ временъ въ Камчаткѣ, Рускіе и Камчадалы многихъ остро́жковъ, сѣютъ большое количество рѣпы. И развѣ въ отношеніи къ вѣсу одной рѣпы (въ 20 фунт.), заслуживало упомянуть объ оной въ сшашѣ, помѣщенной въ Русскомъ Инвалидѣ.

«*Русскій и Испанскій лукъ, также чеснокъ, хорошо выросли. Также рѣдька, морковь, свекла, цикорія, постарнакъ, ужовникъ, петрушка, селерей, Турецкіе бобы, горохъ, салатъ и шпинатъ хорошо удались.*«

Сѣмена: капусты, луку (простаго, а не рѣпчатаго), рѣдьки, моркови, свеклы, огурцовъ, салату, сѣялись въ Камчаткѣ Русскими за долго до прибытія Ридера; но Камчадалы, или не находя по своему вкусу сіи растенія, или по недостатку времени для обработанія земли (ибо они занимаются въ то время рыбными промыслами), не разводятъ сихъ растеній. Что-же касается до остальныхъ огородныхъ растеній, о коихъ упоминается здѣсь, какъ то: *цикоріи, постарнакъ, ужовникъ, селерей, шпинатъ, Турецкіе бобы и горохъ*, то дѣйствительно разведеніе ихъ должно приписать трудамъ Ридера. Но всѣ оныя могутъ служить для приправъ кушанья какого нибудь гастронома, а для жителей Камчатки ни мало пользы не принесутъ! Присовокупю здѣсь, что упоминаемое Сочинителемъ о благопріятности климата въ Камчаткѣ для смородины, не новость: сей кустарникъ растетъ по всей Сибири. И около Якутска я сбиралъ черную смородину столь крупную, что мнѣ въ Россіи не случалось видѣть такової; а климатъ Якутскій несравненно суровѣе Камчатскаго, гдѣ также красная смородина растетъ по лѣсамъ въ изобиліи и приноситъ плодъ. —

« *Хотя опыты сіи учинены только въ маломъ количествѣ, но достаточно доказываютъ возможность земледѣлія на ономъ полуостровѣ. Также въ архивахъ сохранено событіе, что въ* 1803-*мъ году двѣ деревни въ Сѣверной Камчаткѣ, продали Казнѣ жито.* » Опыты Ридера были въ Петропавловскомъ Портѣ, гдѣ климатъ гораздо теплѣе другихъ мѣстъ

Камчатки, и по онымъ не льзя заключать о возможности землепашества на всемъ полуостровѣ. Событіе, сохраненное въ архивѣ (а не въ архивахъ; ибо одинъ только и есть въ Камчаткѣ), о продажѣ крестьянами ржи, служитъ подтвержденіемъ о невозможности имѣть постоянное земледѣлие въ Камчаткѣ. Сіи самыя деревни теперь не только не могутъ удѣлить ржи для продажи, но и сами зерна не имѣютъ: морозъ давно сѣмена истребилъ. Замѣчу, что продавшіе рожь въ Казну, хотя живутъ въ селахъ Ключевскомъ и Милковомъ, на сѣверъ отъ Петропавловскаго Порта лежащихъ, но не въ сѣверной части Камчатки, жители коей, Олюторы, Сидячіе и Оленные Коряки, не имѣютъ понятія о земледѣлиѣ. При томъ, климатъ Сѣверной Камчатки весьма суровъ, что подтверждаетъ самъ Сочинитель сшашьи, о коей здѣсь говоримъ.

«*Вообще никто, жившій хотя нѣсколько лѣтъ въ Камчаткѣ, уже не сомнѣвается, что тамъ можетъ существовать хлѣбопашество.*» Сіи слова должно понимать такъ: никто изъ жившихъ въ Камчаткѣ не сомнѣвается, что тамъ не можетъ быть хлѣбопашества, никто, за исключеніемъ нѣкоторыхъ Членовъ Земледѣльческой Компаніи въ Камчаткѣ; говорю *нѣкоторыхъ*, ибо между Членами Компаніи есть таковые, кои сожалѣютъ о пожертвованныхъ деньгахъ на дѣло безполезное; 1831-й годъ еще болѣе утвердитъ ихъ въ томъ, ибо, по частнымъ письмамъ изъ Камчатки, мнѣ извѣстно, что весь хлѣбъ, засѣянный на нивѣ, употребленной Обществомъ подъ первый опытъ, вымерзъ въ 1831-мъ

Digitized by Google

году. О сей неудачѣ, вѣроятно, Общество не замедлитъ извѣстить.

« *Удобныхъ мѣстъ для разведенія по крайней мѣрѣ ржи, ячменя и овса, находится въ Камчаткѣ довольно, особенно болѣе удаленныхъ отъ горъ равнинахъ, и преимущественно къ сѣверо-западу.* » Не оспориваю, что можно было-бы найдти въ Камчаткѣ мѣста, годныя подъ землепашество, если-бы климатъ то дозволилъ; но сомнѣваюсь, чтобы таковыя мѣста были преимущественно на сѣверозападѣ полуострова. Стараніемъ прежнихъ Начальниковъ Камчатки (благодѣтелей Камчадаловъ), заведено хлѣбосѣяніе небольшое на восточномъ берегу полуострова; тамъ до сей поры, въ селеніяхъ Ключевскомъ и Милковскомъ, сѣютъ малое количество ячменя и конопли; но на западномъ берегу не было въ семъ успѣха; причиною мѣста, вездѣ открытыя, подверженныя вліянію вѣтра, и рано осенью туманамъ, ниспадающимъ въ видѣ инея, и наносимымъ съ Охотскаго моря.

« *При подошвѣ-же высокихъ хребтовъ и въ горныхъ лощинахъ не должно-бы было заводить пашенъ.*» Землепашество въ Ключевскомъ селеніи доказываетъ сему прошивное. Не понимаю, какъ могло ускользнуть отъ взоровъ Сочинителя, что Ключевское селеніе, и слѣдовательно землепашество, принадлежащее оному, находится при подошвѣ высочайшей горы въ Камчаткѣ, называемой *Ключевскою.*

« *Снѣгъ, правда, на горахъ таетъ весною прежде нежели на равнинахъ, но за то лѣтомъ бываютъ*

Digitized by Google

тамъ всегда ночные морозы и осень начинается 3—4-мя недѣлями раньше. » На покатостяхъ невысокихъ горъ, обращенныхъ къ югу, конечно снѣгъ прежде таетъ; но чтобы это было на всѣхъ горахъ, то несправедливо. Изъ опытовъ извѣстно, что чѣмъ выше гора отъ поверхности земли, тѣмъ холоднѣе на оной. Многія горы, покрытыя вѣчно снѣгомъ, могутъ удостовѣрить въ семъ Г. Сочинителя, равно какъ и написанное имъ самимъ, что осень начинается на горахъ ранѣе. Можетъ быть, Г. Сочинитель, выдавая за истину, будто снѣгъ на горахъ таетъ прежде нежели на низменныхъ мѣстахъ, основываетъ сіе на томъ, что вершины горъ ближе къ солнцу ? ? ?

« *Камчатка, правда, изобилуетъ рыбою, дичью и живностію, и Камчадалъ собираетъ разные коренья, но къ сожалѣнію случились годы, гдѣ сіи запасы были недостаточны и многіе Камчадалы умирали съ голода.* » Не знаю, что̀ подъ словомъ *живность* разумѣетъ Г. Сочинитель. Домашней птицы нѣтъ въ Камчаткѣ, равно какъ и скота, кромѣ лошадей, коровъ и быковъ, ибо собаки всегда будутъ препятствіемъ къ разведенію онаго (*). Справедливо, что случается—но весьма рѣдко — недостатокъ въ рыбѣ. Бывали годы, что Камчадалы весьма нуждались въ пищѣ; но не бывало, чтобы они умирали съ

(*) Камчатскія ѣздовыя собаки не терпятъ никакихъ живопныхъ, если не причислить къ симъ послѣднимъ человѣка.

Digitized by Google

голоду: о семъ не упустили-бы донести Высшему Начальству, а оное не преминуло-бы взыскать за такову смертность; ибо Правительство печется о семъ отдаленномъ краѣ. По распоряженію его, въ магазинахъ Петропавловскаго Порта и Тигильской крѣпости, всегда есть для несчастныхъ годовъ запасъ муки, которую разрѣшено во время голода выдавать не только по цѣнѣ, ниже стоящей Казнѣ, но для бѣдныхъ и даромъ. Изъ сего можно видѣть, что сказанное о смертности несправедливо!

Въ числѣ причинъ смертности, Сочинитель полагаетъ дороговизну жизненныхъ припасовъ; онъ говоритъ: «*Самые необходимые жизненные припасы, за исключеніемъ рыбы и живности (!!!), не въ изобиліи обрѣтаются (!!!) и чрезмѣрно дороги; такъ напримѣръ*: 1 *пудъ мяса* 20—25 *рубл.* (въ одномъ Петропавловскомъ Портѣ, населенномъ Русскими, мясо такъ дорого; ибо тамъ живетъ много чиновниковъ, Камчатскихъ купцовъ и прикащиковъ иногородныхъ купцовъ, кои одни и покупаютъ оное. Въ Тигилѣ всегда можно было купить за 8—10 рубл. пудъ весьма хорошаго мяса.); 1 *фунтъ масла свѣжаго* 2 *рубли* 50 *коп., и даже болѣе;* 1 *пудъ сахару* 80—120, *а иногда* 150 *рубл.;* 1 *пудъ самаго простаго куритальнаго табаку* 70—100 *рубл., иногда* 1 *фунтъ* 5 *рубл.;* 1 *пудъ сальныхъ свѣчъ* 60—80 *рубл.;* 1 *пудъ мыла отъ* 40 — *до* 60 *рубл.*» Изъ сего показанія пусть всякой читающій усмотритъ, можно-ли назвать необходимыми жизненными припасами: *Сахаръ, куритальный табакъ, мыло, сальныя свѣчи?* Первые два предмета хотя и употребляются въ

Digitized by Google

большомъ количествѣ въ Камчаткѣ, но ихъ можно отнести къ роскоши. Мыло употребляютъ одни зажиточные, и то весьма мало; а бѣднымъ оно не нужно: у нихъ бѣлья нѣтъ. Камчадалы сальныхъ свѣчь не покупаютъ (кромѣ весьма рѣдкихъ случаевъ), употребляя для освѣщенія тюленій жиръ, и не рѣдко дѣлая сами свѣчи изъ оленьяго и дикихъ барановъ жиру.

«*Для продовольствія Камчатки, Казна ежегодно посылаетъ туда изъ Сибири отъ* 8—10,000 *пудъ муки и крупъ. Едва-ли нужно здѣсь замѣтить, сколь труденъ и дорогъ сей провозъ; довольно, что пудъ муки обходится уже въ Охотскѣ въ* 10 *рубл. и еще болѣе.*» Цѣны на муку въ Камчаткѣ однѣ и тѣже, что въ Охотскѣ; оныя не увеличиваются перевозомъ муки чрезъ море. Сумма, издерживаемая на покупку и провозъ муки, ничтожна всравненіи съ тою огромною суммою, каковую Казна употребляетъ на Камчатку. Можно сказать утвердительно, что Охотскъ существуетъ только для Камчатки; слѣдовательно капиталъ, издерживаемый на него и содержаніе транспортовъ, также должно брать въ разсчетъ при исчисленіи, сколь дорого Казнѣ стоитъ горсть людей, живущихъ въ Камчаткѣ, кои не вознаграждаютъ и сотой доли издержекъ Казны на сей полуостровъ. Но сіе самое удостовѣряетъ въ благотворительности и попеченіяхъ Правительства о семъ отдаленномъ краѣ. Россійскій Царь, Отецъ своихъ подданныхъ, не жалѣетъ денегъ, нужныхъ для благосостоянія Его народа, въ какомъ-бы краѣ онъ ни находился!

Digitized by Google

« *Иногда случается, что не весь, ежегодно употребляемый запасъ можетъ быть завезенъ въ Камчатку, такъ, что всѣ состоящія въ службѣ лица получаютъ только половину пайка натурою.* » По распоряженію Охотскаго Начальника отправляется всегда довольно муки въ Камчатку; причиною непривоза оной въ полномъ количествѣ могутъ быть одни несчастные случаи, какъ-то: разбитіе транспортовъ, что случается весьма рѣдко и большею частію у западнаго берега Камчатки, гдѣ мало, а мѣстами и вовсе нѣтъ подводныхъ камней; слѣдовательно транспортъ не можетъ быть разбитъ совершенно; дѣятельностію-же командира транспорта и при вспомоществованіи мѣстнаго Начальства, почти всегда можетъ быть спасенъ грузъ. — Количество муки, привозимой изъ Охотска, всегда превышаетъ потребность оной въ Камчаткѣ, исключая голодные годы. Сіе легко доказать тѣмъ, что чиновники и служители тамъ большею частію Морскаго вѣдомства, отъ коего и получаютъ продовольствіе. Мука-же привозится разныхъ вѣдомствъ, какъ-то: *Морскаго*, по числу чиновниковъ и служителей, принадлежащихъ къ оному; *Военнаго*, для продовольствія Казачьей Команды, слѣдовательно также на опредѣленное число людей, и *Казенной Палаты*, для весьма небольшаго числа чиновниковъ, а преимущественно для храненія въ магазинахъ на случай голода. А что служащіе получаютъ половину пайка, то сіе бываетъ ежегодно лѣтомъ, отъ благоразумной экономіи, съ давнихъ лѣтъ заведенной; въ сіе время множество рыбы замѣняетъ половину пайка, и сія половина въ

Digitized by Google

случаѣ голода приноситъ величайшую пользу для всѣхъ въ Камчаткѣ, ибо когда продовольствіе Командъ, въ крайней нуждѣ обезпечено; Морское и Военное вѣдомства могутъ обойдтись безъ займа муки, принадлежащей Казенной Пашнѣ, и чрезъ сіе не затруднятъ продовольствія жителей Камчатки.

«*И такъ сколь важно введеніе хлѣбопашества въ сей отдаленной части Россійской Имперіи, само собою явствуетъ.*» Никто не станетъ противорѣчить, что введеніе землепашества въ Камчаткѣ принесло-бы величайшую пользу; должно и можно желать сего. Но множество опытовъ доказали неудобоисполнимость сихъ предположеній. Преодолѣніе препятствій къ землепашеству въ Камчаткѣ, всегда будетъ выше силъ человѣческихъ! Опыты въ маломъ видѣ могутъ быть иногда удачны, какъ сіе и доказано уже; но сіи самые опыты должны удостовѣрить Земледѣльческую Компанію въ Камчаткѣ, о невозможности завести на семъ полуостровѣ постоянное землепашество въ такомъ количествѣ, чтобы оное могло обезпечить содержаніе жителей.

«*Камчадалъ слишкомъ покоенъ и пристрастенъ къ рыбной и звѣриной ловлѣ, что-бы быть хорошимъ хлѣбопашцемъ; число Русскихъ крестьянъ частію слишкомъ незначительно, частію они, можетъ быть по недостатку поощренія, предпочли охоту земледѣлію.*» Звѣриные и рыбные промыслы не совмѣстны съ покоемъ. Истинно сказать: *лѣность* есть эпидемическая болѣзнь жителей Камчатки; оная

Digitized by Google

могла-бы быть препятствіемъ для земледѣлія; но разведеніе огородныхъ овощей служитъ достаточнымъ доказательствомъ, что Камчадалы не отказались-бы приняться за землепашество, если-бы видѣли, что труды ихъ могутъ быть вознаграждены. Неблагодарность земли была причиною, что и Русскіе крестьяне принялись за промыслы звѣриные и рыбные. Они на опытѣ узнали, что сіи промыслы вѣрнѣе могутъ обезпечить существованіе ихъ. Вотъ истинная вина, почему и Русскіе крестьяне въ Камчаткѣ предпочли земледѣлію рыболовство и звѣроловство. Недостатка въ поощреніи не было. Всѣ бывшіе Начальники Камчатки обращали особенное вниманіе на земледѣліе, и сколько могли поощряли оное. Если-же Сочинитель мѣтитъ на недостатокъ поощреній отъ Правительства, то весьма въ семъ ошибается. Правительство всегда готово поощрять и содѣйствовать полезному, лишьбы оно было удобоисполнимо, а не химерно. Недавно еще отпущено Начальнику Камчатки на опыты по части земледѣлія 1,000 рублей.

« *Если-бы нанять въ Охотскѣ Якутовъ, для отправленія полевыхъ и огородныхъ работъ, то ежегодное содержаніе такого работника едва обходилось-бы дешевле* 500 *рублей.*» Для огородныхъ работъ Камчатка не нуждается въ людяхъ; каждый хозяинъ самъ работаетъ у себя въ огородѣ. Если нѣтъ у нѣкоторыхъ огородовъ, то не недостатокъ рукъ, а лѣность причиною сему, и нанимать для нихъ работниковъ, значитъ поощрять лѣность. Для полевыхъ работъ Якуты мало опытны; они

Digitized by Google

болѣе занимаются скотоводствомъ; но конечно можно ихъ пріучить, и я думаю, что самое лучшее средство для произведенія опытовъ по части земледѣлія, было-бы нанять Земледѣльческой Компаніи въ Камчаткѣ Якутовъ на деньги, собранныя продажею акцій. Увѣренъ, что 10 шаковыхъ работниковъ (сихъ людей достаточно будетъ на первый разъ), не дороже будутъ стоить Обществу какъ 1,500—2,000 рублей, если взять въ разсчетъ рыбу, которая можетъ быть нескуднымъ, но ничего не стоящимъ, или весьма мало стоящимъ прокормленіемъ.

«*И такъ должно, или употребить казенныхъ работниковъ, или водворить въ томъ краю искусныхъ поселенцевъ.*» Подъ именемъ казенныхъ работниковъ, вѣроятно, Сочинитель разумѣетъ матросовъ и Казаковъ; другихъ не можетъ быть. Матросы съ добровольнаго найма могли-бы обработывать землю, если-бы имѣли свободное время отъ службы весною; но въ сіе время бываетъ погрузка транспортовъ и другія работы по Порту; отвлечь отъ сихъ работъ не льзя; матросы находятся въ числѣ регулярнаго войска, получаютъ паёкъ; да и земледѣліе можетъ быть только у военныхъ поселенцевъ. Казаковъ также не льзя занять симъ, ибо каждый изъ нихъ въ свободное отъ службы время занимается рыбными промыслами, кои обезпечиваютъ въ продолженіе цѣлаго года содержаніе самихъ Казаковъ и семействъ ихъ.

Водворять искусныхъ поселенцевъ, прежде нежели утвердятъ постоянные и вѣрные опыты въ воз-

Digitized by Google

можности завести землепашество въ Камчаткѣ, неблагоразумно. Сіи поселенцы не только не принесутъ пользы жителямъ Камчатки, но во время голода могутъ быть въ обремененіе жителямъ, и лишь увеличатъ число людей, коихъ продовольствіе всегда должна имѣть въ виду Казна.

« *Но если совершенно докажется возможность выгоднаго хлѣбопашества въ Камчаткѣ, то конечно должно будетъ водворить тамъ хорошихъ сельскихъ хозяевъ.* » Желаю отъ души, чтобы сіи доказательства нашлись; порадуюсь сему не менѣе Сочинителя статьи, о коей я говорилъ, и увѣренъ, что благотворное Правительство тогда будетъ содѣйствовать водворенію въ Камчаткѣ хорошихъ сельскихъ хозяевъ. Но переселить хорошихъ хозяевъ въ Камчатку, до полученія доказательствъ на возможность землепашества въ томъ краѣ, значитъ разорить ихъ, на кого палъ-бы жребій къ переселенію.

Я. Забѣла,

Камчатской Экипажной роты Капитанъ-Лейтенантъ.

1832. Іюля 30.
Иркутскъ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

— *О собраніи рѣдкихъ старопечатныхъ книгъ, принадлежащемъ А. С. Ширяеву.*—Сначала благоговѣніе и желаніе узнать Священное Писаніе, потомъ раздѣльные толки о Религіи, издревле заставляли предковъ нашихъ сбирать рѣдкія, старопечатныя церковныя книги. Наконецъ явилось и *Филобиблія*—книголюбіе, какъ страсть къ подобнымъ собраніямъ. Въ половинѣ прошлаго вѣка было уже много жадныхъ библіофиловъ изъ средняго состоянія въ Россіи. Первый, кажется, воспользовался этимъ, и привелъ въ правильную систему торговлю старопечатными книгами, нѣкто *Игнатій Ѳерапонтовичъ Ѳерапонтовъ*. Онъ изыскалъ средства собирать ихъ отвсюду, и споспѣшествовалъ составленію извѣстныхъ Библіотекъ Профессора Баузе, Графа Румянцова и Графа Толстаго. Составивъ предметъ ученыхъ изслѣдованій и торговли, старопечатныя книги сдѣлались чрезвычайно рѣдки и дороги. Время, съ своей стороны, безпрерывно заботится сдѣлать ихъ еще болѣе рѣдкими. Такъ въ пожарѣ Московскомъ, 1812 года, погибли Библіотеки Баузе, Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Графа А. И. Мусина-Пушкина, и прекрасное собраніе книгъ, бывшее у самого Ѳерапонтова. Ны-

Digitized by Google

нѣ, при систематическомъ уже познаніи Библіографіи, умѣющемъ отличать истинныя рѣдкости отъ ничтожныхъ, и при дороговизнѣ ихъ, страсть къ собранію рѣдкихъ старопечатныхъ книгъ сдѣлалась мученіемъ истинныхъ библіофиловъ, и число ихъ вообще невелико.

Тѣмъ драгоцѣннѣе собранія современныхъ намъ знатоковъ. Мы съ удивленіемъ видѣли библіотеку старинныхъ книгъ, принадлежащую И. Н. Царскому, купцу Московскому, извѣстному своими пожертвованіями въ пользу Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Съ нимъ не сравняется количествомъ, но, можетъ быть, не меньшими рѣдкостями отличается собраніе старопечатныхъ книгъ, принадлежащее Московскому купцу, и извѣстному Русскому книгопродавцу, *Александру Сергѣевичу Ширяеву*. Онъ не щадилъ и не щадитъ трудовъ и издержекъ. За то не одинъ библіофилъ преклонитъ колѣно предъ шкафами, въ которыхъ заключается у него болѣе *двухъ сотъ* драгоцѣнныхъ, рѣдкихъ книгъ старопечатныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были донынѣ вовсе неизвѣстны библіографамъ. Калайдовичъ, Строевъ, Добровскій, Кеппенъ, Сопиковъ, не знали того, что успѣлъ пріобрѣсть Г-нъ Ширяевъ.

Не тщеславіе, но страсть и любовь къ рѣдкостямъ библіографическимъ, руководствовали Г-на Ширяева. Онъ собиралъ книги не для продажи, не для барышей, но для удовлетворенія собственнаго любопытства. Мы даже тщетно убѣждали его нѣ-

Digitized by Google

сколько разъ изданіе полный систематическій каталогъ своей драгоцѣнной библіотеки. Надѣемся однакожь, что наконецъ почтенный библіофилъ послушается нашего совѣта, и вскорѣ подѣлится наслажденіемъ своимъ съ библіографами, для которыхъ каталогъ его будетъ драгоцѣннostью.

Такъ, напримѣръ, библіографамъ вовсе не были извѣстны книги, печатанныя при Владиславѣ Сигизмундовичѣ, избранномъ, но *не царствовавшемъ* Царѣ Россіи. Нумизматы имѣютъ монеты его, но находка Г-на Ширяева показываетъ, что между тѣмъ, какъ Сигизмундъ готовилъ Россіи порабощеніе, а сыны Россіи приготовлялись на защиту отчизны, дѣла и занятія повсюду отправлялись именемъ мнимаго Царя. У Г-на Ширяева хранится Ноябрь мѣсяцъ *Служебной Минеи*, съ выходною надписью, показывающею, что книга сія начата печатаніемъ, когда Скопинъ страшилъ еще Ляховъ (въ Августѣ 1609 г.), кончена, когда Сигизмундъ взялъ уже Смоленскъ, черезъ годъ послѣ присяги Москвы Владиславу (въ совершеніе-же пріиде сія книга, при Благородномъ Государѣ, Царѣ и Великомъ Князѣ Владиславѣ Жигисмонтовичѣ, Московскомъ и всея Русіи, въ первое лѣто царства его, въ лѣто 7119, мѣсяца Сентября въ 17 день, на память Св. муч. Софіи и чадъ ея, Вѣры, Любве и Надежи).

Вотъ еще нѣсколько бывшихъ донынѣ неизвѣстными библіографамъ рѣдкостей:

Трипѣснецъ Св. Четыредесятницы, переводъ съ

Греческаго, напечатанный при Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, и при Патріархѣ Іовѣ, трудами мастера Андроника Тимоѳеева сына Невѣжи, начатый 1588-го, оконченный 1590 года, въ листъ (у Сопикова означено изданіе, нач. въ 1590-мъ, конченное въ 1592 г.).

Часословецъ, напечатанный въ Вильнѣ, въ т. Мамоничевѣ, 1601 г., въ четвертку.

Книги, напечатанныя *мастерствомъ и трудами* Василія Ѳедорова Бурцова, въ Москвѣ:

Азбука, 1634 года, въ малую восьмушку. У Сопикова означено изданіе 1637; экземпляръ 1637 года находился въ Библіотекѣ Графа Толстаго.

Минея служебная, мѣсяцъ Сентябрь, изд. въ листъ, 1636 года.

Апостолъ, изд. въ листъ, 1639 года.

Замѣтимъ для библіографовъ экземпляръ, напечатанной въ 1525 году, въ Вильнѣ, *Псалтири*, Скорины (*малой подорожной книжицы*). До сихъ поръ извѣстны были только *три* экземпляра оной, находившіеся у Профессора Маннерта въ Ландсгутѣ, у Добровскаго въ Прагѣ, и у Калайдовича въ Москвѣ. (См *Матеріялы для Ист. Провв. въ Россіи*, П. И. Кеппена, Ч. II, стр. 83). Впрочемъ, прибавить должно, что экземпляръ Г-на Калайдовича потерялся въ 1812 году.

Другая важная рѣдкость есть: «*Апокризисъ*, або отповѣдь на книжки о съборѣ Берестейскомъ, именемъ людій, старожитной релѣи Греческой, черезъ

Digitized by Google

Христофора Филалета, врихлѣ дана року 1597 г. » Извѣстно, что подъ именемъ *Христофора Филалета* скрывается незабвенный для насъ *Мелетій Смотрицкій*, сочинитель Славянской Граммашики, которой послѣдовалъ Ломоносовъ, и отъ основаній которой до сихъ поръ никакъ не можемъ мы освободиться. Жизнь сего Схоласшика, за двѣсши слишкомъ лѣшъ до нашего времени думавшаго о Славянскихъ гекзамешрахъ, любопышна не менѣе его сочиненій, жизнь дѣяшельная и бурная. Горячій защишникъ Православія, среди ученыхъ шрудовъ своихъ, онъ дѣйсшвовалъ практически личнымъ вліяніемъ своимъ на народъ, по его наущенію, расшерзавшій въ Витебскѣ, въ 1623 году, несчасшнаго Епископа Іосафаша Кунцевича. Принужденный бѣжашь, шри года пошомъ скишавшись въ Царьградѣ и Іерусалимѣ, Мелешій возвращился на родину, въ ошчаяніи передался Уніи, и шакже горячо началъ писашь за Папу, какъ прежде писалъ прошивъ него; но въ 1628 году, въ Кіевѣ, шоржесшвенно заставили его покаяшься, и въ Успенскомъ Кіевопечерскомъ храмѣ, передъ глазами его, изорвали, исшоптали и сожгли книги его, въ защишу Папы писанныя, когда Мелешій, со слезами, на колѣняхъ, просилъ церковнаго разрѣшенія. Едва уѣхалъ онъ изъ Кіева въ свой Дерманскій монасшырь, какъ снова ошрекся ошъ Православія, и Папа Урбанъ VIII-й прислалъ ему даже санъ Архіепископа Іерапольскаго. Но Мелешій не принялъ его, и шридцашь пять лѣшъ прожилъ въ уединеніи, безмолвно внимая похвалы Уніяшовъ, прокляшія Православныхъ, и похвалы современниковъ за свою ученосшь. Экземпляръ *Апокризи-*

Digitized by Google

са, находящійся у Г-на Ширяева, особенно любопытнымъ дѣлается потому, что находился нѣкогда въ библіотекѣ знаменитаго Архипастыря Петра Могилы (сконч. въ 1646 году). На заглавномъ листѣ находится собственноручная подпись сего Святителя: *Петръ Могила, Архіепископъ, Митрополитъ Кіевскій, рукою властною.* На многихъ листахъ есть его замѣтки, и повторена нѣсколько разъ надпись: Ex bibliotheca Mohiliana.

Наконецъ, упомянемъ о рѣдкости особенно замѣчательной: это *Служебникъ*, печатанный въ началѣ XVI вѣка (въ 1519 году) въ Венеціи, *повелѣніемъ Божидара Вуковича отъ Гюрикъ, Подгориганиномъ, Черногорскимъ Іеромонахомъ Пахоміемъ.* Только *два* экземпляра сего Служебника (одинъ въ библіотекѣ Румянцова, другой въ Императорской Вѣнской) были донынѣ извѣстны. Желая лучше познакомить любителей библіографическихъ рѣдкостей съ сею находкою, которой нынѣ совершилось уже *болѣе трехъ вотъ* лѣтъ, мы просили Г-на Ширяева позволить выгравировать снимокъ съ сей драгоцѣнности, и приложить оный къ Телеграфу. Г-нъ Ширяевъ охотно согласился, и при сей книжкѣ читатели могутъ видѣть снимокъ страницы изъ начала *Служебника*, превосходно сдѣланный Г-мъ Флоровымъ (*). Вотъ текстъ снимка:

(*) Племянникомъ, умершаго во время холеры въ Москвѣ, А. А. Флорова. Въ слѣдующемъ году мы приложимъ къ Телеграфу снимокъ заглавнаго листа

Digitized by Google

« Господи благослови. *Уставъ божественныя службы, въ ней-же и діакойства.* Хотяй священникъ Божественное совершати таинство, долженъ есть первѣе убо миренъ быти со всѣми, не имѣти что на кого, и сердце, елика сила, отъ лукавыихъ блюсшисе помыслъ; воздержашися-же ся мало съ вечера, и трезвишися, да » . . .

Не будучи записными библіофилами, мы съ особеннымъ любопытствомъ видѣли въ собраніи Г-на Ширяева книгу, менѣе другихъ важную для библіографовъ, но любопытную для исторіи языка и Литературъ Славянскихъ. Это переводъ книги о подражаніи Іисусу Христу, (*Книга о Христовѣ подражаніи*), сдѣланный съ Латинскаго Орестомъ Настуреломъ, вторымъ логоѳетомъ Угровлахіи, и напечатанный повелѣніемъ Княгини Елены, супруги Господаря и Воеводы Матвѣя Басарабы, въ Господарской ихъ типографіи, бывшей въ Дельскомъ монастырѣ, въ 1647 году. Мы поговоримъ когда нибудь подробнѣе о семъ памятникѣ Славянской письменности XVII-го вѣка. Теперь-же сообщимъ для любопытныхъ нѣсколько крашкихъ выписокъ.

Переводчикъ посвятилъ трудъ свой « Преосвященному и Богоизбранному, премудрѣйшему, по

Апокризиса, съ подписью Петра Могилы, на что получили уже согласіе Г-на Ширяева. При семъ случаѣ будетъ удобно поговорить о Русской Схоластикѣ XVI-го и XVII-го столѣтія.

Digitized by Google

Христѣ отцу, Господеви Господеви Варлааму, Божіею благодатію Митрополиту Сучавскому, и всея Молдавскія земли Архіепископу, теплѣйшему своему Владыкѣ и благодѣтелю, иже долѣ написанный раболѣпнѣ кланяяся, радовашися глаголетъ.»

На оборотѣ заглавія поставленъ гербъ Елены, съ надписью: *Елена, Божіею милостію начальнія Угровлахіи.* Зашѣмъ слѣдуютъ стихи:

Се, благочестивѣйшей нашей начальницы,
Добродѣтелей явѣ всѣхъ виталницы,
Дхну Божественная, яже и *етерой*
Благодать Царицѣ, сей единоименной,
Крестъ-же овѣй обрѣсти ревность влагаетъ,
Крестоносное сею міру предлагаетъ
Житіе, имъ-же Христа десно подражати,
И того неуклонно стопъ ся содержати.
Пріемше нещаднаго плодъ изнуренія,
Одѣянъ Славенскаго въ скутъ украшенія.
Достойныхъ убо той, о мужіе доблести!
Благодарныхъ вѣнцей не унывайте плести.

Въ концѣ книги приложенъ гербъ Переводчика (*Знаменіе смиреннаго преводника на память здѣ приложися*). Любопытно, что печатальщики книги, прилагая потомъ реэстръ опечаткамъ, *ради Бога, на колѣняхъ*, просятъ читателей простишь имъ сіи ошибки (возлюбленніи о Христѣ отцы и братія, и честные господіе, чтущіе сію книгу, нами въ ней премного погрѣшенная молимъ вы, Бога ради, и колѣнми касаемся, яко-же указася исправляйте;

Digitized by Google

насъ-же, грѣшныхъ и недостойныхъ, усердно о семъ прудившихся, благословиме, а не кляниме, понеже прудишася человѣцы грѣшны, и бренніи персты сочиняху; да и сами прощенія и благословенія отъ Христа Бога улучити сподобитеся, ему-же вы *тѣщно* (тщательно?) вручаемъ. Здравствуйте! Смиренные: Прока Станчуловичъ, Спадулъ Спойковичъ, Ѳеодоръ Димитріевичъ и Микулъ Ивановичъ).

Предлагаемъ здѣсь нѣсколько строкъ, для любопытства читателей, изъ самой книги.

«Сыне, нѣси еще крѣпокъ и мудръ любитель. Почто, Господи? Яко ради малаго сопротивленія, оскудѣваеши отъ начатокъ, и вельми желательнѣ утѣшенія ищеши. Крѣпкій любитель стоитъ въ искушеніяхъ, ниже коварнымъ вѣруетъ совѣтованіямъ врага. Яко-же въ благополученіяхъ ему угоденъ есмь, тако ниже въ сопротивныхъ нѣсть не угоденъ. Разумичный любитель, не толико дара любящаго разсуждаетъ, елико дающаго любовь, хотѣнію паче внимаетъ, нежели *кинсону* (дань), и долѣ вѣдаетъ возлюбленнаго, вѣся данная полагаетъ.»

Твореніе Ѳомы Кемпійскаго переведено было на Славянскій-Церковный и Русскій языки *девять* разъ, считая съ сего Настурелова перевода до перевода М. М. Сперанскаго, изданнаго въ 1819 году, въ СПб., черезъ 172 года. Любопытно сличить приведенное нами мѣсто изъ Настурела съ симъ послѣднимъ, изящнымъ переводомъ.

Digitized by Google

«Сынъ мой! любовь твоя не имѣетъ еще довольно силы и благоразумія. — Почему, Господи?—Потому, что при малѣйшемъ препятствіи ты оставляешь твои начинанія, и слишкомъ жадно ищешь утѣшеній. Кто любитъ мужественно, тотъ пребываетъ твердъ и средп искушеній, и не прилагаетъ вѣры къ коварнымъ внушеніямъ непріятеля; доволенъ Мною въ счастіи, онъ пребываетъ такимъ и въ несчастіи. Кто любитъ съ твердостію, тотъ менѣе взираетъ на дары любимаго, какъ на самую любовь его, болѣе уважаетъ любовь, нежели плоды ея, и ставитъ своего возлюбленнаго выше всѣхъ даровъ его.»

Просвѣщенные любители всего, дѣлающаго честь Отечеству, конечно, подтвердятъ желаніе наше, чтобы Г-нъ Ширяевъ издалъ описаніе собранія своихъ рѣдкостей. Кромѣ удовольствія библіографамъ и библіофиламъ, изъ приведенныхъ нами примѣровъ видно, что подобная книга можетъ подать поводъ ко многимъ любопытнымъ сравненіямъ, соображеніямъ и изысканіямъ, Историческимъ и Литературнымъ.

Замѣтимъ еще, что при библіотекѣ Г-на Ширяева находится, небольшое, но прекрасное нумизматическое собраніе (подаренное ему Полковникомъ І. М. Миклашевскимъ, братомъ Кавказскаго героя), въ которое просвѣщенный хозяинъ допускаетъ немногое, но замѣчательное. Римскія, Польскія (между прочимъ Сигизмундовы и Владиславовы), Гре-

Digitized by Google

ческихъ Черноморскихъ колоній, Русскія старинныя монеты (между прочимъ Царя Іоанна Алексѣевича, битая отдѣльно отъ монетъ Царя Петра Алексѣевича), находятся у Г-на Ширяева. Къ сему присовокупить должно собраніе рѣдкихъ Русскихъ книгъ гражданской печати. Упомянемъ также о драгоцѣнности, на которую, съ грустнымъ чувствомъ о превратности жребія человѣческаго, посмотритъ всякій: это *питтинисъ* церковный, данный во время краткаго правленія юнаго Императора Іоанна Антоновича.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Les coiffures en cheveux paraissent conserver cet hiver le caractère des coiffures à la Louis XIV. On place les papillotes sur l'oreille, tombant à mi-joue, et même un peu plus bas ; les cheveux relevés au-dessus de la nuque et accompagnés de fleurs qui ne surmontent pas le haut de la tête; une rose mousseuse est charmante dans des cheveux noirs.

De grosses perles ou une chaîne d'or garnissant le front ou le sommet de la tête, sont fort convenables au genre de coiffure dit à la Sévigné.

On peut élever la coiffure selon le visage qu'elle accompagne, mais elle doit toujours être attachée sur le derrière de la tête ; un camélia, avec des boutons, une branche de roses capucines, des pieds d'alouettes, des quarantaines, sont des fleurs qui se voient en grand nombre.

On conserve quelquefois un petit bandeau feronnière, formé par une chaîne très-étroite en or travaillé, incrusté de petites pierres de couleur, taillées rondes, sans facettes; au milieu, trois poires ovales, sans facettes également, enchassées dans un petit capuchon d'or. Ces chaînes se posent tombant assez bas sur le front, et s'élevent aussi haut que possible par derrière.

(*) Въ Парижѣ до 10 Декабря (н. ст.).

Digitized by Google

Nous avons remarqué une charmante robe de bal en crêpe rose; le corsage à draperie tyrolienne était par derrière à mantille de blonde; les manches courtes très-larges étaient froncées à petits plis et bordées d'une blonde plate, haute de trois doigts. La même blonde se retrouvant au bord du corsage; au bas de la jupe dans toute la hauteur de l'ourlet étaient semées de petites branches de roses muscade avec un bouton et du feuillage.—La personne qui portait cette robe était coiffée d'une guirlande de roses muscade tournant autour du front et de la coiffure par derrière. Pour bijoux elle avait une parure de perles et d'émeraudes.—Sur une plaque carrée d'or bruni, gravée en petites lignes presque imperceptibles était fixée une grosse perle dans le milieu et quatre émeraudes dans les coins; les boucles d'oreilles, de forme carrée longue, étaient disposées de même. Pour terminer: des bas de soie sans broderie; des souliers de satin; un éventail de peau blanche dorée; un mouchoir de batiste garni d'une haute dentelle et brodé d'une large guirlande de fleurs, sans coins.

Кажется, что уборка волосовъ нынѣшнюю зиму останется въ родѣ à la Louis XIV. Локоны около ушей падаютъ до половины щеки, и даже немного ниже; надъ затылкомъ волосы приподняты и убраны цвѣтами, которые однако же не должны возвышаться надъ головой; мшистая роза прелестна въ черныхъ волосахъ.

Крупный жемчугъ, или золотая цѣпочка, украшающая лобъ или верхъ головы, очень приличны для прическокъ, такъ называемыхъ *Севинье* (à la Sévigné).

Digitized by Google

Прическу можно и возвышать, если это къ лицу; но она всегда должна быть завязана позади головы. Камелія, съ бутонами цвѣтовъ, вѣтка капуцинскихъ розъ, des pieds d'alouettes, des quarantaines: вотъ цвѣты, которые употребляются болѣе прочихъ.

Иногда надѣваютъ маленькую фероньеру, состоящую изъ очень узенькой, золотой цѣпочки, обложенной маленькими, круглыми, безъ шлифовки цвѣтными каменьями; посрединѣ три продолговатыя груши, также безъ шлифовки, вдѣланныя въ золото. Цѣпочка опускается довольно низко на лобъ, и сколько возможно выше приподнимается назади.

Замѣчено бальное прелестное платье изъ розоваго крепа; лифъ съ драпировкой à la tyrolienne, украшенный назади блондовою оборкой; очень широкіе короткіе рукава, собранные мѣлкими складками, и гладко обшитые блондой. Таже самая блонда была на верху у лифа; внизу, у юпки, во всю вышину рубца, были разбросаны маленькія вѣшки мушкатныхъ розъ, съ бутонами и зеленью.— У особы, на которой замѣтили это платье, голова была убрана гирляндой изъ мушкатныхъ розъ. гирлянда вилась отъ лба вокругъ прически назадъ; Изъ драгоцѣнныхъ вещей на ней была нитка изъ жемчуга и изумрудовъ. На четвероугольной дощечкѣ вороненаго золота, съ маленькими, почти незамѣтными полосками, были четыре изумруда по угламъ, а посреди ихъ большая жемчужина. Серьги четвероугольныя, длинныя, были расположены точно также. Шелковые чулки безъ шитья; башмаки

Digitized by Google

ашласные; бѣлый кожаный и позолоченный вѣеръ; батистовый платокъ, обшитый широкимъ кружевомъ, и вышитый гирляндой, безъ угловъ.

На приложенной картинкѣ:

Дама. — Капотъ-шляпка, убранная бархатными лентами и однимъ перомъ. Ашласное платье. Бархатная муфта, вышитая шелкомъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Декабря 13 дня, 1832 года.

Цензоръ и Кавалеръ Н. Лазаревъ.

Въ Типографіи Августа Семена.

Digitized by Google

№ 20. Октябрь.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

О ПОЭЗІИ

Древнихъ и Новыхъ народовъ.

(Окончаніе).

Въ *Драмѣ*, такой, какою можно себѣ ее вообразить, если не исполнить на дѣлѣ, все связывается и выводится одно изъ другаго, какъ въ дѣйствительной жизни. Тѣло играетъ свою ролю, душа свою; люди и событія, брошенные въ игру сими двумя дѣйствователями, являются попеременно шутливы и страшны, а иногда вдругъ страшны и шутливы. Такъ Судья скажетъ: «Казнить его, и пойдемъ-те обѣдать!» Сенатъ Римскій будетъ разсуждать о палтусѣ Домиціана; Сократъ, выпивая цикуту, и разсуждая о безсмертіи души и единствѣ Бога, прерветъ разговоръ свой, и закажетъ принести Эскулапу на жертву пѣтуха; Елисавета будетъ говорить и клясться по Лашински; Ри-

Digitized by Google

шельё станетъ бояться своего Капуцина Іосифа, а Людовикъ XI-й своего брадобрѣя; Кромвель скажетъ: « Парламентъ въ моемъ мѣшкѣ, а Король у меня въ карманѣ, » и рукою, которая подписала смертный приговоръ Карлу I-му, вымажетъ онъ лицо одного изъ цареубійцъ чернилами, а тотъ, смѣясь, самъ взаимно сдѣлаетъ съ нимъ тоже; Цезарь будетъ бояться упасть съ тріумфальной колѣсницы. Что-жь дѣлать! У людей геніяльныхъ, какъ они ни велики, всегда есть своя доля живописности, пародирующая умъ ихъ. Этимъ примыкаются они къ человѣчеству, этимъ дѣлаются они драматическими. *Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas*, сказалъ Наполеонъ, когда онъ убѣдился въ своей человѣчности: эта молнія огненной души, открывшейся на мгновеніе, вдругъ освѣщаетъ Исторію и Искуство; этотъ вопль томленія есть выводъ Драмы и Жизни.

Дѣло удивительное! Всѣ сіи противоположности встрѣчаются въ самихъ поэтахъ, если разсматривать ихъ отдѣльно, съ человѣческой стороны. Усильно размышляя о бытіи, высѣкая изъ него искры язвительной колкости, напирая волнами насмѣшекъ и шутокъ на наши слабости, сіи люди, заставлявшіе насъ столько смѣяться, сами дѣлаются глубоко печальны. Сіи Демокриты суть въ тоже время и Гераклиты.

Digitized by Google

Бомарше былъ угрюмъ, Мольеръ мраченъ, Шекспиръ задумчивъ.

И такъ, Смѣшное есть одно изъ главнѣйшихъ украшеній Драмы. Оно не столько прилично ей, но даже необходимо. Иногда, оно является въ Драмѣ полными характерами, однородными, цѣльными кусками: это Данденъ, Прузій, Триссотинъ, Брид'уазонъ, кормилица Юліи; иногда съ оттѣнкомъ ужаснаго: Ричардъ III-й, Бегерсъ, Тартюфъ, Мефистофель; иногда даже подъ покровомъ прелести и изящества, какъ Фигаро, Осрикъ, Меркуціо, Донъ Жуанъ. Оно внѣдряется всюду, ибо, какъ самое грубое обладаетъ иногда порывами Высокаго, такъ самое Возвышенное часто платитъ дань ничтожному и странному. По сему, часто неуловимое, часто непримѣтное, оно всегда присутствуетъ на сценѣ, даже когда молчитъ, даже когда скрывается. Благодаря ему, нѣтъ впечатлѣній однообразныхъ. Оно, то блещетъ смѣхомъ, то пугаетъ ужасомъ въ Трагедіи. Оно заставляетъ Ромео вступаться съ Аптекаремъ, Макбета съ тремя Вѣдьмами, Могильщиковъ съ Гамлетомъ. Иногда, наконецъ, оно можетъ, безъ разрушенія согласія, какъ, напримѣръ, въ сценѣ Лира съ его Дуракомъ, примѣшивать крикливый голосъ свой къ самымъ высокимъ, самымъ мрачнымъ, самымъ мечтательнымъ звукамъ души человѣческой.

Digitized by Google

Вотъ что всѣхъ лучше умѣлъ понимать, и дѣлать самобытнымъ образомъ, которому столь же безполезно, сколь невозможно подражать, *Шекспиръ* — сей царь Театра, въ коемъ кажется были соединены при величайшіе, самые характеристическіе генія Французской сцены: *Корнель*, *Мольеръ*, *Бомарше*.

Видимъ, какъ быстро распадается передъ разумомъ и вкусомъ всякое произвольное раздѣленіе родовъ. Не болѣе пруда разрушишь ложное правило двухъ единствъ. Мы говоримъ: *двухъ*, не *трехъ*, ибо *единство дѣйствія*, или общности, единое истинное и прочное, давно исключено изъ всякаго спора.

Отличные дарованіями современники наши, иностранцы и земляки, опровергали уже, теоріею и практикою, этотъ основный законъ мнимо-Аристотелевскаго уложенія. Впрочемъ, битва не долженствовала быть продолжительною. При первомъ сильномъ поприщеніи рухнули единства Драмы — такъ некрѣпко было это основаніе схоластической мазанки!

Всего страннѣе, что по привычкѣ повторять затверженный вздоръ, хотятъ утвердить правило двухъ единствъ на правдоподобіи, тогда, какъ дѣйствительность рѣшительно убиваетъ ихъ. Что невѣроятнѣе, нелѣпѣе, въ самомъ дѣ-

Digitized by Google

мѣ, этихъ сѣней, этихъ колоннадъ и передних, избитыхъ мѣстъ, куда нашимъ Трагедіямъ угодно было приходить для развитія дѣйствій, куда являются, Богъ знаетъ какъ, заговорщики возглашать угрозы противъ тирана, тиранъ возглашать гнѣвъ свой противъ заговорщиковъ, каждый въ свой чередъ, какъ будто они буколически сказали другъ другу:

Alternis cantemus: amant alterna Camœnæ!

Гдѣ найдете вы въ дѣйствительности сѣни, или колоннады такого рода? Что противнѣе этого — не говоримъ правдѣ — Схоластики отдадутъ ее дешево, но — правдоподобію? Выходитъ такъ, что все слишкомъ характеристическое, слишкомъ близкое сердцу, слишкомъ мѣстное, все, что не можетъ произойдти на площади, или въ передней, то есть, вся Драма происходитъ за кулисами. Мы видимъ нѣкоторымъ образомъ только локти дѣйствія на сценѣ Театра, а рукъ его тутъ нѣтъ. Вмѣсто представленія, насъ подчиваютъ разсказами, вмѣсто картинъ описаніями. Важныя особы, какъ Хоръ Древнихъ, поставленныя между Драмою и нами, приходятъ говорить намъ, что дѣлается въ храмѣ, во Дворцѣ, на площади, и мы нерѣдко готовы сказать имъ: «Право? Да проводите-же насъ туда; это должно насъ позаба-

Digitized by Google

вить, это должно быть хорошо посмотрѣть!» На всѣ сіи слова, безъ сомнѣнія, они гошовы сказать намъ: «Можетъ быть, это и позабавило-бы васъ, или заняло; но дѣло не въ томъ: мы охранители достоинства Французской Мельпомены.» — Вотъ что!

Однакожъ — скажутъ намъ — правило, опвергаемое вами, заимспвовано изъ Греческаго Театра. А чѣмъ Театръ и Драма Греческіе походятъ на Театръ и Драму наши? Впрочемъ, мы уже говорили, что необыкновенное пространство Древней сцены позволяло ей обнимать обширную мѣстность, такъ, что поэтъ могъ, смотря по требованію дѣйствія, своевольно переносить его съ одного мѣста Театра на другой, что было почти равносильно нашей перемѣнѣ декорацій. Странное противорѣчіе! Театръ Греческій, подчиненный цѣли національной и религіозной, былъ свободнѣе нашего, когда у насъ вся цѣль Театра есть удовольствіе, и, если угодно, наученіе зрителей! Отъ чего это происходитъ? Одинъ повиновался свойственнымъ ему, самобытнымъ законамъ, а другому предписываютъ условія, по коимъ онъ дѣлается совершенно чуждъ сущности своей. Одинъ художникъ, другой искусникъ.

Въ наше время начинаютъ понимать, что вѣрная мѣстность есть одна изъ главныхъ сти-

Digitized by Google

хій дѣйствительности. Не одни говорящія, или дѣйствующія лица впечатлѣваютъ въ умѣ зрителя вѣрное выраженіе дѣйствія. Мѣсто, гдѣ что нибудь произошло, дѣлается ужаснымъ и неразлучнымъ его свидѣтелемъ, и отсутствіе такого безмолвнаго свидѣтеля лишило-бы въ Драмѣ полноты самыя великія событія Исторіи. Гдѣ осмѣлится поэтъ изобразить гибель Риччіо, если не въ комнатѣ Маріи Стуартъ? Или смерть Генриха IV-го, если не въ улицѣ Ферронери....

Единство времени не прочнѣе единства мѣста. Дѣйствіе, насильно вставленное въ раму двадцати четырехъ часовъ, такъ-же смѣшно, какъ дѣйствіе запертое въ передней. Всякое дѣйствіе имѣетъ свое собственное продолженіе, подобно своему настоящему мѣсту. Какъ можно опливать по равному участку времени на всѣ событія, прилагать ко всему одну мѣру! Смѣшонъ будетъ сапожникъ, если одинъ сапогъ станетъ напяливать на ноги всякому. Перепутать единствомъ времени и единствомъ мѣста Драму, какъ будто клѣтку проволокою, и, во имя Аристотеля, педантски, загнать туда всѣ дѣла, всѣ народы, всѣхъ людей, которыхъ Провидѣніе столь огромными толпами разсыпало по лицу земли, не значитъ-ли это уродовать людей и предметы, передразнивать Исторію? Скажемъ болѣе: все это издохнетъ во

Digitized by Google

время нашей операціи; да и не такъ-ли бываетъ обыкновенно съ нашими драматическими операторами? Что живо въ Лѣтописи, то умираетъ въ Трагедіи. Вотъ почему, всего чаще, клѣтка единствъ заключаетъ въ себѣ только бездушные скелеты.

И если ваши двадцать четыре часа могутъ помѣститься въ два, то логически слѣдуетъ, что четыре часа могутъ заключить въ себѣ сорокъ восемь. Единство Шекспировское не будетъ слѣдовательно единство Корнелево. Посудите-же объ этомъ милостиво!

И между тѣмъ, вотъ какою мѣлкою ябедою, около двухъ вѣковъ, посредственность, зависть, и привычка къ старому, занимали геній Драмы! Вотъ чѣмъ умѣли остановить полеты нашихъ великихъ творцовъ! Ножницами единствъ спригли могущія крылья ихъ. И что же выдали намъ въ замѣну орлиныхъ перьевъ, выщипанныхъ у Корнеля и Расина? Кампистрона!!

Понимаемъ, что могли-бы намъ сказать слѣдующее: въ частой перемѣнѣ декорацій есть нѣчто спутывающее, утомляющее зрителя, производящее на вниманіе его родъ ослѣпленія. Можетъ также случиться, что умноженные переходы съ одного мѣста на другое, изъ одного

Digitized by Google

времени въ другое, потребуютъ охлаждающихъ умъ изложеній. Опасайтесь также, чтобы въ срединѣ дѣйствія не оставить промежутковъ, которыя воспрепятствуютъ частямъ Драмы тѣсно соединиться между собою, и сверхъ того развлекутъ зрителя, ибо онъ не отдастъ себѣ отчета въ томъ, что можетъ заключаться въ пустотахъ междудѣйствій. — Но все это суть затрудненія Искусства, все это суть препятствія, свойственныя тому или другому предмету, и которыхъ не льзя опредѣлить однимъ разомъ навсегда. *Генію*, а не *піитикамъ* рѣшать ихъ надобно.

Достаточно будетъ, для показанія нелѣпости двухъ насильственныхъ единствъ, доказательства, извлеченнаго изъ сущности Искусства. Мы разумѣемъ *третье единство*, единство *дѣйствія*, единственное, допускаемое всѣми, ибо оно слѣдуетъ изъ положительнаго вывода: ни взоръ, ни умъ человѣческій не могутъ въ одно время наблюдать болѣе одной общности. Это единство столь-же необходимо, сколько два другія безполезны. Оно означаетъ точку зрѣнія въ Драмѣ, и съ нимъ исключаются два другія единства. Не можетъ быть трехъ единствъ въ Драмѣ, такъ, какъ трехъ горизонтовъ въ картинѣ. Впрочемъ, не будемъ смѣшивать единства съ простотою дѣйствія. Единство общно-

Digitized by Google

сіи ни коимъ образомъ не опровергаетъ прибавки второстепенныхъ дѣйствій, на коихъ должно опираться главному дѣйствію. Надобно только, чтобы сіи части, искусно подчиненныя цѣлому, безпрерывно пяготѣли къ основанію центральному, и становились стройно по различнымъ отдѣленіямъ его, или, лучше сказать, по различнымъ мѣстамъ плана Драмы. Единство общности есть законъ театральной перспективы.

— Но — закричатъ таможенные пристава мыслей — великіе геніи подвергали себя однакожь имъ, этимъ правиламъ, которыя вы опровергаете!—Да, къ несчастію! И что-же сдѣлали-бы они, сіи чудные люди, если-бы имъ позволяли дѣйствовать свободно! По крайней мѣрѣ, они не безъ борьбы принимали ваши оковы. Надобно посмотрѣть, какъ Петръ Корнель, при самомъ началѣ терзаемый за своего великаго *Сида*, бьется съ Мере, Клавере, Д'Обиньякомъ и Скюдери! Какъ онъ обвиняетъ передъ потомствомъ дерзкое своеволіе этихъ людей, почитающихъ себя, по словамъ Корнеля, *Аристотелями на бѣло*! Надобно читать, какъ важно говорили тогда Корнелю: «Молодой человѣкъ! тебѣ должно поучиться, и потомъ учить другихъ. Такое право можетъ принадлежать только великимъ Скалигерамъ и Геинзіусамъ!» Тушъ Корнель

горячится, и спрашиваетъ: неужели хотятъ поставить его «гораздо ниже Клавере?» — Тогда Скюдери, раздраженный дерзкою гордостію смѣльчака, напоминаетъ à *ce trois fois grand avthevr dv Cid* «скромныя слова, коими Тассъ, величайшій человѣкъ своего вѣка, началъ Апологію прекраснѣйшаго изъ своихъ сочиненій, ошвѣчая на самую ѣдкую и самую несправедливую, какая когда нибудь бывала, цензуру. «Г-нъ Корнель» — восклицаетъ Скюдери — «ошвѣтами своими доказываетъ, что онъ столько-же далекъ отъ умѣренности, сколько отъ достоинствъ сего превосходнаго сочинителя.» *Молодой человѣкъ*, столь *справедливо*, и столь *кротко цензуруемый*, осмѣливается еще пошивостоять, и шутъ Скюдери возобновляетъ битву, зоветъ на помощь себѣ *почтенную Академію*, и восклицаетъ: «Произнесите, о судіи праведные! опредѣленіе достойное васъ, которое показало-бы всей Европѣ, что *Сидъ*, не только не превосходное швореніе величайшаго человѣка Франціи, но сочиненіе, менѣе всего достойное даже самого Г-на Корнеля. Вы должны сіе сдѣлать, и собственно ради славы вашей, и вообще ради славы нашего отечества, принимающаго въ шомъ участіе, должны сдѣлать, дабы, увидѣвъ сіе великое созданіе, иностранцы, соотечественники Тассовъ и Гварини, не подумали, что ученики почитаются у насъ великими шворцами.»—

Digitized by Google

Въ сихъ немногихъ, поучительныхъ строкахъ заключена вся вѣчная тактика завистливой посредственности противъ раждающагося дарованія, тактика, коей слѣдуютъ и внаше время, которая и въ наше время прибавила любопытную страничку въ юныхъ опытахъ Лорда Байрона. Скюдери представляетъ намъ настоящую сущность сей тактики. Что видимъ мы? Прежнія сочиненія геніяльнаго человѣка всегда предпочитаемы новымъ, чтобы тѣмъ доказать упадокъ его, а не возвышеніе: *Mélite* и *Galerie du Palais* поставленныя выше; потомъ имена мертвыхъ, бросаемыя въ голову живыхъ: Корнель, побиваемый Тассомъ и Гварини (*Гварини!*), какъ впослѣдствіи Расина побивали Корнелемъ, а Вольтера Расиномъ, и какъ нынѣ побиваютъ Корнелемъ, Расиномъ и Вольтеромъ все, что смѣетъ возвышаться. Тактика эта, какъ мы видимъ, довольно обвѣтшала, но понятно, что она довольно ловка и хороша, если ее употребляютъ даже и нынѣ. Между тѣмъ бѣдный великій человѣкъ еще дышалъ. И здѣсь-то надобно удивляться, какъ Скюдери, герой этой Траги-комедіи, идетъ на отчаянную, бьетъ, рубитъ, безжалостно открываетъ всю свою Классическую артиллерію: онъ «ясно доказываетъ» автору *Сида* «каковы должны быть эпизоды, по Аристотелю, изъясняющему ихъ въ главахъ X-й и XVI-й своей Поэтики; онъ гремитъ тѣмъ-же

Digitized by Google

Аристотелемъ, « главою XI-ю его Піитики, въ которой находитъ полное осужденіе Сида;» и тоже свидѣтельствуетъ у него Платонъ въ X-й книгѣ Республики, и тоже Марцелинъ въ XXVII-й книгѣ. Это-же видно изъ Трагедій: *Ніоба* и *Іефай*, и изъ Софоклова *Аякса*, и изъ примѣра Эврипидова. На томъ-же утверждается Геинзіусъ, въ книгѣ X-й Основаній Трагедіи; тоже говоритъ Скалигеръ сынъ, въ своихъ стихотвореніяхъ. Наконецъ тоже свидѣтельствуютъ Каноницисты и Юрисконсульты, *au titre des porces.*» Первые аргументы относились къ Академіи; послѣдній относится къ Кардиналу. Послѣ булавочныхъ щычковъ, слѣдуетъ ударъ дубиною: надобно избрать судью, для рѣшенія вопроса. Шапеленъ рѣшаетъ. Корнель осужденъ— льва взнуздали, или какъ говорили тогда, la *corneille* fut *déplumée*. Смѣйтесь этому; но видите-ли вы печальную сторону смѣшной Драмы? Вотъ она: схваченный за крылья съ самого перваго полета, Корнель, этотъ, совершенно новѣйшій геній, весь напитанный Средними вѣками и Испаніею, принужденъ обмануть самого себя, и броситься въ Древность. И онъ началъ потомъ изображать намъ Кастильскій Римъ, величественный, безъ сомнѣнія, но въ которомъ— исключая, можетъ быть, *Никомеда*, столь осмѣяннаго въ послѣднемъ вѣкѣ за его гордую и до-

Digitized by Google

бродушную самоцвѣтность — мы не находимъ, ни истиннаго Рима, ни истиннаго Корнеля....

Расинъ испыталъ такія-же оскорбленія, но не оказалъ подобнаго, сильнаго противоборства. Ни въ геніи, ни въ характерѣ его не было высокомѣрной суровости Корнеля. Онъ сгибался въ молчаніи, и скромно предоставилъ презрѣнію своихъ современниковъ чудную элегію свою, *Эсѳирь*, и великолѣпную свою эпопею, *Гоѳолію*. Должно думать, что если-бы не разбилъ его параличь предразсудковъ современности, если-бы меньше касался его Классическій гнюсъ, Расинъ не упустилъ-бы поставить Локуста въ Драмѣ своей, между Нарциссомъ и Нерономъ, а особливо не закинулъ-бы за кулисы превосходной сцены пира, на которой воспитанникъ Сенеки отправляетъ Британника чашею примиренія. Но можно-ли требовать полета отъ птички, когда ее душатъ подъ пневматическимъ колоколомъ? Сколько однакожь красотъ спасли намъ эти *les gens de goût* (люди со вкусомъ), отъ Скюдери до Лагарпа! Можно-бы составить превосходное сочиненіе изъ всего того, что тлетворное дыханіе ихъ погубило въ самомъ зародышѣ. И при всемъ томъ, великіе поэты наши умѣли блистать геніемъ, не смотря на затяжку ума. Напрасно хотѣли ихъ зашнуровать въ правила и размѣры: какъ силачъ

Digitized by Google

Израильскій, они уносили заклепы темницъ своихъ на высоту окрестныхъ горъ.

Все еще повторяютъ намъ, и, безъ сомнѣнія, долго будутъ еще повторять: «Слѣдуйте правиламъ; подражайте образцамъ! Правила производятъ образцы!» — На минуту: если такъ, то есть два рода образцовъ — одни, созданные по правиламъ, а передъ ними тѣ, по которымъ выведены правила. Въ которой-же категоріи долженъ искать своего мѣста геній? Всегда тяжело бываетъ имѣть сношеніе съ педантами, но не въ тысячу-ли разъ лучше давать имъ уроки, нежели получать уроки отъ нихъ? И при томъ — *подражать*! Неужели отблескъ лучше свѣта? Спутникъ, безпрерывно влекущійся въ одномъ и томъ-же кругѣ, стоитъ-ли звѣзды центральной, живительной? При всей своей поэзіи, Виргилій есть луна Омира.

Но, посмотримъ: кому прикажутъ подражать? Древнимъ? — Мы доказали выше сего, что ихъ театръ не имѣлъ никакого сродства съ нашимъ. Впрочемъ, Вольтеръ, не хотѣвшій признавать Шекспира, не хотѣлъ также признать и Грековъ. Онъ самъ скажетъ вамъ почему: «Греки представляютъ намъ зрѣлища, не менѣе возмутительныя. Ипполитъ, разбитый въ своемъ паденіи, исчислялъ у нихъ раны свои,

Digitized by Google

и ревѣлъ жалостнымъ голосомъ. Филоктетъ впадалъ въ болѣзненные припадки, и черная кровь текла изъ его раны. Эдипъ, обагренный кровью, капавшею изъ остатка вырванныхъ имъ глазъ, жаловался на боговъ и человѣковъ. У нихъ слышны были вопли Клитемнестры, которую рѣжетъ за сценою родной сынъ ея, и Электра кричала ему со сцены: «Поражай, не щади ея — она не щадила нашего отца!» — Прометея приковывали у нихъ къ скалѣ гвоздями, которые вбивали ему въ руки и въ животъ. Фуріи отвѣтствовали у нихъ окровавленной тѣни Клитемнестры ревомъ, безъ всякихъ словъ.... Искусство было въ младенчествѣ во времена Эсхила, какъ младенчествовало оно въ Лондонѣ во время Шекспира.» — И такъ, остаются *Новѣйшіе*! Надобно подражать подражателямъ? Пощадите!

Но — возразятъ намъ — потому, какъ вы понимаете Искусство, кажется, что вы ждете нюлько великихъ поэтовъ, считаете только на геніевъ? — Да, неужели Искусству надобно считать на посредственность? Ей оно не предписываетъ ничего: Искусство не знаетъ ея; она не существуетъ для него; Искуство даетъ крылья, а не костыли. Увы! Д'Обиньякъ слѣдовалъ правиламъ, Кампистронъ подражалъ образцамъ. Но что за дѣло до нихъ Искуству? Его храмъ строятъ не муравьи;

Digitized by Google

оно предоставляетъ имъ дѣлать свой муравейникъ, и не забошится, если на подножіи его храма утвердятъ они свою пародію великихъ созданій.

Въ непоняшное положеніе сшавятъ своихъ поэтовъ критики Схоластическіе. Съ одной стороны, они кричатъ имъ безпрестанно: «Подражайте образцамъ!» Съ другой, они возглашаютъ обыкновенно: «Образцы неподражаемы!» Если ихъ ремесленники-поэты, обстругавши хорошенько, прошащатъ сквозь тѣснину правилъ какой нибудь блѣдный сколокъ, какой нибудь безцвѣтный съемокъ великихъ созданій, неблагодарные, смотря на новый *refaccimiento*, кричатъ, что: «совершенный уродъ, и *ни на что не походитъ!*» что — «слѣпокъ изъ чужаго, и *походитъ на все!*» И по Логикѣ, устроенной особеннымъ образомъ, каждая изъ сихъ формулъ значитъ критику!

Будемъ говорить смѣло. Пришло время, и странно, въ нашу эпоху, когда просвѣщеніе проникаетъ всюду, оставить ему недоступнымъ міръ самый независимый міръ, Поэзіи. Возложимъ тяжкій молотъ на теоріи, піитики и системы. Долой эту старую лѣпную работу, обезображивающую зданіе Искусства! Скажемъ дерзко: нѣтъ ни правилъ, ни образцовъ, или,

Digitized by Google

говоря яснѣе — есть *всеобщія правила Природы, распростертыя на все Искуство вообще*, и *правила частныя, которыя для всякаго творенія слѣдуютъ изъ условій бытія, собственныхъ каждому предмету*. Одни суть вѣчныя, внутренія, остаются всегда; другія измѣняемы, внѣшни, служатъ на одинъ разъ. Первыя суть фундаментъ, поддерживающій зданіе; другія суть подмостки, лѣса, служащія для постройки, и дѣлаемыя вновь при каждомъ строеніи. Одни суть скелетъ, другія одежда Драмы. Впрочемъ, сіи правила не пишутся въ Піитикахъ. Ришеле не сомнѣвался въ этомъ. Геній болѣе угадываетъ, нежели изучаетъ, и извлекаетъ первыя, всеобщія, изъ общаго порядка вещей; вторыя, частныя, изъ отдѣльной общности предмета, который занимаетъ его; онъ извлекаетъ ихъ, не какъ химикъ, зажигающій свою печку, раздувающій свои уголья, разгорячающій свой плавильный горшечекъ, разлагающій и уничтожающій—нѣтъ! онъ подобится пчелѣ, которая перелетываетъ на своихъ золотыхъ крылышкахъ, садится на каждый цвѣточекъ, и извлекаетъ изъ него медъ свой такъ, что чашечка цвѣтка не теряетъ своего блеска, и вѣнчикъ своего благоуханія.

Поэтъ — обопремся на семъ мѣстѣ вверже— долженъ спрашивать совѣта только у Природы, у Истины, у Вдохновенія, которое так-

Digitized by Google

же есть Природа и Истина. Quando he, говоритъ Лопецъ Де-Вега,

> Quando he de escrivir una comedia,
> Encierro los preceptos con seis llaves.

Въ самомъ дѣлѣ: мало *шести ключей*, чшобы запереть наставленія. Да остерегается поэтъ списывать кого-бы то ни было, Шекспира и Мольера, Шиллера и Корнеля! Если самое истинное дарованіе опикается при семъ случаѣ отъ собственной своей Природы, бросишъ въ сторону самобытность свою, и постарается преображать себя въ другаго — оно все потеряетъ, и потеряется непремѣнно въ этой ролѣ Созія. Это будетъ полубогъ, сдѣлавшійся слугою. Надобно черпать въ первобытныхъ источникахъ. Одна влага, въ почвѣ распространенная, производитъ разныя деревья, столь различныя вѣтвями, листьями, плодомъ. Одна Природа оплодотворяетъ и питаетъ различныхъ геніевъ. Поэтъ—дерево, которое можетъ быть колыхаемо всѣми вѣтрами, питаемо всѣми росами, и приноситъ свои творенія, какъ плоды, какъ *басенникъ* приносилъ свои басни. Для чего привязываться къ учителю, или карабкаться на образецъ? Лучше быть крапивою, чертополохомъ, питаемыми самобытно тою-же землею, которая питаетъ кедры и пальмы, нежели

Digitized by Google

мохомъ, или древеснымъ лишаемъ сихъ огромныхъ созданій. Крапива живетъ, мохъ прозябаетъ. Впрочемъ, какъ ни велики дубъ и пальма, сокомъ, который вытянетъ изъ нихъ, не льзя сдѣлаться великимъ другому растенію. Прихлебатель великана всегда останется карлою. Дубъ, не смотря на свою величину, ничего не можетъ произвесть и пропитать, кромѣ ничтожной амелы.

Не обманывайте самихъ себя: если нѣкоторые изъ нашихъ поэтовъ могли быть велики, даже и подражая, это происходило отъ того, что преобразуя себя по формѣ Древнихъ, они болѣе слушались внушенія Природы и своего генія, и оставались сами собою, хотя съ одной стороны. Ихъ вѣтьви цѣплялись за ближнее дерево, но ихъ корень погружался въ самобытную почву Искусства. Они были плющемъ, но не амелою. Потомъ проросли второстепенные подражатели, и не имѣя, ни корня въ почвѣ Искусства, ни генія въ душѣ, долженствовали ограничиться только однимъ подражаніемъ. *По школѣ Авинской, школа Александрійская*, какъ говоритъ Карлъ Нодье. Тогда посредственность потопила все; тогда расплодились Пишики, столь гибельныя дарованію, столь выгодныя ничтожеству. Сказали, что все сдѣлано, запретили являться другимъ Мольерамъ, другимъ

Digitized by Google

Корнелямъ. Вмѣсто воображенія поставили память. Дѣло было рѣшено повелительнымъ образомъ, и приведено въ аѳоризмы. «*Воображать*,» говоритъ Лагарпъ, съ своею добродушною увѣренностью, «есть собственно *припоминать*.»

А Природа? А Природа и Истина? И здѣсь, чтобы доказать, какъ, далекія отъ разрушенія Искусства, новыя понятія хотятъ возсоздать его прочнѣе и лучше, попытаемся опредѣлить, что̀ составляетъ непереходимую межу, которая, по нашему мнѣнію, раздѣляетъ *дѣйствительность Искуства* отъ *дѣйствительности Природы*. Нелѣпо смѣшивать ихъ, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые недалекіе *Романтики*. Искуство не можетъ представить самой Природы. Предположимъ, примѣрно, одного изъ такихъ требователей безусловной естественности, Природы безъ Искуства. Играютъ Романтическую пьесу — положимъ: *Сида*. «Что-жъ это такое?» восклицаетъ онъ — «Сидъ говоритъ стихами! *Не естественно* говорить стихами!» — Какъ же вы хотите, чтобы онъ говорилъ? — «Прозою.» — Хорошо. — Минуту спустя: Что-жъ это?» возглашаетъ онъ — «Сидъ говоритъ по Французски!» — Да.— «Но Природа требуетъ, чтобы онъ говорилъ по Испански.» — Такъ, да мы ничего не поймемъ; но будь по вашему. — Думаете-ли вы, что все тутъ? Не доходя до

Digitized by Google

десятой Испанской фразы, Критикъ вспаетъ и спрашиваетъ: «Этотъ Сидъ, передо мною говорящій, настоящій-ли Сидъ, съ Испанскими костями и Испанскимъ мясомъ? По какому праву, этотъ актеръ, называемый Петромъ, или Яковомъ, принимаетъ на себя имя Сида? Это *ложное!*» — Нечего будетъ возразить, если онъ потребуетъ потомъ, чтобы кулисную плошку замѣнили солнцемъ, и настоящими домами, настоящими деревьями обманчивыя театральныя декораціи. Однажды сбившись на эту дорогу, Логика схватитъ васъ за горло, и остановиться будетъ невозможно.

Надобно, хотя подъ опасеніемъ упрека въ нелѣпости, признаться, что область Искуства и область Природы совершенно различны. Природа и Искуство суть двѣ раздѣльности, безъ чего, либо то, либо другое не существовали-бы. Искуство, кромѣ своей отчизны идеаловъ, обладаетъ еще областью земною, положительною. Чтобы оно ни дѣлало, оно заключено между Грамматикою и Просодіею, между Вожела и Ришеле. Въ самыхъ прихотливыхъ его созданіяхъ, есть формы, средства исполненія, совершенно вещественныя, коими должно ему заняться. Для генія это инструменты; для посредственности ремесленныя орудія.

Digitized by Google

Другіе говорили уже, если не ошибаемся, что Драма есть зеркало, гдѣ отражается Природа. Но если это зеркало обыкновенное, гладкая, свѣтлая поверхность, то оно отразитъ предметъ плоско, безъ выпуклостей, вѣрно, но безцвѣтно. Извѣстно, какъ много теряютъ цвѣта и свѣтъ при отраженіи простомъ. Слѣдовательно, Драмѣ надобно быть сосредоточивающимъ зеркаломъ, которое собирало и соединяло-бы цвѣтистые лучи, не ослабляя ихъ, и дѣлало изъ блеска свѣтъ, изъ свѣта пламя. Тогда только Драма будетъ чадо Искуства.

Театръ есть оптическая точка зрѣнія. Все, что существуетъ въ мірѣ, въ Исторіи, въ жизни, въ человѣкѣ, все должно и можетъ въ ней отражаться, но — подъ волшебнымъ прутикомъ Искуства. Оно перелистываетъ вѣка, перелистываетъ Природу, вопрошаетъ лѣтописи, изучается воспроизводить дѣйствительность событій, особливо нравовъ и характеровъ, менѣе событій подверженную сомнѣнію и противорѣчіямъ, возстановляетъ то, что лѣтописцы изуродовали, устроиваетъ, что они разрознили, угадываетъ и исправляетъ ихъ упущенія, дополняетъ промежутки вымысломъ, имѣющимъ цвѣтъ мѣстности и вѣка, соединяетъ, что было разбросано, отыскиваетъ нити Провидѣнія, по коимъ прыгаютъ человѣческія маріонетки,

Digitized by Google

облекаетъ все формою, въ одно время поэтическою и естественною, и даетъ своему созданію эту жизнь истины и существенности, которая пораждаетъ ослѣпленіе, этотъ призракъ дѣйствительности, увлекающей зрителя, и прежде всѣхъ самого поэта, ибо поэтъ добродушно вѣритъ своимъ созданіямъ. Такимъ образомъ, цѣль Искусства почти выше Человѣчества: воскресить, если дѣло идетъ объ Исторіи; создать, если оно касается Поэзіи.

Прекрасное, величественное зрѣлище: видѣть Драму, въ полной обширности, когда Искусство могущественно развиваетъ передъ нами Природу, Драму, въ коей дѣйствіе идетъ къ концу твердою, легкою походкою, безъ труда, не задыхаясь, Драму, наконецъ, гдѣ поэтъ вполнѣ совершаетъ умноженную цѣль Искусства — открыть зрителямъ двойной небосклонъ, вдругъ освѣтить имъ внутренность и внѣшность человѣка — внѣшность разговорами и дѣйствіемъ, внутренность рѣчами отдѣльными и монологами — выразить, однимъ словомъ, въ обширной картинѣ, Драму внѣшней жизни и Драму внутренней совѣсти.

Понятно, что для созданія такого рода, если Поэтъ долженъ выбирать изъ предметовъ жизни (и онъ долженъ дѣлать это) — то не

Digitized by Google

прекрасное, но *характеристическое* долженъ онъ выбирать. Не надобно ему *создавать*, какъ говорятъ теперь, *мѣстныя краски*, то есть, прибавлять послѣ главнаго дѣла кое-гдѣ отличительные очерки къ общности, совершенно ложной и условной. Не на поверхности Драмы долженъ быть цвѣтъ мѣстности, но въ самомъ сердцѣ созданія, откуда распространяется онъ на поверхность самъ собою, естественно, ровно, такъ сказать, по всѣмъ угламъ Драмы, какъ зародышъ, восходящій отъ корня къ послѣднему листочку дерева. Драма должна быть въ корнѣ напитана духомъ изображаемаго ею времени; ее должно поставить въ воздухъ мѣстности, такъ, чтобы не замѣтили, входя въ нее, и выходя изъ нея, что перемѣняютъ вѣкъ и атмосферу. Потребно нѣкоторое изученіе, нѣкоторое усиліе, тому, кто захочетъ до сего достигнуть — тѣмъ лучше. Надобно, чтобы дороги къ Искусству были загромождены такимъ терніемъ, предъ которымъ все отступитъ, кромѣ сильной воли. Впрочемъ, это изученіе, это усиліе, сохранятъ Драму отъ порока, убивающаго ее — *обыкновеннаго*. Обыкновенное есть недостатокъ поэтовъ близорукихъ и слабодушныхъ. Надобно, чтобы подъ оптику сцены каждое лицо было подведено въ самыхъ разительныхъ, самыхъ существенныхъ, самыхъ основныхъ чертахъ своихъ. Простонародное, и грубое даже, должно

Digitized by Google

получить свой голосъ. Ничего пренебрегать ненадобно. Какъ Природа, истинный поэтъ вдругъ и всюду соприсутствуетъ въ своемъ созданіи. Геній уподобляется монетной машинѣ, которая печатаетъ изображеніе Государя на мѣдной, все равно, какъ и на золотой монетѣ.

Мы не поколеблемся сказать—и это докажетъ благонамѣреннымъ людямъ, какъ не хотимъ мы обезображивать Искусства — не поколеблемся сказать, что почитаемъ стихи однимъ изъ вѣрнѣйшихъ способовъ предохранить Драму отъ зла, которое немедленно объяснимъ: стихи могутъ быть достаточною плотиною отъ *пошлаго*. Отвсюду спѣшитъ оно теперь въ Новую Драму. Новая, юная Словесность Французская, уже богатая столькими дарованіями, и столькими замѣчательными твореніями, позволитъ намъ указать здѣсь на ошибку, въ какую она впадаетъ — ошибка эта оправдывается впрочемъ невѣроятными уклоненіями старой школы. Новая находится въ такомъ еще юномъ возрастѣ, что ей легко выправиться.

Въ послѣднее время образовалась у насъ, какъ будто послѣдній отростокъ стараго Классическаго пня, или, лучше сказать, наростъ, полипъ, показывающій дряхлость, и служащій болѣе признакомъ разрушенія, нежели жизни —

Digitized by Google

образовалась странная школа Драматической Поэзіи. Школа сія почитаетъ, кажется, своимъ учителемъ и источникомъ поэта, означившаго переходъ отъ XVIII-го къ XIX-му столѣтію, поэта описаній и перифразъ — *Делиля*, хвастававшаго, какъ говорятъ, передъ концемъ своей жизни, что разбирая свои творенія, какъ разбирали Омировы, онъ нашелъ въ нихъ двѣнадцать описаній верблюда, четыре собаки, три лошади, считая одно взятое изъ книги Іова, шесть тигровъ, два кошекъ, одно махмашной игры, одно шрикшрака, одно шашечницы, одно бильярда, нѣсколько зимы, нѣсколько лѣта, довольно весны, пятьдесятъ захожденія солнца, и столько описаній восхожденія, что сосчитать ихъ не могъ.

И этотъ Делиль перешелъ въ Трагедію. Онъ отецъ (онъ, не Расинъ, избави Боже!) мнимой школы щегольства и чистаго вкуса, процвѣтавшей у насъ недавно. Для этой школы Трагедія совсѣмъ не то, что была она для простодушнаго шута Шекспира, напримѣръ — источникъ душевныхъ движеній всякаго рода; нѣтъ-это удобная рама для рѣшенія тысячи маленькихъ описательныхъ проблеммъ, дѣлаемыхъ мимоходомъ. Щегольская Муза этой школы, далекая отъ отрицанія (какъ дѣлала это настоящая школа Французскаго Классицизма) пошло-

Digitized by Google

слей и низостей жизни, изыскиваетъ ихъ, напрошивъ, и собираетъ съ жадностью. Смѣшнаго, отъ котораго убѣгала, какъ отъ дурнаго общества, Трагедія вѣка Людовика XIV-го, не хочетъ спокойно пропустить Трагедія Дешлевская. « *Это надобно описать*, то есть, *облагородить*, » говоритъ она. Сцена на гауптвахтѣ, народное возмущеніе, рыбный рынокъ, галера, кабакъ, *la poule au pot* Генриха IV-го, для нея суть истинныя находки. Она схватываетъ, вымываетъ эту дрянь, и обшиваетъ ее пошомъ своею шумихою и мишурою, *purpureus assuitur pannus*. Цѣль ея, кажется, дать грамашу на дворянство всей черни Драмы, и каждая изъ сихъ грамашъ съ большою печатью есть щегольская ширада.

Понятно, что Муза такой Трагедіи должна быть чрезмѣрно заносчива. Привыкшая къ игрѣ перифразою, она пугается, если съ нею столкнется простое, собственное слово. Не ея высокому достоинству говорить естественнымъ образомъ. Она подчеркиваетъ у старика Корнеля, когда онъ говоритъ грубо :

Un tas d'hommes perdus de dettes et de crimes.
Chimène, *qui l'eût cru?* Rodrigue, *qui l'eût dit?*
Quand leur Flaminius *marchandait* Annibal.
Ah ! ne me *brouillez* pas avec la république, и проч.

Digitized by Google

У нея на сердцѣ лежишъ Корнелево: *Tout beau, Monsieur*! Какъ было ему не сказать: *Seigneur*! И вслѣдствіе сего говоритъ — *Madame*! Она не прощаетъ удивительному нашему Расину его *собакъ*, столь односложныхъ, и этого *Клавдія*, si brutalement *mis dans le lit d'Agrippine*. . .

Эта Делилевская *Мельпомена*, какъ она сама себя называетъ, затрепетала-бы отъ страха, взявшись за лѣтопись. Она оставляетъ на заботу костюмщика стараніе развѣдать: къ какому вѣку принадлежатъ дѣйствія, изображаемыя ею въ Драмѣ. Исторія въ ея глазахъ есть женщина дурнаго тона и дурнаго вкуса. Пошерпитъ-ли она, напримѣръ, чтобы Короли и Королевы на сценѣ говорили простыя поговорки? Нѣтъ! изъ ихъ Дворскаго величія надобно возвысить ихъ еще далѣе, въ величіе Трагическое! Въ порывѣ подобнаго усердія, вздумалось ей однажды облагородить Генриха IV-го. И у этого народнаго Короля, вычищеннаго Г-мъ Легуве, поговорка его прогнана была съ негодованіемъ и замѣнена красивыми сентенціями: онъ принужденъ былъ ронять изъ своего Королевскаго рта только перлы, рубины, сафиры изящества — жаль только, что все это было поддѣльное. . .

Вообще, ничего нѣтъ пошлѣе такого щегольства, и такой условной благородности. Ничто

не самобытно, ничто не воображено, ничто не изобрѣтено въ семъ родѣ: мы видимъ, что видѣли всюду — надутую Риторику, избитыя фразы, школьные цвѣтки, Поэзію Латинскихъ стиховъ, заемныя идеи, съ которыхъ не стерты даже имена прежнихъ хозяевъ. Поэты сей школы щеголеваты по примѣру Принцовъ и Принцессъ театральныхъ, увѣренныхъ, что въ нумерныхъ ящикахъ магазиновъ всегда найдутся для нихъ порфиры и семилоровыя короны, которыя — только въ томъ и бѣда — истасканы и испачканы отъ долговременной службы. Впрочемъ, если поэты сей школы не берутся за толстыя книги лѣтописей, у нихъ тоже не безъ толстыхъ книгъ: они перебираютъ *Словарь рифмъ*. Здѣсь источникъ ихъ поэзіи, *fontes aquarum*.

Что тутъ остается дѣлать Природѣ? Дѣлай она что хочетъ, и что можетъ. Только по необыкновенному случаю всплываютъ кой-какіе обломки ея на поверхность этого катаклизма Искуства ложнаго, слога ложнаго, Поэзіи ложной. Это составляетъ погрѣшность многихъ, самыхъ отличныхъ нашихъ реформаторовъ литтературныхъ: оскорбленные жесткостью, напыщенностью, надутостью старой Драматической Поэзіи, они подумали, что языкъ нашъ, въ основаніяхъ своихъ, противится естествен-

Digitized by Google

ному и истинному. Александрійскій стихъ столько разъ надоѣдалъ имъ, что они осудили его, не желая выслушать никакихъ оправданій, и заключили — кажется, слишкомъ поспѣшно — что Драма должна быть писана *прозою*.

Они ошиблись. Если ложное дѣйствительно находится въ слогѣ, такъ, какъ въ самой сущности нѣкоторыхъ Французскихъ Трагедій, не Александрійскій стихъ виноватъ въ этомъ, но стихотворцы; надобно осуждать, не употребленную форму, но употреблявшихъ сію форму — мастеровъ, а не орудія ихъ.

Для убѣжденія въ ничтожности препятствій, полагаемыхъ природою нашей Поэзіи свободному выраженію всего, что истинно, надобно можетъ быть, не въ Расинѣ изучать нашъ Французскій стихъ, но преимущественно въ Корнелѣ, и особливо въ Мольерѣ. Расинъ поэтъ превосходный, но Элегическій, Лирическій, Эпическій — Мольеръ Драматическій. Время уже воздать справедливость критикѣ взгроможденной на удивительный слогъ Мольеровъ испорченнымъ вкусомъ послѣдняго столѣтія, и сказать громко, что Мольеръ занимаетъ высоту нашей Драмы, не только какъ поэтъ, но и какъ стихотворецъ. Palmas vere habet iste duas.

Digitized by Google

У него стихъ обхватываетъ идею, тѣсно соединяется съ нею, сжимаетъ и развиваетъ ее въ одно время, придаетъ ей образъ болѣе ловкій, болѣе вѣрный, болѣе полный, передаетъ намъ ее, такъ сказать, въ извлеченіи. Стихъ есть оптическая форма мысли. Вотъ почему, онъ особенно приличенъ сценической перспективѣ. Устроенный извѣстнымъ образомъ, онъ передаетъ свое образованіе предмету, который безъ него будетъ ничтоженъ, простонародень. Онъ дѣлаетъ плотнѣе и тоньше ткань слога. Это узелъ, связующій нити, поясъ поддерживающій одѣяніе, и придающій ему всѣ изящныя складки. И что воспрепятствуетъ Природѣ и Истинѣ войдти въ стихъ? Мы спрашиваемъ у самыхъ нашихъ прозаиковъ, что̀ потеряла проза въ стихахъ Мольера? Вино — да позволятъ намъ еще одно простое сравненіе — перестанетъ-ли быть виномъ, если его разлить въ бутылки?

Если-бы дали намъ право рѣшить, какой, по мнѣнію нашему, можетъ быть слогъ Драмы, мы пожелали-бы *стиха* — свободнаго, откры̀таго, пристойнаго, смѣющаго все сказать безъ жеманства, все выразить безъ изысканности, естественною походкою переходящаго отъ Комедіи къ Трагедіи, отъ Высокаго къ Смѣшному, поочередно поэтическаго и положительнаго,

Digitized by Google

вѣсшѣ вдохновеннаго и художническаго, глубокаго и мгновеннаго, обширнаго и истиннаго, умѣющаго кстати разрушить и переставить цезуру, для сокрытія утомительности Александрійскихъ стиховъ; болѣе дружнаго съ наращеніями, продолжающими его, нежели съ изворотомъ, его запутывающимъ, вѣрнаго рифмѣ — этой рабѣ-владыкѣ, этой высшей пріятности нашей Поэзіи, этой родоначальницѣ нашего метра — неистощимаго въ разнообразіи своихъ оборотовъ, неуловимаго въ шайнахъ изящества и размѣра, принимающаго, подобно Протею, тысячи образовъ безъ измѣненія пина и характера, убѣгающаго *тирадъ*, игриваго въ разговорѣ, всегда скрытаго за дѣйствующимъ лицомъ, прежде всего занятаго цѣмъ, чтобъ быть на своемъ мѣстѣ, и когда ему приходится быть *прекраснымъ*, бывающаго прекраснымъ случайно, какъ будто по неволѣ, безъ сознанія, стиха лирическаго, эпическаго, драматическаго, смотря по надобности, могущаго перебѣгать всю поэтическую гамму, идущаго внизъ и вверхъ, отъ идей самыхъ возвышенныхъ къ самымъ простонароднымъ, отъ самыхъ забавныхъ къ самымъ важнымъ, отъ самыхъ внѣшнихъ къ самымъ отвлеченнымъ, никогда не выходящаго изъ предѣловъ разговорной сцены — словомъ: такого стиха, какой создалъ-бы человѣкъ, котораго Фея-волшебница одарила душею Корнеля и головою

Digitized by Google

Мольера. Мнѣ кажется, что такой стихъ былъ-бы *aussi beau que de la prose* (прекрасенъ, какъ проза).

Нѣтъ никакого отношенія между поэзіею сего рода, и тою, которой сдѣлали мы передъ симъ анатомическое вскрытіе. Оттѣнокъ, раздѣляющій ихъ, легко означить, если одинъ умный лишператоръ, которому лично одолженъ благодарностію Сочинитель сего разсужденія, позволитъ намъ заимствовать остроумное, сдѣланное имъ различеніе. Вотъ оно: одна Поэзія *описательная*, другая *живописная*.

Повторимъ утвердительно: стихъ театральный долженъ быть лишенъ всякаго самолюбія, всякой требовательности, всякаго кокетства. Онъ нечто иное, какъ форма, которая все должна допускать, которая ничего не предписываетъ Драмѣ, и, напротивъ, все должна получить отъ нея, чтобы все передать зрителямъ: Французскій языкъ, Латинь, текстъ законовъ, королевскую брань, простонародную поговорку, Комедію, Трагедію, смѣхъ, слезы, прозу, поэзію. Горе поэту, у котораго стихъ-пигмей не вмѣститъ всего этого! Форма стиха есть бронзовая форма, облекающая мысль въ метръ свой, дѣлающая Драму неразрушимою, внѣдряющая ее глубоко въ умъ актера, увѣдомляющая его, если онъ что нибудь прибавляетъ, или убавляетъ, препят-

Digitized by Google

ствующая ему уродовать свою роль, и становить себя на мѣсто автора, дѣлающая каждое слово неприкосновеннымъ, и надолго оставляющая въ памяти зрителей то, что сказалъ поэтъ. Идея, закаленная въ стихъ, принимаетъ на себя что-то рѣзкое, блестящее — это желѣзо, превореное въ сталь.

Всякій сознается, что проза, необходимо болѣе робкая, принужденная лишить Драму всей поэзіи лирической и эпической, ограниченная разговорностью и положительностью, удалена отъ всѣхъ сихъ пособій. У нея не такія широкія крылья; доступъ къ ней гораздо легче; посредственность находитъ въ ней свое мѣсто, и за нѣсколько сочиненій замѣчательныхъ, какія появились въ послѣднее время, Искуство скоро будетъ завалено недоносками и выкидышами. — Другая сторона реформаторовъ склоняется къ тому, чтобы Драму писать и прозою и стихами вдругъ, какъ писывалъ Шекспиръ. Въ этомъ, конечно, есть свои выгоды. Между тѣмъ можетъ встрѣтиться несогласіе въ переходахъ отъ одной формы къ другой, и притомъ, когда вся ткань однородна, она бываетъ крѣпче.—Впрочемъ, будетъ-ли Драма писана прозою, или стихами, или стихами и прозою вмѣстѣ, все это вопросы второстепенные. Степень созданія должна опредѣлить не форма, но внутренняя цѣн-

Digitized by Google

ность. Въ вопросахъ сего рода одно рѣшеніе, и только одинъ вѣсъ можетъ склонить чашку вѣсовъ Искусства — *геній*.

Держась прозы и стиховъ, какъ угодно, неоспоримое достоинство долженъ предположить Драматическій писатель въ исправности. Говоримъ не о той, скользящей на поверхности созданія исправности, качествѣ, или недостаткѣ описательной школы, дѣлающей изъ Ломона и Ресто два крыла своего Пегаса—разумѣемъ исправность внутреннюю, глубокую, умственную, проникнутую геніемъ языка, ощупавшую корни его, обозрѣвшую его словопроизводство, всегда свободную, ибо она увѣрена въ своемъ дѣлѣ, всегда согласную съ Логикою слова. Делилевскую исправность водитъ на помочахъ усердная мамушка Грамматика, а исправность, о которой говоримъ мы, самую Грамматику держитъ на сворѣ. Она можетъ смѣшь, отваживаться, изворотить, изобрѣтать слогъ: она имѣетъ на это право. Чтобы ни говорили люди, не думающіе о томъ, что они говорятъ, языкъ Французскій еще неустановленъ, и никогда не установится, ибо живой языкъ не можетъ установиться. Умъ человѣческій всегда на походѣ, или, когда угодно, въ движеніи, а съ нимъ вмѣстѣ и языки. Такъ устроено искони. перемѣняется тѣло, какъ-же не перемѣнять платья? Французскій языкъ XIX-го вѣка не можетъ быть Французскимъ языкомъ

Digitized by Google

XVIII-го вѣка, какъ этотъ не былъ языкомъ XVII-го, а языкъ XVII-го языкомъ XVI-го вѣка. Языкъ Монтаня не былъ языкомъ Рабеле, языкъ Паскаля не былъ языкомъ Монтаня, а языкъ Монтескьё языкомъ Паскаля. Каждый изъ сихъ языковъ, взятый отдѣльно, превосходенъ, потому что самобытенъ. Каждая эпоха имѣетъ свои собственныя идеи; должно ей имѣть и слова, собственныя симъ идеямъ. Языки, какъ море, вѣчно движутся. Въ иное время они отливаютъ отъ одного берега въ мірѣ мысленія, и приливаютъ къ другому, и все, что перестаютъ они обхватывать волнами, высыхаетъ, и изглаживается изъ материка Такимъ образомъ погасаютъ идеи и исчезаютъ слова. Съ словомъ человѣческимъ происходитъ тоже, что со всѣмъ другимъ. Каждый вѣкъ что нибудь приноситъ ему, и что нибудь уноситъ изъ него. Что дѣлать? Таково опредѣленіе неизбѣжное. И потому тщетно хотятъ окаменить подвижную физіогномію нашего языка въ одной формѣ; тщетно литтературные наши вожди повелѣваютъ языку остановиться: онъ не останавливается. Мигъ, въ который онъ остановится, будетъ мигомъ его смерти.—Вотъ почему Французскій языкъ нѣкоторыхъ современныхъ школъ нашихъ есть языкъ совершенно мертвый. . . .

Digitized by Google

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ ШЕКСПИРОВОЙ ТРАГЕДІИ: ЛИРЪ (*).

ЯВЛЕНІЕ I.

(Пріемная зала во Дворцѣ Лира).

Входятъ: Кентъ, Глостеръ и Эдмондъ.

Кентъ.

Я полагалъ, что Король любитъ Герцога Альбанн болѣе нежели Корнвалл.

Глостеръ.

Такъ всегда намъ казалось; но теперь, при раздѣлѣ Королевства, вовсе незамѣтно, котораго онъ предпочитаетъ: равенство удѣловъ взвѣшено такъ

(*) Въ N° 5-мъ Телеграфа мы помѣстили опытъ перевода Шекспирова *Лира*, сдѣланный Г-мъ Якимовымъ. Прочитавъ сей отрывокъ, Г-нъ Вронченко прислалъ намъ свой переводъ изъ той-же самой трагедіи, изъявляя желаніе видѣть первое дѣйствіе оной напечатаннымъ въ Телеграфѣ. Съ особеннымъ удовольствіемъ исполняемъ сіе желаніе, думая, что и читателямъ принесетъ тѣмъ немалое наслажденіе. Вслѣдъ за симъ помѣстится въ Телеграфѣ переведенное Г-мъ Вронченко 1-е дѣйствіе МАКБѢТА. *Изд. Тел.*

Digitized by Google

вѣрно, что вся утонченность Герцоговъ затруднилась-бы въ выборѣ лучшаго.

Кентъ.

Это, Графъ, никакъ сынъ вашъ?

Глостеръ.

Да, Графъ, онъ воспитанъ мною; я такъ часто краснѣлъ признавая его, что наконецъ уже и не краснѣю болѣе.

Кентъ.

Я васъ не понимаю.

Глостеръ.

Мать этого юноши не только меня понимала.... Дѣло было не совсѣмъ красиво; не правда-ли?

Кентъ.

Бѣда не велика, если такъ красиво его послѣдствіе.

Глостеръ.

У меня есть и другой сынъ, законный, но не болѣе близкій къ моему сердцу, чѣмъ этотъ проказникъ.... но мать его была красавица.... и усыновить негодяя долженъ я хотя нехотя. Знаешь-ли ты этого Лорда, Эдмондъ?

Digitized by Google

Эдмондъ.

Нѣтъ, Графъ.

Глостеръ.

Графъ Кентъ. Прошу видѣть въ немъ почтеннѣйшаго моего друга.

Эдмондъ.

Покорнѣйшій слуга вашъ, Графъ.

Кентъ.

Я буду любить васъ, и короче узнать желаю.

Эдмондъ.

Я потщусь, Графъ, сдѣлаться того достойнымъ.

Глостеръ.

Онъ былъ въ отлучкѣ девять лѣтъ, и уѣзжаетъ опять. Идетъ Король!

Входятъ: Лиръ, Корнваль, Альбанн, Гонерилла, Регана, Корделія и свита ихъ.

Лиръ.

Побудь съ Королемъ и Бургундскимъ Герцогомъ, Глостеръ.

Глостеръ.

Слушаю, Государь.

Глостеръ и Эдмондъ уходятъ.

Digitized by Google

Лиръ.

А мы разскажемъ свой дальнѣйшій замыслъ.
Подайте карту! На три части дѣлимъ
Мы Королевство; наша воля — сбросишь
Съ преклонныхъ нашихъ лѣтъ правленья бремя,
И сдавъ его юнѣйшимъ силамъ, вѣкъ
Дожить свой беззаботно. Сынъ нашъ, Кориваль,
И столько-же любезный сынъ Альбани!
Мы разсудили, будущіе споры
Предупреждая, дать теперь-же вѣно
Всѣмъ дочерямъ; соперники въ любви
Къ Принцессѣ нашей младшей, здѣсь Французскій
Король съ Бургундскимъ Герцогомъ, давно ужь
По ней вздыхая, ждутъ отъ насъ отвѣта.
И такъ скажите дочери (мы все
Сдаемъ вамъ, власть, правленье и доходы),
Которая насъ любитъ, такъ сказать,
Сильнѣе? Да простремъ мы по заслугамъ
И щедрость дара. Гонерилла, ты,
Какъ старшая, начни.

Гонерилла.

Я, Государь,
Люблю васъ больше, чѣмъ могу сказать то,
Чѣмъ свѣтъ очей, свободу и просторъ,
Чѣмъ все, что цѣнно, рѣдко и богато;
Какъ жизнь съ здоровьемъ, красотой и честью,
Какъ только можетъ дочь любить! превыше
Всѣхъ мѣръ! любовь, для выраженья коей
Дыханье бѣдно и безсильно слово.

Digitized by Google

Корделія *(въ сторону.*

Чтожь дѣлать мнѣ? любить и быть безмолвной.

Лиръ.

Всю область мы отъ сей черты до этой,
Ея лѣса шѣнистые, поля
Богатыя, и воды, и луга,
Тебѣ даемъ и твоему супругу,
Изъ рода въ родъ. А что вторая скажешь,
Любезная намъ дочь, Регана Корнваль?

Регана.

Изъ одного съ сестрою я металла,
Одной цѣны. Точь въ точь, я нахожу,
Она мои къ вамъ выразила чувства;
Не всѣ однакъ: себя я объявляю
Врагомъ иныхъ всѣхъ радостей, живѣйшихъ
Всѣхъ наслажденій и отрады чувствъ,
И вашу лишь любовь считаю полнымъ,
Единымъ счастьемъ.

Корделія *(въ сторону).*

Бѣдная Корделія!
Какъ, бѣдная? ни чуть: во мнѣ богаче
Любовью сердце, чѣмъ уста словами.

Лиръ.

Тебѣ съ твоими, въ вѣчное наслѣдство
Дается эта Королевства треть,
Не худшая участка Гонериллы
Объемомъ и цѣной. — Ну, наша радость,

Digitized by Google

Меньшая, но не меньшая, чьей ищутъ
Младой любви Бургундіи богатства
И вертограды Франціи! Что скажешь,
Чтобъ болѣе снискать отъ насъ, чѣмъ сестры?

Корделія.

Я, ничего, родитель.

Лиръ.

Ничего?

Корделія.

Да, ничего.

Лиръ.

Изъ ничего и быть
Ничто не можетъ: говори опять.

Корделія.

Несчастная! я не имѣю сердца
На языкѣ! я, Государь, люблю васъ
Такъ, какъ должна, ни болѣе, ни меньше.

Лиръ.

Возможно-ли, Корделія? образумься,
Иль отъ того потерпишь твой участокъ.

Корделія.

Вы, Государь, отецъ мой; вы меня
Вскормили и любили: я плачу вамъ
Покорностью, любовью, уваженьемъ.
Что жъ для сестеръ мужья, когда любовь ихъ

Digitized by Google

При васъ одномъ? Нѣтъ, если мнѣ женою
Быть суждено, къ супругу перейдетъ
Моей любви и долга половина:
Тогда не буду я любить какъ сестры,
Лишь одного отца.

ЛИРЪ.

И такъ тебѣ
Внушаетъ сердце?

КОРДЕЛІЯ.

Сердце, Государь.

ЛИРЪ.

Такъ молода, и чувства такъ холодны!

КОРДЕЛІЯ.

Такъ молода, но искренна.

ЛИРЪ.

Прекрасно!
Пусть искренность тебѣ и вѣномъ будетъ!
А я, клянусь священнымъ дня сіяньемъ,
Таинствами Гекаты, мракомъ ночи,
Спѣшилъ небесныхъ силой и вращеньемъ,
Чрезъ кои мы живемъ и умираемъ,
Что отъ всей родительской пріязни,
Отъ узъ родства и крови отрекаясь,
Я чуждой чту тебя навѣкъ отнынѣ
И мнѣ, и сердцу моему. Свирѣпый
Скиѳъ, иль тотъ, кто утоляетъ плотью

Своихъ исча дій голодъ, шакъ-же сыщешъ
Въ груди моей участье, жалость, помощь,
Какъ ты, въ которой дочь имѣлъ я прежде.

Кентъ.

Но, Государь.

Лиръ.

Молчи, Кентъ! не ходи
Между дракономъ и дракона гнѣвомъ!
Ее любилъ я больше всѣхъ, почитъ
Мнилъ при ея забошливыхъ прислугахъ!...
(Корделіи)
Прочь съ глазъ моихъ!
Будь шакъ мнѣ миръ во гробѣ,
Какъ отчее отъ ней беру я сердце!
Эй! Короля зовите и Бургунда!
Зятья! и третью вѣна часть даю вамъ!
Пусть будетъ гордость съ искренности шишломъ
Ея супругомъ! Васъ мы облекаемъ
Правами, властью, достоянъемъ сану
Монарха сроднымъ; сами-же, и съ нами
Сто человѣкъ, на вашемъ содержанѣ
По мѣсяцу гостить у обоихъ васъ
Поперемѣнно станемъ. Для себя мы
Беремъ лишь имя Короля и почесть,
Правленье-жь,
Доходы, все, любезные сыны,
Предъ вами: въ знакъ чего сію корону
Вамъ раздѣляемъ.

(Отдаетъ имъ корону).

Digitized by Google

Кентъ.

Лиръ! о ты, кого
Я слушался, какъ моего владыки;
Чтилъ какъ монарха; какъ отца любилъ;
Какъ благодѣтеля въ молитвахъ помнилъ —

Лиръ.

Лукъ напряженъ — не стой противъ стрѣлы!

Кентъ.

Бросай стрѣлу! пусть остріе проникнетъ
Мнѣ въ область сердца! Грубъ да будетъ Кентъ,
Когда безуменъ Лиръ. О, что творишь ты, старецъ!
Не мни, что въ страхѣ смолкнетъ долгъ, когда
Власть передъ лестью гнется! Честный смѣлъ на правду...
Перемѣни свой приговоръ, поправь
Поспѣхъ зловредный! Отвѣчаю жизнью,
Меньшая дочь тебя не меньше любитъ:
Не пусто сердце тѣхъ, чей слабый голосъ
Не отдается пустотой.

Лиръ.

Ни слова,
Коль жизнь ты любишь!

Кентъ.

Жизнь моя — твой скарбъ,
Которымъ благо я купить твое
Всегда готовъ.

Digitized by Google

Лиръ.

Прочь съ глазъ моихъ!

Кентъ.

О Лиръ! смотри вѣрнѣе!
Позволь мнѣ быть по прежнему, зѣницей
Твоихъ очей.

Лиръ.

Клянуся Аполлономъ.

Кентъ.

Клянуся Аполлономъ, Государь,
Что ты клянешься всуе.

Лиръ.

Дерзкій рабъ!
(*Хватается за мечъ*).

Альбани и Корнваль.

Остановитесь, Государь. . . .

Кентъ.

Рази!
Убей врага и мзду его отдай
Недугу злому! О, возми обратно
Свой даръ, или пока во мнѣ есть голосъ,
Я говорю: ты сдѣлалъ худо.

Лиръ.

Слушай!
Какъ подданный, монарха слушай!

Digitized by Google

За мысль: привесть насъ къ нарушенью слова
(Чего во вѣкъ мы не дерзали), гордо
Межь приговоромъ нашимъ стать и властью
(Чего не сносятъ правила и санъ нашъ),
Прими суда монаршаго награду:
Пять дней даемъ тебѣ на сготовленье
Отъ нуждъ мірскихъ потребныя защиты,
Въ шестой пойдешь ты, ненавистный, вонъ
Изъ Королевства; если-жъ здѣсь въ десятый
Изгнанная глава твоя найдется,
Тотъ мигъ и смерть тебѣ. Поди, вонъ Зевсъ,
Что слово свято!

КЕНТЪ.

Государь, прости!
Когда таковъ ты, вѣрь, что мнѣ, отнынѣ,
Изгнанье здѣсь, свобода на чужбинѣ.

(Корделіи)

Да приметъ Богъ тебя подъ свой покровъ
За правость мыслей и неложность словъ.

(Къ Гонериллѣ и Реганѣ).

А вы, да дѣломъ явите, что сильны
И чувства вамъ, гдѣ рѣчи такъ обильны.

(Всѣмъ)

Простите! Кентъ изъ стороны родной
Идетъ въ край новый старою ступой.

(Уходитъ).

(Входятъ: Глостеръ, Франц. Король и Бургундскій Герцогъ).

ГЛОСТЕРЪ.

Вотъ, Государь, Король и Герцогъ.

Digitized by Google

Лиръ.

Съ васъ,
Бургундъ, соперникъ этого Монарха
Въ исканьи нашей дочери, начнемъ мы:
Скажите, что за ней согласны вы
Приданымъ взять, и безъ чего отъ ней
Откажетесь?

Бургундъ.

Я, Государь, не больше,
Какъ сказано, прошу, а меньше сами
Вы не дадите.

Лиръ.

Было такъ, когда мы
Ее любили; но теперь цѣна
Ея упала. Посмотрите, если
Показное созданьице вотъ это,
Иль чѣмъ либо, иль всѣмъ собой, безъ всякой
Придачи, кромѣ нашей непріязни,
Вамъ нравится, оно и ваше.

Бургундъ.

Я
Не знаю, что и отвѣчать вамъ.

Лиръ.

Словомъ:
Хотите-ль, нѣтъ-ли, взять ее съ приданымъ
Ея пороковъ, отчаго проклятья,

Digitized by Google

Отринутую, ненависти цѣлью
Намъ ставшую?

Бургундъ.

Простите, Государь!
Условія уничтожаютъ выборъ.

Лиръ.

Оставьте-же ее: Творецъ свидѣтель,
Тутъ все ея богатство.

(Къ Французскому Королю).

Вы, Король,
По дружбѣ дать вамъ то я не хотѣлъ-бы,
Что ненавижу самъ. Ищите лучше
Кого либо достойнѣе сей твари,
Которую признать своимъ созданьемъ
Природѣ стыдно.

Французскій Король.

Непонятно! Какъ,
Она доднесь ближайшая вамъ къ сердцу,
Предметъ похвалъ, преклонныхъ лѣтъ отрада,
Милѣйшая и лучшая, вдругъ впала
Въ столь тяжкій грѣхъ, что сорванъ съ ней мгновенно
Покровъ широкій отческой любви?
Ея проступокъ долженъ быть неслыханъ,
Чудовищенъ, иль прежняя любовь къ ней
Безсмысленна. Чтобъ тутъ не усомниться,
Потребна вѣра, косй мнѣ разсудокъ
Не дастъ безъ чуда.

Digitized by Google

Корделія.

Государь! мнѣ чуждо
Искуство плавно выражать и сладко
Мнѣ чуждое, но дѣло у меня
Идетъ предъ словомъ; и за тѣмъ прошу васъ
Здѣсь объявить, что не убійство, срамный,
Преступный шагъ или безчестный, вашей
Любви меня и милости лишили,
Но только бѣдность (въ ней мое богатство)
На взгляды нѣжные, и на языкъ,
Какого, рада я что не имѣю,
Хоть безъ него я вамъ противна.

Лиръ.

Лучше
Тебѣ не жить-бы вовсе, чѣмъ не жить
Со мною лучше.

Французскій Король.

Только то? Природы
Медлительность, хранящей часто втайнѣ
Сказанье дѣлъ своихъ грядущихъ! Какъ, вы
Рѣшились, Герцогъ? Истинной любви
До посторонникъ дѣлъ нѣтъ разсчетовъ.
Берете-ли Принцессу вы? она
Сама себѣ приданое.

Бургундъ.

Когда
Почтенный Лиръ обѣщанное дастъ,
Она теперь-же Герцогиня.

Digitized by Google

Лиръ.

Нѣтъ!
Я поклялся и не нарушу слова.

Бургундъ.

Жаль! но отца вы потеряли такъ,
Что мужа съ нимъ теряете.

Корделія.

Богъ съ вами,
Бургундъ! любви богатство вашей мило...
Я не жена вамъ.

Французскій Король.

О Корделія! мы
Наибогаче въ бѣдности; любви,
Презрѣнная, оставленная, нынѣ,
Наидостойнѣй! я тебя беру
За добродѣтель чистую, беру
Торжественно, отверженную всѣми.
О боги! странно. Ненависть другихъ
Усугубляетъ пламень чувствъ моихъ.
Король! безвѣнной дочери мы вашей
Даемъ во власть себя и царство наше:
Всѣ Герцоги на свѣтѣ, никакой
Ея не купятъ у меня цѣной.
Простись съ отцомъ Корделія и сестрами:
Здѣсь все теряя, все найдешь ты съ нами.

Лиръ.

Возми ее; Король! она твоя!
Она не дочь намъ; и ее отнынѣ

Мы не увидимъ. — Удались! иди!
Безъ отчаго иди благословенья!
Пойдемъ, Бургундъ!

(Уходятъ: Лиръ, Бургундъ, Корнваль, Альбани, Глостеръ и свита).

Французскій Король.

Простись съ сестрами.

Корделія.

Вы,
Сокровища отца! я со слезами
Васъ оставляю: знаю каковы вы,
И, какъ сестра, назвать по именамъ
Стыжуся ваши качества. Простите!
Любви хваленой вашей поручаю
Родителя — живите хорошо съ нимъ!
Но, ахъ, будь имъ любима я, съ нимъ жить
Я предпочла-бъ всему.

Гонерилла.

Не безпокойся
Предписывать намъ долгъ нашъ.

Регана.

Угождать
Старайся мужу, нищую тебя
Призрѣвшему. За непокорность нрава
Наказана ты строгимъ наказаньемъ.

Корделія.

Что кротъ хитрость, то откроетъ время,

Digitized by Google

И будетъ стыдъ наградою порока.
Живите счастливо!

Французскій Король.

Пойдемъ, Корделія!

(Франц. Король и Корделія уходятъ)

Гонерилла.

Сестра! я много имѣю говорить съ тобою о многомъ, касающемся равно до насъ обѣихъ. Отецъ нашъ вѣрно уѣдетъ сегодня.

Регана.

Безъ сомнѣнія, и къ вамъ, а на слѣдующій мѣсяцъ ко мнѣ.

Гонерилла.

Видишь какъ онъ на старость сталъ перемѣнчивъ— это бросается въ глаза: всегда предпочиталъ намъ меньшую сестру, а по какому жалкому поводу теперь отъ ней отрекся, и говоритъ стыдно.

Регана.

Это причуды старости; впрочемъ онъ и никогда не былъ очень отчетистъ.

Гонерилла.

Обдуманности не доставало ему и въ лучшее его время; а теперь надобно ожидать отъ старика не только давно вкоренившихся недостатковъ, но и

Digitized by Google

безпокойной брюзгливости, неразлучной съ возрастомъ причудъ и недуговъ.

Регана.

И вѣрно не разъ увидимъ такія вспышки, какъ изгнаніе Кента.

Гонерилла.

Теперь онъ прощается съ Французскимъ Королемъ. Станемъ дѣйствовать совокупно: если съ теперешнимъ нравомъ своимъ старикъ будетъ имѣть въ рукахъ власть, то отрѣченіе его отъ короны обида для насъ.

Регана.

Объ этомъ надобно подумать обстоятельнѣе.

Гонерилла.

И предпринять что нибудь — да и скоро.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

(Зала въ замкѣ Глостера).

Эдмондъ *(съ письмомъ въ рукахъ).*

Природа, ты моя богиня! твой
Законъ, законъ мнѣ. Почему я долженъ
Быть жертвою обычая, терять
Наслѣдство отъ причуды глупой свѣта,
За то одно, что дюжиною лунъ я
Моложе брата? *Онъ побочный, подлый!*
Не такъ, жаль, строенъ тѣломъ, благороденъ

Digitized by Google

Душой и сносенъ видомъ я, какъ всякій
Сынъ честной женщины? За что пятнать насъ
Названьемъ подлыхъ и побочныхъ? Подлый?
. . . . . Право,
Законный Эдгаръ, я имѣю нужду
Въ твоемъ наслѣдствѣ! и побочный Эдмондъ
Любимъ отцемъ, какъ ты, законный: мило
Словцо *законный!* Ну, законный, если
Письмо пойдетъ и выдумка удастся,
Тебя поддѣнетъ подлый Эдмондъ! Славно
Я заживу! Теперь за насъ, побочныхъ,
Постойте боги!

ГЛОСТЕРЪ (*входитъ.*)

Изгнанъ Кентъ, уѣхалъ
Король Французскій въ гнѣвѣ; Лиръ уѣхалъ,
Сдалъ власть, жить будетъ милостью дѣтей —
И все такъ скоро сдѣлано! Ну, Эдмондъ,
Что новаго?

ЭДМОНДЪ (*прячетъ письмо*).

Ничего, Графъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Зачѣмъ ты такъ старательно прячешь это письмо?

ЭДМОНДЪ.

Я, право, не знаю ничего новаго.

ГЛОСТЕРЪ.

Что читалъ ты?

Digitized by Google

Эдмондъ.

Ничего, Графъ.

Глостеръ.

Право? Зачѣмъ-же это *ничего* отправилось въ карманъ твой такъ поспѣшно? Никакое *ничего* не имѣетъ нужды прятаться. Покажи: если это въ самомъ дѣлѣ *ничего*, то мнѣ и очковъ не нужно будетъ.

Эдмондъ.

Простите мнѣ, родитель мой! Это письмо отъ брата, которое я не прочелъ еще; но сколько могу судить по началу, оно не съ тѣмъ писано, чтобы вы его видѣли.

Глостеръ.

Прошу подать его сюда.

Эдмондъ.

Худо скрыть, худо и показать его: содержаніе, сколько я понимаю, предосудительно.

Глостеръ.

Посмотримъ, посмотримъ.

Эдмондъ.

Я надѣюсь, оправдывая брата, что это только испытаніе моей добродѣтели.

Digitized by Google

Глостеръ (*читаетъ*).

«Власть сановъ и уваженіе къ нимъ, отправ-
«ляютъ намъ свѣтъ въ лучшее время жизни, не да-
«ютъ намъ въ руки богатства, пока старость не
«сдѣлаетъ насъ неспособными имъ пользоваться.
«Въ угнетеніи престарѣлаго тиранства, я начинаю
«видѣть только пустое и постыдное иго, которое
«лежитъ на насъ не по праву, а единственно пото-
«му, что оно терпимо. Приходи ко мнѣ—поговоримъ
«болѣе. Еслибъ нашъ отецъ могъ проспать, пока-бы
«я не разбудилъ его, ты-бы пользовался половиною
«его доходовъ и жилъ любимцемъ брата твоего
«Эдгара.» Га! заговоръ! «Проспать, пока-бы я не
разбудилъ его — ты-бы пользовался половиною его
доходовъ!» — Сынъ мой Эдгаръ! И рука его могла
написать, сердце и умъ задумать это? Когда по-
лучилъ ты письмо? Кто принесъ его?

Эдмондъ.

Оно не принесено мнѣ, въ томъ и хитрость: я
нашелъ его на окнѣ въ моей комнатѣ.

Глостеръ.

Это почеркъ твоего брата?

Эдмондъ.

Будь содержаніе похвально, я-бы поклялся, что
это его почеркъ; но теперь желалъ-бы думать
противное.

Глостеръ.

Его почеркъ, его!

Digitized by Google

Эдмондъ.

Его почеркъ, конечно, но содержаніе вѣрно чуждо его сердцу.

Глостеръ.

Не вывѣдывалъ-ли онъ когда либо твоихъ мыслей по сему предмету?

Эдмондъ.

Никогда, Графъ; но вообще говаривалъ часто, что когда сынъ въ совершенныхъ лѣтахъ, а отецъ старъ, то отцу прилично быть на содержаніи сына, а сыну владѣть имѣніемъ отца.

Глостеръ.

О извергъ, извергъ! точно тоже и въ письмѣ! Чудовищный, презрѣнный, звѣрскій извергъ! пуще, чѣмъ звѣрскій! Эй, ищите Эдгара! я примусь за него! Негодный извергъ! гдѣ онъ?

Эдмондъ.

Право не знаю. Не угодно-ли вамъ будетъ удержать свое на брата негодованіе, пока найдется вѣрнѣйшее свидѣтельство его замысла! Дѣло будетъ вѣрнѣе. Напротивъ, если вы станете преслѣдовать его, а подозрѣніе окажется ложнымъ, это сдѣлаетъ подрывъ собственной вашей чести и разобьетъ на части сердце его повиновенія. Жизнь моя порукой, что письмо писано только для испытанія моей къ вамъ привязанности, а не съ другимъ какимъ либо злымъ намѣреніемъ.

Digitized by Google

Глостеръ.

Ты думаешь?

Эдмондъ.

Если вамъ угодно, я найду мѣсто, ошкуда вы услышите нашъ разговоръ объ этомъ, и увѣритесь въ истинѣ сами, и это безъ дальняго ошлагательства, нынѣшнимъ-же вечеромъ.

Глостеръ.

Нѣтъ, онъ не можетъ быть такимъ чудовищемъ!

Эдмондъ.

О, вѣрно нѣтъ.

Глостеръ.

Отца, который любилъ его такъ горячо отъ всего сердца! Эдмондъ, найди его! вывѣдай его, распоряди дѣломъ по собственному благоразумію. Не знаю, чего-бы я не далъ за безсомнѣнную извѣстность.

Эдмондъ.

Я тотчасъ-же пойду искать его, поведу дѣло смотря по удобности, и обо всемъ васъ увѣдомлю.

Глостеръ.

Недавнія затмѣнія солнца и луны не предвѣщаютъ ничего хорошаго; объясняй ихъ мудрецы такъ

или иначе, Природа всегда чертитъ послѣ нихъ бѣдствія: любовь хладѣетъ, дружба разрывается; брашья враждуютъ; въ городахъ возмущенія, въ селахъ раздоры, при Дворахъ измѣна; и распадаются узы, связующія отца съ сыномъ. Извергъ мой тоже подходитъ подъ предсказаніе — сынъ противъ отца; Король отрекся отъ врожденной склонности къ дочери — отецъ противъ дитяти; лучшее время наше миновалось. Пронырство, обманъ, предательство и всѣ гибельные безпорядки сопровождаютъ насъ, безпокоя, ко гробу. Отыщи этого изверга, Эдмондъ! ты чрезъ то ничего не потеряешь. Будь осторожень при томъ. — И благородный, праводушный Кентъ въ изгнаніи, и вся вина его — честность. Странно, странно!

(Уходитъ).

Эдмондъ.

Это не послѣдняя изъ глупостей свѣта! При всякомъ недугѣ нашего благосостоянія (происходящемъ обыкновенно отъ нашей-же невоздержности), мы обвиняемъ въ бѣдѣ своей солнце, луну и звѣзды; какъ будто мы негодяи по необходимости; глупцы, по ниспосланію свыше; мошенники, воры и обманщики отъ обращенія небесныхъ тѣлъ; пьяницы, лжецы и прелюбодѣи отъ вліянія планетъ. Прекрасная отговорка. . . . возлагаешь вину своей. . . склонности на дѣйствіе какой либо звѣзды! . . . . . — Эдгаръ.

Digitized by Google

(Эдгаръ входитъ).

Но вотъ и онъ. Какъ при развязкѣ старинной Комедіи, прибѣгнемъ къ мошеннической меланхоліи; станемъ вздыхать, какъ Томъ-дурачекъ. О, затмѣнія предвѣщаютъ всѣ сіи перевороты! Фа, соль, ла, ми.

Эдгаръ.

Что съ тобою, Эдмондъ? Въ какія важныя созерцанія ты такъ погрузился?

Эдмондъ.

Я занятъ, любезный братъ, предсказаніемъ, которое читалъ недавно на счетъ затмѣній.

Эдгаръ.

Тебя это занимаетъ?

Эдмондъ.

Послѣдствія, о которыхъ тамъ написано, несчастливыя: вражда между родителями и дѣтьми, смертность, дороговизна; разрывъ старинной дружбы, безпокойствія въ народѣ; угрозы и проклятія Королю и вельможамъ; пустые раздоры, изгнаніе друзей, разсѣяніе войскъ, нарушеніе супружеской вѣрности, и Богъ знаетъ что еще.

Эдгаръ.

Давно-ли ты сдѣлался приверженцемъ звѣздочетства?

Digitized by Google

Эдмондъ.

Ну, полно! Давно-ли ты видѣлъ нашего отца?

Эдгаръ.

Давно-ли? Вчера вечеромъ.

Эдмондъ.

Говорилъ съ нимъ?

Эдгаръ.

Цѣлые два часа.

Эдмондъ.

И разсшался съ нимъ въ добромъ согласіи? И онъ не показалъ неудовольствія, словомъ или видомъ?

Эдгаръ.

Ни малѣйшаго.

Эдмондъ.

Припомни, чѣмъ ты могъ огорчить его такъ сильно, и прошу тебя не показывайся ему на глаза, пока время не охладитъ жара негодованія, которое теперь въ немъ такъ бунтуешъ, что примиреніе стоило-бы тебѣ дорого.

Эдгаръ.

Вѣрно какой либо наушникъ наговорилъ на меня.

Эдмондъ.

Того-то и боюсь я. Устраняйся, прошу тебя

пока гнѣвъ его не утихнетъ; пойдемъ въ мою комнату, изъ которой я дамъ тебѣ средство услышать, что говоритъ онъ. Иди, прошу тебя, вотъ ключъ. Еще одно: не выходи безъ оружія.

ЭДГАРЪ.

Безъ оружія?

ЭДМОНДЪ.

Я совѣтую къ лучшему; не выходи безъ оружія. Или я нечестный человѣкъ, или на тебя умышляютъ злое. Я только намекнулъ тебѣ о томъ, что видѣлъ и слышалъ: ничего не можетъ быть ужаснѣе. Иди, прошу тебя.

ЭДГАРЪ.

Но мы увидимся скоро?

ЭДМОНДЪ.

Я твой слуга въ семъ дѣлѣ.

(*Эдгаръ уходитъ*).

Легковѣрный
Отецъ, и братъ съ душою благородной,
Столь чуждый зла, что зла онъ и не можетъ
Подозрѣвать — мнѣ на руку такая
Безсмысленная честность. Дѣло въ шляпѣ!
Пусть дастъ мнѣ умъ, когда не родъ, наслѣдство:
Что нужды, дурно-ль, хорошо-ли средство?

(*Уходитъ*).

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

(*Комната въ замкѣ Герцога Альбани*).

Входятъ Гонерилла и Дворецкій.

Гонерилла.

Отецъ мой ударилъ придворнаго за то, что онъ бранилъ Дурака?

Дворецкій.

Такъ точно, Герцогиня.

Гонерилла.

Клянуся днемъ и ночью, мнѣ обидно!
Что шагъ, то вспышка новая; что мигъ,
То ссора! Нѣтъ терпѣнья больше! Свита
Его буянитъ; самъ-же онъ за всякій
Бранится вздоръ. Когда съ охоты онъ
Пріѣдетъ, я не покажусь; скажи
Что я больна: да меньше будь услужливъ
При немъ; вину беру я на себя.

(*Слышенъ звукъ роговъ*).

Дворецкій.

Рога трубятъ, онъ возвратился.

Гонерилла.

Можешь
Быть такъ небрежнымъ, какъ тебѣ угодно;
Другіе тожъ; чтобъ это онъ замѣтилъ.

Digitized by Google

Не нравится ему, пусть уѣзжаетъ
Къ сестрѣ; она со мной согласна: правишь
Не дастъ собой. Безсмысленный старикъ!
Отдавши власть другимъ, повелѣвашь
Еще задумалъ! Право, старые глупцы
Какъ дѣти: съ ними надо ладишь лестью,
А болѣе журьбою. Не забудь,
Что я сказала.

ДВОРЕЦКІЙ.

Слышу, Герцогиня.

ГОНЕРИЛЛА.

Да холоднѣй къ его кажишесь свишѣ,
Ты и другіе, чтобы изъ того
Ни вышло. Я предлогъ найдши желаю
Поговоришь съ нимъ. Напишу къ сестрѣ,
Чтобъ тоже дѣлала. Пора обѣдать.

(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

(Комната тамъ-же).

(КЕНТЪ *входитъ*, *переодѣтый*).

Когда-бы могъ занять я и чужой,
Притворный голосъ, мой-бы добрый замыслъ
Достигнулъ цѣли, для которой шакъ я
Перерядился. Ну, изгнанный Кентъ!
Когда тебѣ попасть удастся въ службу
Того, кого шы любишь, кѣмъ шы изгнанъ —
Усерднаго въ тебѣ слугу найдетъ онъ.

Digitized by Google

Лиръ *(входитъ со свитою)*.

Не заставляйте меня ждать ни сколько — обѣдать сію минуту!

(*Служитель уходитъ*).

Эй, ты кто?

Кентъ.

Человѣкъ.

Лиръ.

Какой человѣкъ?

Кентъ.

Такой, который не хуже того чѣмъ кажется; служитъ вѣрно тому, кто ему довѣряетъ; любитъ того, кто честенъ; бесѣдуетъ съ тѣмъ, кто уменъ, и говоритъ мало; боится суда; дерется, когда не можетъ избѣжать того, и не ѣстъ рыбы.

Лиръ.

Но кто ты?

Кентъ.

Человѣкъ съ честною душею, и бѣдный, какъ Король нашъ.

Лиръ.

Если ты такъ-же бѣденъ между подданными, какъ онъ между Королями, то ты вправду бѣденъ. Чего ты ищешь?

Digitized by Google

Кентъ.

Службы.

Лиръ.

А кому служить желалъ-бы ты?

Кентъ.

Вамъ.

Лиръ.

Ты меня знаешь?

Кентъ.

Нѣтъ; но въ вашей наружности есть нѣчто такое, чтобы я охотно назвалъ своимъ господиномъ.

Лиръ.

А что это такое?

Кентъ.

Повелительность.

Лиръ.

Что ты можешь дѣлать?

Кентъ.

Могу хранить правую тайну, ѣздить, ходить, испортить дурнымъ разсказомъ хорошую сказку, и смѣло высказать до слова смѣлое къ кому либо по-

Digitized by Google

сланіе. Ко всему, что дѣлаютъ люди обыкновенные, способенъ и я; но самое лучшее во мнѣ—рачительность.

Лиръ.

Какихъ ты лѣтъ?

Кентъ

Не такъ молодъ, чтобы полюбить женщину за одно пѣніе, и не такъ старъ, чтобы сойдши съ ума отъ ней за что бы то ни было. На плечахъ моихъ уже усѣлось сорокъ восемь лѣтъ.

Лиръ.

Ступай за мною — я тебя принимаю. Понрався мнѣ столько-же послѣ обѣда, и мы разстанемся нескоро. Эй! обѣдать.— Гдѣ мой негодяй, Дуракъ мой? —Позвать мнѣ сюда Дурака!

(Входитъ Дворецкій).

Эй, ты! гдѣ дочь моя?

Дворецкій.

Не прогнѣвайтесь.

(Уходитъ).

Лиръ.

Что говоритъ онъ? — Ворошите эту деревянную башку! Гдѣ Дуракъ мой, слышите-ли? Здѣсь, кажется, всѣ заснули! — Что-же, гдѣ этотъ выродокъ?

Digitized by Google

Придворный (*входитъ*).

Онъ говоритъ, Государь, что дочь ваша нездорова.

Лиръ.

Но почему негодяй не ворошился, когда я позвалъ его.

Придворный.

Онъ отвѣчалъ, что не хочетъ, и очень грубо.

Лиръ.

Не хочетъ?

Придворный.

Не знаю, Государь, что все это значитъ; но кажется съ вами обходятся не съ тѣмъ услужливымъ уваженіемъ, къ которому вы привыкли. Забошливость уменьшается видимо, не только въ служителяхъ, но и въ самомъ Герцогѣ, и въ вашей дочери.

Лиръ.

Га! въ самомъ дѣлѣ.

Придворный.

Простите, Государь, если я ошибаюсь. Молчаніе противно моему долгу, когда я полагаю, что оскорблено Ваше Величество.

Digitized by Google

Лиръ.

Нѣтъ! ты только напоминаешь собственныя мои догадки. Я уже началъ замѣчать величайшую во всѣхъ небрежность; но бранилъ свои подозрѣнія какъ пустыя причуды, вовсе не относя замѣченнаго къ чьему либо умыслу. Надобно быть внимательнѣе. Но гдѣ Дуракъ мой? Я не видѣлъ его цѣлые два дни.

Придворный.

Съ тѣхъ поръ, какъ уѣхала младшая Принцесса, Дуракъ что-то ощущалъ.

Лиръ.

Ни слова болѣе, я очень это замѣтилъ. Поди, скажи моей дочери, что я хочу говорить съ нею. А ты, позови ко мнѣ Дурака.

(Входитъ Дворецкій).

А, это ты, Пріятель! Поди-ка сюда! Знаешь-ли ты, кто я?

Дворецкій.

Отецъ моей Госпожи.

Лиръ.

Отецъ твоей Госпожи? — Ахъ ты бездѣльникъ твоего господина! Ты выродокъ, мерзавецъ, собака!

Дворецкій.

Прошу извинить, это не мои имена.

Digitized by Google

Лиръ.

Ты смѣешь еще на меня косишься, негодная шварь!

(Бьетъ его).

Дворецкій.

Я не намѣренъ сносить побоевъ, съ позволенія вашего!

Кентъ.

Ни толчковъ также, ты грязная харя?

(Сваливаетъ его съ ногъ).

Лиръ.

Благодарю тебя, пріятель! вотъ такъ, люблю за это!

Кентъ.

Ну, вставай, мерзавецъ, да и вонъ! Я научу тебя вѣжливости! Вонъ, говорю я! Если хочешь смѣрить еще разъ длину пошлой твоей фигуры, то постой здѣсь, а не то, вонъ! ну, проворнѣе! А! принялся за умъ! вотъ такъ!

(Выталкиваетъ Дворецкаго вонъ).

Лиръ.

Благодаренъ, другъ мой, благодаренъ! Вотъ тебѣ за услугу.

(Даетъ Кенту деньги).

Дуракъ *(входитъ)*.

И я заплачу ему. Вотъ калпакъ мой!

(Подаетъ Кенту калпакъ).

Лиръ.

А, ты здѣсь, мой милый! Каково поживаешь?

Digitized by Google

Дуракъ (*Кенту*).

А право, ты лучше-бы взялъ калпакъ мой.

Кентъ.

За что, Дуракъ?

Дуракъ.

За то, что держишь сторону человѣка, который въ немилости. Если ты не умѣешь одѣваться смотря по погодѣ, то скоро озябнешь, пріятель. Возми лучше калпакъ мой. Подумай: вотъ этотъ старикъ прогналъ двухъ дочерей, а третьей далъ благословеніе противъ своей воли; ты хочешь быть при немъ, такъ нельзя-же тебѣ не носить дурацкаго калпака. — Знаешь-ли, дядюшка? я-бы желалъ имѣть два калпака и двухъ дочерей.

Лиръ.

Зачѣмъ-бы, напримѣръ?

Дуракъ.

За тѣмъ, чтобы отдавши дочерямъ все имѣніе, оставить калпаки у себя. Вотъ одинъ калпакъ, другаго попроси у дочерей своихъ.

Лиръ.

Берегись, пріятель — плеть не далеко.

Дуракъ.

Конечно! правда похожа на дворную собаку: ее выгоняютъ изъ избы плетью, между тѣмъ какъ

Digitized by Google

госпожа моська изволишь воняшь на почетномъ мѣстѣ.

Лиръ.

Ядовитая желчь для меня!

Дуракъ.

Хочешь-ли, дядюшка, я скажу тебѣ поговорку?

Лиръ.

Скажи.

Дуракъ.

Послушай:

Меньше хвастай, а больше имѣй;
Меньше умничай, больше умѣй;
Больше вѣдай, а меньше болтай;
Больше въ долгъ забирай чѣмъ давай;
Больше выигрывай, меньше играй;
Больше ѣзди, а меньше ходи;
Не пей, не шали,
Да дома сиди,
И подастъ наконецъ
Тебѣ больше Творецъ,
Чѣмъ въ одномъ двадцати,
Больше двухъ десяти.

Лиръ.

Это не значитъ ровно ничего, Дуракъ!

Дуракъ.

Право! стало быть оно похоже на даровую рѣчь стряпчаго: ты мнѣ ничего и не далъ за это. Мо-

Digitized by Google

жешь-ли ты, дядюшка, сдѣлать что нибудь изъ ничего?

Лиръ.

Разумѣется нѣтъ: изъ ничего ничего не сдѣлаешь.

Дуракъ (*Кенту*).

Пожалуйста, скажи ему, что точно столько-же составляютъ теперь его доходы: дураку онъ не повѣритъ.

Лиръ.

Злой ты дуракъ.

Дуракъ.

А знаешь-ли ты, дядюшка, разницу между злымъ дуракомъ и добрымъ?

Лиръ.

Нѣтъ, не знаю; поучи меня.

Дуракъ.

Кто далъ тебѣ совѣтъ благой
Отречься отъ всего,
Того поставь передо мной,
Иль самъ стань за него.
Тогда и добрый здѣсь и злой,
Два будутъ дурака:
Одинъ ужь съ калпакомъ, другой
Еще безъ калпака.

Digitized by Google

ЛИРЪ.

Ты называешь меня дуракомъ, пріятель?

ДУРАКЪ.

Вольно-жь тебѣ было отказаться отъ всѣхъ другихъ названій, съ которыми ты на свѣтъ родился (*).

КЕНТЪ.

Это сказано, Государь, не совсѣмъ по-дурацки.

ДУРАКЪ.

Разумѣется нѣтъ! Люди знатные никакъ не позволяютъ мнѣ одному быть совершеннымъ дуракомъ. Еслибъ я даже получилъ на то исключительную привиллегію, они-бы пристали въ часть ко мнѣ; а наши знатныя дамы, Боже упаси, и совсѣмъ-бы ее у меня отняли. Дай мнѣ яйцо, дядюшка, а я тебѣ дамъ двѣ короны.

ЛИРЪ.

Какія-же это будутъ короны?

(*) Въ подлинникѣ: All thy other titles thou hast given away; that thou wast born with. Точка съ запятою послѣ слова away измѣняетъ смыслъ сего мѣста; выходитъ, что Дуракъ говоритъ Лиру: *ты рожденъ дуракомъ*. Достаточно одного замѣчанія Кента (*это сказано не совсѣмъ по-дурацки*), чтобы увѣриться въ ложности такого толкованія; и я не рѣшился назвать Лира *урожденнымъ дуракомъ*, опасаясь, чтобы тѣнь Шекспирова Дурака не закричала мнѣ: Thou had'st little wit in thy bald crown! *Прим. Перев.*

Digitized by Google

Дуракъ.

Какія? Я разрѣжу яйцо, съѣмъ его, и дамъ тебѣ двѣ половины скорлупы. Знаешь-ли, когда ты, разломавши свою корону, отдавалъ обѣ ея части, ты походилъ на человѣка, который не переѣзжаетъ на ослѣ черезъ лужу, а переноситъ на себѣ осла черезъ нее. Мало, братъ, было ума въ твоей плѣшивой коронѣ, когда ты отдавалъ золотую! Не про дурацки-ли и это сказано?

Плетью того, кто первый такъ подумаетъ.

(Поетъ). Теперь невзгодье для глупцовъ:
Изъ умныхъ люди стали
Похожи такъ на дураковъ,
Что различишь едва-ли.

Лиръ.

Давно-ли ты сталъ такимъ охотникомъ до пѣсенъ?

Дуракъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ ты изъ дочерей своихъ вздумалъ сдѣлать себѣ нянюшку: когда ты далъ имъ въ руки розги. . .

Въ восторгѣ всплакались онѣ,
А я запѣлъ съ печали,
Что ужь и вы, подобно мнѣ,
Здѣсь въ дураки попали.

Мнѣ-бы очень хотѣлось научиться лгать. Найми мнѣ, дядюшка, учителя.

Digitized by Google

Лиръ.

Нѣтъ, дружокъ! за ложь будутъ плети.

Дуракъ.

Удивительно, что ты считаешься роднею дочерямъ своимъ: онѣ сулятъ мнѣ плети за правду, а ты за ложь; да плети-же достаются мнѣ иногда и за то, что держу языкъ за зубами. Я-бы охотнѣе былъ всякою другою тварью, нежели дуракомъ; однако не тобою, дядюшка! Ты обрѣзалъ умъ свой съ обѣихъ сторонъ, а въ срединѣ не оставилъ ровно ничего. Но, вотъ идетъ и одинъ изъ обрѣзковъ.

(Входитъ Гонерилла).

Лиръ.

Что это значитъ, Гонерилла? Къ чему такой наморщенный лобъ? Ты начинаешь хмуриться слишкомъ часто.

Дуракъ.

Славный ты былъ малый, дядюшка, когда могъ не заботиться объ ея хмуреньѣ! Теперь ты нуль безъ цифры. Я все таки лучше тебя: я хоть дуракъ; а ты ничто. Но надобно прикусить языкъ.

(Гонериллѣ).

Мнѣ это приказываетъ ясно ужимкою вашего личика.

Кто корочекъ не ѣстъ, а мякиша не любитъ,
Тотъ наконецъ въ кулакъ опять голода запрубитъ.

Посмотрите, это вылущенный гороховый стручекъ.

(Указываетъ на Лира).

Digitized by Google

Гонерилла.

Не только ужь Дуракъ — ему все можно —
Но и другіе въ вашей дерзкой свитѣ
Шумятъ у насъ и вздорятъ ежечасно,
И предаются гнусному буянству.
Я думала, что вы, узнавши, это
Поправите; но нынѣ опасаюсь,
Поступки ваши разсмотрѣвъ и рѣчи,
Что вамъ угодно одобрять самимъ
Такіе безпорядки. Если такъ:
То противъ зла проснутся мѣры, кои
Для общаго всѣхъ блага причинятъ
Вамъ непріятности, какихъ-бы всякой
Стыдился, если-бъ къ нимъ не принуждала
Необходимость.

Дуракъ.

Знаешь-ли, дядюшка?

Кукушку птичка вывела, кормила,
А ей кукушка голову скусила.

Да! свѣчу унесли, и мы въ потьмахъ.

Лиръ.

И ты дочь моя?

Гонерилла.

Полноте! Желательно, чтобы вы вели себя съ тѣмъ благоразуміемъ, какое, я знаю, вамъ сродно, и оставили причуды, которыя начинаютъ васъ дѣлать непохожимъ на самого себя.

Дуракъ.

Когда шѣлежка перетягиваетъ лошадку, это и ослу замѣтно.

Digitized by Google

Ты вѣдаешь, Дженни, сама,
Что я отъ тебя безъ ума.

ЛИРЪ.

Узнаютъ-ли здѣсь меня? Нѣтъ, я не Лиръ! Такъ-ли ходитъ Лиръ? Такъ-ли говоритъ? Гдѣ глаза его? Въ немъ или разумъ ослабѣлъ, или окаменѣли чувства. Не спитъ-ли онъ? — Скажите, кто я? Не тѣнь-ли Лира? Я-бы желалъ узнать это, ибо признаки власти, память и разсудокъ готовы увѣрить меня въ ложной мысли, что я имѣлъ дочерей.

ДУРАКЪ.

Которыя хотятъ имѣть въ тебѣ ихъ покорнаго отца.

ЛИРЪ.

Ваше имя, прекрасная дама?

ГОНЕРИЛЛА.

Ахъ, полно! это совершенно въ родѣ
Другихъ, вамъ столь-же неприличныхъ шутокъ.
Поймите, что я говорю, прошу васъ.
Старикъ почтенный, вы должны съ умомъ быть:
При васъ здѣсь сотня цѣлая людей,
Столь дерзкая развратная толпа,
Что Дворъ нашъ, ихъ безчинствомъ осквернённый,
Содомомъ сталъ: въ немъ буйство и развратъ
Какъ въ студномъ домѣ, иль въ харчевнѣ подлой,
А не въ палатахъ царскихъ. Самый стыдъ
О исправленьи вопіетъ! И такъ,
Прошу васъ (я, которая могу

Все сдѣлашь и безъ просьбы) уменьшишь
Число ненужной свиты и оставишь
Людей, приличныхъ вашимъ лѣтамъ, кои
Себя и васъ-бы знали.

Лиръ.

Мракъ и бѣсы!
Сѣдлайте лошадей! сзывайте свиту!
Проклятое исчадіе! я въ тягость
Тебѣ не буду! я имѣю дочь!

Гонерилла.

Вы бьете слугъ моихъ, а ваша сволочь
Достойнѣйшихъ себѣ людей считаетъ
Слугами.

(*Входитъ Герцогъ и Альбани*).

Лиръ.

Горе кающимся поздно!
Вы здѣсь? И это ваша воля? Да? —
Эй, лошадей! — Неблагодарность, демонъ
Съ гранитнымъ сердцемъ! въ дѣтяхъ ты ужаснѣй,
Чѣмъ въ злѣйшемъ изъ чудовищъ!

Альбани,

Успокойтесь.
Прошу васъ.

Лиръ.

Гнусная сова, ты лжешь!
Мои прислужники отличныхъ правилъ!
Они подробно знаютъ сущность долга,
И въ точности поддерживаютъ славу
Именъ своихъ. О, сколь большимъ малѣйшій

Digitized by Google

Корнелія мы проступокъ представляли!
Какъ пыпка ты расторгнула составъ
Моей природы, извлекла изъ сердца
Любовь и желчь влила въ него! о Лиръ!

(Бьетъ себя въ голову).

Бей въ эту дверь! въ нее вошло безумство,
Изъ ней разсудокъ улетѣлъ! — Пойдемъ!

Альбани.

Я, Государь, невиненъ въ этомъ; даже
Причины гнѣва вашего не знаю.

Лиръ.

Быть можетъ! — О, услышь меня, Природа!
Услышь, богиня! измѣни свой замыслъ,
Когда дѣтей судила ты сей твари!
Безплодіемъ казни ея утробу!
Да въ ней изсякнутъ соки! Да потомства
Изъ звѣрскаго ей не изыдетъ лона,
Въ отраду лѣтъ преклонныхъ! Иль да будетъ
Чудовищно чудовища исчадье!
Да станетъ лютой мукой ей, бразды
На молодомъ челѣ ея нарѣжетъ,
Изроетъ щеки жаркихъ слезъ ручьями,
Воздастъ за ласки ненавистью ей
И посмѣяньемъ! О, она узнаетъ,
Что ядовитѣй, чѣмъ эхидны жало,
Неблагодарность дѣтища! — Пойдемъ!

(Уходитъ).

Альбани.

Что это значитъ, всемогущій Боже?

Digitized by Google

Гонерилла.

Не безпокойся узнавать причину!
Пускай идетъ дорогой, по которой
Ведутъ его безумныя причуды.

Лиръ (*входитъ*).

Какъ, пятьдесятъ изъ нашей свиты, разомъ?
Въ полмѣсяца?

Альбани.

Въ чемъ дѣло, Государь?

Лиръ.

Въ чемъ дѣло? Жизнь и смерть! О, я стыжусь,
(*Гонериллѣ*).
Что ты меня поколебать такъ властна,
Потоки слезъ изъ глазъ моихъ исторгнуть!
Да поразятъ тебя всѣ скорби! Душу
Тебѣ и сердце да расторгнутъ стрѣлы
Отеческихъ проклятій! О, не плачьте,
Безумные глаза! Иль васъ я вырву;
Изъ васъ и слезъ постыдныхъ вашихъ съ прахомъ
Смѣшаю грязь! — И до того дошло!
Да будетъ такъ! — Еще имѣю дочь я:
Она добра, я знаю, и правдива!
Узнавъ такое варварство, она
Ногтями волчій издеретъ твой ликъ!
О, ты найдешь меня опять въ томъ видѣ,
Какой, ты мыслишь, я на вѣкъ оставилъ!
Найдешь, повѣрь мнѣ!

(*Уходитъ съ Кентомъ*).

Digitized by Google

Гонерилла.

Слышишь-ли, мой другъ?

Альбани.

Я не могу быть ослѣпленъ такъ сильно
Къ тебѣ любовью, Гонерилла. . . .

Гонерилла.

Полно,
Прошу тебя. Эй, Освальдъ!
(Къ Дураку).
Ты, дуракъ,
А больше плутъ! И ты за нимъ-же, слышишь?

Дуракъ.

Дядюшка Лиръ, дядюшка Лиръ! постой, возми съ собою дурака.

Лиса въ сѣняхъ и дочь такая
Не долго-бъ жили припѣвая,
Когда-бы могъ я кое-какъ,
Хоть на послѣдній свой калпакъ
Купить веревочку съ иголкою!

И такъ я вслѣдъ за дядюшкой!

Гонерилла.

Конечно, онъ смышленъ! Сто человѣкъ!
Разсчетливо, умно при немъ оставить
Сто человѣкъ, чтобы при всякомъ вздорѣ,
При всякой вспышкѣ гнѣва и причудѣ,
Вооруженной силою владѣя,
Онъ нашу жизнь въ рукахъ держашь могъ!—Освальдъ!

Digitized by Google

Альбани.

Не слишкомъ-ли боишься ты?

Гонериллa.

Нѣтъ, слишкомъ
Ты довѣряешь. Безопаснѣй зло
Предупредить, чѣмъ въ страхѣ быть всегдашнемъ.
Его я сердце знаю. Я пишу
Къ сестрѣ о всемъ, и все узнавъ, она
Сшо человѣкъ съ нимъ не потерпитъ.—Освальдъ!
(Входитъ Дворецкій).
Написано-ль письмо къ моей сестрѣ!

Дворецкій.

Гошово, Государыня.

Гонериллa.

Возми
Кого нибудь съ собой, и на коней!
Вполнѣ мои представь ей опасенья,
И подкрѣпи ихъ отъ себя, чѣмъ шолько
Придумать можешь. Отправляйся; будь
Назадъ скорѣе.
(Дворецкій уходитъ).
Нѣтъ, мой другъ! твою
Уступчивую кротость, я, конечно,
Не осуждаю; но, позволь сказать,
Оплошности твоей смѣются больше,
Чѣмъ хвалятъ нрава пагубную тихость.

Альбани.

Не знаю, право-ль судишь ты, или ложно:
За лучшимъ гнавшись, все упрашишь можно.

Digitized by Google

ГОНЕРИЛЛА.

Но посуди. . .

АЛЬБАНИ.

Хорошо, хорошо: увидимъ.

(*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

(*Дворъ передъ замкомъ Герцога Альбани*).

(*Входятъ: Лиръ, Кентъ и Дуракъ*).

Заѣзжай сперва съ этими письмами къ Глостеру. Не увѣдомляй дочь мою ни о чемъ, тебѣ извѣстномъ, кромѣ того, что она увидитъ изъ письма. Если ты не поспѣшишь, то я буду у нея прежде тебя.

КЕНТЪ.

Я не сомкну глазъ, не отдавши ей письма.

(*Уходитъ*).

ДУРАКЪ.

Если-бъ умъ сидѣлъ у человѣка въ пяткахъ, не правда-ли, что на немъ можно-бы было нашерешь мозоли?

ЛИРЪ.

Конечно правда.

ДУРАКЪ.

Однакожь не безпокойся: ты можешь носишь башмаки попросторнѣе.

Digitized by Google

Лиръ.

Ха, ха, ха!

Дуракъ.

Увидишь, другая дочь примешъ тебя хорошо. Хотя она похожа на эту, какъ лѣсное яблоко на садовое, но я знаю, что я знаю.

Лиръ.

А что, напримѣръ, ты знаешь?

Дуракъ.

Что вкусомъ она похожа на эту, какъ лѣсное яблоко на лѣсное. Знаешь-ли ты, зачѣмъ носъ въ серединѣ лица?

Лиръ.

Нѣтъ, не знаю.

Дуракъ.

За тѣмъ, чтобы глаза были по сторонамъ носа, и человѣкъ-бы довидѣлъ то, чего не можетъ пронюхать.

Лиръ.

Я оскорбилъ ее.

Дуракъ.

Какъ, дядюшка, устрица дѣлаетъ себѣ раковину?

Лиръ.

Я не могу сказать этого.

Digitized by Google

Дуракъ.

И я также; но я знаю, зачѣмъ у улитки есть свой домикъ.

Лиръ.

Зачѣмъ-же?

Дуракъ.

За тѣмъ, чтобы прятать туда свою головку, а не отдавать его дочерямъ и самой оставаться безъ пріюта.

Лиръ.

Я наконецъ забуду самого себя! — Столь нѣжнаго отца. . . Готовы-ли мои лошади?

Дуракъ.

Ихъ снаряжаютъ ослы твои. Причина, по которой въ семи звѣздахъ не болѣе звѣздъ какъ семь, преважная причина!

Лиръ.

Не потому-ли что ихъ не восемь?

Дуракъ.

Угадалъ! О, ты могъ-бы хорошо играть роль дурака!

Лиръ.

Насильственно взять назадъ. . . . чудовище неблагодарность!

Дуракъ.

Если-бъ ты былъ моимъ дуракомъ, дядюшка, до-

Digitized by Google

сталось-бы твоей спинѣ за преждевременную твою старость.

Лиръ.

Какъ такъ?

Дуракъ.

Тебѣ слѣдовало поумнѣть сперва, а старѣться послѣ.

Лиръ.

Молю тебя, не дай мнѣ обезумѣть,
Не дай мнѣ, Царь небесный, обезумѣть!
Пошли мнѣ силы. . . горько быть безумнымъ!

(Входитъ Придворный).

Что, готовы-ли лошади?

Придворный.

Готовы, Государь.

Лиръ.

Пойдемъ (*).

(Уходятъ).

М. Вронченко.

(*) Въ подлинникѣ послѣ сего Дуракъ говоритъ еще, уходя, два стиха, которыхъ смыслъ для меня очень не ясенъ. Не имѣя подъ рукою изданія Шекспира съ примѣчаніями комментаторовъ, я не могъ перевести сего мѣста, да и другія сомнительныя мѣста выразилъ такъ, какъ могъ понять ихъ съ помощію Glossary of Shakespeare, compiled Nares, Douce and others.

Digitized by Google

БАЛЛАДЫ и ПОВѢСТИ

В. А. Жуковскаго.

2 части СПб. 1831 года.

(Окончаніе).

Бываютъ въ Природѣ и Человѣчествѣ сходства противоположностей: видимъ предметы, сходные между собою тѣмъ, что они нисколько одинъ на другой не походятъ. Такова въ Русской Поэзіи сходственность противоположности *Державина* и *Жуковскаго*. Хотите-ли видѣть противоположность рѣшительную, къ какой способенъ человѣкъ, противоположность мыслей, характера, слова, языка, вѣка, направленія? Прочитайте Державина, и послѣ него читайте Жуковскаго.

Совершенное недовольство собою, міромъ, людьми, недовольство тихое, унылое, и отъ того стремленіе за предѣлы міра, умилительная надежда на счастіе *тамъ*, обманувшее *здѣсь*; молитва сердца, любящаго, утомленнаго борьбою, но не кроваваго, не растерзаннаго; стремленіе къ грусти о прошедшемъ, къ безнадежной унылости въ будущемъ; нѣжная, сострадательная дружба къ скорби ближняго; любимое мѣсто прогулки на

Digitized by Google

кладбищѣ, какъ на полѣ, засѣянномъ успокоенными въ упованіи, ушѣшенными смертью сердцами; мысль возвесши въ идеалы ужасы кладбища и смерти, облечь ихъ въ изящные образы, показать въ кончинѣ человѣка не страшное привидѣніе, но тихаго Ангела мира и спокойствія. Отъ всего этого, съ одной стороны, *привычка* къ суевѣрной легендѣ, какъ будто привычка къ страшнымъ разсказамъ, которые слыхали мы въ дѣтствѣ; съ другой, *отвычка*, такъ сказать, отъ всего земнаго, насъ окружающаго, отчужденіе отъ всего, что занимаетъ и увлекаетъ другихъ; перенесеніе единственной мысли, единственной идеи своей ко всѣмъ предметамъ — мысли тихой, успокоивающей, мечтательной, отрадной самою грустію, радующей душу какимъ-то прощеніемъ несправедливой Судьбѣ — вотъ основаніе поэзіи *Жуковскаго*.

Взгляните, напротивъ, на гордаго, самодовольнаго *Державина*. Онъ счастливъ всѣмъ окружающимъ его, ибо онъ доволенъ собою. Міръ блеститъ для него яркими цвѣтами его собственной фантазіи, исполняетъ его восторгомъ, вдохновляетъ только негодованіемъ, если онъ и видитъ случайное нестройство частей, оживляетъ его радостью во всемъ, на что ни глядитъ поэтъ очарованными своими глазами. Поэзія населяетъ ему всю Природу своими образами. Звуки лиры поэта самозвучны, разнообразны, торжественны. Самая смерть есть для него торжественный урокъ, порука за блаженство замогильное, великолѣпный прощальный праздникъ Царя Природы, Человѣка,

Digitized by Google

договоръ съ Судьбою, которая здѣсь заплатила уже человѣку задатокъ будущаго безсмертія въ безсмертіи земномъ.

Отъ того происходитъ, если не ошибаемся, разнообразіе въ сущности созданій Державина, и однообразіе стиха его. Однообразіе мысли Жуковскаго, какъ будто хочетъ, напротивъ, замѣнишься разнообразіемъ формы стиховъ. Ни одинъ Русскій поэтъ не писалъ у насъ метрами столь многоразличными: многія изъ нихъ до Жуковскаго были вовсе безъ употребленія, а Жуковскій ввелъ ихъ въ моду. Онъ отдѣлываетъ каждую ноту своей пѣсни тщательно, вѣрно, столько-же дорожитъ *звукомъ*, сколько и *словомъ*. Державину, какъ будто нѣкогда думать о метрѣ: онъ спѣшитъ импровизировать, сыплетъ картины, сравненія, яркія краски слова, и только придаетъ ладъ своей пѣсни лирическими аккордами. Жуковскій играетъ на арфѣ: продолжительные переходы звуковъ предшествуютъ словамъ его, и сопровождаютъ его слова, тихо принѣваемыя поэтомъ, только для поясненія того, что хочетъ онъ выразить звуками. Безсоюзіе, остановка, недомолвка — любимый оборотъ поэзіи Жуковскаго.

Читая созданія Жуковскаго, вы не знаете: гдѣ родился, гдѣ поетъ онъ? Читая Державина, видите, что это Русскій, и всегда видите его самого. Хочетъ-ли онъ передать вамъ чуждое, оно превращается въ его собственное. Собственныя созданія Жуковскаго, напротивъ, до такой степени *космополитны*, такъ сказать, въ мірѣ лич-

Digitized by Google

шерашурномъ, что едва отличите вы ихъ отъ переводовъ сего поэта. Пѣснь Державина кипитъ шумною рѣкою, и блещетъ яркимъ отраженіемъ солнца; вокругъ нея цвѣтущая природа; вдали слышны радостные клики побѣдъ, и пѣсни веселаго Русскаго хоровода. Пѣснь Жуковскаго журчитъ непримѣтнымъ ручейкомъ, и освѣщается блѣднымъ сіяніемъ мѣсяца. Въ тоже время вы усматриваете длинную тѣнь колокольни кладбища. Часы ударяютъ полночь — это часъ привидѣній — и они вьются вокругъ васъ легкою вереницею тѣней; но не спрашивайтесь ихъ: это добрые духи-утѣшители, вѣстники, что родная душа не разсталась съ вами, что она говоритъ вамъ, и въ шорохѣ листочка, и въ шумѣ вѣтра, и въ уныломъ, воздушномъ звукѣ Эоловой арфы.

Въ поэзіи Державина, среди самыхъ веселыхъ звуковъ радости, вы также слышите унылость: это Русское свойство, свойство Сѣвера, отзывается въ немъ; но его унылость — заздравная чаша, выпитая въ молчаніи среди веселаго пира, за которою слѣдуетъ другая, съ шумною радостью. Не такъ Жуковскій, задумчивый гость на пиру жизни, пропѣвшій въ свою очередь круговую пѣсню: веселье его — улыбка грусти, ошибка радости, и всѣ гости забыли свою радость — облако унынія облегло ихъ. . .

Разсмотрите три собственныя пьесы Жуковскаго, писанныя имъ въ самой юности: *Вечеръ* (1806 года), *Къ Нинѣ* (1808 г.), *Къ Филалету* (1808 г.): лучше ихъ ничего не писалъ Жуковскій. И здѣсь

Digitized by Google

заключена вся его поэзія, вся его душа, вся жизнь! Все остальное въ его поэзіи есть только дополненіе къ симъ превосходнымъ созданіямъ.

Двадцати трехъ-лѣтній Жуковскій уныло мечтаетъ въ сельскомъ уединеніи (*Ручей*). Картина грустной природы вокругъ него; тихіе звуки слетаютъ съ струнъ его арфы:

Сижу задумавшись; въ душѣ моей мечты:
Къ протекшимъ временамъ лечу воспоминаньемъ!
О дней моихъ весна! какъ быстро скрылась ты,
Съ твоимъ блаженствомъ и страданьемъ!

Онъ зоветъ друзей своихъ, зоветъ милыхъ, рано погибшихъ, рано ушедшихъ отъ него стезею жизни, и спрашиваетъ:

Иль всякъ своей тропою,
Лишенный спутниковъ, влача сомнѣній грузъ,
Разочарованный душою,
Тащиться осужденъ до бездны гробовой?

Поэтъ грустно глядитъ на будущую участь свою. Что удѣлъ его? Тихая жизнь, ушѣха въ Поэзіи, смерть...

Мнѣ рокъ судилъ: бресть невидимой стезей,
Быть другомъ мирныхъ селъ, любить красы Природы,
Дышать подъ сумракомъ дубравной тишиной,
И, взоръ склонивъ на пѣнны воды,
Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать!
О пѣсни, чистый плодъ невинности сердечной!
Блаженъ, кому дано цѣвницей оживлять

Digitized by Google

Часы сей жизни скоротечной!
Такъ! пѣть есть мой удѣлъ!.. Но, долго-ль? Какъ
узнать?
Ахъ! скоро, можетъ быть, съ Минваною унылой,
Придетъ сюда Альпинъ въ часъ вечера мечтать,
Надъ тихой юноши могилой!

Въ сихъ звукахъ, еще *неопытныхъ*, робкихъ, высказывается уже вамъ будущій пѣвецъ Минваны. Грусть его еще непонятна вамъ. Что могло разшерзать душу юнаго поэта? Внимайте, что скажетъ онъ въ посланіи къ далекому другу. Стихи: *Къ Филалету*, произведеніе пламенное, поэтическую исповѣдь сердца двадцати-пяти лѣтняго юноши — эти стихи я не отдамъ — страшусь сказать — за двѣ трети всего, что нашимъ писалъ Жуковскій. . . Подобныя созданія, гдѣ воображеніе слито съ сердцемъ и душею, не пишутся — нѣтъ! они сами собою изливаются изъ бытія человѣческаго! « Я умеръ-бы, если-бы не написалъ моего Вертера! » говорилъ Гёте.

Поэтъ зоветъ друга своего, своего Филалета, зоветъ прошедшія радости. Здѣсь нѣтъ уже болѣе надежды на тихій даръ Поэзіи. Дума сдѣлалась мрачнѣе — для нея все погибло. Уже и прежнее безрадостное бытіе кажется ей счастіемъ. «Придешь-ли ты, » говоритъ поэтъ —

Придешь-ли ты назадъ,
О время прежнее, о время незабвенно?
Или веселіе-на вѣки отцвѣло,
И счастіе мое съ прошедшимъ протекло?

Digitized by Google

Какъ часто о часахъ мінувшихъ я мечтаю!
Но чаще, съ сладостью, конецъ воображаю,
Конецъ всему — души покой,
Конецъ желаніямъ, конецъ воспоминаньямъ,
Конецъ боренію — и съ жизнью, и съ собой!

Кто, жившій нѣкогда сердцемъ, съ жаромъ не повторитъ слѣдующихъ за тѣмъ стиховъ?

... Кончины сладкій часъ
Моей любимою мечтою становится;
Унылость тихая въ душѣ моей хранится;
Но всемъ внимаю я знакомый смерти гласъ:
Зоветъ меня... зоветъ!.. Куда зоветъ? Не знаю!
Но я зовущему съ волненіемъ внимаю;
Я сердцемъ сопряженъ съ сей тайною страной,
Куда насъ всѣхъ влечетъ Судьба неодолима;
Томящейся душѣ невидимая зрима —
Повсюду вѣстники могилы предо мной!

Прелестно исчисленіе этихъ вѣстниковъ, и въ угасающей зарѣ вечера, и въ звукѣ пастушьяго рога, и въ трепетаньи горнаго вѣтра въ дубравѣ, и въ тихомъ журчаніи ручья, и въ дальнихъ шуманахъ вечера, и въ звукахъ гармоническаго фортепіано! Поэтъ, какъ будто еще не смѣетъ сказать другу тайную думу свою. «Скажу-ль» говоритъ онъ — и останавливаетеся... Ужаснутъ-ли ему сердце друга признаніемъ? . .

Скажу-ль? Мнѣ ужасовъ могила не являетъ,
И сердце, съ горестнымъ желаньемъ, ожидаетъ,
Чтобъ Промысла рука обратно то взяла,
Чѣмъ я безрадостно въ семъ мірѣ тягощался,

Digitized by Google

Ту жизнь, въ которой я такъ мало наслѣдился,
Которую давно надежда не златитъ!

Онъ спѣшитъ оправдать горькій ропотъ свой; онъ быстро высчитываетъ всю бѣдность своего бытія:

Къ младенчеству-ль душа прискорбная летитъ,
Считаю-ль радости минувшаго — какъ мало!
Нѣтъ! *счастье ко бытію меня не приучало!*
Мой юношескій цвѣтъ, безъ запаха отцвѣлъ!
Едва въ душѣ моей для дружбы я созрѣлъ —
И что-же!.. предо мной увядшаго могила...
Душа, не воспылавъ, свой пламень угасила!

Доселѣ тиха, скорбна жалоба поэта — онъ ничего не желаетъ, ничего не хочетъ отъ Судьбы; но роковое слово произнесено — душа его вспыхнула, и все вдругъ вырвалось изъ нея: страданія, надежды, мечты, желанія — самый ропотъ! Слѣдующіе стихи — это слезы, капающія на струны арфы юнаго поэта:

Любовь... но я въ любви нашелъ одну мечту,
Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья,
И невозвратное надеждъ уничтоженье!
Изсякшія души наполню-ль пустоту?
Какое счастіе мнѣ въ будущемъ извѣстно?
Грядущее для насъ прошедшимъ лишь прелестно!
Мой другъ, о нѣжный другъ! когда намъ не дано
Въ семъ мірѣ жить для тѣхъ, кѣмъ жизнь для насъ священна,

Digitized by Google

Кѣмъ добродѣтель намъ и слава драгоцѣнна,
Почто-жь, увы! почто Судьбой запрещено
За счастье ихъ отдать намъ жизнь сію безплодну?
Почто (дерзну-ль спросить?) отъялъ у насъ Творецъ
Имъ жертвовать собой свободу превосходну?
Съ какимъ-бы торжествомъ я встрѣтилъ мой конецъ,
Когда-бъ всѣхъ благъ земныхъ, всей жизни приношеньемъ,
Я могъ — о сладкій сонъ! *той* счастье искупить,
Съ кѣмъ жребій не судилъ мнѣ жизнь мою дѣлить!..
Когда-бъ спокойными, и скорбью, и мученьемъ,
За каждый мигъ ея блаженства я платилъ,
Тогда-бъ, мой другъ, я рай въ семъ мірѣ находилъ,
И дня, какъ дара ждалъ, къ страданью пробуждаясь;
Тогда, надеждою отрадною питаясь,
Что каждый жизни мигъ погибшія моей
Есть жертва тайная для блага милыхъ дней,
Я-бъ смерти звать не смѣлъ, страшился-бы могилы!
О незабвенная! другъ милый, вѣчно милый!
Почто, повергнувшись въ слезахъ къ твоимъ ногамъ,
Почто, лобзая ихъ горящими устами,
Отъ сердца не могу воскликнуть къ небесамъ:
Все бѣ жертву за нее! Вся жизнь моя предъ вами!
Почто и небеса не могутъ внять мольбамъ?..

Помните-ли несчастнаго, пламеннаго Руссо, помните-ли, какъ онъ на колѣняхъ читалъ свою Элоизу передъ женщиною-идеаломъ? Если вы не читали этихъ стиховъ Жуковскаго въ дни юности,

Digitized by Google

не смѣя взглянуть на шу, отъ которой никогда не хотѣлось-бы отворвашься вашимъ взорамъ, если вы не трепетали въ это время, страшась чтобы въ голосѣ вашемъ не разгадали окружающіе васъ вашей тайны, и если въ то-же время не боялись вы, чтобы скрывая душу свою не лишить созданіе Жуковскаго поэтическаго очарованія, если вы не желали когда ей, *ей одной* вы сказать стихами его все свое сердце, всю душу свою — вы не поймете этихъ стиховъ! Счастливый любовникъ прочтетъ ихъ съ улыбкою эгоизма. Надобно любить, любить —

Какъ въ наши лѣта
Уже не любятъ, какъ одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена —

и когда только посланіе *къ Филлету* навѣчно врѣзается въ вашу память, какъ первое: *люблю тебя*, какъ первый крикъ вашего младенца, какъ послѣдній взоръ умирающаго вашего друга. . .

Но характеръ Жуковскаго не переноситъ долго такого чувства, которое видимъ въ стихахъ, приведенныхъ нами. Онъ содрогается силы сказаннаго, снова тихое уныніе замѣняетъ для него все —

О, безразсуднаго напрасное моленье!
Гдѣ тотъ, кому дано святое наслажденье:
За милыхъ слезы лить, страдать и погибать?
Ахъ! если-бъ мы могли, въ сей области изгнанья,
Сколь утѣшительно презрѣнну жизнь кончать —
Кто-бъ небо оскорбилъ безумiемъ роптанья!

Digitized by Google

Душа поэта раскрыта теперь передъ вами: вы дружески готовы прижать къ родному сердцу эту робкую, нѣжную душу; узнайте-же ее еще болѣе, въ стихахъ: *Къ Нинѣ*. Мысль этой очаровательной пьесы заключается въ нѣсколькихъ стихахъ собственно:

О Нина, о Нина! сей пламень любви
Уже-ли съ послѣднимъ дыханьемъ погаснетъ?
Душа, отлетая въ незнаемый край,
Уже-ли во прахѣ то чувство покинетъ,
Которымъ равнялась богамъ на землѣ?..
Ахъ! самое небо мнѣ будетъ изгнаньемъ,
Когда для безсмертья утрачу любовь!
И въ области райской я буду печально
О прежнемъ, погибшемъ блаженствѣ мечтать!..
Что въ Вѣчности будетъ замѣной любви?..
Уже-ль изъ-за гроба отвѣта не будетъ?
Уже-ль переживши одинъ сохранитъ
То чувство, которымъ такъ сладко дѣлился?
А прежній спутникъ, кѣмъ въ мірѣ онъ жилъ,
Съ которымъ сливался тоской и блаженствомъ,
Исчезнетъ за гробомъ, какъ утренній паръ,
Съ лучемъ, озлатившимъ его, исчезаетъ,
Развѣянный легкимъ Зефира крыломъ?
О Нина! я внемлю таинственный голосъ:
Нѣтъ смерти — вѣщаетъ — для нѣжной любви!
Возлюбленный образъ, съ душей неразлучный,
И въ Вѣчность за нею изъ міра летитъ —
Ей спутникъ до сладкой минуты свиданья...

Вотъ вся основная мысль: *Любовь переживаетъ жизнь! — Вѣчность есть Любовь вѣчная!* И въ какихъ

Digitized by Google

плѣнительныхъ, чудныхъ картинахъ высказана эта мысль! Кажется, что поэтъ, размножая образы, длитъ эту мысль, плѣняющую его — одно, что осталось ему на землѣ, одно, чѣмъ очаровываетъ его небо — ему не хочется разсташься съ нею, онъ дѣлитъ себя подробностями описаній. . .

И что сказалъ Жуковскій *Филлету* и *Нинѣ*, то отразилось на всей его жизни. Счастливецъ! онъ не разставался съ этою мыслью! Повторимъ, что сказали мы выше: здѣсь заключена вся его поэзія, вся его душа, вся жизнь — все остальное въ поэзіи Жуковскаго есть только дополненіе. . .

Назовемъ-ли это младенчествомъ души? Но кто посмѣетъ? Идея, которая оживляла человѣка въ послѣднюю минуту его бытія, дѣлается Вѣчностію, предъ которою все мимолетное исчезаетъ и благоговѣетъ: идея, оживлявшая человѣка всю жизнь его, да не оскорбится суетнымъ упрекомъ кичливаго ума — жалкаго слѣпца, если не свѣтитъ ему вдохновеніе — нищаго, если онъ не богатъ сердцемъ! Все ничтожно до тѣхъ поръ, пока не дошло до извѣстнаго предѣла. Переступивъ за сей предѣлъ, самое безуміе, и всякая страсть, всякая мысль человѣка, дѣлаются велики. Все сосредоточъ въ мірѣ изъ отношеній, и самый міръ великъ только въ отношеніи къ намъ, а что онъ во вселенной? Что его возрастъ и вся будущая его жизнь предъ Вѣчностію?

Съ мыслію, которую мы изложили здѣсь, прочитайте все писанное Жуковскимъ, и васъ изу-

Digitized by Google

мишь односторонность его идеи. Но разнѣ ее мало было на жизнь человѣка, на то, чтобы пѣвца, ею вдохновеннаго, поставишь на высокую чреду Поэзіи и Жизни? Нѣшь! и пришомъ, въ замѣну односторонняго единства идеи, Жуковскій возсоздалъ ее изъ души своей въ совершенной полнотѣ, и довелъ до такого многообразія и разнообразія подробностей, что она кажется цѣлымъ всеобъемлющимъ міромъ души человѣческой!

Она заключена въ *Свѣтланѣ*, *Эоловой арфѣ*, *Узникѣ*, *Отчетѣ о лунѣ*, пѣсняхъ, романсахъ, всѣхъ *сочиненіяхъ* Жуковскаго. Что такое *Свѣтлана*? Мысль: любовь переживаешъ бѣдствіе для счастья. Дѣвушка грустишъ въ разлукѣ съ милымъ; она гадаешъ на святкахъ, и видишъ страшный сонъ: ей кажется, что онъ погибъ, умеръ — онъ *является* ей въ ужасномъ образѣ мертвеца; но настаешъ ясное утро, дѣвушка просыпается — милый съ нею.

Здѣсь несчастье — лживый сонъ;
Счастье — пробужденье!

Въ *Эоловой арфѣ*, дочь Царя Морвенскаго любишъ безвѣстнаго пѣвца. Они тайно видятся подъ сѣнью вѣковаго древа. Невольная тоска томишъ Минвану въ часъ свиданья. Пѣвецъ смотришъ на волны моря, и говоришъ подругѣ:

Какъ быстрыя воды
Потокъ свой лiютъ —
Такъ быстрые годы
Веселье младое съ любовью несутъ!

Digitized by Google

— Что-жь сердце умыло?
Пусть воды ліются, пусть годы бѣгутъ!
О вѣрный, о милый!
Съ любовію годы *и жизнь* унесутъ...
Почто-же уныло
На радость глядѣть?
Все близко, что мило —
Оставимъ годамъ за годами летѣть!
Минутная сладость
Веселаго: *вѣдстъ*, помедли, постой!
Кто знаетъ, что радость
На вѣкъ не умчится съ грядущей зарей!

Пѣвецъ привязываетъ арфу свою на вѣтвяхъ древа свиданія.

И арфу, унылой
Пѣвецъ привязалъ подъ наклономъ вѣтвей.
«Будь арфа, для милой,
Залогомъ прекрасныхъ минувшаго дней!
И сладкіе звуки
Любви не забудь;
Услада разлуки,
И вѣстникъ души неизмѣнныя будь!
Когда-же мой юный,
Убитый печалію цвѣтъ опадетъ,
О вѣрныя струны!
Въ васъ съ прежней любовью душа перейдетъ!
Какъ прежде взыграетъ
Веселіе въ васъ,
И другъ мой узнаетъ
Привычный, зовущій къ свиданію гласъ!
И думай, ихъ пѣнью
Внимая вечерней, Минвана, порой,

Digitized by Google

Что легкою пѣнью,
Все вѣрный, летаешь ты мой другъ надъ тобой!
Что прежнія муки,
Превратнаго страхъ,
И ужасъ разлуки,
Все, съ трепетной живнью, онъ бросилъ во прахъ!
Что жизнь переживши,
Любовь лишь одна не разсталась съ душой,
Что робко любившій,
Безъ робости любитъ — и болѣе той!

На утро, разгнѣванный отецъ осудилъ пѣвца на вѣчное изгнаніе. Минвана, въ урочный часъ, не перестаетъ ходить на мѣсто свиданья. Нѣтъ пѣвца. Молчитъ его арфа. Но въ одинъ вечеръ звуки раздаются въ ея струнахъ, какъ будто невидимая рука любви перебираетъ ихъ. «Его нѣтъ болѣе въ здѣшнемъ мірѣ!» Все угадано, все погибло, и — Минвана гибнетъ!

Съ тѣхъ поръ, унывая,
Минвана, лишь вечеръ, ходила на холмъ,
И, звукамъ внимая,
Мечтала о миломъ, о свѣтѣ другомъ,
Гдѣ жизнь безъ разлуки
Гдѣ все не на часъ,
И мнились ей звуки,
Какъ будто летящій отъ родины гласъ...

Еще прелестнѣе, еще задумчивѣе мысль *Узника*. Юноша заключенъ въ темницу; рядомъ съ его тюрьмою страдаетъ дѣва, безвѣстная ему, и только ея унылое пѣніе долетаетъ къ нему, въ его мрачную темницу. Ей суждена казнь, ему ос-

Digitized by Google

дана свобода. Мысль о ней, о мірѣ, гдѣ ударитъ для него часъ свиданья, взглядъ на далекую звѣздочку, какъ будто призракъ этого міра знакомаго — вотъ жизнь его — и смерть встрѣтилъ онъ, какъ радостнаго вѣстника счастія!

Переберите романсы и пѣсни, большею частію переведенные Жуковскимъ — одна и таже мысль, одна и таже мечта. Ихъ выражаютъ: *Тоска по миломъ*, *Мальвина*, *Цвѣтокъ*, *Пловецъ*, *Вѣрность до гроба*, *Голосъ съ того свѣта*, *Утѣшеніе въ слезахъ*, *Къ мѣсяцу*, *Весеннее чувство*, *Утѣшеніе*, *Сонъ*, *Счастіе во снѣ*, *Пѣвецъ*, пѣсни: *Счастливъ тотъ, кому забавы — О, милый другъ! теперь съ тобою радость — Отымаетъ наши радости — Минувшихъ дней очарованье — Надъ прозрачными водами.* Самый выборъ Балладъ не показываетъ-ли одного и того-же? *Людмила*, *Алина и Альсимъ*, *Пустынникъ*, *Рыцарь Тогенбургъ*, *Эльвина и Эдвинъ*, *Алонзо*, *Жалоба Цереры*, *Ленора*, *Кубокъ* — разныя варіяціи, изъ Бюргера, Монкрифа, Гольдсмита, Шиллера, все на одну тему—тоску любви, нѣжную радость, жертву любви, свиданіе за гробомъ! За тѣмъ остается у Жуковскаго весьма немного пьесъ исключительныхъ. Замѣтимъ, что большею частію сіи пьесы суть *слабѣйшія*; что и въ нихъ видѣнъ *общій отзывъ поэзіи Жуковскаго*: онъ выбираетъ изъ *Байрона* унылую элегію, изъ *Мура* пьесу, гдѣ описано стремленіе души отъ земли къ небу, изъ *Овидія* гибель вѣрной любви, изъ *Клопштока* раскаяніе ангела и тоску его по небѣ. Самый выборъ *Орлеанской дѣвы*, пьесы, гдѣ заключена мысль небе-

Digitized by Google

сильнаго вдохновенія, несчастной любви, и отверженія земли для неба — не подтверждаетъ-ли одной основной идеи поэта? Почему не взялъ онъ: *Гяура*, *Поклонниковъ огня*, *Вильгельма Телля*? Потому, что все это не родное душѣ его. И на томъ, что берешь Жуковскій, не отливается-ли одинако унылый, грустный отблескъ его поэзіи, если не въ духѣ, то въ выраженіи?

Этого до сихъ поръ, кажется, не замѣтили Русскіе Критики. Всѣ говорятъ что переводы Жуковскаго вѣрны и прекрасны. Мы согласны въ этомъ; но не ищите въ нихъ различія красокъ, разнообразія тоновъ — они *вѣрны сущностью*, но *не выраженіемъ*. Такъ переложенныя на арфу, самыя веселыя пѣсни Россини будутъ вѣрны подлиннику, его партитурамъ, но на нихъ будешь печать звуковъ арфы — унынie, тихость, грусть. Для убѣжденія въ этомъ, сличите *Орлеанскую дѣву*, и особенно *Шильонскаго узника*, съ подлинниками — совсѣмъ другой цвѣтъ, совсѣмъ другой отливъ, хотя сущность вѣрна! Байронъ — дикій, порывистый; вольный, eternal spirit of the chainless mind, дѣлается мрачнымъ, тихимъ, унылымъ пѣвцомъ въ переводѣ Жуковскаго.

Но, скажутъ намъ, Жуковскій былъ *торжественнымъ пѣвцомъ* 1812 года, и славныхъ побѣдъ Русскихъ. Такъ, но какимъ пѣвцомъ? Торжественнымъ? Но развѣ вы не читали Державина? Что-жь такое Жуковскій, Пѣвецъ въ станѣ Русскомъ, и вѣстникъ славы Россіи и Александра? Это грустный, унылый Бардъ, не съ гремящею лирою, но съ мелодическою арфою. Онъ участвуетъ въ общемъ ве-

Digitized by Google

сельи, готовъ пасть за отчизну въ битвѣ; но привычная дума всегда на челѣ его; она прорывается въ его пѣсняхъ, и умирая, онъ скажетъ: *любовь одно со славой!* Это лучшіе куплеты его *Пѣвца въ станѣ Русскихъ воиновъ*:

Кѣмъ мы дышали въ мірѣ семъ
Съ той нѣтъ и *тамъ* разлуки!
Туда душа перенесетъ
Любовь и образъ милой!
О други! смерть не все возметъ —
Есть жизнь и за могилой!

И когда-же было это писано? Въ виду пылающей Москвы, на бивакѣ, среди войны за отчизну и свободу! Въ *Пѣвцѣ на Кремлѣ* нѣтъ сего чувства, но за то этотъ Пѣвецъ холоденъ, до такой степени, что даже при появленіи своемъ онъ не произвелъ никакого впечатлѣнія.

Не будемъ перебирать вообще торжественныхъ, и на случай писанныхъ стиховъ Жуковскаго. Только тогда онъ оживаетъ въ нихъ, когда можетъ вмѣстить мечту свою о суетѣ міра, указать на лучшій міръ, сказать нравственный урокъ о небѣ, равно Царю и рабу. Кромѣ сихъ мѣстъ, почти все остальное, въ торжественныхъ и случайныхъ одахъ Жуковскаго, есть слабая сторона его поэзіи. Не будемъ говорить и объ его *описательныхъ* Посланіяхъ и пьесахъ. Кромѣ того, что этотъ родъ самъ по себѣ есть натянутое, жалкое состояніе Поэзіи, усиліе

Digitized by Google

ума, Жуковскій рѣшительно не на своемъ мѣстѣ въ этомъ родѣ. Что за картины Природы изображаетъ онъ? Это Природа мрачная, списанная ночью, при лунѣ, робко прорѣзывающей изрѣдка бурныя облака, и списанная при томъ съ кладбища. Въ *Славянкѣ*, въ *Отчетѣ о лунѣ*, въ посланіи *къ Воейкову*, въ посланіи *къ Батюшкову*, Жуковскій превосходенъ тогда только, когда увлекается своею задушевною идеею. Вполнѣ проникнутый привычною думою поэта, *Отчетъ о лунѣ* посему самому станетъ въ ряду лучшихъ твореній Жуковскаго, а равно, посему-же самому, и Элегія его на смерть Королевы Виртембергской.

При такомъ направленіи, поэзія Жуковскаго, какъ мы уже говорили выше сего, не могла быть народною: и *народности* не ищите у Жуковскаго. Онъ живетъ духомъ не на землѣ, и что ему въ положительныхъ земныхъ формахъ! Его образы мимолетныя тѣни, его думы идеи не-земныя. Назовите это *недостаткомъ*, но этотъ недостатокъ былъ общій наставникамъ Жуковскаго, пѣвцамъ Германіи, или, лучше сказать, Шиллеру, ибо въ Шиллерѣ образецъ Жуковскаго. Чего нѣтъ, того и искать не станемъ. Обратите лучше вниманіе на то, чѣмъ отличается Жуковскій отъ всѣхъ другихъ поэтовъ Русскихъ: это музыкальность стиха его, *пѣвкость*, такъ сказать — мелодическое выраженіе, сладкозвучіе. Не льзя назвать стиховъ Жуковскаго *гармоническими*: гармонія требуетъ диссонанса, противоположностей, фугъ поэтическихъ; ищите гармоніи Русскаго стиха у Пушкина: у него найдете булатный,

Digitized by Google

закаленный въ молніи стихъ, и кипящіе, какъ водопадъ горный, звуки; но не Жуковскаго это стихія. Его звуки мелодія, тихое роптаніе ручейка, легкое вѣянье зефира по струнамъ Эоловой арфы. Будучи въ этомъ самобытенъ, Жуковскій никогда не утомляетъ — нѣтъ! онъ очаровываетъ васъ, плѣняетъ дробимостью метра, мѣлкими трелями своихъ звуковъ. Для примѣра, укажемъ на пьесы: *Эолова арфа*, *Свѣтлана*, *Узникъ*, и лирическія мѣста въ *Орлеанской дѣвѣ*. Если не ошибаемся, Жуковскій первый употребилъ дактилическія окончанія въ Русскомъ стихѣ; гекзаметръ былъ для него тоже, не средствомъ избѣгнуть монотоніи шестистопнаго ямба, но музыкальнымъ новымъ аккордомъ; онъ употребилъ такимъ-же средствомъ пятистопный ямбическій стихъ, и потому-же писалъ онъ много пьесъ смѣшаннымъ четырехъ и трехъ-стопнымъ ямбомъ. Въ *Шильонскомъ узникѣ* онъ осмѣлился употребить сплошь рифмы мужескія, и умѣлъ не быть однообразнымъ и утомительнымъ. Въ *Замкѣ Смальгольмскомъ* употребленъ, черезъ стихъ, трехъ и четырехъ-стопный анапестъ, и въ нѣкоторыхъ стихахъ двойная рифма, на концѣ и въ срединѣ стиха:

Но желѣзный *шеломъ* былъ изсѣченъ *на немъ*...
Подпершися *мечемъ*, онъ стоялъ предъ *огнемъ*...

Всѣ сіи измѣненія метра показываютъ отличное знаніе Русскаго языка. Проза Жуковскаго подтверждаетъ это еще болѣе: она также музыкальна;

Digitized by Google

какъ и стихи его. Въ этомъ отношеніи, она станетъ, кажется намъ, выше прозы Карамзина. Мы разумѣемъ здѣсь прозу *Исторіи государства Россійскаго*, ибо, нѣтъ сомнѣнія, что никто уже не будетъ выдавать намъ за образецъ переводовъ, или прежнихъ сочиненій Карамзина, послѣ прозаическихъ сочиненій и переводовъ Жуковскаго. Жуковскій первый, кажется намъ, открылъ тайну разнообразить слогъ своихъ переводовъ, сообразно слогу подлинниковъ. Не оспориваемъ изящества и гармоніи слога *Исторіи государства Россійскаго*; должно однакожь согласиться, что слишкомъ уже примѣтно въ немъ желаніе гармоніи, видно усиліе Искуства, и это усиліе вводитъ Карамзина въ утомительное однообразіе: примѣнившись къ нему можете даже напередъ указывать на его паденія риторическія, бить тактъ при чтеніи, и подсказывать всѣ извѣстные обороты и фигуры его.

Къ сожалѣнію, Жуковскій весьма мало писалъ прозою, и мы можемъ указать только на три, или четыре небольшія пьесы его въ прозѣ оригинальной.

Касательно самаго содержанія прозы, должно признаться, что переводы и сочиненія Жуковскаго, кромѣ образцоваго языка, не представляютъ ничего значительнаго.

Въ юныхъ лѣтахъ своихъ, онъ перевелъ *Донъ-Кихота*, съ Флоріанова Французскаго перевода: это опытъ юности. Кромѣ сего, всѣ переводы Жуковскаго суть повѣсти и статьи, какія печаталъ онъ въ *Вѣстникѣ Европы*, когда издавалъ сей Журналъ;

Digitized by Google

въ нихъ найдемъ много милаго, и нѣсколько спашей (какъ-то: Письмо Ж. Ж. Руссо, Письма І. Миллера) никогда не потеряютъ своего достоинства; за то многое устарѣло уже для насъ, по идеѣ, по содержанію, по самому разсказу.

Въ прозаическихъ сочиненіяхъ Жуковскаго находимъ одно перло безцѣнное: это *Рафаэлева Мадонна*. Мысль поэтическая облечена здѣсь въ изящную простоту, и эта простота высказала ту прекрасную душу поэта, которая за двадцать лѣтъ прежде ошзывалась намъ въ посланіяхъ къ Филалету и Нинѣ. Жуковскій судитъ о произведеніи Рафаэля, какъ поэтъ, какъ человѣкъ съ душею и сердцемъ. Нѣтъ ни одного громкаго выраженія, ни одного ученаго термина; но можно-ли изобразить Рафаэля и его созданіе лучше, *желаннѣе* — какъ говорится по-Русски? Думаемъ, что не льзя. Каждый разъ, когда читаете это описаніе Жуковскаго — одна мысль: и на землѣ небо доступно человѣку. Духъ любви и мира свѣтитъ и здѣсь надъ головою человѣка!

Онъ лишь въ чистыя мгновенья
Бытія слетаетъ къ намъ,
И приноситъ откровенья
Благодатны сердцамъ;
Чтобъ о небѣ сердце знало
Въ темной области земной —
Лучшей жизни покрывало
Приподъемлетъ онъ порой!

Digitized by Google

А когда насъ оставляешь,
Въ даръ любви, у насъ въ виду,
Въ нашемъ небѣ зажигаешь
Онъ прощальную звѣзду!

Марьина роща, повѣсть *Русская*, написанная Жуковскимъ въ молодости, теряетъ всю цѣну по несообразности формъ. Жуковскій хотѣлъ, кажется, написать *нѣчто* такое, что Марьиной рощѣ придало-бы знаменитость *Лизина пруда*, и изобразилъ мечтательнаго трубадура въ Русскомъ пѣвцѣ небываалаго времени, написалъ нѣчто въ родѣ страшныхъ легендъ Нѣмецкихъ, Рыцарскаго времени. *Три сестры* — прелестный разсказъ о тихой мечтѣ добраго сердца. Двѣ пьесы: *Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ?* и *Писатель въ обществѣ*, могутъ быть драгоцѣнны намъ потому, что едва-ли не хотѣлъ въ нихъ сказать Жуковскій думаннаго имъ о своей будущности. Впрочемъ, мысль ни того ни другаго сочиненія не выдерживаетъ строгаго разбора: это милый сонъ, разсѣвающійся при первомъ появленіи дѣйствительности. — *Путешествіе по Саксонской Швейцаріи* есть сборъ краткихъ, дорожныхъ замѣчаній, гдѣ Авторъ не думалъ о слогѣ; тоже скажемъ объ *Отрывкѣ изъ письма о Швейцаріи*; но многія мѣста въ томъ и другомъ прекрасны, и силою слова, и поэзіею мысли: таково описаніе прогулки на Klein Winterberg, и замѣтки на Симплонской дорогѣ.

Наконецъ, въ сочиненіяхъ Жуковскаго находимъ три опыта критическіе: статьи — *О критикѣ*, *О*

Digitized by Google

баснѣ, и Баснях Крылова, О сатирѣ, и Сатирах Кантемира. Въ первой Жуковскій думалъ изобразишь идеалъ критика, и изобразилъ — портретъ добраго, умнаго, просвѣщеннаго человѣка, живущаго въ какой-то литературной Утопіи. Эту оптическую картину можно положительными примѣрами опровергнуть въ основаніи и подробностяхъ. Впрочемъ, касательно мнѣній Жуковскаго объ ученыхъ основаніяхъ Критики, должно замѣтишь, что они принадлежали къ тогдашней Французской школѣ Лагарпа и Баттё. Статья: *О баснѣ и Баснях Крылова* вовсе неудовлетворительна. Авторъ видитъ въ Поэзіи подражаніе Природѣ; нравиться воображенію, образуя разсудокъ и сердце — вотъ цѣль Поэзіи по мнѣнію Жуковскаго. Басня выходитъ у него легкій урокъ, облеченный красивымъ разсказомъ. Въ Крыловѣ видитъ Жуковскій искуснаго переводчика Лафонтеновыхъ Басенъ, и всю критику свою ограничиваетъ разборомъ нѣсколькихъ выраженій. Тоже находимъ въ статьѣ: *О сатирѣ, и Сатирах Кантемира.* Критикъ выписываетъ нѣсколько мѣстъ изъ Кантемировыхъ Сатиръ, и присоединяетъ къ нимъ разсужденіе, составленное изъ мнѣній Зульцера, Эшенбурга, Лагарпа. Не ищите тутъ, ни характеристики Кантемира, ни взгляда на то, когда онъ жилъ, ни на то, о чемъ онъ писалъ, ни теоріи Сатиры внѣ рамочекъ теоріи Лагарповой.

Здѣсь видимъ отличіе временности, наложенное на Жуковскаго: въ теоріи, въ ученомъ своемъ образованіи, онъ выражаетъ характеръ вѣка, изображенный нами выше сего (см. стр. 367): мы уже

Digitized by Google

сказали, что почти вся проза Жуковскаго относится къ его юности (вся рѣшительно, кромѣ *Рафаэлевой Мадонны*, *Отрывка изъ письма о Швейцаріи*, и *Путешествія по Саксонской Швейцаріи*). Можетъ быть, если-бы Жуковскій пошелъ иною литературною тропою, которую началъ онъ въ 1808 году, то онъ умѣлъ-бы не отстать отъ другихъ, перегнавшихъ его потомъ въ теоретическихъ идеяхъ и понятіяхъ. Но кто изъ насъ творитъ судьбу свою? Жуковскому суждена была *участь поэта* — онъ выполнилъ ее, и съ именемъ его всегда будетъ соединяться благодарное воспоминаніе соотечественниковъ.

Заключимъ нашу статью *библіографическимъ* извѣстіемъ. Въ изданномъ нынѣ собраніи *Баллядъ и повѣстей* Жуковскаго помѣщены, при *новыхъ* переводахъ (состоящихъ изъ 12-ти баллядъ и *трехъ* повѣстей) прежнія его Баллады и отрывки. Для имѣющихъ уже полное собраніе Сочиненій и Переводовъ Жуковскаго, всѣ новые переводы его отпечатаны отдѣльно, въ одинакій формать съ полнымъ изданіемъ его Сочиненій и Переводовъ. Такимъ образомъ составляютъ они 8-ю часть полнаго собранія: въ *трехъ* помѣщены *Стихотворенія*, въ *одной* всѣ *Сочиненія въ прозѣ*, въ *трехъ* всѣ *Переводы въ прозѣ*, и *въ одной* новыя *Баллады и повѣсти*.

Н. П.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская литтература.

—*Россійская Статистика*, Императорскаго Санктпетербургскаго Университета Заслуженнаго Профессора, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и Кавалера Е. Зябловскаго. 2 части. СПб. 1832. Въ ш. Медиц. Деп. Мин. Внутр. дѣлъ. 186 и 201 стр. in-8.

При множествѣ матеріяловъ, какими съ недавняго времени обогатилась наша Статистическая Литтература, надобно было ожидать систематическаго, хорошаго сочиненія по сей части. Оно явилось теперь: это *Россійская Статистика* Г-на Зябловскаго. Но прежде нежели будемъ говорить о сей книгѣ, замѣтимъ съ должною признательностію, что Правительство наше оказало въ послѣдніе годы просвѣщенную заботливость о Статистикѣ. Надъ всѣми трудами сего рода возвышается великій памятникъ законодательства Россійскаго: *Полное Собраніе Законовъ*, изданное повелѣніемъ Императора Николая, и тщаніемъ II-го Отдѣленія Собственной Его Канцеляріи. Жалѣемъ, что многочисленныя занятія не позволили намъ до сихъ поръ изложить достоинство, и показать всю

Digitized by Google

важность сего огромнаго Собранія. Здѣсь разумѣемъ мы не силу и смыслъ каждаго узаконенія, ибо разсужденіе объ оныхъ превыше возможности нашей, но важность правильнаго, систематическаго совокупленія всѣхъ узаконеній во едино. Гляди лишь съ сей точки зрѣнія, какое богатство, какіе матеріялы представляются Историку, Статистику, Юристу, въ упомянутомъ Собраніи! — Далѣе, чрезвычайно важны издаваемые отъ Министерства Финансовъ, отчеты почти всѣхъ Управленій сего важнаго государственнаго отдѣла, и Журналы, какъ Министерства Финансовъ, такъ и Внутреннихъ Дѣлъ. Вспомнимъ также о собираемыхъ повсюду свѣдѣніяхъ касательно городовъ, и о многихъ сочиненіяхъ, издаваемыхъ отъ частныхъ Управленій. Послѣ сего не въ правѣ жаловаться Статистики наши, что имъ не откуда брать матеріяловъ. Матеріялы есть: нужны только умъ и проницательность. Намъ скажутъ, что свѣдѣнія сіи бываютъ невѣрны. Но, спрашиваемъ: возможна-ли вѣрность въ какой-бы то ни было Статистикѣ, и особенно въ Статистикѣ государства столь сложнаго и обширнаго, какъ Россія? Можете быть увѣрены, что даже Князь Лихтенштейнъ, у котораго всѣ владѣнія занимаютъ $2\frac{1}{2}$ кв. мили, или Князь Липпе-Бюккебургъ-Шауэнбургъ, который владѣетъ 10-ю кв. милями, не могутъ имѣть дѣйствительно вѣрной Статистики. Сегодня сдѣлана перепись народа и богатствъ его, а завтра десять человѣкъ умерли, два обанкрутились и съ ними уничтожилось 5 фабрикъ, 2 купеческіе дома, учреждена новая коммисія; сверхъ того сгорѣлъ лѣсъ,

Digitized by Google

домъ, разрушилась церковь, прорвало мѣльницу... Вѣрна-ли будетъ вчерашняя Спаниспика? Невѣрна въ мѣлочахъ, но вѣрна въ основныхъ свѣдѣніяхъ, вѣрна, хотя приблизительно, однакожъ въ такой степени, что изъ хорошей Спаниспики вы получите свѣдѣніе не только о двухъ-мильномъ государствѣ, но и о Россіи, государствѣ, обнявшемъ шрп части свѣта на безпрерывномъ прошяженіи.

Сочиненіе Г-на Зябловскаго состоитъ изъ двухъ томовъ, которые заключаютъ въ себѣ слѣдующія, главныя отдѣленія: I-е, Земля (положеніе, величина, границы, раздѣленіе, естественное состояніе, число жителей, и проч.) II-е, Государственное постановленіе (законы, постановленія о разныхъ частяхъ и силахъ государственныхъ, и проч.) III-е, Народная промышленность, а) по царству прозябаемыхъ, в) по царству животному, с) по царству ископаемому; IV-е, Народная промышленность обработывающая (мануфактуры и фабрики); V-е, Народная промышленность промѣнивающая. VI-е, Хозяйственное состояніе; VII-е, Народная образованность.

Не всѣ части сей книги обработаны съ равнымъ успѣхомъ. Слабѣе всего Промышленность вообще, этотъ неуловимый Протей, неповинующійся вѣдомостямъ, составляемымъ Правительствомъ и *любителями* промышленности. Здѣсь можно открыть у Г-на Зябловскаго и неполноту, и ошибки, и даже сбивчивость въ раздѣленіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, раздѣливъ промышленность по царствамъ природы,

Digitized by Google

онъ отдѣльно описываетъ мануфактуры и фабрики. Но здѣсь такъ тѣсна и нераздѣлима связь промышленности, что повторенія и упущенія должны быть неизбѣжнымъ слѣдствіемъ граней, слишкомъ искусственныхъ. Впрочемъ, надобно замѣтить, что свѣдѣнія Автора достовѣрны *по возможности*. Онъ руководствовался Вѣдомостями Министерства Финансовъ и Министерства Внутреннихъ дѣлъ, тщательно сбирая всѣ новые извѣстія и виды. Напримѣръ, Отчетъ о Петербургской Выставкѣ, Журналы по части промышленности, Виды Торговли, и проч., не остались у него безъ пользы. По крайней мѣрѣ видна тщательность труда, новость свѣдѣній (важное дѣло въ Статистикѣ!), и простое изложеніе событій, безъ надутыхъ и пустыхъ умствованій, которыя смѣшны въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ Дюпеновъ, строящихъ системы *свои на* небываломъ.

Замѣчая нѣкоторые недостатки въ сей части, отдаемъ полную справедливость изложенію государственныхъ постановленій и законовъ. Это отдѣленіе изложено прекрасно. Тщательность, съ какою Авторъ пользовался свѣдѣніями, доказывается тѣмъ, что въ книгу его вошли всѣ новѣйшія важныя постановленія. Напримѣръ, сословіе Почетныхъ Гражданъ, установленное Манифестомъ отъ 10 Апрѣля 1832, и — еще болѣе — новая Медико-Хирургическая Академія, учрежденная въ Вильнѣ, на мѣсто прежняго Университета, Уставомъ отъ 31 Августа 1832 года, нашли мѣсто въ книгѣ Г-на Зябловскаго.

Digitized by Google

Въ Предисловіи своемъ Авторъ увѣдомляетъ, что книга сія есть сокращеніе лекцій его. Радуемся, что слушатели Г-на Зябловскаго имѣли руководителя столь опытнаго и трудолюбиваго.

— *Краткая Всеобщая Географія* Константина Арсеньева. *Седьмое изданіе, исправленное.* СПб. 1832. Въ т. Академіи Наукъ. V, 267 и XXXIV стр. in-8.

Не одинъ разъ имѣли мы случай говорить о сей книгѣ. Нынѣшнее *седьмое изданіе* оной даетъ намъ поводъ изложить нѣсколько размышленій.

Скажемъ откровенно и прежде всего: мы недовольны сею книгою. Она имѣетъ недостатки, общіе всѣмъ нашимъ Географіямъ, и частные, собственно ей принадлежащіе. Въ числѣ первыхъ, главнѣйшій есть неопредѣленность предмета науки, и происходящая отъ того сбивчивость. «Географія есть наука, показывающая *состояніе земли.*» Такъ опредѣляетъ Авторъ предметъ свой, и между тѣмъ менѣе всего говоритъ онъ о *землѣ.* Не отдѣливъ того, что собственно относится, что, такъ сказать, приковано къ землѣ, не отдѣливъ земнаго шара отъ предмета совершенно инаго, отъ произведеній и учрежденій человѣка, слѣдственно смѣшавъ Географію и Спаписпику, Авторъ впалъ въ общій недостатокъ нашихъ Географовъ: Спаписпика вытѣснила у него Географію, и превратила сію послѣднюю въ номенклатуру го-

Digitized by Google

сударствъ и народовъ. О недостаткахъ частныхъ говорить нечего: они принадлежность всѣхъ произведеній человѣческихъ. Впрочемъ, надобно замѣтить, что книга Г-на Арсеньева исправна, болѣе чѣмъ многія другія Географіи, изданныя на Русскомъ языкѣ.

Но неужели мы осуждены вѣчно смѣшивать Статистику съ Географіею, вѣчно называть Географію наукою и ошымать у нея достоинство науки? Статистика не наука: это сборъ свѣдѣній о предметахъ, безпрерывно измѣняющихся, подверженныхъ дѣйствію тысячи различныхъ посторонних силъ (что объяснили мы въ предыдущей статьѣ), и только для ясности приводимыхъ въ систему. Статистика даже не служитъ ни къ чему сама по себѣ, и только въ отношеніи къ наукамъ политическимъ занимаетъ мѣсто важное, необходимое. Послѣ сего, не льзя не удивляться упорству, съ какимъ продолжаютъ опутывать Географію Статистикою, и невниманію, съ какимъ включаютъ Статистику въ Географіи дѣтскія, первоначальныя. Скажите, ради истины: для чего ребенку упоминаніе о различныхъ образахъ правленія, о торговлѣ, о промышленности, и проч. и проч.? Можетъ-ли онъ понять всѣ сіи предметы? Достигнетъ-ли дѣтскій умъ для соображенія Статистическихъ свѣдѣній, ибо безъ соображенія они будутъ не только безполезны для него, но даже вредны, какъ всякое излишнее, безполезное обремененіе памяти? Свѣдѣнія Географическія, дѣло совсѣмъ иное. Земля кругообразна отъ временъ міро-

Digitized by Google

зданія, горы и рѣки ея не измѣнились со временъ незапамятныхъ, климаты и раздѣленія Географическія старѣются тысячелѣтіями, слѣдственно свѣдѣнія обо всемъ этомъ суть свѣдѣнія положительныя, и для сбереженія времени можно передавать ихъ памяти съ самыхъ юныхъ лѣтъ. И все это понятно для дѣтскаго ума, все это запасъ свѣдѣній на цѣлую жизнь. Такимъ образомъ, я понимаю цѣль, когда слышу ребенка, сказывающаго мнѣ истины Географическія; но, признаюсь, не могу безъ смѣха, безъ жалости слушать его пересказовъ Статистическихъ! Это попугай, это сорока, пересказывающіе мнѣ то, что надвердили имъ!

Посему, не одни требованія науки, но и требованія общественныя, и организація человѣческаго ума должны привести къ рѣшительному отдѣленію Статистики отъ Географіи. Употребленіе, давность, даже учрежденія учебныя не должны служить въ семъ случаѣ препятствіемъ. Все это не значитъ ничего передъ всесильными требованіями ума и общественныхъ нуждъ. *Географія* Г-на Арсеньева написана несообразно симъ требованіямъ; но мы ни мало не обвиняемъ его...

Передаемъ искреннее, доброжелательное мнѣніе наше тѣмъ, которые могутъ оцѣнить его, и, можетъ быть, употребить въ пользу.

Digitized by Google

— *Походныя и путевыя Записки, веденныя во время Польской Кампаніи въ 1831 году.* СПб. 1832. Въ т. Плюшара. 171 стр. in-8.

Не безпокойшесь видѣшь общей наклонносши времени въ эшихъ, шакъ названныхъ *Запискахъ*! Не думайше найдши въ нихъ горячей исповѣди человѣка, видѣвшаго много доспопамяшнаго, и желающаго подѣлишься своими впечашлѣніями, своею онышносшью, своимъ прошедшимъ съ нами, домосѣдами-наблюдашелями великихъ собышій. Вы прочишаеше и *походныя* и *путевыя Записки* неизвѣсшнаго Автора, и вѣрно спросише себя: для чего онѣ изданы въ свѣшъ?

Въ самомъ дѣлѣ: для чего изданы онѣ? Разсказы очевидца важны и любопышны только шогда, когда они ошкрываюшъ намъ чшо либо новое, незамѣченное Исшоріей, неизвѣсшное по оффиціяльнымъ донесеніямъ; они занимашельны и увлекашельны, когда разсказывающій очевидецъ собышій историческихъ оживилъ ихъ своимъ изложеніемъ, одушевилъ чувсшвомъ, сдѣлалъ насъ самихъ очевидцами шого, чшо онъ описываешъ. Конечно, не всякій обладаешъ даромъ изложенія, и пошому иногда можно проспишь блѣдносшь и неясносшь очерковъ, за важносшь происшесшвій. Но во всякомъ случаѣ необходимо сказашь чшо либо новое, бывшее неизвѣсшнымъ. Иначе, зачѣмъ шомишъ Авшоръ себя, и еще болѣе своихъ чишашелей повшореніемъ, пересказомъ шого, чшо извѣсшно всѣмъ и каждому? Какую пользу принесешъ намъ чшеніе книги его, ибо не должно забывашь, чшо въ сочиненіи не-поэшическомъ необходима польза?

Digitized by Google

Все это обращаемъ мы къ Автору *Походныхъ и путевыхъ Записокъ*. Ничего не можетъ быть скучнѣе, помышельнѣе этой книги! Ни одного замѣчанія, ни одного мнѣнія новаго нѣтъ въ ней! Читатель не узнаетъ изъ нея ничего о Польской кампаніи 1831 года, хотя Авторъ и поставилъ сіи слова въ заглавіи своей книги. Гораздо болѣе свѣдѣній можно получить изъ реляцій, писанныхъ въ пылу сраженій съ Поляками, и напечатанныхъ въ газетахъ. Читая *Походныя и путевыя Записки*, мнѣ приходило въ голову даже вотъ что: не мистификація-ли эта книга?... Въ самомъ дѣлѣ, стоило-ли совершать многотрудный походъ, подвергаться тысячу разъ опасности, быть очевидцемъ кровавыхъ битвъ и горестной картины военныхъ бѣдствій, чтобы послѣ сего написать такую безцвѣтицу? Авторъ ничего не видалъ, и ничего не чувствовалъ, кромѣ какихъ-то бивачныхъ восторговъ. Такъ судимъ мы прочитавъ книгу его, наполненную сухими выписками изъ реляцій, и водянистыми чувствованіями при взглядѣ на луну и на зелень, на колокольни и на бивачные огоньки. Онъ не проницалъ въ любопытную глубь событій, не отдалялся отъ своихъ выписокъ, и не существуетъ въ своей книгѣ. Это доказываетъ, что въ Авторѣ *Путевыхъ и походныхъ Записокъ* нѣтъ никакого дарованія Авторскаго; онъ взялся не за свое дѣло, и написалъ такую книгу, которая не стоила печатанія; не стоитъ и чтенія. Не мудрено сочинить что нибудь лучше ея о томъ-же предметѣ, не выходя изъ Петербургской квартиры. Замѣтимъ, что Авторъ излагаетъ свой маршрутъ, но не говоритъ

Digitized by Google

о себѣ болѣе ничего. Что было съ нимъ? Гдѣ было его мѣсто въ такомъ-то сраженіи? Кого изъ замѣчательныхъ людей видѣлъ онъ тамъ? Что слышалъ? Какъ представились ему и какое впечатлѣніе сдѣлали на него такое-то движеніе колоннъ, такая-то атака, и проч. Все подобное составляетъ необходимую принадлежность Записокъ, и даетъ имъ особенную прелесть. Лишивъ свою книгу сей принадлежности, Авторъ самовольно подвергся подозрѣнію, что книга его написана не *при свѣтѣ бивуачныхъ огней*, а въ кабинетѣ, при свѣтѣ восковыхъ свѣчъ. Мы готовы вѣрить, что это подозрѣніе несправедливо; но никто не разувѣритъ насъ въ томъ, что *Походныя и путевыя Записки* книга самая путевая.

— *О благоразуміи* — *О самоотверженіи* — *О человѣческой натурѣ* — *О человѣческой жизни* — *Объ употребленіи времени* — *Еще объ употребленіи времени*. Съ Англійскаго, изъ Аддисонова *Зрителя*. 6-ть отдѣльныхъ брошюрокъ. М. Въ Университ. т. 48 стр. in-8.

Переводить Аддисона въ наше время: довольно смѣлая и почти оригинальная мысль! Весь кругъ понятій общественныхъ перемѣнился съ того времени, когда писалъ Аддисонъ; сочиненія его принадлежатъ къ числу умершихъ, старинныхъ сочиненій; они почти неизвѣстны или забыты у насъ, и потому-то можетъ быть пользуются какою-то очарованною славою. «А!.. Это писатель необыкновенный!» скажутъ вамъ многіе, не читавшіе его. И мы очень рады, что неизвѣстный Переводчикъ

рѣшился снова познакомить нашу публику съ этимъ необыкновеннымъ писателемъ. Читайте и судите.

Аддисонъ родился въ 1672 году. По всегдашнему обычаю въ Англіи, онъ учился сперва дома, потомъ въ Университетѣ (Оксфордскомъ), писалъ стихи Латинскіе, напечатанные въ Musarum anglicarum analecta, и удивлялъ ими знатоковъ. Онъ готовился къ духовному званію. Но нѣкоторые милостивцы-аристократы дали ему случай получить большую пенсію, и юноша отправился путешествовать; онъ былъ долго во Франціи, потомъ въ Италіи, и наконецъ возвратился, когда пенсію прекратили. Вскорѣ однакожь онъ получилъ выгодное мѣсто съ огромнымъ жалованьемъ; ѣздилъ съ Лордомъ Галифаксомъ въ Ганноверъ, и съ Вице-Королемъ Ирландскимъ, Маркизомъ Вартономъ, въ Ирландію. Въ это время школьный другъ его, Стиль, началъ издавать сатирическій Журналъ The tatler (*Болтунъ*), который скоро былъ замѣненъ славнымъ *Зрителемъ* (The Spectator). И въ томъ, и въ другомъ, ревностнымъ помощникомъ Стиля былъ Аддисонъ. Тамъ помѣщалъ онъ картину современныхъ нравовъ, характеровъ, пороковъ, умѣлъ быть ксатати важнымъ и шутливымъ, осмѣивалъ глупости, смѣялся надъ слабостями, и не щадилъ порока. Въ этомъ показалъ онъ умъ и дарованіе современные, ибо для насъ не годится ни сатира, ни нравоученіе Аддисона. Онъ наблюдатель поверхностный и нравоучитель холодный. Успѣхъ его сочиненій можно объяснить только современностью картинъ, которыя цѣнили не за искусство, но за сходство съ оригиналами. Въ наше время видѣли мы

Digitized by Google

примѣръ подобнаго успѣха въ нравоописаніяхъ Жуи, котораго слава кончилась гораздо скорѣе Аддисоновой, потому что понятія и мысли нынѣ выраставютъ не по годамъ, а по часамъ. Совершенно прозаическій умъ показалъ Аддисонъ въ Трагедіи своей: *Катонъ*, которая была представлена въ 1713 году, 35 разъ сряду, и пользовалась долго великою славою. Причиной сего успѣха были политическіе намеки и отношенія Торисовъ съ Вигами. Это подвинуло Аддисона и на пути службы. Впослѣдствіи онъ занималъ мѣста довольно важныя и былъ даже Статсъ-Секретаремъ. Но неспособность говорить публично и неловкость въ защищеніи мѣръ Правительства, вскорѣ заставили его удалиться съ политическаго поприща. « Я не видывалъ человѣка столь застѣнчиваго и неловкаго ! » сказалъ о немъ Лордъ Честерфильдъ. Аддисонъ умеръ въ 1719-мъ году.

Не чувствуя въ себѣ Британской гордости, мы могли сказать о немъ свое мнѣніе безъ скрытности, которая любитъ иногда выставлять однѣ хорошія стороны писателя. Мы показали его слабыя стороны; надобно упомянуть и о томъ, что въ немъ неуязвимо, что хорошо всегда и во всякое время. Аддисонъ писатель не геніяльный, но всегда умный. Умъ его не блестящъ, не свѣтозаренъ; но наведенный на какую нибудь мелкую точку, онъ показываетъ ее исправно, разливая тихій, ровный свѣтъ. Пріятно бесѣдовать съ человѣкомъ умнымъ, какого-бы ни былъ онъ вѣка и народа. Самыя ошибки и недосмотры его поучительны. Посмотрите, напримѣръ, какъ путается Аддисонъ, слѣдуя въ сво-

Digitized by Google

ихъ умствованіяхъ Локку и Малебраншу, какъ худо понимаетъ все, чуждое его обычаямъ и повѣріямъ; но подивишесь и тому, какъ умѣетъ онъ умствовать столь опчетливо, въ веригахъ Англійской народности и повѣрій своего вѣка. Куда годились-бы шутъ мы, привыкшіе рѣять на всѣхъ парусахъ современной Философіи!

Другое достоинство Аддисона: изложеніе и слогъ, правильные, образцовые и черезъ сто лѣтъ. Англичане до сихъ поръ любуются его изложеніемъ и совѣтуютъ изучать слогъ его. Онъ писалъ много. Важнѣйшія изъ прозаическихъ сочиненій его суть: *Путешествіе по Италіи*, и статьи въ *Зрителѣ*. Мы не думаемъ, чтобы Русскій Переводчикъ передавалъ намъ прелесть изложенія Аддисонова, однакожь признаемъ переводъ изданныхъ донынѣ статей хорошимъ. Нѣтъ въ немъ той ловкости и мѣткости выраженій, которая отличаетъ подлинникъ, однакожь вездѣ соблюдена ясность и опчетливость. Выборъ статей кажется намъ не очень удачнымъ. Гораздо лучше было-бы переводить характеристики и описанія своевременныхъ недостатковъ и слабостей, которые преслѣдовалъ Аддисонъ. Не злое удовольствіе глядѣть на подобныя картины заставляетъ насъ желать, чтобы Переводчикъ обратилъ на нихъ вниманіе, но единственно то, что у Аддисона статьи въ этомъ родѣ лучше. Чтобы сказать все, замѣтимъ наконецъ, что издавать брошюрки въ 8 и 10 страницъ, кажется не должно. Онѣ разрозниваются и затериваются. Почему не напечатать цѣлую книгу, которая нашла-бы себѣ мѣсто во всѣхъ Русскихъ библіотекахъ?

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

— Sous les tilleuls (*Подъ липами*). Соч. Альфонса Карра (Karr). Парижъ, 1832. 2 ш. in-8. *второе изданіе.*

Есть книга: *Гузаратскія Султанши, или сны неспящихъ людей, Могольскія Сказки.* Чишали-ль вы эшу книгу, сочиненную на Французскомъ языкѣ какимъ-шо Гіольешомъ, переведенную на Русскій языкъ и напечашанную въ Москвѣ, Новиковымъ, въ 1780-хъ годахъ? Если не чишали — пошеря невелика, пошому чшо книга вздорная, и мы упомянули объ ней шолько для шого, чшобы напомнишь вамъ ея: *или*, вшорое названіе: *сны неспящихъ людей.* А напоминаемъ мы эшо названіе для шого, чшобы предложишь, вамъ вслѣдсшвіе, сего слѣдующее разсужденіе:

Всѣ необыкновенныя, ш. е. выходящія изъ обыкновенныхъ дѣйсшвій жизни, собышія, не сушь-ли *сны неспящихъ людей*? Къ обыкновеннымъ собышіямъ причислише: обѣдъ, ужинъ, одѣванье, маленькую любовь, женишьбу, выдачу за-мужъ, смершь, похороны, ученье, дождь, снѣгъ — все, чшо дѣлаешся всегда подъ луною, и шакъ обыкновенно, чшо ни-

кто не обращаетъ на это вниманія. Къ необыкновеннымъ отнесите: вдохновеніе поэта, явленіе генія, пожаръ, потопъ, бурю, безумную любовь, смерть, которая растерзываетъ живое, пережившее умершаго сердце, и проч. и проч., о чемъ даже совершенно посторонніе говорятъ долго, дня два, три, что и чуждые событію чувствуютъ. Скажите: все это странное, переходящее за условія жизни обыкновенной, не есть-ли *сонъ неспящаго*, бодрственный сомнамбулизмъ, о которомъ еще старикъ Эсхилъ говаривалъ: «Когда мы спимъ, умъ «нашъ бываетъ зрящимъ, когда мы просыпаемся, «онъ слѣпнетъ?»

Если такъ, то *сны неспящихъ людей* должны имѣть и всѣ качества настоящаго сна. Предѣлы и время исчезаютъ, давно умершее оживаетъ, настоящее кажется будущимъ, старое дѣтскимъ, и во снѣ мы летаемъ, умираемъ, знаемъ, чего не вѣдали, забываемъ, что знали, дитя ходитъ съ бородою, старикъ является спеленаннымъ, и мы ничему этому не дивимся. Не то-ли во снѣ неспящаго? Откуда являются обстоятельства, случаи, люди, страсти, слѣдствія, идеи, мысли, слова! Вся разница, что настоящій сонъ пролетаетъ съ неясною памятью, а память сна неспящихъ людей остается въ своихъ положительныхъ и отрицательныхъ слѣдствіяхъ. Безпорядки такого сна преходящи; слѣдствія, приведенныя временемъ въ порядокъ, безчисленны и негибнущи.

Digitized by Google

Какъ-же хотите вы, чтобы Французская современная Литература не походила на сны неспящихъ людей, если вы не забыли, какого сна, продолжавшагося столь много лѣтъ была она слѣдствіемъ, и какіе странные были многіе годы этого сна: иной былъ Пигмей, съ исполинскою головою; иной на человѣческомъ тѣлѣ носилъ тигровую голову; иной былъ съ сотнею рукъ и сотнею ногъ. Но — истощите все воображеніе Каллота, Брейгеля и Жоганно, и за всѣмъ тѣмъ не изобразите вы вполнѣ того, что грезилось Европѣ во снѣ съ 1789 года.

Все это отразилось во Французской Литературѣ нынѣшней. Любопытно, если приложить къ ней исторію того, что уже кончилось, любопытно-бы подумать: какой періодъ представляетъ теперь Литература Французская? По нашему мнѣнію — время *Терроризма*; и мы готовы указать въ нынѣшней Французской Литературѣ Марата, Дантона, Робеспьера, Пишегрю, Шарета, Журдана, Гоша, Клебера, Шарлотту Кордей. Можетъ быть, 9-е число литературнаго Термидора уже недалеко, и скоро наступитъ для нея періодъ Конвента....

До тѣхъ поръ — какая смѣсь новаго, стараго, извращеннаго, переломаннаго, какая жадность къ новымъ идеямъ, новымъ впечатлѣніямъ, какое стремленіе все схватить, обнять, какія странности во всемъ, начиная отъ смѣшенія всѣхъ родовъ, отъ вве-

Digitized by Google

денія всѣхъ страстей и отношеній въ литтературу, до самыхъ обвершокъ и названій книгъ! Обвертки нынѣшнія сами по себѣ стоятъ вниманія: это карикатуры, фантастическіе очерки, примѣры искусства рисовальнаго и гравировальнаго. Угодно-ли выслушать названія: *Sous les tilleuls* (Подъ липами)— Minuit et Midi (*Полночь и полдень*) — Les deux cadavres (*Два трупа*) — Les pourris (*Гніющіе*)... И повѣрите-ли вы, что все это *романы* — да романы: 1-й сочиненіе А. Карра, 2-й Г. Маршена, 3-й Фр. Сулье, 4-й Эд.. Бергуньу. Не дивитесь, ни названіямъ, ни тому, что это романы. Недавно прочитали мы романъ, подъ названіемъ: *Crac! Pchcht! Baounhd!!! he! he! he! ou le manteau d'un Sous-lieutenant* (*Трръ! Шшшъ!! Бухъ!!! ха! ха! ха!* или Плащъ Подпоручика)...

«Шалости!» скажете вы — «шалости, на которыя и смотрѣть нечего!» — Согласны; но для наблюдателя нѣтъ бездѣлицъ, и то, на чемъ помѣшался цѣлый народъ, стоитъ вниманія, какъ въ огромныхъ частяхъ своихъ, такъ и въ мѣлочахъ.

Такъ романъ Альфонса Карра молодаго, неизвѣстнаго донынѣ писателя, можно почесть самымъ рѣзкимъ изображеніемъ нынѣшней Французской Словесности. Прочитайте его, если хотите насладиться превосходными картинами; прочитайте, если онъ не выпадетъ у васъ изъ рукъ отъ омерзѣнія и негодованія, въ половинѣ вашего чтенія! Это не Гюго, не Жаненъ, не Виньи, не Баль-

Digitized by Google

закъ — но, вотъ что значитъ измѣненіе идей, и общее стремленіе къ совершенствованію, обширною теоріею и великими образцами: въ романѣ Карра есть такія мѣста, такія чувства, такія мысли, за которыя въ старое время прямо провели-бы его въ храмъ славы и безсмертія! Что-же вы думаете? Карръ дорожитъ своимъ дарованіемъ, умѣньемъ — или какъ хотите назовите то, что составляетъ прелесть его романа? Нимало! Съ холоднымъ безчувствіемъ, съ явнымъ намѣреніемъ, онъ вставляетъ въ романъ отвратительныя вещи, куритъ гадкій табакъ, сидя въ роскошномъ будуарѣ, и съ грязными ногами садится на шелковый, дорогой диванъ. Карръ находитъ на молодаго шалуна, одареннаго умомъ и воображеніемъ. Этотъ шалунъ на шумной вечеринкѣ, гдѣ собрались лучшіе, извѣстные поэты. Вино развеселило, уравняло ихъ всѣхъ; дружескія, вольныя признанія и разговоры мѣшаются съ чудными искрами ума и поэзіи. Читаютъ, сочиняютъ стихи, разсказываютъ анекдоты, хохочутъ. Молодой шалунъ не отстаетъ отъ другихъ; но ему еще нечего разсказывать, и онъ лжетъ, клевещетъ, взводитъ на себя небылицы, нелѣпости. Незнакомый еще съ глубокими, сильными страстями, онъ старается угадывать ихъ, фантазируетъ, впадаетъ въ крайности: вотъ романъ Карра!

Молодой, пылкій юноша, Стеффенъ, богато одаренный умомъ и сердцемъ, впадаетъ во всѣ мечты юности. Переселенный въ міръ идеаловъ, онъ узнаетъ Магделену, милую, добрую, простую дѣвушку,

Digitized by Google

съ *сердцемъ* и *душею*, какія обыкновенно у дѣвушекъ бываютъ. Магделена увлечена имъ въ фантастическій его міръ. Но Стеффенъ небогатъ, Магделена еще болѣе; Стеффенъ не ловокъ, странень. Отецъ принуждаетъ его жениться на богатой невѣстѣ, и выгоняетъ изъ дома за несогласіе. Между тѣмъ Магделена нечаянно попала въ блестящій кругъ свѣта; голова ея кружится отъ блеска, великолѣпія. Стеффенъ получаетъ небольшое наслѣдство, тихонько устроиваетъ маленькое хозяйство, и спѣшитъ къ Магделенѣ. Но — поздно: негодяй, другъ Стеффена, разбогатѣлъ въ это время, и Магделена отдаетъ ему руку. Едва совершилось это, Стеффенъ самъ дѣлается богачемъ, и переходитъ всѣ возможныя степени шалостей, развратa, буйства. Всего кажется еще ему мало: онъ жаждетъ мщенія. Мужъ Магделены раззоряется. Стеффенъ входитъ въ дружбу къ нему, и употребляетъ всѣ средства воспламенить прежнюю любовь къ себѣ Магделены. Онъ успѣваетъ въ этомъ, и въ то время, когда Стеффенъ кажется спасителемъ прежняго своего друга — является въ немъ неистовый мститель! Онъ убиваетъ мужа Магделены, спѣшитъ къ ней, обольщаетъ ее, и, едва она предается ему, со всѣмъ жаромъ преступной любви, едва забываетъ для него все — Стеффенъ позоритъ ее ругательствами, и оказываетъ къ ней совершенное презрѣніе. Лишенная чести, измученная страстью, несчастная Магделена удавилась. Стеффенъ чувствуетъ всю тяжесть бѣдствія, разрываетъ могилу Магделены, прощается съ полуизгниv-

Digitized by Google

шимъ ея трупомъ, дѣлается вторымъ отцомъ, благодѣтелемъ, наставникомъ малютки, сына ея, отказываетъ ему все свое имѣніе, и влачитъ жизнь въ отчаяніи, мучимый раскаяніемъ, любовью, памятью прежняго счастія, и послѣдовавшей за тѣмъ презрѣнной жизни своей.

Если мы прибавимъ, что все это нарочно перемѣшано съ высокими идеями, прелестными картинами, и съ самыми омерзительными описаніями, съ изображеніемъ грубаго сладострастія — скажите: не злоупотребленіе-ли это ума и сердца, подобное безпутству умнаго, милаго юноши, который нарочно хвастаетъ своими шалостями и ночными похожденіями? Разсматривая романъ Карра, скажите: не клевета-ли это на человѣка, подтвержденная ложною присягою, и подставными свидѣтелями? Да, человѣкъ ангелъ и животное, духъ и вещество, душа и тѣло; но Стеффенова исторія, не исторія человѣка, а описаніе уродства частнаго. Вы приведете меня въ больницу, гдѣ отвратительныя зрѣлища измучатъ меня; вы разроете мнѣ могилу, покажете полуистлѣвшій трупъ, и скажете: вотъ человѣкъ! Но *весь*-ли тутъ человѣкъ? Вы показали его мнѣ въ такомъ положеніи, которое подлежитъ изслѣдованію врача, физіолога, но не художника; а вы художникъ, М. Г., художникъ: понимаете-ли вы значеніе этого слова, и что къ чему оно обязываетъ? Къ тому, чтобы вы представляли мнѣ не трупы, и не обезображенныхъ только горячкою людей, а *человѣка*. Ни-

ншо не требуешь ошъ васъ *украшенной Природы*, какъ требовали Классики; но незаводите-же меня съ неба въ хлѣвъ, либо въ домъ развраша, либо на живодерню. И прошомъ, какими нашянушыми средствами, какими сложными рычагами обставили вы дѣйствіе своего созданія! Къ чему эшо насиліе воображенія, чшобъ шолько удивишь меня прошивоположносшями?...

Посмошрише на доказашельсшво, чшо Изящное вездѣ и всякій пойметъ и оцѣнишъ, а не Изящное всегда ошвергнешъ съ негодованіемъ. Написавъ свое мнѣніе о романѣ Г-на Карра, мы захошѣли узнашь, чшо говоряшъ объ немъ въ Парижѣ. Въ книжкѣ Revue des deux mondes, за Авгусшъ 1832 г, мы нашли слѣдующее: «Эшошъ романъ хошѣли сдѣлашь есшесшвеннымъ и исшиннымъ» — говоришъ Журналисшъ, изложивъ кращко содержаніе романа — «онъ шакъ и начашъ, и очень хорошо начашъ; но съ половины его, положенія, слогъ, характеры, все сшановишся преувеличеннымъ, изысканнымъ и ложнымъ. Жаль, чшо авшоръ испоршилъ эшимъ свое сочиненіе, кошорое могло-бъ бышь прекрасно. Таково, каково оно шеперь, оно заключаешъ въ себѣ превосходныя часши; нѣсколько сшраницъ въ немъ прогашельныхъ и сшрасшныхъ, и, безспорно, эшо начало обѣщаешъ намъ дарованіе, исполненное силы и самобышносши. Но если сочинишель хочешъ успѣха продолжишельнаго и полнаго, ему надобно осшерегашься излишнихъ похвалъ, кошорыя расшочаешъ передъ нимъ нескромное уди-

вленіе друзей его. Особенно надобно ему остерегаться той мысли, что первый опытъ, за одинъ махъ, поставилъ его выше Гёте, и что онъ создалъ уже нѣчто лучше Вертера.» —

Видно, что и въ Парижѣ бываетъ тоже самое, что въ Москвѣ и Петербургѣ... *Ужь эти мнѣ друзья, друзья!* — Въ доказательство того, какъ прекрасны многія мѣста въ романѣ Г-на Карра, выписываемъ здѣсь одну главу, составляющую почти отдѣльный эпизодъ. Такихъ главъ много найдутъ читатели, если только не бросятъ книги на половинѣ, а это сдѣлаютъ, конечно, девять изъ десяти.

— Берега жизни сперва бываютъ смѣющіеся, покрытые зеленью; воздухъ благоухаетъ, пташки поютъ въ прибрежномъ шальникѣ, и солнце, восходящее надъ деревьями, обѣщаетъ прекрасный день. Пока челнокъ вашъ скользитъ по водѣ, и вы, вѣря будущему, сѣтуете на его медленность, ваша душа, ваше тѣло, наслаждаются благоденствіемъ, заставляющимъ любить жизнь.

Но издали, тѣ кто уплылъ впередъ, кричатъ вамъ, и голосъ ихъ грустно разрушаетъ гармонію волнъ, плещущихъ на корни прибрежныхъ деревъ, и листочковъ, трепещущихъ отъ вѣтра: «Не пре-

Digitized by Google

давайся наслажденію, чарующему твои чувства — это обольщеніе, это фантасмагорія, и все это исчезнетъ!»

Да, для нихъ по берегамъ видна только завялая, поблекшая трава, старыя изсохшія сосны, и волны рѣки едва влекутся, и болота распространяютъ вредныя испаренія. Они хотѣли-бы плыть назадъ, но никакая сила человѣческая не можетъ этого сдѣлать; они думаютъ, что прелестные берега убѣжали, что эти берега перемѣнились— нѣтъ! они проплыли ихъ: берега остались для тѣхъ, кто плыветъ за ними, кто также проплываетъ ихъ. Жизнь дѣлится на климаты—надежду, наслажденіе, грусть; и теченіе волнъ необоримо влечетъ васъ черезъ сіи климаты, какъ-бы мощны вы ни были; вамъ должно пройдти тамъ, гдѣ прошли другіе. Вы хотите остановить взоръ вашъ на какомъ нибудь рѣдкомъ растеніи, подышать запахомъ чуднаго цвѣтка — нѣтъ! теченіе волнъ влечетъ васъ! Вы хотите до конца дослушать начатое птичкою пѣніе — нѣтъ! теченіе волнъ влечетъ васъ — плывите! наслажденіе остается — вы уплываете: прелесть растенія, благоуханіе цвѣтка, пѣніе птички — за вами есть другіе люди, которые на минуту насладятся всѣмъ этимъ, и, подобно вамъ, съ грустію, проплывутъ также мимо.

Сказавъ это, Стеффенъ остановился, и началъ грѣть руки передъ каминомъ.

— Видно — сказалъ одинъ изъ присутствующихъ, что сегодня вышли вы изъ дома лѣвою ногою,

Digitized by Google

или видѣли вòрона, когда передъ огонькомъ камина хотите опечалить насъ мыслями, цѣмъ болѣе грустными, чтo онѣ вѣрны.

« Нѣтъ ! » сказалъ Спеффенъ — улыбка мимолетная мелькнула на лицѣ его, какъ клочекъ облака на лѣтнемъ ясномъ небѣ — « я выѣхалъ на лошади, и встрѣтилъ хорошенькую дѣвушку съ ея любовникомъ, а это можно почесть такою-же хорошею встрѣчею, какъ встрѣчу съ парою голубковъ. Задумчивость моя происходитъ отъ того, что слышалъ я вчера вечеромъ.

Всѣ лица обратились, всѣ шеи протянулись къ Спеффену.

« Слышали-ль вы о смерти Беетховена? Онъ умеръ 26 Марта.

Облако унынія покрыло всѣхъ.

« Только одинъ разъ въ жизни чувствовалъ онъ блаженство, и это блаженство убило его.

Всю жизнь свою бѣдный, сокрытый въ уединеніе презрѣніемъ другихъ и своимъ характеромъ, отъ природы дикимъ, и еще болѣе растерзаннымъ несправедливостью, онъ создавалъ тамъ свою музыку, самую прекрасную, какую только способенъ человѣкъ создавать; чуднымъ этимъ языкомъ говорилъ онъ людямъ, не удостоивавшимъ слушать его — онъ говорилъ имъ, какъ говоритъ Природа въ небесной гармоніи вѣтра, воды, пѣнія птицъ:

Digitized by Google

Беетховенъ былъ истинный провѣщатель Природы, потому, что онъ одинъ говорилъ ея языкомъ.

И между тѣмъ дарованіе его было непонимаемо, до такой степени, что самъ онъ неоднажды сомнѣвался въ немъ — а для художника нѣтъ пытки страшнѣе — сомнѣнія въ своемъ дарованіи.

Даже Гайденъ говаривалъ о чемъ только — «Это искусный клавесинистъ.» — Не болѣе? Все равно сказать о Герико: «Онъ хорошо трешь свои краски» — Все равно сказать о Гёте: «Онъ знаешь правописаніе — у него красивый почеркъ!»

Былъ у него одинъ другъ — Гуммель; но бѣдность и несправедливость раздражали Беетховена, и дѣлали иногда его самого несправедливымъ. Онъ поссорился съ Гуммелемъ, и съ давняго времени они не видались болѣе. Къ довершенію несчастія, Беетховенъ совершенно оглохъ.

Тогда Беетховенъ удалился въ Баденъ, гдѣ жилъ въ грустномъ одиночествѣ, небольшою пенсіею, которой едва доставало на его нужды. Единственною отрадою его было — теряться въ прелестномъ лѣсу, близкомъ къ городу: тамъ, одинъ, преданный своему генію, создавалъ онъ блестящія симфоніи свои, оставлялъ душу свою возвышаться къ небу въ гармоническихъ звукахъ, и говорить съ духами свѣта языкомъ, слишкомъ изящнымъ для людей, не понимавшихъ его.

Digitized by Google

Но, когда онъ менѣе всего думалъ объ этомъ, письмо, полученное имъ, увлекло его невольно на землю, гдѣ ожидали его новыя скорби.

Племянникъ, котораго взялъ онъ на свою заботу, и къ которому былъ привязанъ даже тѣми благодѣяніями, какія успѣлъ оказать ему, пишетъ къ нему, что запутанный въ Вѣнѣ въ одно самое непріятное дѣло, онъ можетъ быть спасенъ только личнымъ его присутствіемъ.

Бетховенъ отправился въ Вѣну немедленно, и, сберегая деньги, часть дороги прошелъ пѣшкомъ. Въ одинъ вечеръ, остановился онъ передъ бѣднымъ, маленькимъ, старымъ домикомъ, и попросилъ гостепріимства. До Вѣны оставалось еще нѣсколько миль, а силъ недоставало у него продолжать путь свой въ этотъ вечеръ.

Его приняли ласково; онъ ознакомился съ обитателями домика, и потомъ сѣлъ передъ огонькомъ, на мѣсто главы семейства.

Когда собрали со стола, хозяинъ открылъ старый клавесинъ, и трое сыновей его взяли каждый музыкальные инструменты, висѣвшіе на стѣнѣ. Хозяйка и молодая дочь занимались между тѣмъ хозяйствомъ.

Отецъ подалъ знакъ, и съ тремя сыновьями своими началъ разыгрывать что-то, съ такою изящностію, съ такою врожденною склонностью къ музыкѣ, какою только Нѣмцы обладаютъ. Казалось,

Digitized by Google

что пьеса, которую играли они, чрезвычайно занимала ихъ, ибо они предались впечатлѣніямъ Музыки душею и тѣломъ. Мать и дочь оставили работы свои, и начали слушать. И на всѣхъ лицахъ этихъ добродушныхъ людей видно было сладостное сочувствіе — можно было замѣтить, что сердца ихъ были глубоко растроганы.

Только такимъ наблюденіемъ Беетховенъ могъ принять участіе въ томъ, что вокругъ него происходило, ибо не могъ онъ слышать ни одной ноты. Но разсматривая движенія игравшихъ, видя оживленныя ихъ физіогноміи, показывавшія, что музыканты эти глубоко чувствовали, что играютъ, Беетховенъ думалъ: какъ далеко превосходятъ эти природные художники Итальянскихъ музыкантовъ, автоматовъ музыкальныхъ, хорошо настроенныхъ.

Когда музыка кончилась, всѣ пожали другъ другу руки съ восторгомъ, какъ будто сообщая одинъ другому впечатлѣнія блаженства, ими чувствованнаго, и молодая дѣвушка со слезами бросилась въ объятія матери.

Потомъ, казалось, всѣ совѣтовались между собою — отецъ опять сѣлъ за клавесинъ, сыновья снова взяли свои инструменты, и опять началась музыка. На сей разъ восторгъ былъ совершенный; глаза игравшихъ были влажны и блистали.

— Друзья мои — сказалъ Беетховенъ — видите: я очень несчастливъ, и не могу имѣть участія въ

Digitized by Google

удовольствіи, которое вы испытываете. Страстно люблю я музыку, но, конечно, вы замѣтили — я глухъ, до такой степени, что не могу слышать ни одного звука.

Позвольте мнѣ посмотрѣть то музыкальное произведеніе, которое производитъ на васъ впечатлѣніе, столь живое и столь сладостное. —

Онъ взялъ ноты, и въ глазахъ у него потемнѣло, дыханіе сперлось у него въ груди. Онъ принужденъ былъ сѣсть, заплакалъ, и ноты выпали изъ рукъ его:

То, что играли гостепріимные его хозяева, что приводило ихъ въ такое восхищеніе — было *Аллегретто* Беетховеновой *Симфоніи* en la.

Все семейство столпилось вокругъ *гостя*, *знаками* изъявляя ему свое удивленіе и свое любопытство.

Нѣсколько минутъ еще, судорожныя рыданія препятствовали ему говорить. Потомъ онъ сказалъ имъ: Я Беетховенъ!

Тогда, въ почтительномъ молчаніи, всѣ преклонились передъ нимъ, и Беетховенъ протянулъ къ нимъ руки, и добрые люди жали, цѣловали руки его, понимая, что передъ ними находился великій, безсмертный человѣкъ.

И они смотрѣли на него, какъ будто стараясь всмотрѣться въ его черты, какъ будто ища въ

ихъ отпечатка его генія, и золотаго лучистаго вѣнца вокругъ его головы.

Бетховенъ прошянулъ къ нимъ опять свои руки, и всѣ обняли его, мать, отецъ, дочь и сыновья.

Потомъ вдругъ всталъ онъ, сѣлъ за клавесинъ, подалъ знакъ тремъ молодымъ людямъ взяться за ихъ инструменты, и самъ началъ играть свое чудное созданіе: онъ былъ весь душа, и — никогда музыка не была, ни столь прекрасна, ни такъ играна!

Когда они кончили, Бетховенъ остался за клавесиномъ, и импровизировалъ пѣсни блаженства, пѣсни благодарности Богу. . . Такихъ пѣсенъ не сочинялъ онъ никогда, во всю жизнь свою. . .

Часть ночи пролетѣла, пока онъ игралъ, и пока слушали его.

Это были послѣдніе его звуки.

Хозяинъ принудилъ его занять собственную свою постелю. Но Бетховенъ спалъ мало — лихорадка била его. Онъ всталъ, чувствовалъ необходимость прохлады, и босой вышелъ въ поле. Природа дышала тогда величественною гармоніею: вѣтеръ сильно шевелилъ вѣтви и листы, устремлялся по полю и по лѣсу, и завывалъ въ окрестностяхъ. Долго оставался въ полѣ Бетховенъ. Когда онъ возвратился, то чувствовалъ жестокій холодъ. Спѣшили въ Вѣну за лекаремъ. У Бетховена открылась водяная въ груди. Не смотря на всѣ ста-

Digitized by Google

ранія, черезъ два дня лекарь объявилъ, что Беетховенъ безнадеженъ.

И, дѣйствительно, каждое мгновеніе жизнь его улетала.

Когда онъ хрипѣлъ уже на своемъ смертномъ одрѣ, поспѣшно входитъ человѣкъ: это былъ Гуммель, Гуммель, его старый, единственный другъ. Онъ узналъ о болѣзни Беетховена, поспѣшилъ къ нему съ пособіями, съ деньгами — было уже поздно! Беетховенъ не говорилъ, и только взоромъ благодарности могъ онъ все сказать Гуммелю.

Гуммель наклонился къ нему, и посредствомъ слуховаго рожка, ибо Беетховенъ могъ при семъ пособіи слышать слова, громко произносимыя, говорилъ ему о прискорбіи, какое чувствуетъ, видя его въ семъ положеніи.

Беетховенъ, казалось, оживился; глаза его заблистали, и онъ сказалъ: «Не правда-ли, Гуммель: вѣдь у меня было дарованіе?»

Это были послѣднія слова его.— Глаза Беетховена остановились, ротъ раскрылся, и жизнь улетѣла. Его похоронили на Доблингскомъ кладбищѣ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

— *Изъясненіе картинки.* — Бахусъ или Вакхъ принадлежитъ къ числу самыхъ славныхъ созданій всемірной Миѳологіи. Греки почитали его сыномъ Юпитера и Семелы; для него установили они празднества—Вакханаліи, Діонисіи, вообще называемыя Оргіями — ему покланялись какъ Герою, побѣдителю, но всего болѣе какъ изобрѣтателю вина. Впрочемъ, за это не одни Греки кланяются ему. Богъ веселія часто заставляетъ и въ наше время ползать по землѣ. И въ наше время онъ властвуетъ едва-ли не цѣлымъ міромъ. Не мѣсто здѣсь разыскивать, какой таинственный символъ кроется подъ этимъ образомъ веселости, и потому не будемъ мы, по слѣдамъ Крейцеровъ и Гиньо, идти за Бахусомъ отъ ребра Юпитерова до современнаго Іоганнисберга. Наше дѣло объяснить картинку, которая передъ глазами читателя. Упомянувъ о главныхъ чертахъ Бахуса въ понятіи Древнихъ, скажемъ, что Греки не могли не сдѣлать изящнымъ и самого пьянства. Они воображали Бахуса прелестнымъ молодымъ мужчиною, на лицѣ котораго блистаетъ сверхъестественная радость. Такимъ видимъ мы его въ древнихъ статуяхъ: такимъ представилъ его и Гвидо Рени, одинъ изъ ве-

Digitized by Google

личайшихъ живописцевъ золотаго вѣка Живописи. Онъ вполнѣ слѣдовалъ древнимъ преданіямъ, изображая это прекрасное, но нѣсколько обезображенное лишнимъ весельемъ лицо. Нѣкоторые находятъ, что въ немъ не видно ничего божественнаго, ничего напоминающаго завоевателя Индіи; но эти люди забываютъ, что Бахусъ не былъ богомъ силы, и можетъ быть только смѣшеніе разныхъ символовъ заставило почитать его прошивоборцемъ Гигантовъ и завоевателемъ. Какъ богъ радости, веселія, Бахусъ вполнѣ передъ вами въ каршинѣ Гвидо Рени. Гораздо справедливѣе замѣчаютъ, что желая показать характеръ изображаемаго лица, художникъ обременилъ голову его огромною виноградною вѣтвію, которая кажется тяжелою. Другія принадлежности сей каршины отличаются истиной. Этотъ мальчикъ, съ кувшиномъ радующаго сока винограднаго, какъ хорошъ онъ! Голова его почитается у живописцевъ образцомъ красоты.

— Le Miroir, *Французская газета, издаваемая въ Петербургѣ.*—Почитаемъ не лишнимъ, обратить вниманіе читателей нашихъ на издаваемую въ Петербургѣ газету: Le Miroir (*Зеркало*). Сначала она являлась подъ заглавіемъ: Le Furet, и уже впослѣдствіи получила свое нынѣшнее заглавіе. Упоминаемъ о происхожденіи ея потому, что нѣкогда мы писали о Le Furet, но, къ сожалѣнію, послѣ не могли сказать о немъ ничего похвальнаго. Тѣмъ пріятнѣе намъ теперь видѣть улучшеніе этого не

Digitized by Google

безполезнаго изданія. Французскій Журналъ или газета, издаваемые въ Россіи, могутъ соединить въ себѣ двѣ выгоды, ибо имѣютъ двѣ публики и двѣ литературы. Это понялъ нынѣшній Издатель *Зеркала*, Г-нъ Плюшаръ, и надобно сказать, что онъ пользуется выгодой своего положенія очень хорошо. Газета его представляетъ чтеніе разнообразное, легкое. Въ составъ ея входитъ все, что можетъ занять вниманіе свѣтскаго человѣка. Читатели наши могутъ видѣть это изъ объявленія самого Г-на Плюшара, которое было приложено къ 19-й книжкѣ Телеграфа, отдѣльнымъ листочкомъ. Увѣряемъ читателей, что они дѣйствительно найдутъ въ газетѣ Г-на Плюшара все, чего можно ожидать по объявленію; увѣряемъ потому, что сами увѣрены въ этомъ.

— *О скорописаніи.* — Перебирая листки здѣшней Библіотеки, я нашелъ въ одномъ Журналѣ (*) слѣдующую статью: die Schreibkunst in ihrer höchsten Vereinfachung, dargestellt von Dr. Fr. Erdmann; то есть: *Искуство писать, доведенное до высочайшей степени простоты,* соч. Доктора Эрдмана. Сочинитель сей статьи увѣряетъ, что ему, съ помощію размышленія, наконецъ удалось довести искуство писать до возможной простоты, легкости, скорости, совершенства, и что эта счастливая мысль, не смотря на подобныя предпріятія Тайлора въ Англіи, Бертена во Франціи, Мозенгейля, Гарсшига и Тона въ Германіи—какъ новая въ семъ родѣ—исключительно принадлежитъ ему. Посему и говоритъ, что если въ

(*) Polytechnisch. Journ. Bd. XXI. Heft 3.

Digitized by Google

настоящее время его способъ писанія, по причинѣ предразсудковъ и привычки, не будетъ принятъ, то потомство вѣрно не преминетъ и въ письмѣ и въ печати воспользоваться столь удачнымъ изобрѣтеніемъ. Оно состоитъ въ слѣдующемъ:

Вмѣсто обыкновенныхъ буквъ Авторъ принимаетъ только два простѣйшіе знака, *точку* и *черту*. Первою означаетъ гласныя, послѣднею согласныя буквы. Сей новый алфавитъ пишется на двухъ линейкахъ. Точка, поставленная выше, ниже, между, и на самыхъ линейкахъ, представляетъ пять гласныхъ; тѣже мѣста занимаетъ и черта, но сія кромѣ того измѣняется въ направленіи, то есть проводится горизонтально, перпендикулярно, и косо, такъ что пятерное измѣненіе въ направленіи и пятерное мѣсто на линейкахъ, даютъ ей значеніе 25-ти согласныхъ буквъ. Въ семъ заключается почти вся новая выдумка.

Хотя не льзя отвергнуть, что симъ образомъ Авторъ даетъ буквамъ столь простое начертаніе, что простѣе не льзя вообразить, ибо точка и линія представляютъ послѣдній анализисъ всякаго геометрическаго протяженія, однакожь мнѣ кажется, что такое начертаніе буквъ, хотя само по себѣ объективно, и показываетъ удивительную простоту, но для введенія въ общее употребленіе не можетъ быть годнымъ. О семъ я думаю во-первыхъ потому, что новый способъ писать, не смотря на кажущуюся легкость, долженъ быть очень труденъ къ изученію, ибо при оном должно обращать вниманіе на два обстоятельства: на чувственное изо-

Digitized by Google

браженіе знака, и на пространство или мѣсто, гдѣ надлежитъ помѣститъ оный. Въ обыкновенномъ способѣ писать, ученикъ думаетъ только о первомъ обстоятельствѣ, а о мѣстѣ ни мало, ибо сіе всѣмъ буквамъ есть общее, то есть *просто впередъ;* въ новомъ способѣ, напрошивъ, привыкнувши къ фигурѣ знаковъ, онъ еще болѣе долженъ привыкать къ мѣсту оныхъ. — Сіе подаетъ случай замѣтить, что существенная разность между давноприняшымъ и новопредлагаемымъ способомъ писать состоитъ въ томъ, что значеніе буквъ, которое доселѣ опредѣлялось фигурою, Г-нъ Эрдманъ выдумалъ опредѣлять мѣстомъ (а отчасти и фигурою). Въ самомъ дѣлѣ, письмо въ томъ и другомъ случаѣ ни мало не измѣняется въ его сущности; измѣняются только условные его знаки, и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что, кромѣ новой азбуки Эрдмана, можно еще выдумать десять новыхъ, не менѣе простыхъ; такъ напр. одною простою перпендикулярною линіею можно изобразить всѣ буквы, смотря потому, какъ будетъ она длинна или коротка; или, условившись въ значеніи клавишей, я могу, касаясь оныхъ, объяснять предстоящимъ мои мысли; даже звономъ струнъ, хотя съ великою трудностію, но есть возможность того-же достигнуть; словомъ, если мы разсудимъ, что начертанія буквенныя суть представленіе мысли въ пространствѣ, то въ семъ послѣднемъ найдемъ довольно предметовъ, коимъ можемъ условно присвоить словесныя, а слѣдовательно и умственныя значенія.

Но главное дѣло состоитъ въ томъ: которыя изъ сихъ значеній удобнѣе къ изученію?? Думаю, что въ

Digitized by Google

этомъ отношеніи новый способъ Г-на Эрдмана, опредѣляющій значеніе буквъ мѣстомъ, никакъ не можетъ быть предпочтенъ старому, опредѣляющему фигурою, ибо все видимое въ пространствѣ легче замѣчаешь по фигурѣ, нежели по мѣсту, да и самое мѣсто иначе не можемъ мы опредѣлить, какъ только фигурою, ибо оно происходитъ отъ совокупности нѣсколькихъ фигуръ. Въ простой азбукѣ, дитя, замѣтивши фигуру буквы, удерживаетъ въ памяти съ оною условный звукъ. Въ новой азбукѣ, замѣтивши фигуру буквы, должно еще замѣтить мѣсто оной.—Хотя Г-нъ Эрдманъ и говоритъ, что его точки и черточки, какъ простѣйшія фигуры, дитя запомнитъ и научится писать легче нежели обыкновенныя буквы, состоящія изъ нѣсколькихъ кривыхъ линій, но въ его азбукѣ главное составляетъ не фигура буквъ, а ихъ мѣсто, *такъ что* трудность узнать послѣднее много превышаетъ легкое начертаніе какъ его, такъ и всѣхъ обыкновенныхъ буквъ. Въ простой азбукѣ 34 буквы, какъ созерцательныя познанія, легко замѣчаются зрѣніемъ; но точка или черточка, смотря по мѣсту показывающая различное значеніе, есть нѣкоторымъ образомъ отвлеченное познаніе, и я никогда не повѣрю, чтобъ ребенокъ симъ способомъ могъ скорѣе научиться читать и писать. Примѣръ сему можно нѣкоторымъ образомъ видѣть при ученіи нотъ, которыя хотя и скоро понимаются, но всегда медленнѣе азбуки выучиваются. Правда, что анализисъ голоса много труднѣе анализиса рѣченій, но я разумѣю первоначальное ученіе нотъ, съ которыми Эрдманова азбука очень сходна, и съ кото-

Digitized by Google

рыхъ, кажется, взята. Доказательствомъ легкости фигуральныхъ буквъ можетъ служить еще и то, что ученикъ въ скорое время научается писать разнохарактерныя буквы Русскаго, Французскаго и Нѣмецкаго языковъ, но въ музыкѣ, узнавши верхнія ноты, почти столько-же употребить должно вниманія на то, чтобы узнать басовыя ноты, единственно потому, что музыканты, какъ кажется, безъ всякой необходимости тѣмъ-же нотамъ въ басѣ приписали другія мѣста. Равнымъ образомъ одни и тѣже слова, чѣмъ болѣе имѣютъ значеній въ какомъ языкѣ, тѣмъ изученіе онаго бываетъ труднѣе, и на оборотъ, богатство языка въ словахъ не составляетъ еще трудности въ изученіи онаго, ибо сія происходитъ болѣе отъ особыхъ оборотовъ и идіотизмовъ.

И такъ я думаю, что нововыдуманное письмо, относительно удобности и скорости научиться оному, не имѣетъ выгодъ предъ старымъ, въ которомъ, какова-бы ни была архитектура буквъ, особливо уродливыхъ Нѣмецкихъ, но онѣ удобнѣе могутъ удерживаться въ памяти, какъ простыя созерцательныя познанія. Безспорно, что утвердительно объ этомъ говорить не льзя, какъ о вещи, собственною опытностію не узнанной, но весьма вѣроятно, что и Авторъ въ своемъ изобрѣтеніи не болѣе меня опытенъ.

Предположимъ однако съ Авторомъ, что новое письмо не имѣетъ упомянутыхъ трудностей; и тогда еще оно не будетъ имѣть тѣхъ выходъ, которыя онъ безъ всякой впрочемъ опытности при-

Digitized by Google

писалъ своему изобрѣтенію. Онъ говоритъ, что *новое письмо пріятнѣе для зрѣнія и менѣе утомительно для глазъ.* Не думаю, чтобы кто согласился на сіе, взглянувъ на приложенный въ Журналѣ рисунокъ, гдѣ безпрестанное однообразіе точекъ и безпорядочное направленіе линій вдоль, поперегъ и наискось, скучны и отягощаютъ зрѣніе, да и весь рисунокъ ни съ чѣмъ лучше сравнить не льзя, какъ съ загаженнымъ отъ мухъ листомъ. Если Авторъ жалуется на пестроту Нѣмецкаго шрифта, который дѣйствительно пестръ и утомителенъ, то думаю, полезнѣе-бы было, вмѣсто выдумыванія новой азбуки, посовѣтовать соотчичамъ своимъ оставить неоцѣненное сокровище—буквы древнихъ Вайдаловъ, и подражать въ простотѣ образованнѣйшимъ націямъ Европы.

Далѣе Авторъ говоритъ, что при новомъ способѣ писанія *рука не можетъ скоро устать, ибо менѣе движется, менѣе работаетъ.* Я-же, напротивъ, думаю, что тамъ рука скорѣе придетъ въ утомленіе, гдѣ она менѣе движется, ибо вообще извѣстно, что энергія мышцъ тѣмъ скорѣе ослабляется, чѣмъ менѣе мышцы приводятся въ движеніе, оставаясь напряженными. Отъ этого происходитъ, что стоять труднѣе, нежели идти, или, когда мотаешь нитки въ клубокъ, то не та рука скорѣе устаетъ, которая мотая дѣйствуетъ, но та, которая держа клубокъ остается въ напряженіи. Не знаю какъ у другихъ, но у меня при мѣлкомъ письмѣ рука устаетъ скорѣе, нежели при крупномъ: при первомъ мышцы бываютъ безсомнѣнно болѣе

Digitized by Google

напряженными, при послѣднемъ болѣе дѣйствующими. Впрочемъ, Авторъ самъ Докторъ; я только замѣчаю, что его положеніе противорѣчитъ Физіологіи.

Мой способъ писать, говоритъ Авторъ, *можетъ быть примѣненъ ко всѣмъ языкамъ, которые сходствуютъ съ Нѣмецкимъ.* Примѣненъ быть можетъ, это безспорно, но если въ одномъ безъ пользы, то и въ прочихъ тоже. *Легко можетъ быть и печатаемъ*, но въ наши времена умѣютъ не одни точки печатать. . .

Неоспоримая выгода новаго изобрѣтенія, что *буквы становятся въ меньшемъ пространствѣ*, или, просто сказать, меньше требуется бумаги на письмо или печатаніе. Но что пользы въ этой *выгодѣ?* Кто жаловался когда на толщину книги, если она содержитъ въ себѣ дѣльное? Желательно, чтобы лучше появился такой благодѣтель, который вмѣсто поправки азбуки, которая очень совершенна, умѣлъ-бы поправить ученыя головы, въ коихъ содержится много несовершеннаго!! Но доколѣ сего не случится, дотолѣ тщетно отъ поправленія азбуки ожидать въ людяхъ уменьшенія неистовой ревности по часту родитъ толстыя, но хворыя книги. Впрочемъ, стараніе Автора можетъ быть похвально, если онъ намѣренъ какъ нибудь сократить писаніе словъ отечественнаго языка, котораго рѣченія по истинѣ зѣло длинны, многи, лишни. Великолѣпныя существительныя на heit, keit, и другія патріархальныя, нововыкованныя, безъ нужды сложенныя слова съ праздношатающимися

Digitized by Google

частицами, часто умножаютъ рѣчь, не умножая мыслей; да и вообще, изъ числа извѣстныхъ намъ древнихъ и новыхъ языковъ, ни въ одномъ нѣтъ такого несовершенства и излишества словъ, какъ въ Нѣмецкой *прозѣ*, съ чѣмъ согласны лучшіе знатоки оной, которыми я теперь окруженъ. Но сему горю поможетъ-ли какая нибудь Стенографія? Она не въ состояніи прикрыть пороковъ, происходящихъ отъ корней языка, а болѣе отъ закоренѣлыхъ мучениковъ германизма, часто наводящихъ шму даже и на свѣтлыя истины.

Наконецъ, какъ главное достоинство новаго изобрѣтенія, Авторъ выставляетъ *возможность весьма скоро писать*, и считаетъ оное *за лучшую Тахиграфію*; о чемъ, впрочемъ, увѣряетъ онъ по теоріи. Я также по теоріи увѣряюсь въ *противномъ*, ибо если и предположить, что трудность, которую я показалъ при изученіи его способа, будетъ побѣждена, то едва-ли кромѣ того можно будетъ впослѣдствіи пріобрѣсть такую механическую скорость, съ какою мы теперь пишемъ. Зрѣніе должно быть въ безпрестанномъ напряженіи, и дѣятельность онаго должна быть выше человѣческой, чтобы въ самокрайчайшее время находить точныя мѣста для знаковъ. Человѣку не дано отъ природы бѣлкиной скорости; но и предположивъ, что сія чрезъ навыкъ пріобрѣтается, мышцы, при ускоренной дѣятельности, не всегда вѣрно повинуются волѣ, отъ чего при поспѣшности неизбѣжны ошибки въ ставкѣ точекъ не на своемъ мѣстѣ, а слѣдовательно и въ смыслѣ. Кромѣ того, въ новомъ пись-

Digitized by Google

нѣ не льзя связывать буквъ, что препятствуетъ всякой плавности пера: а это механическое обстоятельство есть первое условіе при скорописаніи, съ помощію котораго мы иногда, не смотря на бумагу, можемъ писать довольно правильно. Удивляюсь, что Авторъ Тахиграфіи ни малѣйшаго вниманія на сіе не обратилъ.—По той-же причинѣ, думаю, едва-ли можно ожидать какихъ нибудь выгодъ при скорописаніи отъ *Окіографіи*, изданной въ Парижѣ Г-мъ Бланкомъ въ 1808 году. Я сего сочиненія не видалъ, но знаю, что въ ономъ прежде Эрдмана предложенъ способъ писать буквальные знаки на линейкахъ.

Если впрочемъ и есть возможность довести скорописаніе до совершенства, то какая польза отъ этого искусства, и кому оно нужно? Не есть-ли это родъ прихоти, и при томъ не безопасной, когда люди начнутъ столь-же скоро писать, какъ говорятъ???—Здѣшніе Студенты весьма прилежно записываютъ лекціи, и, кажется, дорого-бы заплатили за искусство умѣть записать каждую лекцію слово въ слово. Но если-бъ этотъ народъ зналъ, что гораздо полезнѣе слышанное повѣрять головѣ, нежели бумагѣ, и съ помощію собственнаго смысла и лучшихъ сочиненій стараться отдалять фантазію и предразсудки, тогда не нашелъ-бы необходимости въ Тахиграфіи, и скоро пересталъ упорствовать въ своемъ заблужденіи.

И такъ не безъ причины можно надѣяться, что новое изобрѣтеніе Г-на Эрдмана, какъ труднѣйшее послѣ легчайшаго, не будетъ нигдѣ приведено въ

Digitized by Google

исполненіе обученіемъ оному юношества, и по-
сему принуждено будетъ со временемъ поступить
въ архивъ вѣчнаго забвенія; а фигуральныя буквы
какъ удобнѣйшія, перейдутъ въ позднѣйшее по-
томство, и изобрѣтеніе оныхъ будетъ навсегда
дѣлать честь разуму человѣческому.

Дерптъ.

Докторъ Г. Сокольскій.

Digitized by Google

Къ № 18 Моск. Телегр. 1832.

Пис. Бурнетъ. Гр. Аѳанасьевъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Къ № 20 Моск. Телег. 1832.

Пис. Гвидо Рени. Гр. Аѳанасьев.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

XLVII-й Части.

Будущая участь Словесности и Изящныхъ Искусствъ въ Германіи. Соч. Э. Кине..... 3
О Поэзіи древнихъ и новыхъ народовъ. Соч. Виктора Гюго..... 297,435
Объ Арзерумѣ, въ торговомъ отношеніи (*окончаніе*)..... 143

Разговоръ на Святкахъ. Соч. Н. П.....20,162
Отрывокъ изъ новаго романа: *Кощей безсмертный.* Соч. А. Вельтмана..... 332
Первое дѣйствіе изъ Шекспировой Трагедіи: *Король Лиръ.* Переводъ Г-на Вронченки..... 472

Письмо къ Автору книги: *О умственномъ воспитаніи дѣтскаго возраста.* Соч. Н. П..... 65
Сочиненія Державина (*окончаніе*). Соч. Н. П..... 213
Баллады и Повѣсти В. А. Жуковскаго. Двѣ части. Спб. 1831 г. Соч. Н. П.....354,524

Жизнь и подвиги Монтіона (*окончаніе*)..... 120
О памятникахъ Искусства, перевезенныхъ изъ Италіи въ Парижъ, во время Французской Революціи. Соч. Карла Дюпена..... 260
Замѣчанія о земледѣліи въ Камчаткѣ. Соч. Г-на Забѣлы..... 410

Современная Русская Библіографія.....91,245,382,549
Иностранная Литтература.....105,395,562
Русскій Театръ..... 274
Смѣсь.....135,290,424,579

Digitized by Google

КАМЕРЪ-ОБСКУРА КНИГЪ И ЛЮДЕЙ № 17,18,19,20.
Лондонъ, Парижъ и Эдимбургъ.....349,365
Царьградъ.....389,407
Парижскія моды.

При сей Части Телеграфа находятся: два очерка съ картинъ Бюрнепа и Гвидо Рени; Снимокъ страницы Служебника, напечатаннаго въ Венеціи, въ 1519 году; картинка дѣтскихъ модъ (взамѣну изображенія мебели); изображеніе мебели: Indispensable; шесть картинокъ Парижскихъ дамскихъ и мужскихъ модъ.

Digitized by Google